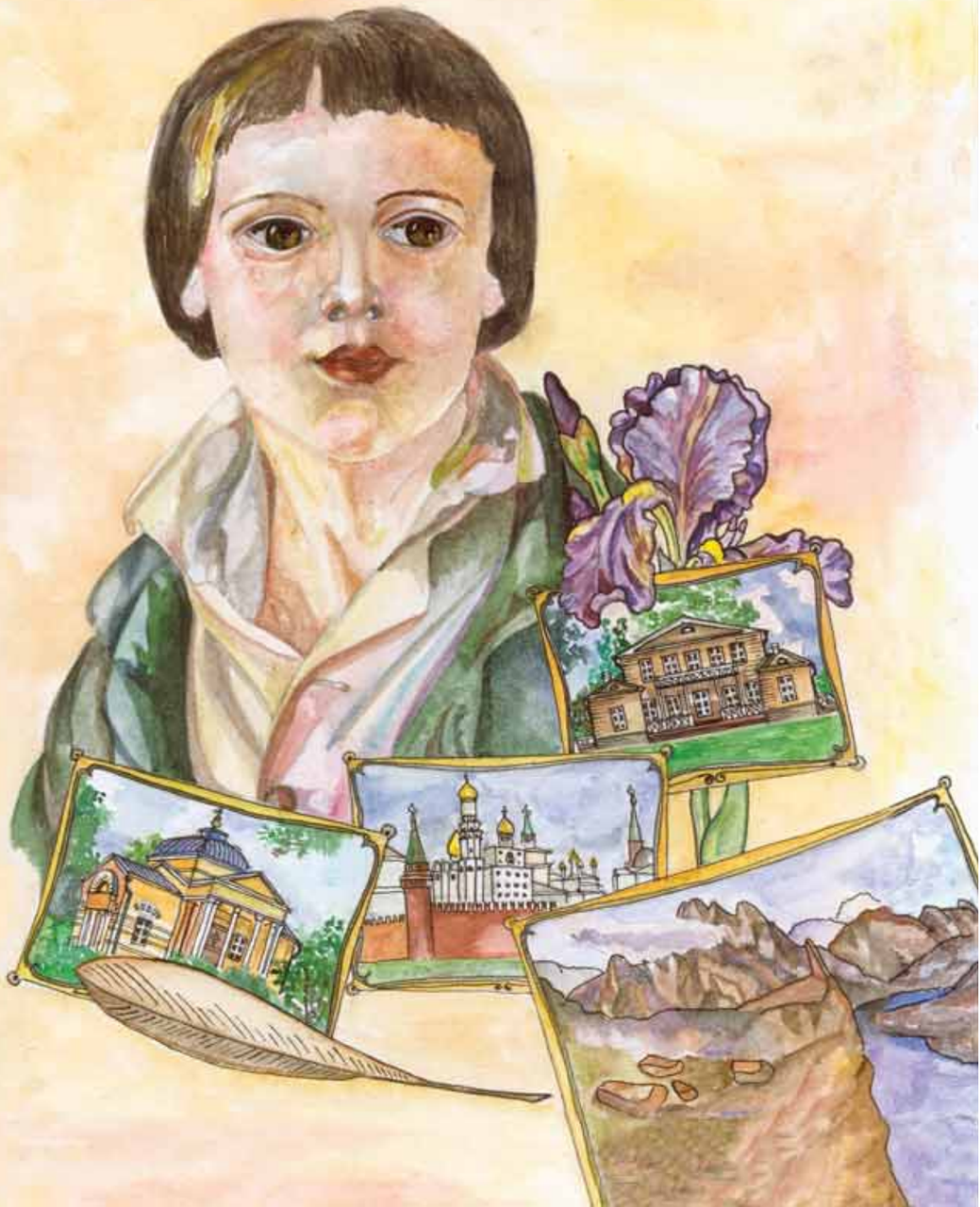
Елена Егорова Детство и отрочество Михаила Лермонтова

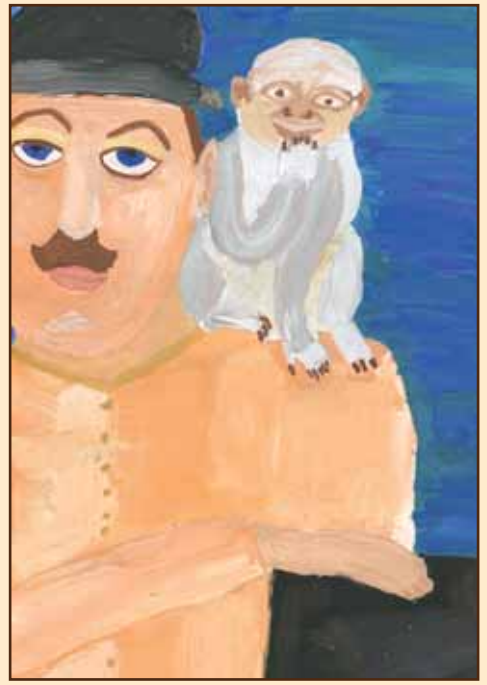
Елена Егорова

Детство и отрочество Михаила Лермонтова



Карпова Анастасия. 10 лет
Катание яиц на Пасху в Тарханах

Саватеева Дарья. 10 лет
Гадание на венках в Семик



Саватеева Дарья. 10 лет
Шарманщик с мартышкой в Нижнем Ломове

Бондарь Егор. 11 лет
Миша на коленях у отца

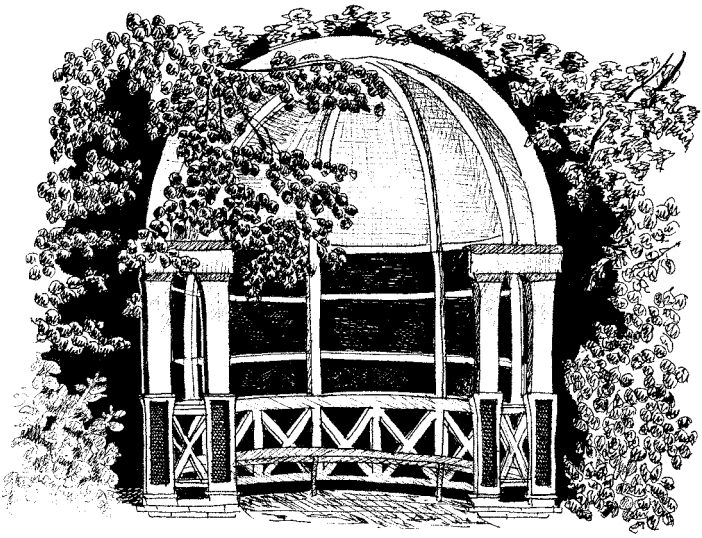
Анисковец Диана. 10 лет. На пути в Москву

Шелопина Полина. 9 лет. Верховая прогулка на Кавказе

К 200-летию со дня рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова

И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад...

Елена Егорова



Детство и отрочество Михаила Лермонтова

Рассказы для детей и взрослых

Москва
2014

УДК 82–32
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 30

Егорова Е.Н. Детство и отрочество Михаила Лермонтова. — Москва: Московский филиал МОО «Лермонтовское общество»; Дзержинский: БФ «Наш город», Литературное объединение «Угреша», 2014. — 288 с., илл., вкл.

Новая книга члена Союза писателей России Елены Николаевны Егоровой адресована детям от 10 лет и взрослым. Серия рассказов о детстве и отрочестве М.Ю. Лермонтова представляет собой уникальный опыт художественно–документального повествования, посвящённого жизни юного гения и его семьи в 1814–1828 годах.

В книге отражены практически все известные факты биографии Лермонтова и людей, окружавших его в детстве и отрочестве, особенности быта разных слоёв общества первой трети XIX века. Широко использованы фольклорные материалы, относящиеся к описываемой эпохе и местам детства великого поэта, воспоминания его современников, авторитетные гипотезы лермонтоведов. Художественный вымысел используется для «реконструкции» событий, сведения о которых неполны, отрывочны или спорны. В его основе лежит глубокое изучение произведений и писем М.Ю. Лермонтова, трудов лермонтоведов, включая научные публикации последних лет.

Автор выражает глубокую признательность председателю Московского филиала Межрегионального общественного объединения «Лермонтовское общество» А.А. Сахарову, старшему научному сотруднику Государственного литературного музея С.А. Бойко и старшему научному сотруднику отдела научно–исследовательской работы Государственного Лермонтовского музея–заповедника «Тарханы» Т.Н. Кольян за плодотворные консультации.

Книга проиллюстрирована рисунками юных художников из разных регионов России, победителей и лауреатов Всероссийского конкурса «Наш юный Лермонтов», проведённого в 2013 году Благотворительным фондом «Наш город», литературным объединением «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России, Московским филиалом МОО «Лермонтовское общество» при поддержке администрации г. Дзержинского Московской области и Государственного Лермонтовского музея–заповедника «Тарханы».

Ответственный редактор А.А. Сахаров.

Издание осуществлено в рамках благотворительного проекта «Наш юный Лермонтов».

Попечители: *БФ «Наш город», Конюшевский А.В. (ЗАО «Фора»), Жук В.П. (ООО «Торговый двор»), Чичин С.Л. (ООО «Серверк), Зимин А.В. (ООО «Спецтехсервис»), Лебедев Ю.А. (ООО «Неон»), Карпинский О.Ю. (ООО «Канпро»), НП «Бизнес–палата города Дзержинский», Ерастов Г.И. (ООО «Торговый Дом «Нефтьмагистраль»), Шувалов И.Е. (НП ЦСКП «Северо–Запад»), Макаров В.Л., Варшавский А.Е., Перминов С.Б., Житков В.А., Берёза Т.Н., Тютюрюков В.Н., Егорова Л.Б., Филатова И.В., Филатова П.С., Смоляк С.А., Мацура И.В., Зиновьева И.В., Ключникова Е.Ю.*

ISBN 978–5–9903866–6–2

© Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2014
© БФ «Наш город», 2014
© Литобъединение «Угреша» Московской областной организации СП России, 2014
© Московский филиал МОО «Лермонтовское общество», 2014

На пути в Москву

Утренний туман рассеялся, и ещё яркое августовское солнце стало понемногу пригревать. Елизавета Алексеевна Арсеньева, откинувшись на мягком переднем сиденье кареты, разомлела и погрузилась в глубокую дрёму. По сухой дороге экипаж катился плавно и неторопливо. Опытный кучер Ефим Шерабаев умело объезжал ухабы, чтобы ненароком не растрясти молодую барыню. Марья Михайловна Лермонтова была на восьмом месяце беременности, и Елизавета Алексеевна загодя везла слабую здоровьем дочь из пензенского имения Тарханы в Москву, чтобы при родах обеспечить ей помощь лучших докторов Первопрестольной. За каретой тянулся небольшой обоз с дворней и провизией. На самой удобной телеге ехали ключница Дарья Куртина, грамотная сметливая девка восемнадцати лет — любимица барыни, и две молодые крестьянки с младенцами, одна из которых должна стать кормилицей новорождённого барчонка.

Заметив, что мать задремала, Марья Михайловна, сидевшая с мужем напротив неё, поднесла палец к губам. Юрий Петрович Лермонтов понимающе кивнул. В тишине ехать куда приятнее, чем выслушивать бесконечные тёщины упрёки. Жена с интересом смотрела на проплывающие за окном лесистые подмосковные пейзажи, прислушивалась к песням жниц. В Тарханах хлеба уже убрали, а здесь страда в разгаре. Юрий Петрович невольно залюбовался юной супругой. Её тёмные локоны слегка выбились из–под шляпки и, казалось, сияли в лучах солнца, светившего в окно кареты. Машеньку он не просто любил — обожал. Впервые они встретились зимой 1812 года. Он тогда только что вышел в отставку с должности воспитателя 1–го Кадетского корпуса и приехал из Петербурга в своё тульское имение Кропотово, чтобы поправить дела в расстроенной родовой вотчине. А Маша гостила с матерью у его добрых знакомых Арсеньевых в Васильевском, имении её дяди Григория Васильевича, брата покойного отца.

Девушка с первого взгляда пленила сердце Юрия Петровича: большие выразительные карие глаза, ладная хрупкая фигурка, красивый задушевный голос, непринуждённость в общении на французском и русском языках, музыкальность и глубокая начитанность делали её неотразимой в глазах влюблённого. Хотя другие красавицей Марью Михайловну вовсе не считали, Лермонтову казалось, что никого краше неё он не встречал. Симпатичный молодой военный с изящными светскими манерами и добрым взглядом тоже произвёл на семнадцатилетнюю провинциальную барышню глубокое впечатление в Васильевском, а потом в Кропотове, куда она заезжала с Елизаветой Алексеевной к её давней приятельнице Анне Васильевне Лермонтовой, своей будущей свекрови. И весной 1812 года Марья Михайловна вернулась домой невестой, уговорив мать благословить брак с Юрием Петровичем. Однако Арсеньева сделала это только при условии, что дочь останется при ней в Тарханах, куда предстояло переехать зятю. Лермонтов уже не представлял своей жизни без любимой Машеньки и согласился. Тёща обещала доверить ему управление своим крупным в сравнении с Кропотовом имением.

Однако свадьба всё время откладывалась: сначала шёл Великий пост, потом Елизавета Алексеевна стала настаивать, чтобы венчание состоялось непременно в такой день, когда не совершается память какого–нибудь мученика: мол, молодые тогда будут жить хорошо, не мучаясь. Как нарочно, эти даты приходились на дни, в которые по церковным канонам венчания нет. Так дотянули до Петрова поста, а потом началась Отечественная война. Капитан в отставке Лермонтов служил батальонным начальником в наскоро сформированном егерском полку Тульского ополчения. Весной следующего года в тяжёлом походе он заболел и долго пролежал в госпитале в Витебске. Долгожданная свадьба снова отсрочилась.

Зимние месяцы, проведённые в Москве после венчания, стали для них очень счастливыми, но в Тарханах отношения с тёщей у Юрия Петровича не заладились. Обещание своё об управлении имением она не сдержала: всем там заведовала сама, а помогал ей крепостной управляющий Абрам Филиппович Соколов, мужик умный, опытный, грамотный и надёжный. Лермонтов оказался на третьих ролях и время от времени отлучался по неотложным делам в Кропотово. Арсеньева явно невзлюбила зятя, но за что, понять невозможно: он–то готов всей душой любить её как мать обожаемой им Машеньки. Может быть, рождение первенца изменит их отношения к лучшему?

Погрузившись в воспоминания и мысли о ближайшем будущем, Юрий Петрович не заметил лёгкого толчка: карета остановилась на почтовой станции. Очнулся он от яркого света, брызнувшего прямо в глаза: Ефим открыл дверцу экипажа. Елизавета Алексеевна заворчала на зятя:

— Станция уже, а ты всё спишь!

— Извините, замечтался, — вежливо ответил Лермонтов.

Он легко соскочил с подножки кареты и подал тёще руку. Та сошла с недовольным видом. Затем Юрий Петрович подхватил жену и осторожно поставил её рядом:

— Приехали, любовь моя. Пойдём прогуляемся перед обедом.

Тем временем к Елизавете Алексеевне бойко подскочила Дашка:

— Ой, барыня, помялись в дороге, — она заботливо поправила складки на юбке хозяйки. — И тросточку в карете забыли.

Ключница ловко достала трость и подала барыне. Та даже не поблагодарила, принимая такую услужливость как должное.

— Я пока обед закажу, а вы идите на прогулку, — наказала она зятю и дочери, будто не слышала слов Юрия Петровича, — маленькому свежий воздух нужен. Через полчаса возвращайтесь. Дашка, а ты отнесёшь горячего кормилицам, ну и сама с ними поешь.

Юрий Петрович вывел жену за станционные ворота. Они прошли мимо своего обоза, где дворовые обедали домашними припасами. Увидев Марью Михайловну, мужики и бабы заулыбались, стали её расспрашивать о самочувствии.

— Всё в порядке, — улыбнулась в ответ она.

Юрий Петрович повёл жену под руку по дорожке через ржаное поле к опушке ближайшего леска.

— Смотри, какие здесь перелески! — сказала Маша. — Вдали они синие, а поля золотые! Как красиво!

— Да, — согласился Юрий Петрович. — И в Кропотове такие же почти. А в Тарханах степи тоже по–своему хороши.

— Васильки тут крупнее наших.

— Потому что влаги больше. — Лермонтов остановился, чтобы набрать жене букетик, но успел сорвать лишь несколько цветков.

— Ой, Юра! — позвала его Маша. — Маленький толкается.

— Тоже размяться хочет, — Юрий Петрович нежно положил руку жене на живот, чтобы ощутить движение долгожданного дитя, — засиделся с тобой в карете. Если родится девочка, назовём её в честь тебя Машей.

— Может, Лизой — в честь маменьки?

— Нет, нет, только Марией. Это моё самое любимое имя.

— Ладно, — счастливо улыбнулась Марья Михайловна. — Но я чувствую, что родится непременно мальчик.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю, просто чувствую и всё.

— Тогда назовём его Петром. У нас в роду так заведено — первенцев поочерёдно называют то Юрием, то Петром.

— Петруша — это замечательно! И хорошо, что он родится в Москве. Помнишь, как мы были счастливы там зимой!

— Ни одной минуты забыть невозможно, любовь моя! Этот город священен для всякого русского. А мне он теперь особенно дорог, ведь в нём появилась на свет ты и в нём мы обвенчались. И стихи твои ко мне помню до слова.

Он начал проникновенно читать наизусть:

Писать в альбоме сём мне друг повелевает,
И волю тем спешу исполнить я его.
Нескладные стихи рука хоть начертает,
Но ты увидишь в нём глас сердца моего.

Марья Михайловна подхватила:

Люблю тебя, люблю — сам Бог мне в том свидетель!
Возможно ли твоих достоинств не ценить?
Любя тебя, мой друг, люблю я Добродетель.
Желание одно — тебе подобной быть!

— Прекрасно! — похвалил жену Юрий Петрович и поцеловал.

Заметив, что под ногами стало сыровато, — они уже шли лесной стёжкой — Лермонтов предостерёг:

— Машенька, не ходи–ка дальше. Здесь влажно, должен быть где–то ручей или родничок. Постой на тропинке, чтоб ножки не промочить. Я поищу.

Лермонтов подошёл к зарослям и раздвинул их:

— Точно! Гляди — родник бьёт.

— Как пить хочется!

— Подожди, сначала сам попробую, что за вода, — он зачерпнул пригоршню и отпил глоток. — Чистая и вкусная, только очень холодная. Тебе нельзя, а то простудишься. И без того часто болеешь горлом. Впрочем, нальём водички вот сюда, — продолжил он, видя огорчение жены. — Пусть немного согреется, тогда и попьёшь.

Лермонтов отстегнул от пояса серебряную фляжку, которую по военной привычке всегда носил с собой, вылил воду оттуда и наполнил из родника.

— Спасибо, Юра, в дороге с удовольствием попью.

— Пора возвращаться, — заторопился Юрий Петрович, взглянув на брегет. — Через четверть часа нас ждут на станции. А то обед остынет, и Елизавета Алексевна недовольны будут.

— Ничего, успеем, — беспечно ответила Маша. Ей очень хотелось подольше побыть наедине с мужем.

Обратно они пошли быстрее, но Лермонтов на ходу всё равно успел собрать жене букетик васильков. После обеда, не мешкая, тронулись в путь, миновали Люберцы, Подосинки, Жулебино, Выхино, Карачарово и к пяти часам пополудни подъехали к Москве. Раньше золочёные кресты на воротах Покровской заставы блестели на солнце и были заметны издалека. Но после пожара 1812 года позолота потускнела, и въезжающим показалось, что кресты на полосатых столбах возникли перед ними неожиданно. После проверки документов шлагбаум открыли. Карета и обоз покатились по Таганке, Нижней и Верхней Болвановкам, пересекли по мосту Яузу. Дальше путь пролегал по Яузской улице, Солянке, Большим Спасоглинищевскому и Златоустовскому переулкам. Наконец свернули на широкую Мясницкую улицу. Везде рядом с новыми особняками ещё виднелись поросшие бурьяном дворянские усадьбы, сгоревшие два года назад. Местами развалины были уже разобраны и вместо них стояли временные домики, сколоченные из уцелевших материалов: холопы стерегли барские владения. На других участках кипела работа: строения спешили покрыть и утеплить до холодов. Марья Михайловна, внимательно глядя в окно кареты, заметила:

— Посмотрите, маменька, сколько здесь новых домов. В эту зиму Москва будет краше, нежели в прошлую.

— Верно, доченька. Многие теперь отстраиваются. И не одни только дворяне. У тех, кого война разорила, толстосумы купцы

скупают землю. Однако ж в новых домах сыровато, и пока лучше в старом пожить. Для нас такой и нанят у Красных ворот.

— Машенька, да мы уж в Мясницком проезде, — поддержал разговор Юрий Петрович. — Видишь кресты Трёхсвятской церкви? Там и Красные ворота.

Карета подъехала к двухэтажному дому генерал–майора Фёдора Николаевича Толя. Владение состояло из небольшого садика и двух одинаковых флигелей с добротными толстыми стенами без всякой лепнины. Единственным украшением фасадов были неглубокие арки.

На этот раз Лермонтов проворно соскочил с подножки экипажа и со всей учтивостью помог сойти тёще. Та сразу направилась к гостеприимно распахнувшейся двери флигеля: экономка их давно ждала.

Осторожно поставив Марью Михайловну на мостовую, Юрий Петрович по–военному быстро огляделся. Напротив дома стояла нетронутая пожаром церковь Трёх Святителей. Её восьмерик, возведённый на основательном четверике, венчала внушительная глава. Рядом высилась стройная классическая колокольня. Неподалёку находилась Триумфальная арка, которую в народе за красоту называли Красными воротами. Лермонтов сказал жене:

— Чудесное место! Хорошо, что церковь рядом с домом уцелела.

Марья Михайловна перекрестилась на храм и тихо ответила:

— Да. В ней мы и окрестим нашего малыша. Он будет родовой москвич.

Рождение

Утром 2 октября 1814 года, в пятницу, набожная Елизавета Алексеевна, заказав в Трёхсвятской церкви молебен Пресвятой Богородице, поспешила домой: дочь была на сносях, живот у неё опустился — вот–вот родит. Доктора и акушерки не покидали их квартиру третий день. Арсеньева велела им заняться выбором кормилицы, а сама прилегла отдохнуть, наказав позвать её сразу, как начнутся роды.

Елизавета Алексеевна очень желала, чтобы родился внук, которого решила наречь в честь покойного супруга Михаила Васильевича. Традицию рода Лермонтовых она в расчёт не брала, будучи уверена, что покладистого зятя ей удастся уговорить. Мужа Арсеньева по–своему любила и до осени 1809 года считала себя счастливой женой и матерью. Единственную дочь Машу они оба воспитывали в согласии и любви. Михаил Васильевич был умён, образован, добр, благороден, сострадателен, домовит и деловит. Добавив свои деньги к приданому, он помог жене купить имение Тарханы в Чембарском уезде, которое продавалось недорого из–за случившегося там пожара. Усадьбу он перепланировал и расширил парк, где устроил всякие затеи и оранжерею.

Хозяйственная жилка была и у Елизаветы Алексеевны, урождённой Столыпиной, которая имение считала своим: её денег было при покупке вложили гораздо больше. Однако, составляя духовное завещание, она супруга не обделила, сделав его долю неприкосновенной. Но то ли Арсеньева слишком много занималась хозяйством, не уделяя мужу должного внимания, то ли Михаил Васильевич, раздражённый её меркантильностью, а порой и деспотичностью, начал охладевать к ней, но в конце 1809 года она стала ревниво примечать, что он заглядывается на красивую молодую соседку — княгиню Надежду Михайловну Мансыреву. Впрочем, серьёзных оснований подозревать его в измене Елизавета Алексеевна не имела. К тому времени Михаил Васильевич стал предводителем чембарского дворянства, все в округе его ценили и уважали.

1 января 1810 года в Тарханы были приглашены соседи и знакомые со всего уезда на домашний спектакль по трагедии Шекспира «Гамлет». Узнав, что Мансырева тоже приглашена, Арсеньева взревновала и потребовала у супруга отозвать приглашение. Тот наотрез оказался: мол, не принято такое среди честных дворян, а ему, уездному предводителю, и вовсе не к лицу. Жена настаивала, и они разругались перед самым спектак-

лем. Не считаясь с мнением мужа, она отправила к Мансыревой посыльного. Узнав, в чём дело, Надежда Михайловна осталась дома. А Михаил Васильевич, игравший в спектакле роль могильщика, нетерпеливо ждал её, время от времени выбегая на заснеженное крыльцо. Когда ему сказали, что жена посылала людей к княгине и та не приедет, он изменился в лице и ушёл в свою комнату. Отправленный за ним камердинер принёс страшную весть: «Барыня, барин яд приняли, кончаются». Арсеньева опрометью кинулась в комнату мужа и увидела его на полу уже бездыханным, с пеной изо рта. «Собачья смерть!» — с ужасом и горечью негромко сказала Елизавета Алексеевна, приказала остановить спектакль, объявить, что барин умер от удара, и готовить санный возок.

Расстроенные гости разъехались. Боясь травмировать слабую здоровьем Машу, она поспешила увезти её в Пензу к родным. Уже в пути, кутая в тёплую шубу всхлипывающую дочь, она засомневалась в причинах смерти супруга: откуда у него яд, убивающий в несколько минут? В доме такого не держали, разве что муж тайно достал где–то. Тогда он, выходит, заранее думал о самоубийстве? Невозможно поверить! Никакой хандры она у него не замечала. Её начала мучить совесть: может, Михаил Васильевич действительно умер от удара, расстроившись из–за Мансыревой? В душе Арсеньевой поднялась волна ненависти к сопернице и жалости к мужу, лежавшему на полу, как брошенная всеми отравленная собака.

В Пензе они остановились у сестры Натальи Алексеевны Столыпиной. Показав дочь доктору, Елизавета Алексеевна наедине расспросила его о возможных причинах смерти супруга. Тот подтвердил: при сильном ударе может пойти пена изо рта из–за отёка лёгких и умереть от этого возможно в несколько минут. Оставив Машу у родных в Пензе, Арсеньева поспешила домой, но на похороны уже не успела. Управляющий сообщил, что уездный врач не нашёл отравления, поэтому барина позволено было схоронить справа от алтаря Никольского храма в Тарханах. Каясь, она поставила на могиле мужа дорогое надгробие, словно так можно было искупить вину перед ним. Однако по селу и уезду ходили упорные слухи о самоубийстве тарханского барина и о том, что барыня, увидев его тело, якобы сказала: «Собаке собачья смерть!»

Всю свою любовь вдова перенесла на единственную дочь, переписала на неё завещание. С горечью думала Арсеньева о возможном замужестве Маши и расставании с ней. Однако когда Юрий

Петрович Лермонтов согласился на все условия тёщи и после свадьбы переехал в Тарханы, она приняла этот жертвенный шаг как само собой разумеющийся и невзлюбила зятя, не желая ни с кем делить любовь дочери. Внука Елизавета Алексеевна хотела назвать только в честь мужа. Да и день памяти Михаила Архангела скоро — через месяц. Будет у мальчика сильный небесный заступник.

Пока барыня отдыхала, московские доктора придирчиво осматривали двух кормящих крестьянок и их грудничков. И остановили свой выбор на 28–летней Лукерье Шубениной: здоровая, опрятная, аккуратная, лицом пригожая, молоко у неё хорошее, малышка ухоженная, да и трое её старших деток, оставшихся в селе, отличаются крепким здоровьем. Лукерья и обрадовалась своей новой миссии, и заволновалась: скоро родной дочке Танечке материнского молока не достанется.

Юрий Петрович первым узнал о выборе докторов и одобрил его. Он с утра не отходил от жены, которая почувствовала себя неважно и отказалась от обеда. Вдруг она вскрикнула — начались роды. Доктора отослали Лермонтова из комнаты роженицы. Он тут же сообщил волнительную весть тёще. Та проворно соскочила с кушетки и поспешила к дочери.

От сильного беспокойства за жену и ребёнка Юрий Петрович не находил себе места, метался по комнатам, молился, прислушивался ко всем звукам в доме, улавливая среди них приглушённые стенами крики Маши. Когда заблаговестили к всенощной, он вышел в церковь, снова и снова там горячо молился за роженицу и младенца: и трём святителям — Василию Великому, Иоанну Златоусту и Григорию Богослову, и Богородице, и Николаю Угоднику, и Пантелеимону Целителю… Когда протоиерей Николай Фёдоров, облачённый для богослужения, пошёл в алтарь, Юрий Петрович бросился к нему, умоляя сугубо помолиться за супругу и будущего наследника. Батюшка пообещал, уверяя, что всё будет хорошо. Долго на службе Юрий Петрович не простоял: вдруг испугался, что малютка появится на свет в его отсутствие, и заторопился домой. Слуги его успокоили, сообщив, что роды идут своим чередом.

Только в одиннадцатом часу Лермонтов, не раздеваясь, чутко задремал на диване. Потом вдруг вскочил, будто кто–то толкнул его в бок, и поспешил к комнате Марьи Михайловны. За несколько шагов до двери он услышал крик жены и следом тоненький плач младенца. «Родился!» — сердце Юрия Петровича затрепетало от радости, но постучать он долго не решался, боясь потрево-

жить жену и докторов. Наконец на его робкий стук дверь приоткрылась и Елизавета Алексеевна сообщила:

— Всё благополучно. Мальчик! Ты пока погоди. Надо его опрятать.

— Как Маша?

— Слава Богу! Позови Лукерью.

Дверь захлопнулась. Кормилицу впустили раньше него. Нетерпение и ликование смешались в душе Лермонтова. Время казалось растянутым до бесконечности. Но вот и его пригласили войти. Новоиспечённая бабушка бережно держала на руках плачущего новорождённого в кружевных пелёнках. Поздравив и поблагодарив жену, Юрий Петрович стал разглядывать сына на руках у тёщи, которая пока никому его не доверяла. Мальчик родился маленьким, с чёрными волосиками и необычной светлой прядью над лобиком. Его большие припухшие глазки были закрыты. Молодой отец заволновался, но акушерка ему объяснила, что это родовые отёки, они скоро спадут. Лермонтова попросили оставить комнату: роженица устала, ей надо отдохнуть, а малыша пора покормить. Поцеловав и ещё раз поблагодарив Машу, Юрий Петрович простился до утра. Часы пробили полночь. Он лёг в постель, но так и не смог заснуть.

Рано утром счастливый отец пошёл узнать о жене и сыне и встретился у дверей с тёщей:

— Мальчик грудь взял, — сказала та, предупреждая его вопрос. — Дочери дали немного снотворного. Ты её пока не тревожь. Пошли поговорим.

— Хорошо, — согласился Лермонтов, не подозревая, о чём пойдёт речь.

— Как ты думаешь назвать сына? — усевшись на диван в гостиной, спросила Елизавета Алексеевна.

— Вы же знаете, у нас в роду чередуются имена Юрий и Пётр.

— Стало быть, ты хочешь крестить мальчика Петром?

— Разумеется.

— А я предлагаю иначе, — сказала тёща тоном, не терпящим возражений. — Следует назвать ребёнка Михайлой в честь Архангела Михаила, имя коего носил мой муж Михайла Васильич, очень достойный человек. Будет хорошо, если внук вместе с именем унаследует его лучшие черты.

— Знаю, что ваш супруг был в высшей степени благороден. Жена рассказывала, как он помирил двух соседей и тем предотвратил полное разорение одного из них. Я слышал много доброго о нём в Тарханах и Чембаре. Но как же наша семейная традиция?

Она ведь ещё никогда не прерывалась. Я единственный сын у матери, и только мой ребёнок будет продолжателем нашей ветви рода Лермонтовых. Потому и настаиваю, чтоб мальчика назвали Петром, — Лермонтов старался сохранить внешнее спокойствие, но в душе уже кипел.

— А у нас в роду другие традиции. Внук у меня тоже пока один–единственный и будет мне особенно дорог, если окрестим его Михайлой. Кстати, и в твоём роду такое имя славится. Помнится, ты мне рассказывал о мичмане, который отличился в 12–м году при Бородине. Его вроде Михайлой зовут?

— Вы имеете в виду Михайлу Николаича Лермонтова?

— Да.

— Но он принадлежит совсем к другой ветви нашего рода.

— Разве это важно? К тому ж именины Петра только 1 июля, а именины Михаила — 8 ноября, гораздо ближе ко дню рождения. Мальчик у нас слабенький, ему нужен сильный небесный покровитель — Михаил Архангел. И я своей заботой внука не оставлю.

Юрий Петрович хотел было возразить, что апостол Пётр тоже сильный покровитель, но прикусил язык, поняв, что с тёщей спорить бесполезно.

— Ладно, будь по–вашему, — огорчённо ответил он, не смирившись в душе с навязанным ему решением.

— Я сама хочу внука крестить и в восприемники позвать Фому Васильича Хотяинцева. Он с моим мужем дружен был. Да ты его знаешь. Он у вас Кропотове и у нас в Васильевском бывает.

— Согласен. Фёдор Васильич — человек умный, добрый, надёжный и приятный во всех отношениях.

— Ну, стало быть, решено, — заключила довольная Елизавета Алексеевна и направилась к себе.

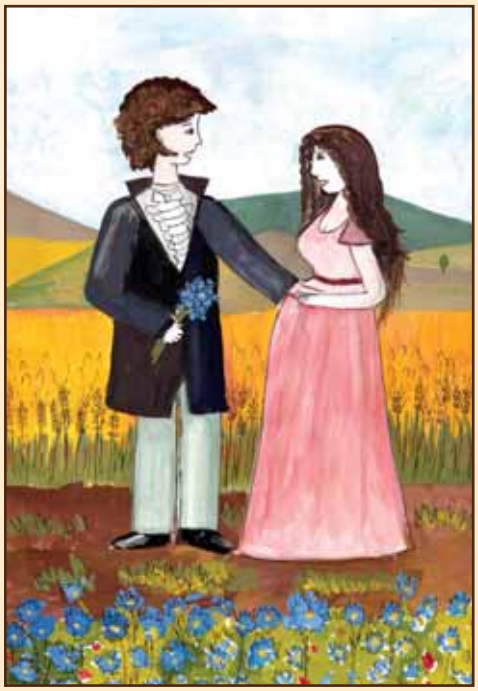
Без аппетита позавтракав, Юрий Петрович тихо вошёл в детскую. Кормилица заботливо качала спящих малышей — новорождённого и его трёхмесячную молочную сестрёнку Танечку.

Данилова Софья. 13 лет. На пути в Москву

Евдокимова Алёна. 14 лет. Цветы для любимой

Ковычева Анастасия. 14 лет. Марья Михайловна
и Юрий Петрович Лермонтовы на прогулке

Юмшанова Анна. 14 лет
Васильки для милой Машеньки



Летунова Надежда. 14 лет
В ожидании первенца

Габтунурова Гузель. 14 лет
Прогулка с любимой

Пигаева Варвара. 10 лет
Прогулка супругов Лермонтовых

Ткачёва Анастасия. 13 лет
Счастливое уединение

Реброва Оксана. 14 лет
Приезд в Тарханы

Царёва Мария. 18 лет
Материнские мечты у колыбели Мишеньки

Захарова Ксения. 13 лет
Рождение первенца

Евдокимова Алёна. 14 лет
Зимняя прогулка в парке с маленьким сыном

Ковычева Анастасия. 14 лет. Купание Мишеньки

— Можно я посмотрю на него? — спросил Лермонтов шёпотом.

— Глядите, барин, только не троньте, — чуть слышно ответила кормилица.

Скоро малыш завозился, закряхтел и заплакал. Лукерья ловкими движениями перепеленала его и, не переставая качать ногой люльку с дочкой, стала прикладывать мальчика к груди.

— Идите, барин, я мальца кормить буду, — стыдливо прошептала она.

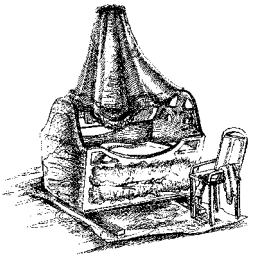
Лермонтов вышел, бесшумно закрыв дверь детской, устало присел в кресло в соседней комнате и сам незаметно уснул под любимую тарханскими крестьянками колыбельную «Про Тараса»:

А ты, дедушка Тарас,
Не доехал ты до нас.
Твоя сестра
Гусей пасла.
Чего выпасла?
Коня с седлом.
А где конь–то?
У ворот стоит.
А где ворота–то?
Водой снесло.
А где вода?
Быки выпили.
А где быки?
За гору ушли.
А где гора?
Черви выточили.
А где черви?
Гуси выклевали.
А где гуси?
В тростник ушли.
А где тростник?
Девки выломали.
А где девки?
За мужьёв пошли.
А где мужья?
На войну ушли.
А где война?
Посередь гумна.

11 октября мальчика окрестили в храме Трёх Святителей. «Крещается раб Божий Михаил во имя Отца и Сына и Святого Ду-

ха», — звучно произнёс протоиерей Николай, трижды опуская младенца в купель с освящённой тёплой водой. Расхныкавшийся было ребёнок успокоился. Батюшка передал его Елизавете Алексеевне, стоявшей наготове с развёрнутой тёплой пелёнкой. «Пусть Михаилом зовут, лишь бы умным, здоровым и благородным вырос», — мысленно смирился с именем Юрий Петрович, нежно любуясь сыном.

Когда Мишеньку принесли домой и распеленали, Марье Михайловне малыш в расшитой крестильной рубашечке и кружевном чепчике показался ангелком, сошедшим с небес. Она не могла наглядеться на него, безмятежно уснувшего в колыбельке после кормления, и мечтала о счастливом будущем для новорождённого сына, моля ангела–хранителя беречь его на жизненном пути.



Раннее детство в Тарханах

Зиму Лермонтовы и Арсеньева провели в Москве. Марья Михайловна поправилась после родов и даже выезжала в Благородное собрание, на званые вечера к родным. Мишенька тоже подрос и окреп. В начале марта ему исполнилось пять месяцев. Елизавета Алексеевна засобиралась в Тарханы, чтобы по санному пути поспеть домой к Пасхе, которая в 1814 году пришлась на 29 марта.

В село въехали после Вербного воскресенья. В дороге всё сложилось благополучно, тракт Пенза — Тамбов был хорошо накатан и не успел растаять. Полверсты, отделяющие село от тракта, крестьяне содержали всегда в порядке, ведь здесь немало тарханов, часто выезжающих по своим торговым делам. Самые удачливые из них могли бы по праву называться купцами, если бы не их крепостное положение.

Марья Михайловна, соскучившись по родным местам, радостно глядит на милые с детства пейзажи, на топящиеся по–чёрному бревенчатые избы, крытые соломой. Барщинные крестьяне хлопочут вокруг них. Мужики убирают дворы, проверяют и чинят плуги и бороны — весенний сев не за горами. Бабы и девки отмывают от сажи стены и окна, расчищают завалинки. Увидев барский поезд, все кланяются в пояс, мужики снимают шапки. Возок покатился по улице Бугор, тянущейся вдоль высокого берега Большого пруда, и скоро въехал в усадьбу. Вся дворня высыпала из людской встречать бар. Управляющий Абрам Соколов первым подбегает к возку, открывает дверцу, кланяется и подаёт руку барыне:

— Здравствуйте, матушка Лизавета Алексевна, заждались вас. Как сами? Как барчонок?

— Здравствуй, Абраша. Доехали, слава Богу, хорошо. Мишенька здоров.

— И у нас тут всё в порядке. Оброк собран, подати уплатили до копеечки, к Пасхе готовимся и к севу. В усадьбе прибрано, дом поправлен, комнаты протоплены — все двадцать. Пожалуйте.

— Спаси Господи, Абрам, хорошо служишь.

Арсеньева дала управляющему десятку и пошла в дом. Дашка за ней.

Тем временем Юрий Петрович ссадил с возка жену и кормилицу с сыном, укутанным в овчину поверх пухового одеяльца.

— Матушка! — бросился к Лукерье мальчик лет семи–восьми в валенках, овчинной шапке и подвязанном верёвкой тулупчике.

— Стёпка, погоди! — Иван, муж кормилицы, хотел удержать мальца, да куда там!

— Иди, иди, Луша, к мужу и сыну, я Мишеньку подержу, — ободрил кормилицу Лермонтов, — соскучилась, чай.

— Мы тебя до вечера домой отпустим сразу, как нашего малютку покормишь и уложишь. Повидаешься со своими детками, — обещала Марья Михайловна.

— Благодарствую, барин, благодарствую, барыня, — кормилица поклонилась и, расцеловав сына, поспешила вместе с ним к мужу.

В тот год ей редко удавалось побывать дома. За хозяйством и её детьми Стёпой, Парашей, Анютой и Танечкой присматривала сноха Анна Никитична, жена старшего мужнина брата Ефима. Всё время Лукерьи было занято заботами о маленьком барчонке. Она душевно привязалась к нему, как к родному ребёнку. Ухаживала, купала, кормила, забавляла Мишеньку, следила, чтоб не простудился ненароком. Когда он не спал, кормилица ворковала с ним, пела песни. Мальчик рано загулил, таращил большие карие глазки на игрушки–погремушки, хватал их ручонками. К полугоду он хорошо прибавил в весе, но как только ему начали давать прикорм, на щёчках, локотках и коленочках заалели золотушные пятна. Лукерья перевела его только на грудь, и золотуха на время отступила. Но как только снова давали прикорм, всё повторялось, и малыша опять и опять приходилось переводить на сугубо грудное кормление.

К году мальчик уверенно ползал, за ним нужен был глаз да глаз, чтоб не лез куда не следует. Однако ножки у него были некрепкие и при попытках встать подгибались. Кормилицу это очень огорчало. У своих детей она с таким не сталкивалась. Танечка без грудного молока росла слабее брата и сестёр, но в год с небольшим и она пошла. Лукерья тщательно растирала Мишины ножки мазями, прописанными докторами, делала назначенные упражнения, но ничего не помогало. Ребёнок хорошо ползал, но встать у него не получалось. Однажды мальчик расхныкался, и Лукерья сунула ему мелок, дабы отвлечь. Мише очень понравилось черкать им по сукну на столе, сидя на коленях у кормилицы. Тогда Елизавета Алексеевна распорядилась обтянуть сукном пол в детской, чтобы внук забавлялся с цветными мелками, сколько хочет.

Первые слова мальчик начал произносить в год, а к полутора уже говорил коротенькие фразы из двух–трёх слов, к радости кормилицы, бабушки и родителей. Лукерью он вначале называл ня-

ней, а потом начал выговаривать длинное для ребёнка слово «мамушка».

Ценя старание кормилицы, Елизавета Алексеевна осыпала её с семьёй милостями. Уже с весны она освободила Шубениных от барщины, оставив только подушную подать, прирезала им десятин двадцать земли, а к осени приказала выстроить новую избу–пятистенку, крытую тёсом. Правда, добавленный участок был неудобен для земледелия, однако трудолюбивые братья Шубенины устроили там сенокосы, разбили плодовый сад, а в низине при помощи односельчан выкопали пруд, который тарханцы прозвали Кормилицыным. Из него брали воду для полива и поили скотину не только хозяева, но и их соседи, в нём плавали гуси и утки ближайших крестьянских дворов.

Весной 1816 года, когда Миша подрос, Лермонтовы стали всё чаще отпускать кормилицу домой. Мальчик полюбил гулять в тарханском саду с родителями и, сидя на руках у отца, наблюдать за насекомыми, срывать и разглядывать листья и цветы.

Особенное удовольствие малышу доставляли качели на старом могучем вязе возле дома. Марья Михайловна сажала сынишку на колени и крепко держала, а Юрий Петрович их мерно раскачивал.

— Мишенька, тебе нравится?– спрашивала мать.

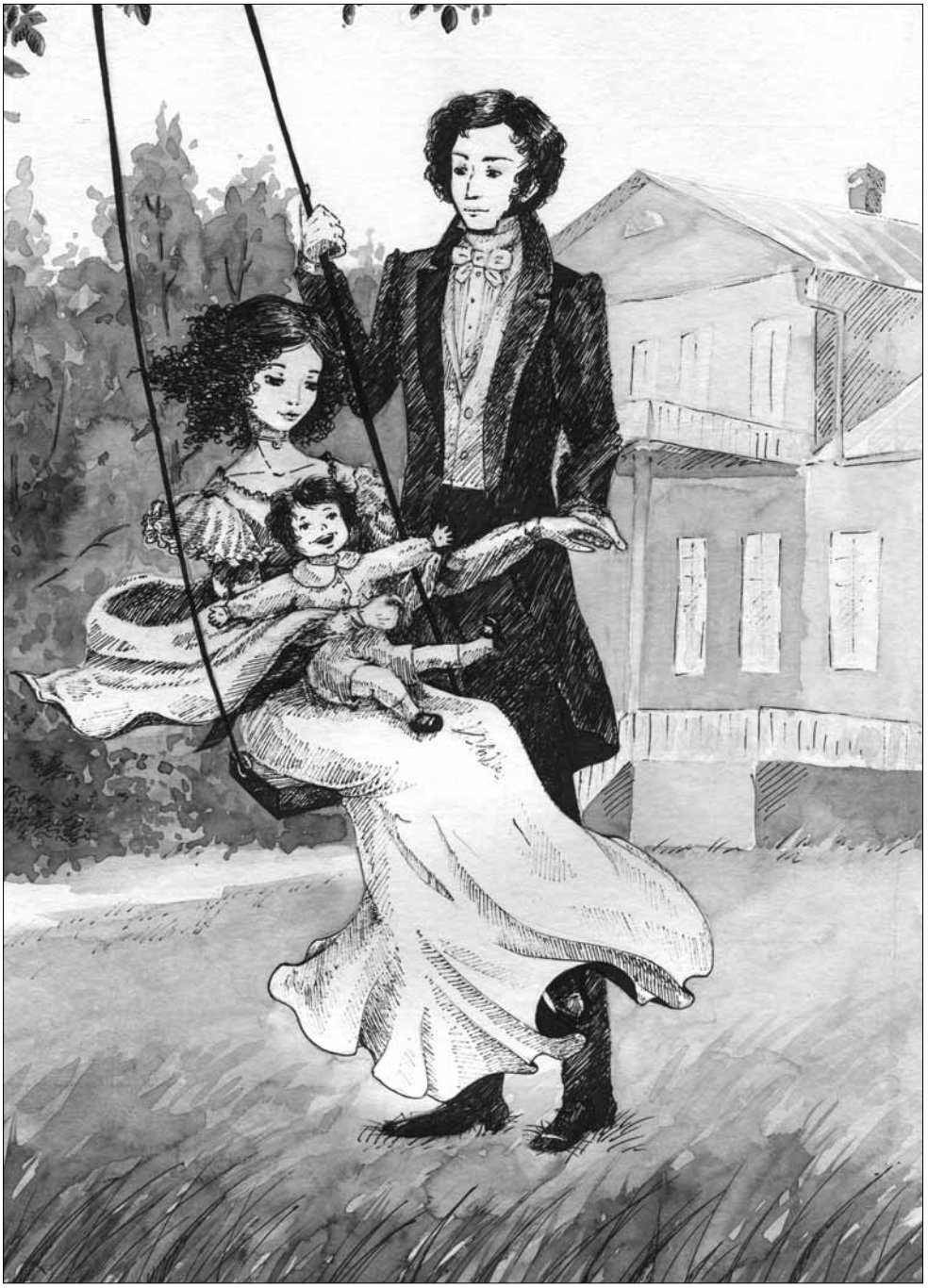
— Да! — громко выговаривал тот и заливался смехом.

— Будешь ещё качаться?

— Буду!

В августе 1816 года кормилица возвратилась в семью, но часто приходила к барам проведать своего любимца. О нём стали заботиться дядька Андрей Соколов и бонна Христина Осиповна Ремер, добродушная пожилая немка. Дворового Андрея и его родителей, Ивана Емельяновича и Улиту Фёдоровну, подарил Мише двоюродный дедушка Александр Васильевич Арсеньев.

Андрей — парень видный, умный, грамотный — приглянулся ключнице Дарье. Ей было уже 20 лет, но барыня не торопилась выдать её замуж. Елизавета Алексеевна привыкла к услужливой расторопной Дашке. Грамоте она была обучена не зря: бойко и с выражением читала хозяйке книги, а на сон грядущий — несколько страниц из молитвослова и Евангелия. Среди неграмотных дворовых и барщинных крестьян ключнице подходящего жениха не было, хотя многие парни на неё заглядывались: белолица, румяна, пышнотела, хоть и не красавица. Да и сама она от деревенщин нос воротила, а когда Андрей Соколов появился в имении, только вокруг него и вилась. Это не укрылось от вни-



мательной барыни. Накануне Успения она позвала ключницу к себе:

— Я тут тебе подарок к празднику приготовила, — Елизавета Алексеевна протянула Дарье яркий отрез на сарафан.

— Ой, благодарствую, барыня, какой красивый! — растроганно ответила та, целуя хозяйке руку.

— Ты, я вижу, на Андрея глаз положила?

— Да, — смущённо подтвердила Дарья и покраснела.

— Что ж, одобряю. У тебя губа не дура.

— Ой, благодарствую! — обрадовалась ключница и бухнулась на колени. — Благословите!

— Погоди ты, дурёха, рано покуда благословлять–то. Насильно мил не будешь. Добейся, чтобы Андрей сам к тебе свататься захотел, а я уж благословлю. На то и отрез для тебя припасла. Да смотри у меня не забалуй с ним!

— Спаси Господи, барыня. По гроб жизни не забуду ваших милостей, — снова растрогалась Дарья. — Не подумайте про меня чего плохого, я девица честная. Уж не забалую!

— Ну ладно, верю. Собирайся в церковь.

Елизавета Алексеевна была себе на уме. Она видела, что и Андрей с интересом поглядывает на соблазнительную ключницу, хотя жениться не спешит. Стоит намекнуть парню, он и посватается к Дашке. Но барыне хотелось, чтобы они пока послужили ей, не обременённые семейными заботами.

Андрей ходил за маленьким Мишей с большой любовью: гулял с ребёнком, пытался водить за две ручки, рисовал вместе с ним мелками по сукну, читал ему, катал на смирной кобылке и на качелях. Однажды в конце августа Миша, прогуливаясь вместе с дядькой и отцом у Большого пруда, увидел на другом берегу Марью Михайловну. Она шла по улице Бугор с дворовым мальчиком, несущим за ней корзину.

— К маме! Хочу к маме! — захныкал Миша на руках у Андрея.

Тот попытался его отвлечь, сорвав ветку клёна, но ребёнок продолжал хныкать и проситься к матери.

— Нельзя, сыночек, — спокойным и ласковым голосом сказал Юрий Петрович. — Там детки болеют. Мамочка пошла в село деток лечить. Мальчик в корзине лекарства несёт. Она за ними в Чембар в аптеку ездила и хочет помочь крестьянским деткам. Если мы к ней пойдём, ты заразишься и заболеешь. Тогда будешь горькие порошки пить.

— Не буду! — надул губки Миша.

— Гляди, цапли прилетели, сейчас лягушек ловить начнут, — наконец отвлёк его Андрей.

— Где? — заинтересовался малыш.

— Вон там.

— Бежим скоей.

— Только тише, не то спугнём, — и Андрей поспешил унести капризного воспитанника к цаплям, прилетевшим очень кстати.

Благодаря заботам Марьи Михайловны, почти все крестьянские детишки выздоровели от поветрия, но несколько малышей всё–таки умерло и среди них слабенькая Танечка Шубенина, молочная сестра Миши. На следующее утро после похорон младшей дочки кормилица пришла в барский дом проведать Мишеньку, но было слишком рано и мальчик ещё спал. Она села ждать в девичьей, стараясь никому не мешать, и вдруг расплакалась от горя. Елизавета Алексеевна, услышав всхлипывания, зашла и стала утешать кормилицу:

— Поплачь, поплачь, Луша, горе и выплачешь. Соболезную тебе. Упокой, Господи, ангельскую душку новопреставленного младенца Татианы, — она перекрестилась на иконы в красном углу. — Смириться надо. Бог дал, Бог взял, мы не вольны в жизни и смерти. Тебе грех жаловаться, другие детки у тебя крепкие, слава Богу.

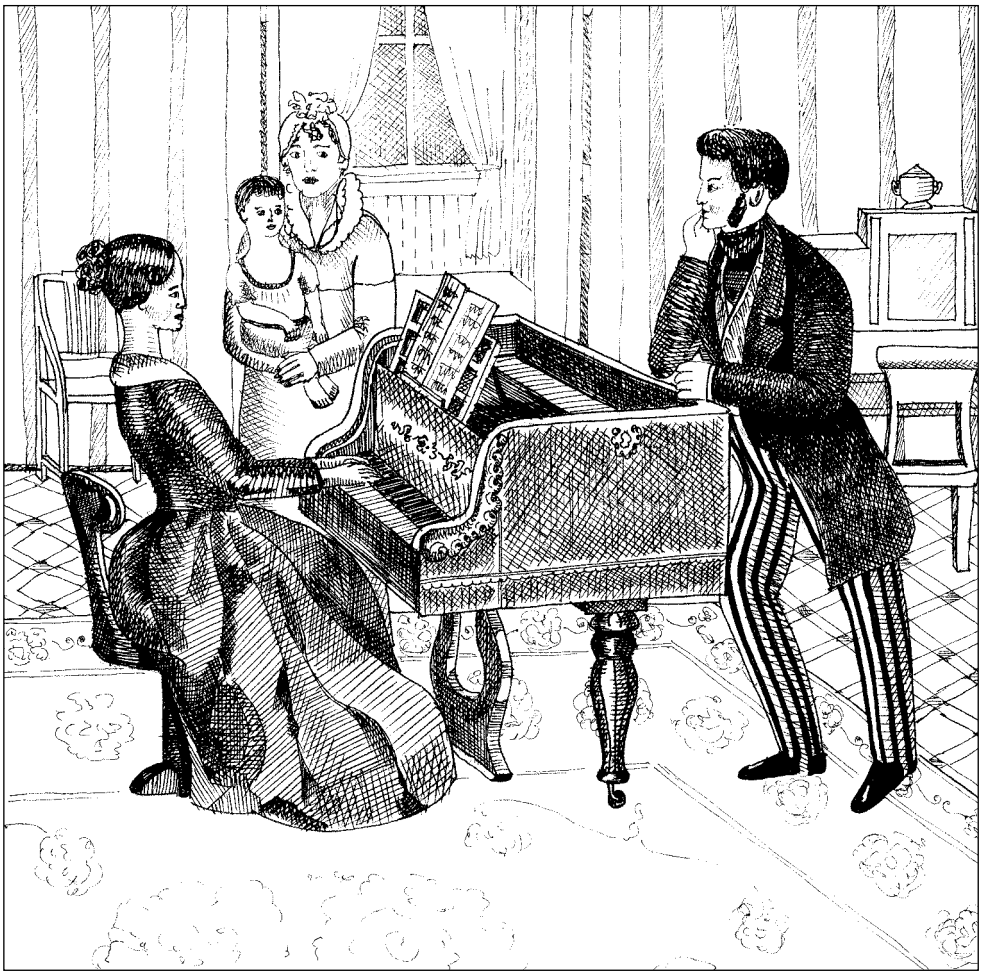
— Так, барыня, — сквозь слёзы отвечала кормилица, стараясь успокоиться. — Господь милостив к нам. Благодарствую за вашу помощь на похороны.

— Ты молода и здорова, Луша. Бог ещё пошлёт тебе ребёночка в утешение. Будет дружок Мишеньке. Я послезавтра в Нижний Ломóв собираюсь на богомолье к чудотворному образу Казанской Богородицы. Пожалуй, возьму тебя с собой. А внук уже проснулся. Умойся и иди к нему.

— Спаси Господи, барыня, на добром слове, — поблагодарила Лукерья. — Дай Бог, чтоб по–вашему вышло.

Успокоившись, она поклонилась Елизавете Алексеевне, умылась и пошла в детскую.

Утешая кормилицу, Арсеньева вовсе не была уверена, что её пожелание о рождении сына у Лукерьи сбудется. Других слов она просто не нашла. Но так и случилось: в 1818 году появился на свет Вася Шубенин, с которым Миша впоследствии очень подружился.



Песня матери

Мелкий сентябрьский дождик негромко барабанил в окно. Марья Михайловна уныло глядела на мокрые, начавшие желтеть ветки деревьев и сереющую сквозь них рябь пруда. Миша под присмотром Христины Осиповны забавлялся на кровати игрушками.

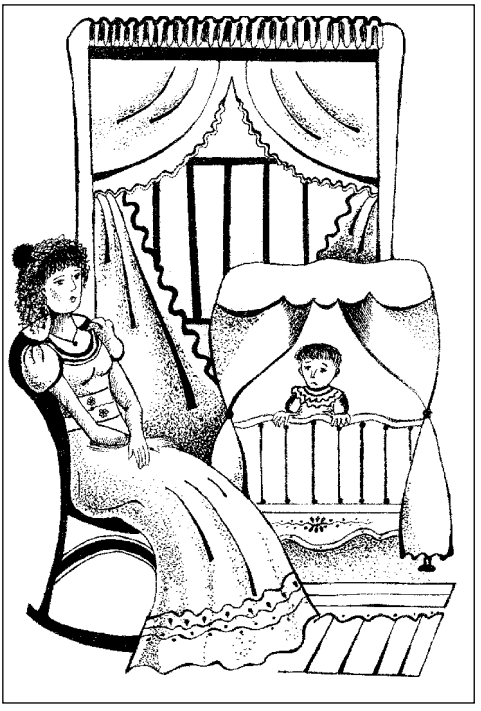
Мать запела. Мелодия песни грустная, протяжная, нежная. Мальчик оставил игрушки и слушает. Слов он толком ещё не понимает, но красивый задушевный голос матери завораживает его.

— Маменька, гоюбушка, ещё! — просит Миша.

— Да ты плачешь, мой птенчик? Сейчас спою, — она вытирает сыну слёзы и сажает его на высокий детский стульчик рядом с клавикордами.

Тихонько аккомпанируя себе, мать поёт снова свою чудесную песню, а потом начинает импровизировать. И опять мотив получается грустный. Слушая прекрасную музыку, мальчик засыпает, и бонна осторожно перекладывает его на кровать.

Кончив импровизацию, Марья Михайловна садится за стол и открывает свой альбом, переплетённый в коричневый сафьян с золотым тиснением на обложке. Сегодня ей особенно тоскливо и одиноко: Юрий Петрович уехал с утра в Чембар по делам и вернётся только завтра. Её очень тревожат его трудные отношения с Елизаветой Алексеевной. Почему мать так холодна и придирчива к её мужу? Он–то уж, кажется, во всём ей уступает: переехал в Тарханы, после свадьбы не стал настаивать на получении приданого. А оно немаленькое. Только при разделе наследства от дедушки Василия Васильевича и бабушки Евфимьи Никитичны Арсеньевых Марье Михайловне досталось двадцать пять тысяч рублей, которые маменька получила на хранение. Муж удовольствовался векселем тёщи на эту сумму. Предпочёл не вмешиваться Юрий Петрович и в оформление наследства жены от её отца, когда Елизавета Алексеевна приписала себе больше душ, чем дочери. Но не это печалит молодую женщину: всё равно ведь она единственная наследница, а мать гораздо лучше разбирается в хозяйстве. Куда хуже бесконечные сплетни об изменах супруга с горничными и служанками. Маменька постоянно



твердит о том, как ей не доверять? А верить не хочется. Муж по–прежнему нежен, внимателен к Марье Михайловне и сыну, не скупится на слова любви, и она боится обидеть его своими подозрениями, только втайне плачет. Слёзы невольно капают у неё из глаз. Неужели её любимый Юра изменяет ей с дворовыми девками? Вряд ли. Но вот Юлия Ивановна... Эта смазливая самоуверенная кокетка появилась в доме летом. Елизавета Алексеевна представила её дочери как компаньонку, чтоб в отсутствие мужа Маша не скучала. Но Юлия Ивановна и не думала её утешать, зато сразу по возвращении Юрия Петровича из очередной отлучки в Кропотово принялась строить ему глазки, всячески пытаясь соблазнить. И маменька, и Дашка твердят о его измене.

Марье Михайловне и в голову не приходит, что Юлия Ивановна, её дальняя родственница, для того и приглашена в дом Елизаветой Алексеевной, чтобы поссорить зятя с дочерью и вынудить их разъехаться. Тогда бы матери одной безраздельно принадлежала любовь Машеньки. Да только Лермонтов не поддаётся на чары опытной соблазнительницы и не может надолго покинуть обожаемую жену. А её, бедную, затерзали ревнивые сомнения, и она снова тихо плачет, думая: «Для чего Юлия Ивановна увязалась сегодня с мужем в Чембар? Сказала, будто к модистке, а там кто знает... Но нет, надо верить, как жить без веры?»

Утирая слёзы, молодая женщина берёт перо и принимается изливать свои чувства на бумаге. Ей становится немного легче, и она тщательно перебеляет стихи в альбом:

Расстаться, милый друг, с тобою,
Увы, так рок определил.
Но образ твой всегда со мною
И вечно будет сердцу мил.

Что может сделать отдаленье?
Любовь сильнее укрепить.
Одна минута утешенья —
И я готова всё забыть.

Забуду горесть и мученье
В разлуке, что терпела я,
Забуду всё и в восхищенье
Дам клятву вечно быть твоя.

Но если ты, о мысль ужасна,
За страсть изменой платишь мне,

Тогда что делать мне, несчастной?
Сокрыть мой стыд в сырой земле.

Ты в скором времени услышишь:
Она скончала жизнь, стеня,
Взойдёшь на холм и там увидишь
Мой гроб, ах! он сразит тебя.

Любовь и горесть, и мученье —
Всё смерть моя окончит вдруг,
Она отмстит за преступленье
Тебе, жестокий милый друг!

Вдруг кто–то осторожно положил на плечи Марье Михайловне тёплую шаль. Она не заметила, как вошёл муж, обернулась от неожиданности и прошептала:

— Ой, Юра… Вернулся…

— Я успел всё сделать сегодня и поспешил к тебе. Ты плакала? О чём?

— Так, пустое.

— И стихи сочиняла. Можно? — Юрий Петрович протянул руку к альбому.

— Нет, нет, я ещё не дописала, потом покажу, — Марья Михайловна захлопнула альбом и убрала в ящик стола. — Только ты без меня не читай.

— Машенька, милая, ты же знаешь, что я без спроса не читаю чужих стихов. Вместе прочтём, когда ты сама захочешь, — ответил муж с лёгкой обидой, чуть повысив тон.

— Тсс! Мишеньку разбудишь, — она тихо встала. — Сыночек прямо здесь уснул, когда я играла импровизацию. Прости меня, мой друг, ненароком тебя обидела. Я альбом потом заберу, когда наш малыш проснётся. Пойдём к тебе.

Обнявшись, они вышли из гостиной.

Однако Юлия Ивановна сдаваться не собиралась. Не для того её взяли в дом. Однажды она зашла в покои Юрия Петровича якобы за книгой. Он хотел выйти в библиотеку, но она задержала его на пороге комнаты, кокетливо заведя пустой разговор. Лермонтов стоял спиной к двери и не видел идущей к нему жены. Соблазнительница не растерялась и вдруг порывисто обняла его, разыгрывая сцену измены. Марья Михайловна закрыла лицо руками и кинулась в свою комнату. Юрий Петрович мягко отстранил Юлию Ивановну:

— Ну полно, полно.

— Отчего вы сторонитесь меня? Я ведь вам нравлюсь, — сказала та, театрально всхлипнув.

— Присядьте и успокойтесь, — он налил в стакан воды из графина и подал ей. — Сейчас я принесу вам книгу.

До библиотеки Юрий Петрович не дошёл: услышав плач жены, поспешил к ней в комнату.

— Машенька, что с тобой? Кто тебя обидел? Не плачь, — он попытался обнять её, но она шарахнулась от него и упала на кушетку, продолжая рыдать.

— Ты… ты изменяешь мне с этой… этой…

— Нет, мой друг. Я люблю только тебя.

— Я всё… всё видела. Ты её обни… обнимал.

— Нет, она сама полезла ко мне с объятиями.

— Ло… Ложь!

— Поверь, я люблю тебя одну. Не знаю, отчего она третий месяц пристаёт ко мне, да ещё на людях. Может, влюбилась как кошка. Но я ей надежды не давал.

— А маменька го… говорит, что ты мне с ней… с ней…

— Тёще показалось, любовь моя. Я только твой. Юлия Иванна мне даже неприятна. Моя бы воля, я отослал бы её.

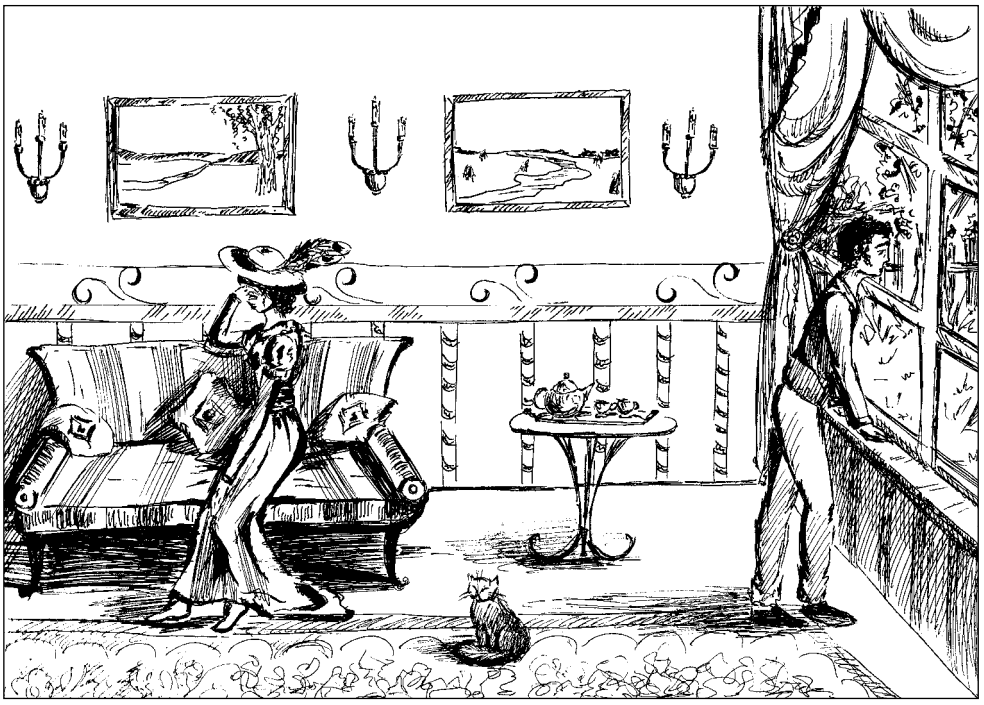
— Правда? — спросила Марья Михайловна, успокаиваясь и вытирая слёзы платочком.

— Конечно. Но я здесь не хозяин. Ну да Бог с ней. Давай лучше подумаем, что ты завтра наденешь на званый обед к Тарховым, — предложил жене Юрий Петрович.

— Пожалуй, белое атласное платье с высоким кружевным воротником, — оживилась молодая женщина.

— Прекрасно. Оно тебе весьма к лицу, мой друг. И жемчужные серьги с браслетом не забудь. Очень подойдут.

Утром, когда они были уже готовы к выезду в Калдусы в гости к бывшему предводителю чембарского дворянства Ивану Афанасьевичу Тархову и его жене Надежде Степановне, вдруг выяснилось, что кучер Ефим слёг в горячке, а Елизавета Алексеевна мается зубами и не поедет. Лермонтову очень хотелось развлечь жену после вчерашней ссоры, да и неприлично не явиться на званый обед к уважаемым людям. И он решил, что по сухой дороге сам управится с экипажем. Погода выдалась ясной и прохладной, поэтому Лермонтов, боясь застудить жену, велел заложить не



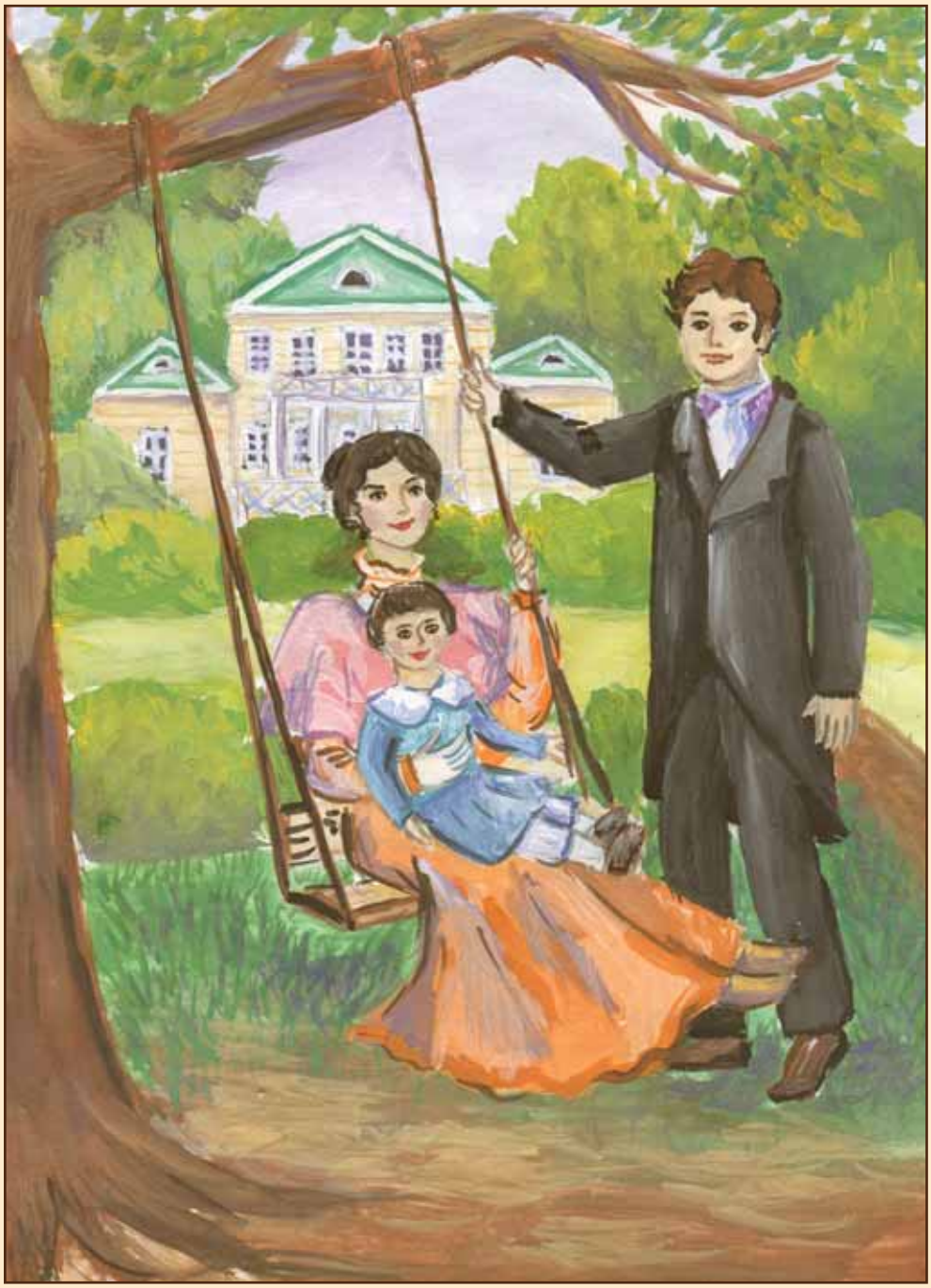
лёгкие дрожки, а карету. До Калдусов дорога шла в гору, и доехали они благополучно.

Обед у Тарховых затянулся. В гостиной у них было очень уютно, Марья Михайловна с успехом играла на рояле и пела. Лермонтовы засиделись до четырёх часов пополудни. На обратном пути закрапал дождик, и дорога стала скользкой: как говорится, осенью ложка воды — ведро грязи.

Когда спускались с крутой горы, карета начала наезжать на лошадей и те понесли. Юрий Петрович всеми силами старался их удержать и уже почти справился, как вдруг в самом конце спуска на высокой скорости кони, испугавшись шмыгнувшего через дорогу зайца, прянули в сторону. Лермонтов не удержался на козлах и вынужден был спрыгнуть на всём ходу, больно подвернув ногу. Карета наполовину завалилась на густые придорожные кусты, по счастью, удержавшие её от полного крушения. Лошади ещё несколько саженей протащили экипаж по кустам и остановились. Забыв о боли в ноге, Юрий Петрович бросился к жене и помог ей выбраться из кареты. Руки–ноги у неё, слава Богу, оказались целы, но напугана она была безмерно: плакала и вся дрожала.

— Машенька, ничего, всё позади. Сейчас согреешься, — он снял с себя плащ и укутал жену. — Что–нибудь придумаем.

Ирхина Влада. 15 лет. Песня матери



Реброва Оксана. 14 лет
Радостный денёк в Тарханах

Антонова Анна. 15 лет. Миша с родителями в Тарханах

Антонова Анна. 15 лет. Счастливые качели

Халиуллина Алина. 14 лет
Песня матери

Муратова Эльвина. 13 лет
Миша с кормилицей. Первые рисунки

Халиуллина Алина. 14 лет
Возвращение Юрия Петровича

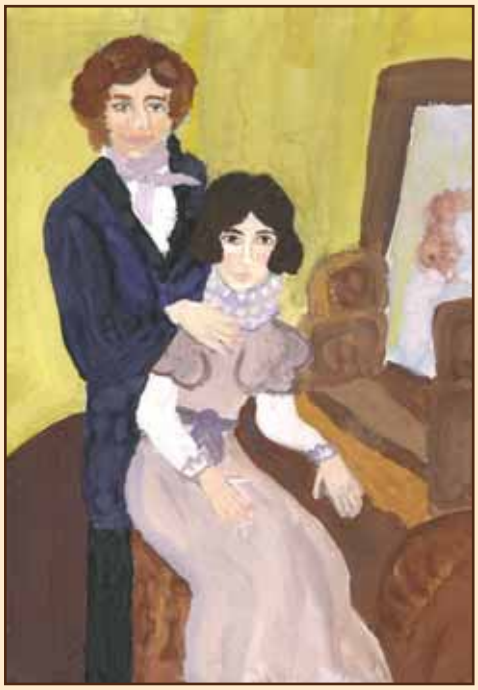
Хисамутдинова Лейсан. 14 лет
Мишенька с родителями в саду

Мережникова Анна. 15 лет. Песня матери

Карпова Анастасия. 10 лет
Марья Михайловна импровизирует

Муратова Эльвина. 13 лет
Скорбь

Голубикина Людмила. 14 лет. Последнее прощание



Сергеева Светлана. 9 лет
Супруги Лермонтовы

Мусина Камилла. 9 лет
Мишенька с кормилицей

Глухова Юлия. 15 лет. Песня матери

Она не отвечала, только всхлипывала в его объятьях. «Что делать? — лихорадочно соображал Лермонтов. — Карету мне одному не поднять. Лошадей распрячь можно, я и без седла доеду, но Машу так не довезти. Идти пешком далеко. Скакать в Тарханы за помощью? Но как оставить жену одну на дороге? Хорошо хоть дождь прошёл».

Положение казалось отчаянным, но тут чуткий слух Юрия Петровича уловил звон колокольчика: кто–то едет навстречу. Слава Богу! На их счастье это были богатырского телосложения тархан Василий Медведев и его молодуха Александра. Увидев лежащую почти на боку барскую карету, силач подстегнул жеребца и быстро подъехал.

— Э–э, барин, беда–то какая! Сильно расшиблись?

— Да нет, ничего. Вот только жена очень испугана.

— Шур, поди–ка к молодой барыне, утешь её. Я покуда карету подыму. Барин, а вы лошадей крепче держите.

Василий деловито осмотрел карету и легко вернул её в вертикальное положение. Придерживая низ одной рукой, другой он ловко подкрутил разболтавшиеся колёса и поправил рессоры.

— Ну вот, теперь можно ехать. Справитесь сами или мне на козлы сесть? Шура с телегой управится.

— А ты куда путь держал?

— В Калдусы. Барыня Надежда Степановна красный товар заказали и по хозяйству разные мелочи. Вёз ей.

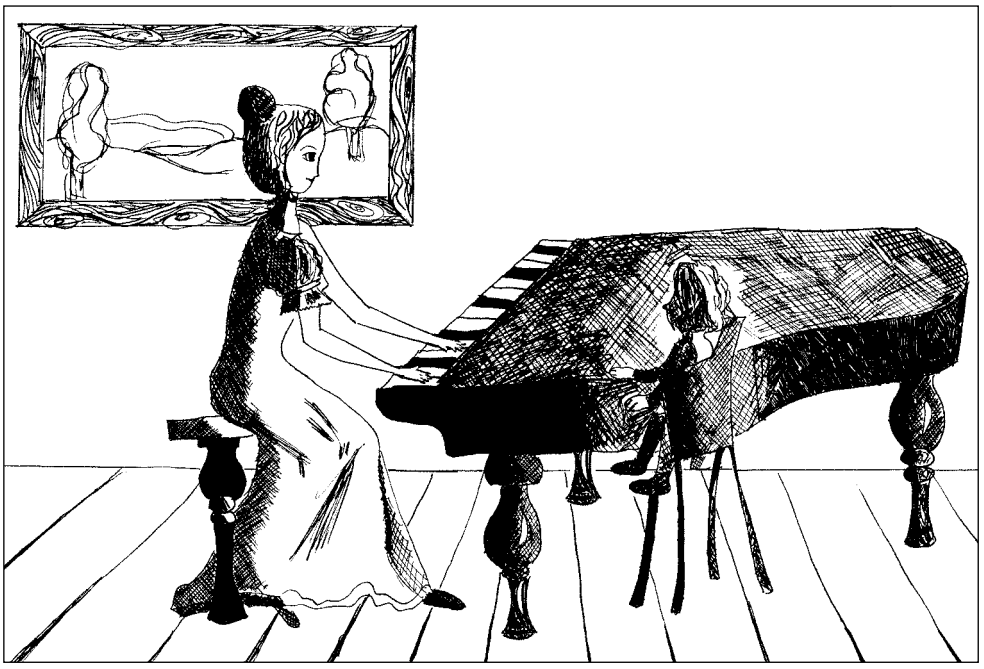
— А что так поздно?

— Да в Чембаре на ярмарке долго товары выбирал, а барыня сегодня просили привезти. Мы в Калдусах переночевать у свойственников хотели.

— Ну и езжай. Дальше дорога до Тархан ровная, сам справлюсь, — ответил Лермонтов, потирая ушибленную ногу. — А Шура пусть с женой останется: ей одной страшно.

Василий поехал к Тарховым, а Лермонтовы с Шурой благополучно вернулись в усадьбу. В пути Марья Михайловна всё время дрожала, никак не могла согреться. Наутро у неё проявился синяк на щеке, ушибленной накануне. И по селу поползли слухи, будто в дороге молодые барин с барыней поругались и Юрий Петрович ударил жену кулаком. Их разносила Дарья, ссылаясь на хозяйку. Напрасно Шура Медведева пыталась разуверить дворню, рассказывая, как было на самом деле. Её никто не слушал: Елизавете Алексеевне доверяли больше.

Это очень расстраивало Марью Михайловну, доводило её до слёз. Она простудилась, слегла в лихорадке с кашлем и сильной головной болью. Недели через две ей стало лучше, и она снова начала заниматься с сыном. Мать сажала его рядом с собой на высокий стульчик и играла, не оборачиваясь, но каким–то внутрен-



ним чувством ощущая, что сын внимательно слушает. Однажды она сильно закашлялась, прекратила игру и, вытирая рот платочком, испугалась, увидев кровь.

Мать знаком велела дядьке Андрею унести Мишеньку в детскую. Христина Осиповна позвала Елизавету Алексеевну. Та, взглянув на платок с кровью, переполошилась, уложила дочь в кровать и послала за лекарем в Чембар. Осмотрев больную, врач заподозрил чахотку и, прописав пока отхаркивающие травяные отвары и порошки, посоветовал обратиться к пензенским докторам. Услышав о чахотке, Юлия Ивановна быстро собралась и переехала к другим родственникам — подальше от заразы.

В начале октября Марью Михайловну свозили к докторам в Пензу, те опасный диагноз подтвердили, назначили лечение. Оно не очень помогало: больной становилось то хуже, то лучше. Она уже не брала Мишеньку на руки, несмотря на его капризы, не целовала, не сажала рядом собой, когда играла на фортепиано. Иногда мать тихо напевала свою грустную песню, и у мальчика, сидевшего в другом конце гостиной на руках у дядьки, всякий раз невольно катились слёзы из глаз. Слушать любимую песню он готов был бесконечно.

Чудесная песня матери на всю жизнь запечатлелась в душе Михаила Лермонтова. Ему казалось, что если бы он её услышал, то непременно узнал бы — одну из тысяч. Но больше ничего подобного слышать ему не довелось. По малолетству он не запомнил слов, и тайна песни матери осталась неразгаданной. Может быть, потому что её сочинила сама Марья Михайловна Лермонтова.

Печальные письма Сперанского

Холодный ноябрьский ветер рвал с деревьев чудом уцелевшие последние бурые листья и бросал их на выпавший в Пензе снежок. Возок Елизаветы Алексеевны быстро ехал по Лекарской улице. Ефим остановил лошадей прямо у входа в каменный двухэтажный дом губернского предводителя дворянства Григория Даниловича Столыпина. Тяжело опираясь на руку кучера, Арсеньева слезла с подножки и, закрывшись от ветра воротником шубы, взошла на крыльцо. Привратник отворил дверь:

— Добро пожаловать, барыня.

— Что сестрица моя Наталья Алексевна, что батюшка? Дома?

— Дома–дома.

Скинув шубу на руки лакею и дав ему алтын, Арсеньева прошла к сестре. Та, будучи замужем за дальним родственником своего отца и однофамильцем Григорием Даниловичем, благополуч-

но носила под сердцем пятого ребёнка. Сёстры поздоровались, обнялись, обменялись семейными новостями. Их престарелый отец Алексей Емельянович в последнее время стал сдавать: у него начали отказывать ноги. Получив письмо от сестры, Елизавета Алексеевна приехала навестить и ободрить отца. Он очень обрадовался, долго беседовал с ней за обедом, а потом пошёл отдохнуть.

— Лиза, ты тоже приляг с дороги. Вечером пожалует к нам новый губернатор Михайла Михалыч Сперанский. Мы тебя представим, — обещала сестре Наталья Алексеевна.

— Очень рада познакомиться со знаменитым другом братца Аркадия, он много доброго о нём писал.

— Сперанский в Пензе уже две недели, мы постарались принять его как нельзя лучше. Он у нас бывает почти каждый день.

— Я слыхала, он за Аркадия хлопотал, хотя сам был в опале четыре с лишним года.

— Да, и к нему прислушались. Брат снова в Сенате. И при дворе принят. Я тебе писала.

— Слава Богу! Ну, пойду отдохнуть.

— Мы тебе комнату в каменном флигеле приготовили, в доме у нас сейчас битком.

— Вижу. Сестрица Александра с детьми теперь у вас живут.

— Что ж делать, как Саша овдовела, из вице–губернаторского дома ей съехать пришлось. Кроме нас и приютить некому. А Машенька у неё, когда отец от удара скончался, в горячке слегла, ты знаешь. Сейчас, слава тебе Господи, поправляется. Доктора весной на воды ехать советуют.

— А моя–то Машенька, Бог знает, выздоровеет ли, — вздохнула Елизавета Алексеевна и пошла во флигель.

Вечером в гостиной её представили Сперанскому. Не по годам подтянутый, галантный и предупредительный с дамами, он произвёл на Арсеньеву хорошее впечатление. В его серо–голубых глазах светился глубокий ум, и высокая лысина усиливала это ощущение. В нём никак нельзя было угадать сына сельского священника — так изменили его образ мыслей и манеру держаться годы службы на высших государственных должностях.

— Премного наслышан о вас от вашего брата Аркадия Алексеича, — учтиво сказал Михаил Михайлович, целуя Елизавете Алексеевне ручку.

— И о Вашем Высокопревосходительстве мне брат писал много хорошего. Очень рада познакомиться.

— Давайте без чинов и церемоний, мадам, я здесь не на службе.

Разговор пошёл о пензенских и тарханских делах. Арсеньева поспешила выяснить, может ли Сперанский помочь урегулировать следствие в отношении Александра Михайловича Евреинова, покойного мужа сестры Александры Алексеевны. Его, по мнению Столыпиных, необоснованно обвинили во взяточничестве, что и стало причиной рокового удара. Сперанский обещал разобраться.

Другой темой разговоров в гостиной стала женитьба брата Дмитрия Алексеевича Столыпина на вдове Екатерине Аркадьевне Воейковой, урождённой Анненковой, у которой была дочка Полина от первого мужа. Алексей Емельянович высказался категорически против этого брака, но его дети отнеслись более благосклонно и ждали брата с молодой женой в гости в первых числах декабря. Сперанский дипломатично поддержал их:

— О Катерине Аркадьевне ничего предосудительного не слышно. Говорят, она хорошая пианистка. Не стоит делать скоропалительных выводов. Скоро сами увидим её. Главное, чтобы молодые жили в любви и согласии, тогда и счастливы будут.

— Ваша правда, — вторила ему Елизавета Алексеевна. — Моя дочь три года замужем. Вышла по страсти, а несчастлива. Зять мой Лермонтов — дурной человек, изменяет Маше с дворовыми девками, до слёз доводит чуть не каждый день, а то ударит когда.

— А не лучше ль им тогда разъехаться?

— Дочь ни в какую — любит его. Она опасно больна, чахотку признали. Нельзя её расстраивать.

— Может, ей в Пензу приехать на зиму под наблюдение докторов?

— Сначала сами так думали, а теперь и не знаем. Боимся, Машенька в дороге простудится. Да и где поместишься? У сестры нельзя с такой хворью, а все квартиры битком. Да и внучок Мишенька слабенький. Кабы не заболел.

— Дай–то Бог вашей дочери скорейшего выздоровления!

Дальше говорили о маленьких детях Григория Даниловича и Натальи Алексеевны, потом о продаже новгородского имения Сперанского Великополье и приобретении взамен него села в Пензенской губернии. Сведущий и весьма удачливый в хозяйственных вопросах Алексей Емельянович советовал сделать именно так, поскольку земли здесь плодороднее и будут давать больший доход. Потом отец, устав от разговоров, пожелал играть в карты. Сперанский за ломберный столик не сел, понаблюдал полчаса за игрой и откланялся.

Вернувшись в губернаторский дом, где пока ему было всё непривычно, не обустроено и оттого казалось неуютным, он засел за письмо Аркадию Алексеевичу. Их дружба была давней, крепкой и верной. Не боясь попасть в немилость, Столыпин в 1812 году приезжал к другу, когда опальный Сперанский жил в ссылке в Нижнем Новгороде, часто писал ему письма, а узнав о назначении в Пензу, ссудил деньгами на обзаведение хозяйством. Сперанский даже из ссылки хлопотал о Столыпине, тоже попавшем в немилость к государю. В письме Михаил Михайлович с большой теплотой отзывался о пензенских родных Аркадия Алексеевича, с которыми у него складывались добрые отношения: *«Батюшка ваш очень слаб телом, но довольно бодр ещё духом, а особливо поутру. Вечер играет в карты, обедает всегда за общим столом, хотя и не выходит из тулупа. Ноги очень плохи. Прекрасная вещь видеть, как водят его ваши сестрицы из одной комнаты в другую: ибо один он пуститься уже не смеет. Одно слово о Кавказе веселит его, как ребёнка, и я уверен, что он может ещё там помолодеть и запастись здоровьем на долгое время. Он отправляется туда в марте, но собирается уже и ныне. Елизавета Алексеевна также здесь. Не знаю, увижу ли Лермонтовых. Трудности в помещении, все дома набиты приезжими, и зиму обещают ныне весьма многолюдную...»*

В середине ноября Арсеньева возвратилась в Тарханы, а Лермонтовы в Пензу так и не поехали. Марья Михайловна всё слабела, её мучили приступы кашля и лихорадка, особенно по ночам. Только к Рождеству Христову молодая женщина вроде пошла на поправку, и свой день рождения 26 декабря Юрий Петрович встретил в хорошем настроении. После Нового года она отпустила мужа в Кропотово и Москву по неотложным делам: он долго откладывал поездку из–за её болезни. Выехать следовало затемно — в 7 часов утра, чтобы потом за световой день проехать как можно дальше. Перед выездом они с полчаса сидели, обнявшись, у камина. Когда пробило семь, Марья Михайловна стала прощаться:

— Езжай, Юра, раз нужно. Маменька обо мне позаботится. Только возвращайся поскорее! Мне без тебя всегда так тоскливо и беспокойно.

— Ни денька лишнего не задержусь, мой друг. Как только кончу дела, сразу сюда. Письма обещаю присылать с каждой почтой. Не тоскуй, любовь моя, пиши мне чаще. Молиться буду за тебя всякий день. Даст Бог, выздоровеешь. Ну, до скорого!

Они поцеловались на пороге, и Юрий Петрович уехал.

Прошло всего несколько дней разлуки, а Марье Михайловне показалось — вечность. Вечером, погрузившись в свои мысли, она сидела в гостиной с матерью и Христиной Осиповной. Часы пробили семь. Это живо напомнило ей расставание с мужем, в глазах блеснули слёзы. Она с трудом встала и тихо пошла в свою комнату.

— Доченька, ты куда, что с тобой? — спросила Елизавета Алексеевна.

— К себе, здесь мне что–то зябко, — больная плотнее укуталась шалью.

— Не лихорадка ли у тебя?

— Нет, маменька, не беспокойтесь. У меня в комнате теплее. Полежу немного, а потом почитаю молитвы.

Но она не легла. Затеплила свечи, достала из ящичка стола бумагу и стала изливать свои чувства. Следующий день был почтовым, и после завтрака Марья Михайловна написала мужу письмецо, поправила свои вечерние стихи и перебелила в альбом:

Тучи, вихри собирались,
Мрачно небо — снег летел.
К огоньку мы все прижались,
И в камине ветр свистел.

Все сидели вкруг уныло,
Всякий думал про себя.
Тихо семь часов пробило,
И раздался гул, стеня.

Сердце нежное забилось,
Слёзы полились из глаз,
Вспоминая, как простилась
С милым я в последний раз.

Страсти показать не смела
И вмещала ад в себе.
Вслед за ним душа летела,
Застывала кровь во мне.

Слезы скорби при расстаньи
Не блистали на очах,
В сердце грусть была, терзанье,
А улыбка на устах! —

Скоро ль жизни сей мятежной
Скользкий путь я перейду
И отраду безнадежной
Страсти в гробе я найду!

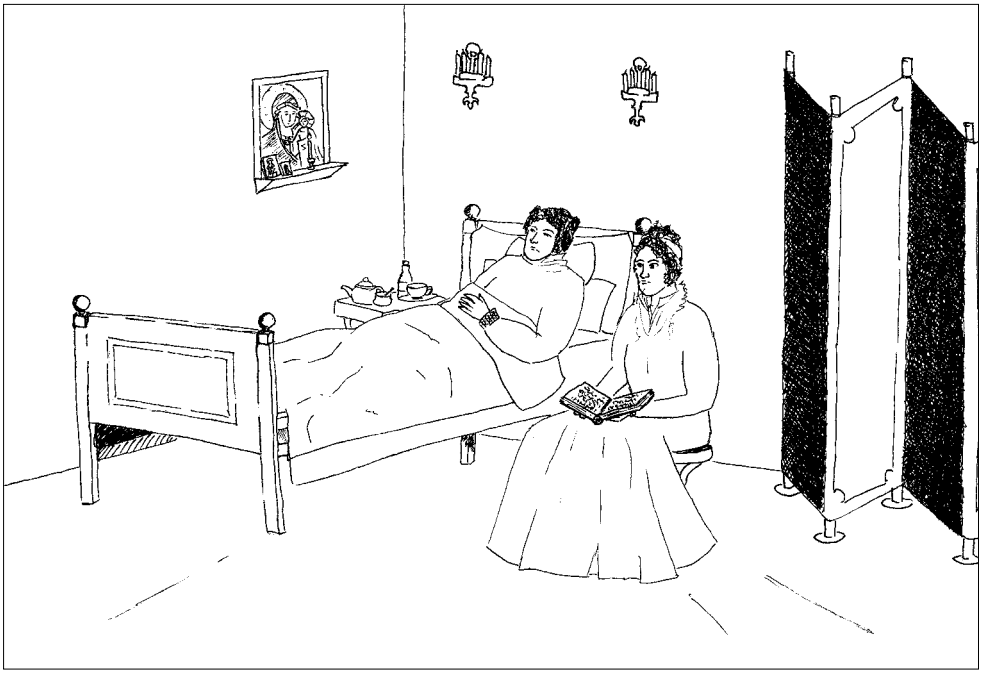
Для счастливых смерть ужасна,
Но влачит кто жизнь, стеня,
Для того ты не опасна,
Смерть — блаженство для меня.

Коль узнаешь, что любезный
Тебе прах уж гроб сокрыл,
Не жалей о мне, друг нежный,
Без тебя мне свет не мил.

В середине января Марье Михайловне стало гораздо хуже, у неё возобновились кровохарканье, лихорадка, дыхание сделалось тяжёлым, начали изводить тошнота и потливость. Чембарский доктор, которого привезла Елизавета Алексеевна, осмотрев больную, не скрыл, что чахотка приняла бурное течение и надежды на выздоровление очень мало. Это сразило мать, в отчаянье написала она пензенским Столыпиным об опасном состоянии дочери.

Наталья Алексеевна, получив тревожное послание, дала знать младшему брату Афанасию Алексеевичу. Тот немедленно приехал и застал у сестры Сперанского. Михаилу Михайловичу рассказали о беде. Столыпины решили перевезти Машу с матерью в Пензу, чтоб её пользовали лучшие губернские доктора. Сперанский одобрил их решение. Дома он нашёл письмо от Аркадия Алексеевича с известием о его болезни. Губернатор печально вздохнул: совсем недавно — в ноябре — у друга родился сын Алексей, а у его сестры дочь теперь при смерти. Но такова жизнь: одни рождаются, другие умирают. *«У нас нового почти ничего нет,* — написал Сперанский Столыпину в Петербург. — *Есть одна новость для вас печальная, племянница ваша Лермонтова весьма опасно больна сухоткою, или чахоткою. Афанасий и Наталья Алексеевна отправились к ней, то есть к сестрице вашей, в деревню, чтобы её перевезти сюда. Мало надежды, а муж в отсутствии...»*

Столыпина, несмотря на беременность, решилась съездить с братом в Тарханы за племянницей. Пока они добирались, состояние Марьи Михайловны ещё ухудшилось, она уже с трудом приподнималась на постели. Доктор, которого Столыпины привезли



с собой из Пензы, категорически отсоветовал поездку — больная её не перенесёт. Она обрадовалась посещению дяди и тёти, но ехать с ними и сама не хотела — всё по Юрию Петровичу тосковала, ждала его:

— Маменька, напишите мужу, пусть скорей вернётся.

— Написала уже, доченька.

Елизавета Алексеевна лукавила: ей не хотелось видеть зятя в доме прежде времени. Но поняв, что больной не то что с каждым днём — с каждым часом — становится хуже, дала знать Юрию Петровичу.

Как он ни торопился, ему удалось приехать только в середине февраля. Перемена в жене поразила его до глубины души: она сильно похудела, осунулась, на щеках горел нездоровый румянец, запавшие глаза лихорадочно блестели. Марья Михайловна почти ничего не ела, только пила, а потела так обильно, что постель ей меняли по нескольку раз в день. Юрий Петрович очень корил себя за отлучку и теперь почти не отходил от жены, не страшась заразы и не обращая внимания на Елизавету Алексеевну, которая тоже не расставалась с дочерью, усердно молилась за неё. Но даже у постели тёща иногда не могла удержаться, продолжая упрекать зятя по мелочам.

Марье Михайловне после приезда любимого супруга вначале стало немного лучше, но ненадолго. Чахотка накинулась на неё с

новой силой. Доктора объявили несчастным мужу и матери, что больная безнадёжна и кончины следует ожидать со дня на день. Сперанский, узнав об этом от Натальи Алексеевны, 20 февраля написал другу в столицу: *«Как прискорбно мне, любезнейший мой Аркадий Алексеевич, из печального письма вашего видеть, что болезнь держит Вас ещё в постели... Дочь Елизаветы Алексеевны без надежды, но ещё дышит».*

24 февраля Марье Михайловне снова вроде чуть полегчало. Накануне вечером батюшка её особоровал и исповедал, но причастить не смог из–за рвоты. Утром тошнота и кашель утихли, и наконец страдалица причастилась. Она лежала в кровати, бледная и спокойная. Юрий Петрович, сидя рядом, держал её за руку, лежащую поверх одеяла.

— Маменька, подойдите сюда, — чуть слышно проговорила она. — Дайте вашу ладонь.

Елизавета Алексеевна подошла и взяла дочь за другую руку.

— Маменька, я знаю, меня скоро не станет. Полюбите моего мужа, замените ему меня, а он тогда заменит меня вам, — умирающая с трудом соединила руки дорогих ей людей. — Обещайте мне.

Елизавета Алексеевна, стараясь сдержать слёзы, ответила:

— Тебе лучше, доченька. Кашель утих. Ты ещё выздоровеешь.

— Нет, маменька, я оставляю вас. Поклянитесь мне, что помиритесь с моим мужем, замените меня ему и сыну, будете заботиться о них.

— Хорошо, Машенька, обещаю.

— Благодарю. Я хочу с Мишенькой повидаться. Принесите его.

Через несколько минут Андрей внёс спящего мальчика в комнату. Марья Михайловна его поцеловала, перекрестила и велела унести, пока не проснулся.

— Маменька, простите меня за всё, чем я огорчала и обижала вас, что не так делала.

— Давно простила, доченька. И ты меня прости.

— Прощаю от всей души. Помните о вашем обещании. А теперь оставьте меня одну с мужем.

Елизавета Алексеевна нехотя вышла в молельню и встала на колени перед фамильными иконами Спаса Нерукотворного и Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость». Тарханский батюшка Алексей Толузаков последовал за ней.

— Юра, ты из–за меня много страдал. Я тебя очень люблю. Прости меня за всё.

— За что же, мой друг? Любить тебя — моё единственное счастье, остальное пустяки. Я их давно простил. Это ты меня прости.

— На исповеди уже простила. Позаботься о нашем сыне. Мне тяжело оставлять вас. Но так Богу угодно. Женись на той, которая полюбит вас обоих.

— Никогда! Я никого не полюблю, как тебя, — горячо возразил Юрий Петрович.

Его вдруг ужаснула мысль, что если он женится второй раз, то не встретится с Машей в лучшем мире. Он поцеловал жену. Она ответила тихим поцелуем.

— Про…щай, лю…бовь моя, — голос умирающей начинал дрожать.

— Нет, не оставляй нас. Ты ещё поправишься!

— Ды.. дышать… тя…же…ло. Ска…жи ма…мень…ке, — еле слышно выговорила Марья Михайловна.

Он подбежал к двери и позвал тёщу. Та кинулась к постели. Дочь успела только сказать ей: «Про… ща…» И впала в забытьё.

Юрий Петрович, не стесняясь, плакал у изголовья жены, тормошил за руку, осыпал поцелуями, но всё напрасно. Елизавета Алексеевна снова упала на колени перед иконами и с плачем молилась. Священник прочёл отходную. Дыхание умирающей ста-

ло хриплым, прерывистым, её грудь вздымалась всё реже и реже. В последний раз судорожно вздохнув, она отошла в Вечность. Отец Алексей прослезился и закрыл ей глаза. Не обращая внимания на рыдания безутешных родных, он дрожащей рукой затеплил свечу и начал читать канон по исходе души…

Весть о кончине молодой барыни быстро облетела дом, усадьбу, село, окрестности. Все — родные, соседи, дворня, крестьяне — жалели новопреставленную и плакали о ней. Маленький Миша тоже расплакался, не понимая ещё, что мать больше не возьмёт его на руки, не обнимет, не поцелует, никогда не споёт своей чудесной песни.

В Пензу был отправлен посыльный, который привёз трагическую весть Столыпиным. Опечаленный Сперанский утром 27 февраля написал Аркадию Алексеевичу: *«Надеюсь, что настоящее моё письмо получите Вы в выздоровлении, и в сей надежде не колеблюсь сообщить Вам вести о племяннице вашей Лермонтовой. Нить, на которой одной она столько времени висела, наконец пресеклась. Наталья Алексеевна отправилась в деревню и, вероятно, привезут сюда Елизавету Алексеевну. Батюшка Ваш всё сие переносит с бодростию и удивительной кротостию. Ныне у него должно учиться истинной философии…»*

В Тарханах в этот скорбный день отпевали и хоронили Марью Михайловну. Кроме Натальи Алексеевны, из родственников приехали Афанасий Алексеевич Столыпин и дядя Григорий Васильевич Арсеньев. На отпевании в Никольской церкви было много народу. Крестьяне не могли поместиться в маленьком деревянном храме и ждали прощания на улице. Мише запомнилось, как священник в чёрном облачении читал молитвы из большой церковной книги, как он кадил ладаном у алтаря и гроба матери. Она лежала, красивая и недвижимая, и не была похожа на себя. Елизавета Алексеевна стояла у гроба вся в чёрном, скорбная и постаревшая, беспрестанно всхлипывая и вытирая слёзы. Юрий Петрович, закрыв лицо белым платком, едва сдерживал плач. Отдав последнее целование жене, он громко и отчаянно зарыдал. Его подхватили под руки и вывели из церкви. Когда заколоченный гроб опустили в могилу, вырытую рядом с надгробием Михаила Васильевича Арсеньева, и все стали бросать туда по комку земли, убитый горем супруг снова зарыдал: навсегда закапывали самое дорогое, что у него было в жизни.

После поминок его потянуло в комнату покойной жены. Он задумчиво перебирал её вещи, о многом ему напоминавшие: склян-

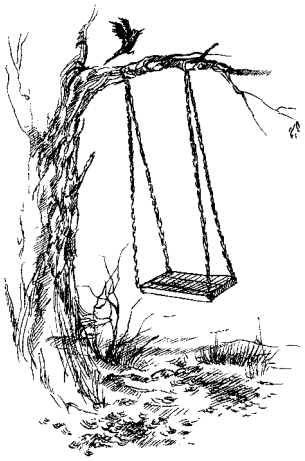
ки с духами, кружевные платочки, веера, вышивки, украшения. В отдельном ящике комода Юрий Петрович нашёл коричневый альбом жены, принялся его листать и снова заплакал, читая обращённое к нему стихотворение Марьи Михайловны:

Кто сердцу может быть милее,
Бесценный друг, тебя?
Без воздуха могу скорее
Прожить, чем без тебя!

Всю радость в жизни, утешенье
Имею от тебя,
С тобой повсюду наслажденье
И мрачность без тебя!!!

В конце стоял изящный вензель покойной. Лермонтов сам бы подписался под этими строками — настолько точно она передала и его чувства.

Перечитывая стихи супруги и плача над ними, Юрий Петрович не мог знать, что переживёт единственную обожаемую им женщину на 14 лет и умрёт 1 октября 1831 года, накануне 17–летия сына, тоже от чахотки.



Тревожная весна 1817 года

На другое утро после похорон дочери Елизавета Алексеевна пригласила зятя к себе для важного разговора.

— Ты когда собираешься уезжать? — спросила она без обиняков.

— Помянём Машеньку на девятый день, и поеду.

— А сына думаешь взять с собою или оставить?

— Конечно возьму с собой.

— Ты погоди, ещё холодно, метель в пути застать может. А Мишенька, сиротинушка наш, слабенький, простудится ещё. Оставь лучше его пока здесь на моё попечение. Он для меня сейчас единственная радость, — слёзы навернулись ей на глаза.

— Но и мне только в нём утешение, — возразил было Юрий Петрович.

— Подумай сам хорошенько. Внучок и так капризничает, мать зовёт, опять струпьями покрылся. Доктор Белынский прописал ему серный цвет и не советовал пока в другое место везти. И тебе без него будет сподручнее дела устроить.

— Пожалуй, вы правы. Оставлю пока сына в Тарханах, хоть и тяжело расстаться. Месяца через два приеду за ним. Там и потеплеет, и дела уладятся.

— У нас Мишеньке хорошо будет, — обрадовалась тёща. — Я знаю, тебе деньги нужны, твоё имение в долгах. Но пока мне нечем отдать по векселю Машенькины двадцать пять тысяч. Очень прошу тебя подождать. Сама в долгах, а вот что замыслила. Не смогу жить в доме, где муж и дочь умерли, — она снова прослезилась. — Надо продать его на слом и новый рядом построить. А на месте старого хочу возвести храм в честь небесной покровительницы дочери преподобной Марии Египетской.

— Я очень вас понимаю и поддерживаю. Пусть будет храм в память Машеньки. Я год–другой подожду.

— Тогда собирайся, в Чембар поедем продлить вексель. Да мне ещё подыскать надо, у кого бы денег занять — тысяч пять. Брат и деверь под векселем подпишутся.

— Скоро буду готов. И в храмах там подадим за упокой жены.

Вексель стряпчие переоформили без проволочек, и Юрий Петрович успел объехать все чембарские церкви и вернуться домой засветло. Быстро найти кредитора на пять тысяч рублей тёще не удалось, к вечеру она договорилась с молодой дворянкой Софьей Наумовой, своей давней приятельницей, частенько гостившей в Тарханах, но оформить заём уже не успела. Для этого Елизавета

Алексеевна с Афанасием Алексеевичем Столыпиным и Григорием Васильевичем Арсеньевым на следующий день снова ездили в Чембар.

Последнюю неделю в Тарханах Лермонтов старался больше времени проводить с Мишенькой, ежедневно подолгу простаивал у могилы жены и на панихидах по ней. 5 марта, по прошествии девяти дней от её кончины, он уехал в Кропотово, поцеловав на прощанье любимого сына и обещав ему скоро вернуться.

Проводив зятя и передав с ним приветы кропотовским и васильевским родным и знакомым, Арсеньева пошла к себе. Пережив смерть дочери, она сгорбилась, поседела, её глаза не просыхали от слёз. Лишь при виде Мишеньки бабушка оживлялась. Ей только 43 года, но в чёрном траурном платье и чепце она выглядела лет на десять старше. На душе у неё было неимоверно тяжело. Перед отъездом из Тархан Наталья Алексеевна звала её поехать на Горячие Воды с отцом и сестрой Александрой. Но не таков был настрой Елизаветы Алексеевны. Хоть она ненавидела и винила зятя, но где–то в глубине души сознавала, что и её вина есть в смерти дочери. Она боялась себе признаться, что не уберегла двоих самых близких и любимых людей, не желая ни с кем делить их чувства к себе. Молиться и каяться — вот чего она жаждала. И решилась поехать с внуком на богомолье в Киев, в Печерскую лавру, поклониться мощам святых угодников, испросить Мишеньке исцеления.

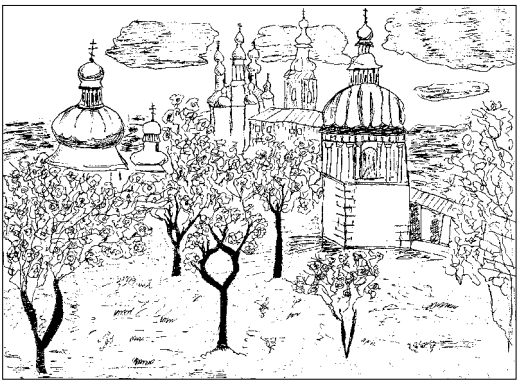
Родные не оставили Арсеньеву в беде. В середине марта к ней из Пензы приезжали брат Александр Алексеевич и вместе с ним отец Алексей Емельянович. После Пасхи и сороковин по дочери, которые пришлись на 4 апреля, Арсеньева стала собираться в Киев. В середине весны снег окончательно сошёл, дороги просохли. Она заняла ещё тысячу рублей, дала управляющему последние распоряжения по имению и, поручив ему подыскивать покупателя на барский дом, отправилась с внуком, его дядькой, бонной и слугами в Киев.

По пути они останавливались на станциях, в городах и больших сёлах, молились там в местных церквях. В конце апреля въехали в Киев. Всё здесь казалось ребёнку необычным: широкий Крещатик и соседние с ним узкие улочки, где трудно разъехаться двум экипажам, величественный синий Днепр, толпы паломников, которых с приближением лавры становилось больше и больше: скоро Вознесение Христово. К обители подъехали со стороны Нижней лавры. Отсюда многочисленные храмы были хорошо видны. Блестели на солнце золочёные главы, белели стены церквей, над всем возвышались фигурные гранёные купола Успенско-

го собора и устремлённая в небо Великая колокольня в Верхней лавре.

— Баба, там снег! — Миша с восторгом показал пальчиком на монастырские сады. Он никогда ещё не видел столько цветущих деревьев издалека.

— Это сады цветут, внучек, — улыбнулась Елизавета Алексеевна. — Сейчас мы ближе подойдём и увидишь цветочки.



Они пошли по всем открытым лаврским храмам, везде молясь, ставя свечи и заказывая поминовение. До Верхней лавры добрались к обеду. Подкрепившись, спустились в Ближние пещеры поклониться мощам святых угодников. Миша сначала испугался темноты, но потом привык к ней и перестал хныкать. Ему всё здесь показалось интересным, таинственным. Как звёздочки на небе, мерцали огни свечей у строгих надгробий. Мальчика приложили ко всем мощам, в костнице помазали благовонным миром от мироточивых глав. Перед каждым алтарём Елизавета Алексеевна усердно молилась. Из пещер вышли нескоро, и Мишенька устал. Бабушка велела Андрею и бонне погулять с ним в монастырском садике, а сама пошла в Успенский собор помолиться и узнать, когда будет доступен для поклонения чудотворный образ Успения Божией Матери. Древний обычай поклонения Ей произвёл на ребёнка неизгладимое впечатление. Икона в круглой золочёной ризе с резными лучами висела над царскими вратами. После литургии её опускали вниз на фигурных цепях, чтоб верующие могли приложиться. Риза ярко блестела, отражая свет от свечей и оконниц, и мальчику почудилось, что нисходит настоящее солнце.

Весь третий день они ходили в Дальних пещерах. Причастившись в лавре на Вознесение, тронулись в обратный путь, чтоб поспеть домой к Троице. Елизавета Алексеевна облегчила наболевшую душу. Здесь с её слов впервые записали в исповедную ведомость возраст на 12 лет больше, чем на самом деле: она ощущала себя и хотела казаться старше. У Мишеньки побледнели золотушные пятна, он больше не расчёсывал их и стал крепче спать. Этим бабушка была очень довольна, но, к её огорчению, внук на ножки так и не встал.

Арсеньева занялась оформлением наследства дочери. Она не могла допустить, чтобы Лермонтовы владели землёй в Тарханах, если зять заберёт сына в своё имение, и пошла на хитрость: себе приписала барщинных крестьян с их имуществом и наделами, а внуку — дворовых, которые земли не имели. Бабушка с опасением ждала возвращения Юрия Петровича. Она решила оставить Мишеньку у себя на воспитание и опасалась, что зять заберёт его силой.

В конце мая, получив письмо Лермонтова о скором приезде, она быстро собралась и увезла внука в Стяшкино — имение своих родственников князей Максутовых, находившееся недалеко от Нижнего Ломова. Одновременно она отправила посыльного к любимому брату Афанасию Алексеевичу Столыпину в Лесную Неёловку.

Юрий Петрович не застал в Тарханах тёщи и сына. На его расспросы дворовые отвечали робко и уклончиво: мол, не знают, должно, уехали куда–то. Отец с нетерпением ждал встречи с Мишенькой, сильно соскучился и, не видя его, вообразил, что мальчик умер и все скрывают горькую правду. Едва сдерживая слёзы, Лермонтов побежал по улице Бугор к церкви. Крестьян спрашивать было бесполезно: мужики и бабы на барщине, а малые дети и дряхлые старики вряд ли знают. Храм оказался закрыт, отец обежал небольшое кладбище и, не найдя захоронения сына, чуть успокоился. У могил жены и тестя он посидел полчаса на деревянной скамеечке, поставленной тёщей, видимо, для себя. И возобновил поиски.

Возле дома священника играл с кошкой пятилетний попёнок.

— Пашенька, ты Мишу не видел? — спросил мальца Юрий Петрович.

— Не–а, — ответил тот, водя перед кошачьей мордочкой обрезком верёвки.

— Знаешь, где он?

— Не–а.

— А папка твой дома?

— Не–а. В Чембал уехал за свечками. Мамка тут, у ней спросите.

Услышав разговор, попадья выглянула из открытого окошка:

— Здрасте, барин. Лизавета Лексевна с Мишей в воскресенье на службе изволили быть, а потом мы их не видели. Вы не тревожьтесь. Поди, уехали куда.

— А Мишенька не заболел ли?

— В воскресенье здоров был. Да вы к кормилице сходите. Она у бар часто бывает.

Лукерью Лермонтов тоже не застал дома. Во дворе новой избы Шубениных он нашёл только десятилетнего Стёпку с младшими сестрёнками.

— Маманя в Дерябиху пошла, папаня и дяденька с тётенькой в поле, а мы тут коноплю от грачей да галок стережём, — поведал мальчик. — А барчонок где, не знаю. Мамка третьего дня к барыне ходила, при ней был.

Такой ответ ничуть не успокоил Юрия Петровича. Теперь он вообразил, что ребёнок серьёзно болен и его повезли к доктору. Отец понуро пошёл назад в усадьбу. У ворот его обогнала знакомая карета. Он со всех ног припустился к дому. Из экипажа вышли Елизавета Алексеевна, её брат Афанасий Алексеевич и Андрей с Мишей.

— Папенька! — радостно вскрикнул мальчик и потянулся к отцу.

Запыхавшийся Юрий Петрович взял сына у дядьки.

— Мишенька! Жив, жив! — он принялся целовать ребёнка со слезами на глазах.

Мальчик прильнул к нему и сказал:

— Я ждал долго–долго. Ты плачешь? Отчего?

— От радости. Я тебя очень–очень люблю! Пойдём, я покажу тебе подарки.

Лермонтов понёс сына в дом, забыв даже поздороваться с тёщей и её братом. Перед ужином он извинился за свою оплошность. Остаток дня Юрий Петрович провёл с Мишей. Он привёз ему оловянных солдатиков и деревянную лошадку, фарфоровых петушков и коробку цветных мелков. Немного поиграв в игрушки, малыш начал рисовать на сукне и спрашивать, что получилось. Отец старался угадать.

— Кошка, — подумав, ответил он.

— Да! Киса.

— А это… зайчик.

— Да! Зайка.

— Это… собачка.

— Нет!

— Тогда бычок.

— Нет!

— А–а–а, лошадка!

— Конь!

Взбудораженный впечатлениями, мальчик уснул поздно. Елизавета Алексеевна уже легла, и объяснение между ней и Юрием Петровичем отложилось до утра.

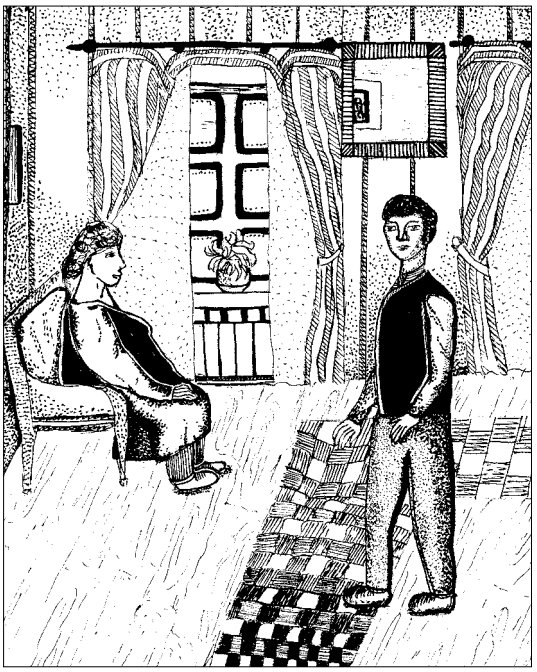
— Отчего вы никому не сказали о вашем отъезде, мадам? Я вчера пережил страшные часы, думая, что мой сын умер! — с упрёков начал разговор Лермонтов.

— Напрасно. Мальчик здоров, как видишь. И даже золотуха почти сошла. Мы были в гостях у Максутовых. Они нам родня. Я вольна ехать, куда хочу, и перед дворней не отчитываюсь.

— Я вам весьма благодарен за заботы о Мишеньке. Мы здесь побудем несколько дней и поедем.

— Погоди. Для внука будет лучше, если останется при мне. Здесь его все любят. А он пока слабенький, на ножки не встал.

— Мне невозможно с ним расстаться. В Кропотове мои незамужние сёстры будут заботиться о нём как о родном. И мать ждёт не дождётся увидеть внука.



— Я не переживу, если ты его увезёшь. После смерти дочери вся моя радость в нём, — Арсеньева прослезилась.

— Ребёнка нужно серьёзно лечить, ему два с половиной года, а он всё ещё не ходит сам, — вмешался в разговор Афанасий Алексеевич. — Если домашнего доктора взять, нужно платить тысячи три в год, не меньше. Может, на воды мальчика везти придётся или за границу — ещё, почитай, тысячи три–четыре потратишь. Ты вот забрать его хочешь, а деньги–то такие имеешь?

— Нет, столько не найду, — Юрий Петрович призадумался. — Я займу.

— А чем отдавать? Не знаешь? То–то. Имение у тебя в долгах, пока не уплатишь, не заложишь. Сестра моя тебе долг сейчас не может отдать. А тут мы ей все поможем.

— Ради памяти дочери, пусть Мишенька пока поживёт у меня. Я поставлю его на ножки, если ты его мне оставишь хоть годика на два. Обещаю тебе, — Елизавета Алексеевна перекрестилась. — Мне нельзя без него.

— Я подумаю, мадам, и завтра дам ответ. На два года, может быть, оставлю.

— Вот ещё что. Мне на дочкин портрет больно смотреть. Она там как живая. Ты можешь забрать его вместе со своим парным, а мне пусть останется копия.

— Благодарю вас сердечно, непременно возьму. Эти портреты написаны в наш с Машенькой медовый месяц и потому особо дороги мне.

— Лиза, ты говоришь о копии, что для меня заказывала? — спросил Афанасий Алексеевич, скрывая недовольство: он предпочёл бы увезти хороший портрет любимой племянницы к себе в Лесную Неёловку, однако перечить сестре было уже неловко.

— Да, но ведь тебе копия не понравилась.

— Она вроде и неплохая, но Машенька там не очень похожа. Нет присущей ей живости взора, и черты будто застывшие.

— А по мне теперь так лучше. Когда построю новый дом, прикажу повесить, а пока и на копию не могу смотреть. Ты, — обратилась она к зятю, — и Машенькины вещи бери, какие захочешь. Они в туалетном столике в её комнате. Я туда как зайду, всё время плачу.

— Мерси боку, мадам, — поблагодарил зять. — Буду хранить их как самые драгоценные реликвии.

Думая всю ночь, Юрий Петрович всё–таки решил оставить сына у тёщи на два года с условием, что он может приезжать к нему, когда и на сколько захочет. У отца не было никакой возможности лечить ребёнка у лучших докторов или везти на воды, а тем паче за границу. С болью в сердце он простился с Мишенькой и поехал в Кропотово, увозя два парных портрета — свой и покойной жены, её альбом, платок, склянку от духов, ещё хранившую любимый аромат, и именную иконку Марии Египетской.

Однако Елизавета Алексеевна всё не находила себе места. Она и через два года не хотела отдавать Мишу. Но все права на стороне Лермонтова, он может увезти ребёнка, когда вздумает, и оттого ненависть тёщи к ни в чём неповинному зятю усилилась. Арсеньева стала советоваться с братом.

— Ты ведь, Лиза, духовную на покойную дочь составляла, надобно переписать. Так отпиши всё Мишеньке, но при условии, если он будет с тобой хоть до совершеннолетия. А иначе в наш род отпиши, — рекомендовал Афанасий Алексеевич. — Лермонтов никуда не денется. Он сына любит и не захочет лишить наследства.

— Да, — обрадовалась Елизавета Алексеевна, — это единственный выход. В Чембаре оформлять не станем: кабы слухов каких не пошло. Надо в Пензу ехать. Вот что, братец, я пока сестрице Наташе напишу, чтоб ждала меня, а ты езжай–ка вперёд бумаги приготовить. Да к Сперанскому сделай визит. Передай Его Высокопревосходительству мою нижайшую просьбу засвидетельствовать духовную.

— Добро, сестрица. Завтра же еду.

Проводив брата, Арсеньева потратила на сборы несколько дней. Очень кстати на дом нашёлся покупатель, и она решила надолго переехать в Пензу поближе к родным. Собрав необходимые документы и отдав распоряжения управляющему, в начале июня она с внуком, дядькой, бонной, слугами и ключницей отправилась в путь.

В Пензе и на Кавказе

Знакомый дом на Лекарской утопал в зелени деревьев. Отцветающий чубушник ронял на землю последние белые лепестки. Собственно, это был не отдельный дом, а городская усадьба, которую Григорий Данилович Столыпин снимал у Никифора Михайловича Заварицкого, перебравшегося с женой в Петербург, где в Пажеском корпусе учился их сын. У Столыпина были и свои одноэтажные дома в Пензе. На другой стороне Лекарской улицы велась отделка купленного им каменного особнячка, делались к нему пристройки. Семья у губернского предводителя дворянства большая, зимой в одном доме тесно: своих детей пятеро, родители, родственники. Слугам и гувернёрам тоже нужна крыша над головой. Но в начале июня стало свободнее: сестра Александра Алексеевна Евреинова с детьми и отцом уехали на Кавказ. Её комнаты и приготовили для Елизаветы Алексеевны с внуком. Перекрестившись на Никольский храм, она вошла в дом. За ней Андрей с Мишенькой, Христина Осиповна и Дарья.

— Здравствуй, Лизавета Алексевна, — радушно встретил свояченицу Столыпин. — Как доехали?

— Здравствуй, Григорий Данилыч, добрались благополучно.

— Мишенька подрос–то как! — он взял малыша у Андрея.

— Здласте, дяденька!

— И говорить стал хорошо. Молодец! А у нас пополнение в семействе.

— Никак сестрица разрешилась? — обрадовалась Елизавета Алексеевна.

— Да, 5–го числа Господь девочку послал.

— Поздравляю! Как крестить думаете?

— Феоктистой. Михайлу Михалыча Сперанского в крёстные пригласили.

— Лучшего восприемника и не придумать! Пойду–ка Наташу поздравлю и на племянницу посмотрю, — сняв с помощью Дарьи дорожный плащ, она пошла к сестре.

— А мы с тобой в детскую пойдём. Я тебе грифельную доску приготовил. Будешь рисовать, — сказал Столыпин Мише.

— Спасибо! Пошли сколей!

В доме Григория Даниловича мальчику было весело играть с детьми, особенно с младшими — ровесником Мишей и двухлетней Аннетой. Бабушка тем временем занялась оформлением духовной. В порыве острой неприязни к зятю она добавила ещё одно условие: в случае её смерти внук сможет получить наследство,

только если будет воспитываться у своих двоюродных дедов по линии Столыпиных. 10 июня духовное завещание было подписано, и уже через три дня при содействии губернатора его утвердила Пензенская гражданская палата. Сперанский полностью доверял Елизавете Алексеевне и с её слов считал Юрия Петровича Лермонтова странным и дурным человеком. В следующий почтовый день он написал Аркадию Алексеевичу Столыпину: *«Елизавета Алексеевна здесь и с внуком своим, любезным дитём. Она совершенная мученица–старушка. Мы решили её здесь совсем основать...»*

Бабушка с помощью родственников принялась подыскивать квартиру: к концу лета должны были вернуться с Кавказа её отец и Евреиновы. Но в дороге случилось беда. Получив почту, Наталья Алексеевна пришла к сестре вся в слезах:

— Лиза, батюшка скончался... — не в силах продолжать она подала ей письмо Александры Алексеевны.

Арсеньева сквозь слёзы прочла: *«Папенька умер, как младенец. До последней минуты был весел и спокоен. Не доехали мы 40 вёрст до Новостолыпиновки, когда он почувствовал спазму в груди и попросил чаю. Мы остановились, чтобы заварить. Я держала батюшкину руку. Он глубоко вздохнул и отошёл ко Господу...»*

Вся семья оплакивала кончину 72–летнего Алексея Емельяновича. Соболезнования Столыпиным выражали соседи, родственники, друзья и даже малознакомые пожилые люди: покойного многие знали ещё со времени бытности его в конце 1780–х годов губернским предводителем дворянства.

Схоронив отца, Александра Алексеевна решила вернуться с детьми домой. Незадолго до её приезда бабушка сняла просторный деревянный дом у дальнего родственника, помещика Григория Львовича Дубенского. В его имении Константиновке в непогоду она иногда останавливалась на пути из Тархан в Пензу. Дом Дубенского стоял на тихой Дворянской улице неподалёку от губернаторской и столыпинской усадеб, что было очень удобно.

Осенью в город съехались из имений пензенские дворяне, и в гостиной у Елизаветы Алексеевны стали собираться родные, друзья, соседи — Загоскины, Бахметевы, Сперанские. Беседовали, играли в карты, пели, музицировали, но без танцев и прочих увеселений: хозяйка соблюдала траур по отцу и дочери. Часто заходил учитель местной гимназии Афанасий Гаврилович Раевский, к которому Арсеньева по–родственному благоволила: в молодости она воспитывалась с его тёщей, оставшейся сиротой в годы пуга-

чёвщины. В городской гимназии учился сын Раевских Святослав, крестник Елизаветы Алексеевны. Она его любила и всячески опекала. Мише исполнилось три года, а Святославу — девять. Несмотря на разницу в возрасте, он не задавался, и мальчикам было интересно играть вместе и рисовать. Особенно забавляла бабушку их игра в рифмы. Она умилялась, когда слышала, как дети перекидывались созвучными словами, словно мячиками.

— Дом, — начинает Святослав.

— Ком, — подхватывает Миша.

— Том.

— Что это?

— Книга такая толстая. Вот смотри, — Святослав достаёт из шкафа книгу и показывает.

— Сом.

— Лом, — и увидев вопрос в Мишиных глазах, Святослав поясняет: — Это прочная железная палка, которой можно выломать или разбить, что хочешь. Например, лёд или кирпич.

Миша думает, у него не выходит подобрать созвучное слово. Его «соперник» спрашивает:

— Сдаёшься?

Мальчик огорчённо кивает головой.

— Эх ты, а я знаю! Альбом! Давай ещё. Кошка.

— Окошко, — оживляется Миша.

— Лукошко.

— Ложка.

— Поварёшка.

— Ножка.

— Крошка.

— Плошка.

— Вошка.

— Сошка.

— Стёжка.

— Это что? — спрашивает маленький Лермонтов.

— Тропинка узкая в траве.

— Ладно, — соглашается Миша. — Застёжка.

Святослав думает и не находит рифмы:

— Не знаю. Сдаюсь. А ты?

— Мошка.

— Молодец! Ты победил!

— Ула! Давай дальше.

— Ну, поэты, довольно, идите чай пить с вареньицем и пряниками, — улыбаясь, приглашает их бабушка.

— Только завтла я пелвый начинаю, — говорит Миша, жуя пряник на коленях у бабушки.

— Непременно, — соглашается Святослав.

В феврале 1818 года из Тархан прибыл обоз с провизией и с ним кормилица. Вернувшись с прогулки, мальчик очень обрадовался:

— Мамушка плиехала!

— Мишенька!

Дядька осторожно посадил ребёнка ей на колени: она находилась на позднем сроке беременности. Мальчик обнял кормилицу, та расцеловала его в румяные с мороза щёчки.

— Голубчик мой, какой большой–то! — заворковала Лукерья. — Я тебе носочки тёпленькие связала, как бы уж не малы были, — она достала из кармана понёвы подарок и надела на Мишины ножки.

— Холоши! — сказал мальчик, разглядывая носочки.

Вечером, укладывая его, кормилица пела свою колыбельную, и Миша заснул быстро и безмятежно. В следующие дни он не от-

пускал мамушку от себя: кушал, сидя у неё на коленях, на прогулку без неё не выходил, в комнате играл при ней с дядькой Андреем, рисовал мелками на полу. Тем временем Лукерья, с умилением поглядывая на воспитанника, связала ему рукавички и шапочку из самой мягкой белой овечьей шерсти, которую собственноручно спряла осенью, стараясь выбрать все жёсткие волоски.

Перед отъездом кормилица почувствовала недомогание, но всё равно собралась в дорогу.

— Луша, да ты совсем на сносях, — остановила её Елизавета Алексеевна. — Я тебя не пущу, ещё родишь в дороге. Сноха твоя с хозяйством справится, чай.

— Да как же, барыня, повитуха говорила, только на Крестопоклонную выйдет срок.

— Мало ль что говорила, ошиблась, видать. В обед доктор придёт к внуку и тебя заодно осмотрит.

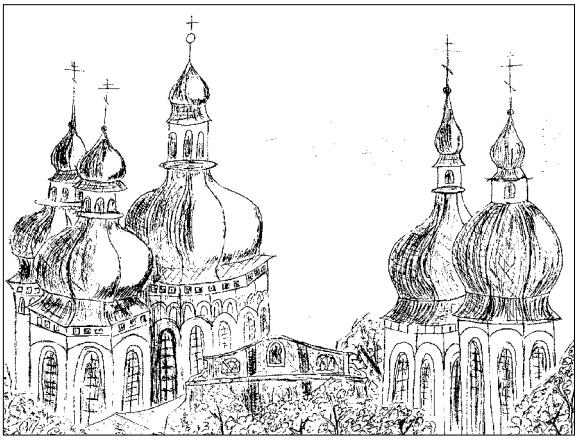
Врач подтвердил опасения бабушки. Вскоре Лукерья Шубенина родила здорового мальчика, и его окрестили Василием.

На годовщину смерти дочери Арсеньева с внуком, кормилицей, новорождённым Васей и слугами отправилась в Тарханы. К тому времени в доме успели отделать и протопить несколько комнат первого этажа. В мезонине даже не приступали к работам. Нужен был хозяйский глаз. Бабушка всё внимательно осмотрела и осталась довольна, дала артели строителей несколько важных указаний и распорядилась насчёт покупки новой мебели в Мишину комнату и в свою.

Прощёное воскресенье пришлось как раз на 24 февраля, годовщину смерти Марьи Михайловны. Её сугубо помянули на литургии, следом отслужили панихиду и литию. Как год назад, церковь была переполнена: приехали соседи–помещики, пришли тарханские крестьяне. Многие не могли сдержать слёз. Бабушка плакала, и Миша тоже. После литии Елизавета Алексеевна попросила у всех по–христиански прощения и велела угощать народ кутьёй и жирными блинами с мёдом. Она каждый день до отъезда бывала на могиле дочери и в храме, особо помянув её в родительские субботы 8 и 15 марта и в день рождения 17 марта. Кончив дела в селе и навестив соседей, Арсеньева решила вернуться в Пензу, пока сохранялся санный путь.

На Радоницу пришло известие, что комнаты в мезонине готовы. 9 мая бабушка выехала в Тарханы с Мишей, Александрой Алексеевной и её детьми, пятнадцатилетней Машей и девятилетним Пашей. После Троицы сёстры решили снова отправиться на

богомолье в Киево–Печерскую лавру, а оттуда собрались на Кавказ: всем детям доктора рекомендовали лечение водами. Елизавета Алексеевна сомневалась, стоит ли везти внука так далеко и в такое опасное место. Сестра её Екатерина Алексеевна Хастатова, у которой было имение на Кавказе и дом на Горячих Водах, в письмах убеждала её приехать. Деньги бабушка с собой на это путешествие взяла, но всё сомневалась.



Облегчив душу на богомолье в лавре, Арсеньева надумала показать мальчика киевским врачам: в Пензе его лечили три года, но толку не было. Родственники рекомендовали обратиться к Ансельму Леви, французу еврейского происхождения. Он получил медицинское образование в Германии, защитил докторскую диссертацию и считался хорошим специалистом по детским болезням. Леви осмотрел Мишу, тщательно прощупал ножки, достал из саквояжа какие–то склянки и стал особым способом растирать колени и стопы.

— Мадам, у вашего внука мокнущая золотуха. Не болел ли кто–нибудь в семье лёгочной чахоткой?

— Моя дочь Машенька, а его мать, умерла полтора года назад от чахотки.

— Золотуха у ребёнка может быть следствием близкого контакта с больной родительницей. Я нахожу у него и английскую болезнь. Кроме приёма порошков с серным цветом, мальчику необходимо гулять на свежем воздухе, на солнце. У Мишеля крепкие мышцы, но слабые суставы, оттого он не ходит. Нужны специальные мази и растирания. Это поможет укрепить их. Но тазобедренные суставы нуждаются в особенном лечении. Надо ехать на Кавказ, на воды. Доктор Гааз изучил и открыл там много полезных источников, — Ансельм вынул из саквояжа зачитанную брошюру. — Вот его отчёт о том, какие воды от чего помогают.

— Наслышана о целебных свойствах минеральных источников, доктор. У меня на Горячих Водах сестрица живёт. Она нас зовёт к себе. Но дорога дальняя и опасная, а внучок совсем мал.

— Не сомневайтесь, мадам. Надо ехать. Мальчик непременно должен пойти после лечения. На южном солнце и водах золотуха и английская болезнь у него пройдут. Пока вы здесь, я попользую вашего внука, но не оттягивайте путешествие.

Через несколько дней бабушка заметила, что Миша стал увереннее стоять, держась за спинку стульчика. Болезненной Маше Евреиновой тоже стало лучше от назначенного Ансельмом Леви лечения. И Арсеньева пригласила его к себе и внуку домашним доктором, предложив достойное жалование и бесплатный стол. Доктор принял выгодное предложение.

Вскоре они выехали из Киева. По дороге на несколько дней остановились в станице Аксай, ожидая, пока соберётся караван желающих ехать на воды. Гостеприимные казачьи хаты, издалека казавшиеся Мише огромными грибами–боровиками, тут и там виднелись сквозь зелень деревьев у живописной излучины Дона в месте слияния его с Аксаем. Здесь же соединялись две дороги на Кавказ, где было действительно неспокойно. Поэтому караваны охраняли хорошо вооружённые отряды казаков.

Переправляться через широкую реку на барже, которую тащили бурлаки, взрослым и боязливой Машеньке Евреиновой было поначалу страшновато. Её брат наоборот пришёл в полный восторг. А Миша чувствовал себя в безопасности рядом с бабушкой, дядькой Андреем и бравым усатым хорунжим, взявшим его на колени. Баржа плыла очень медленно и наконец причалила. По широким мосткам выгрузились на сушу коляски с лошадьми, сошли на берег путешественники, жаждущие исцеления, и караван пустился дальше. Начались предгорья Кавказа. Всю дорогу Миша с любопытством и восторгом глядел вокруг. Маленькому мальчику, привыкшему к равнине, даже небольшие холмы казались высокими. А отдельно стоящие горы представлялись ему сказочными великанами.

На Горячих Водах Екатерина Алексеевна с искренним радушием встретила сестёр с детьми — так по ним соскучилась. Она была вдовой боевого генерала Акима Васильевича Хастатова. Её муж скончался в 1809 году в Петербурге. В столице она не осталась и поселилась на Кавказе, где у неё было имение Шелкозаводское в Чечне и дома на Горячих и на Кислых Водах. С горцами за долгие годы она научилась ладить и пользовалась их уважением. При ней жили одиннадцатилетний сын Аким, ловкий и бесстрашный мальчик, дочь Марья Акимовна с трёхмесячным сынишкой Петенькой и зятем Павлом Петровичем Шан–Гиреем, штабс–капитаном 16–го Егерского полка. Другая дочь, 16–летняя

Аннета, была пока не замужем.

Небольшая, но вместительная усадьба Хастатовых располагалась в тенистой лощине недалеко от целебных источников. Всем гостям здесь нашлись уютные комнаты. Елизавета Алексеевна очень любила свою старшую племянницу, которая была лучшей подругой её покойной дочери. Чернобровая, темноглазая, стройная, молодая женщина даже внешне походила на свою двоюродную сестру и тёзку. Марья Акимовна получила образование в столичном институте благородных девиц. Она обладала незаурядным умом и добрым сердцем. Миша сразу к ней привязался, ведь она напоминала ему мать. Тётя с увлечением занималась с ним, учила его лепить фигурки из цветного воска, слегка разогретого в тёплой воде. Мальчику лепка очень понравилась.

К водам надо было подниматься невысоко в гору по каменистой тропе. Аким Хастатов не любил ходить с маленьким племянником и его дядькой, предпочитая верховые прогулки с Павлом Петровичем. До Елизаветинского источника, откуда пили как из родника, наливая воду в принесённые с собой стаканчики, Мишу обыкновенно нёс Андрей. Потом купались в горячем Александровском источнике. Здесь были выбиты в туфе пять купален с раздевалками в дощатых домиках, обмазанных глиной. До обеда по билетам купались мужчины, после обеда — женщины. Миша был ещё мал, и дядька Андрей придерживал его в купальне под присмотром доктора Ансельма. Мальчик вначале капризничал, ему не нравилась вода с неприятным серным запахом, и ребёнку ставили в пример Пашу Евреинова, с удовольствием принимавшего прописанные ванны. Тогда дядька

придумал вырезать деревянные игрушки, которые можно пускать на воду. Как–то вечером он мастерил уточку для Миши. Мальчик, сидя рядом на стульчике, лепил из воска. Глядя на работу Андрея, он без подсказки сам вылепил уточку. Марья Акимовна похвалила племянника:

— Молодец, вышло похоже. Давай ей глазки сделаем, — она скатала маленькие жёлтые шарики и осторожно прилепила. — Вот так.

— Тётенька, можно я её на источник возьму.

— Что ты, Мишенька, она в горячей воде растает. И не будет плавать, как деревянная.

— А почему?

— Она тяжелей, — ответил дядька. — Вот смотри.

Он налил в тазик холодной воды из колодца и пустил туда обеих уточек. Деревянная осталась на плаву, а восковая утонула.

— Ладно, эту возьмём, — Миша показал на деревянную уточку.

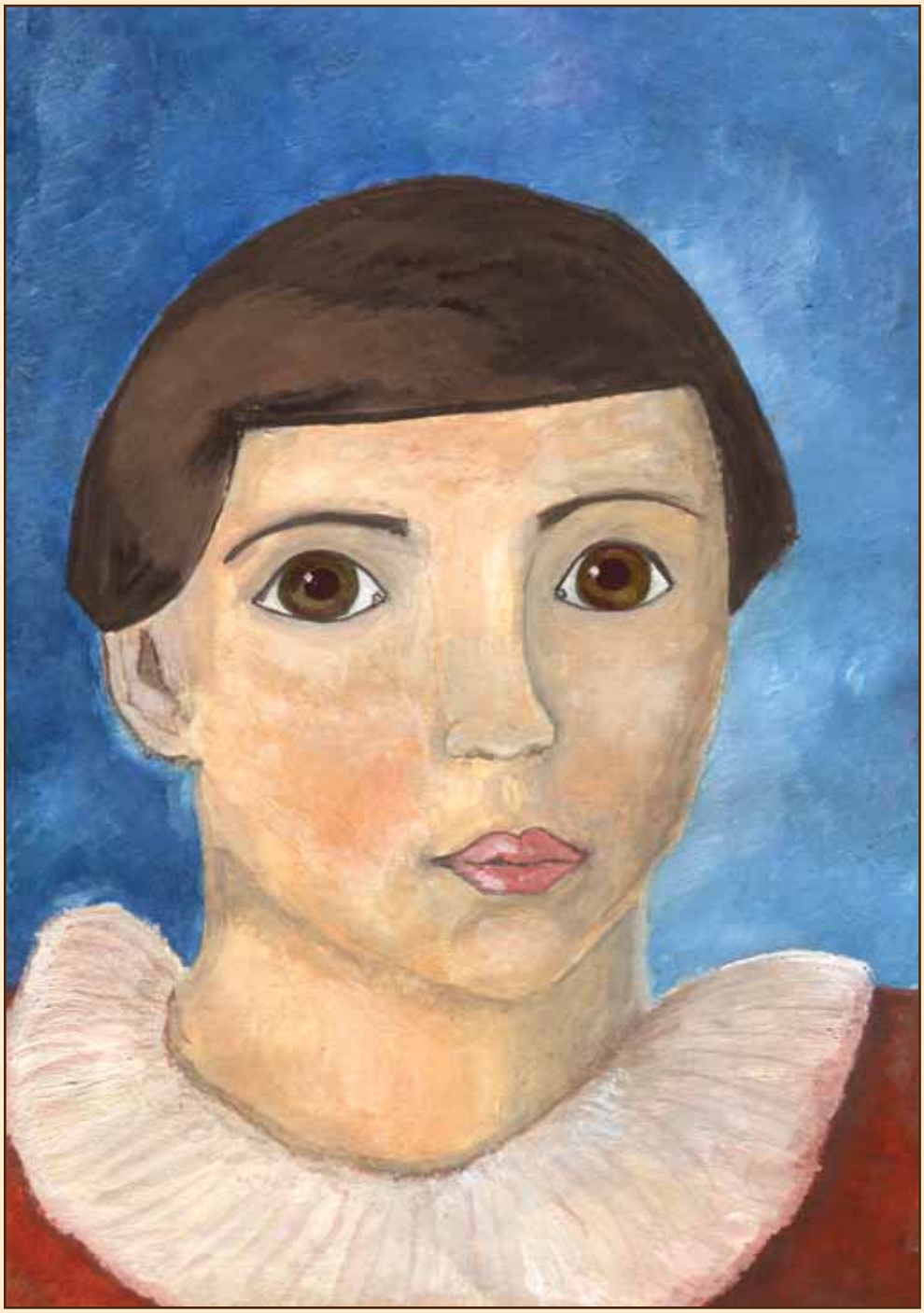
— А твою мы завтра красками распишем. Пёрышки нарисуем и лапки. Я тебе покажу, как надо. Теперь же пора в постельку, мой сладкий.

Марья Акимовна взяла зевающего племянника на руки и понесла в комнату. Он так и уснул на руках у любимой тётеньки, прижавшись к ней, как к родной матери.

На следующий день мальчик охотнее принял ванну, а потом ему очень понравилось купаться, забавляясь деревянными корабликами, ковшиками, уточками.

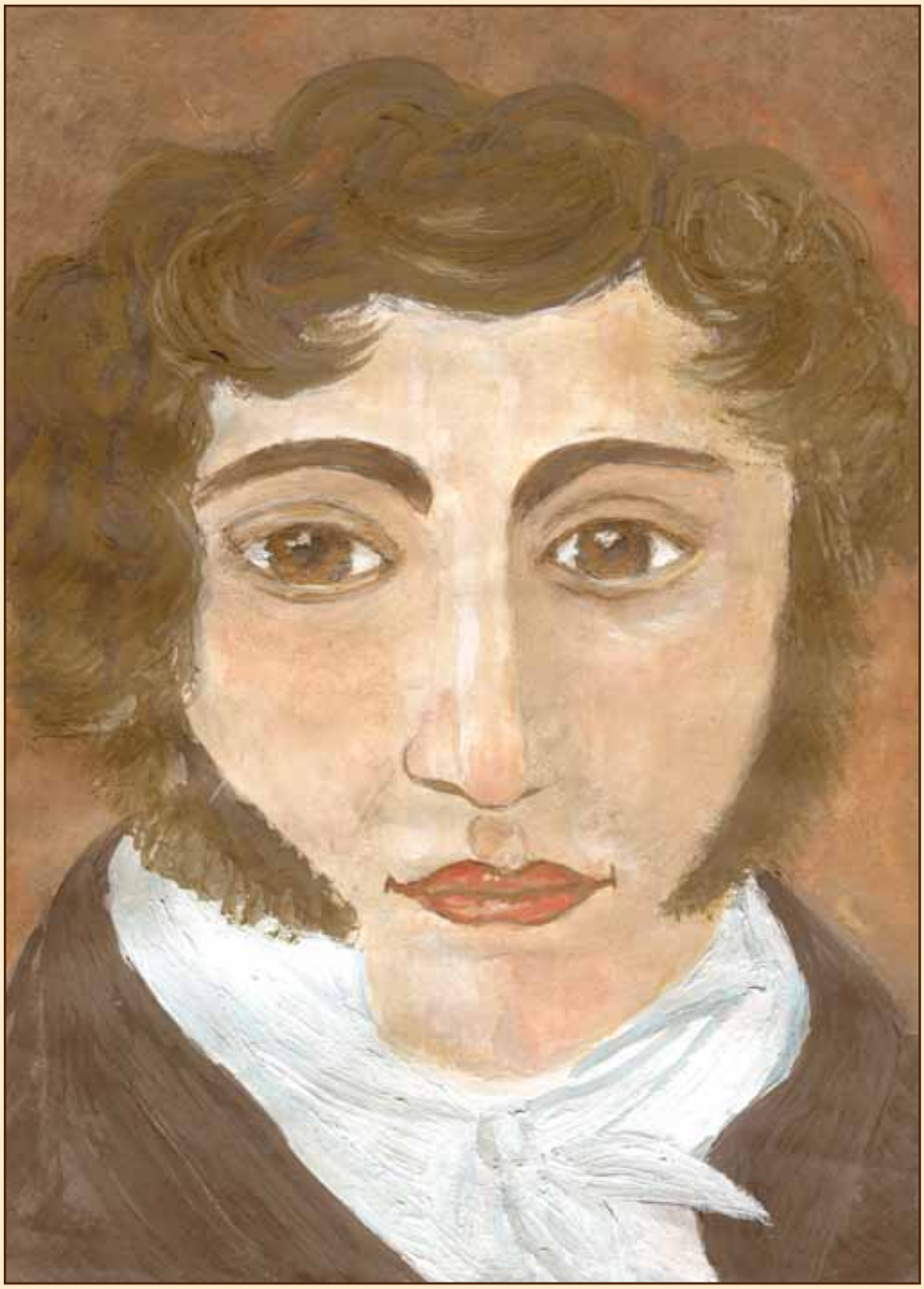
Кончив курс лечения водами, Елизавета и Александра Алексеевны с детьми, слугами и доктором простились с Хастатовыми и Шан–Гиреями и тронулись в обратный путь.

Четырина Алёна. 14 лет
Афанасий Алексеевич Столыпин в молодости

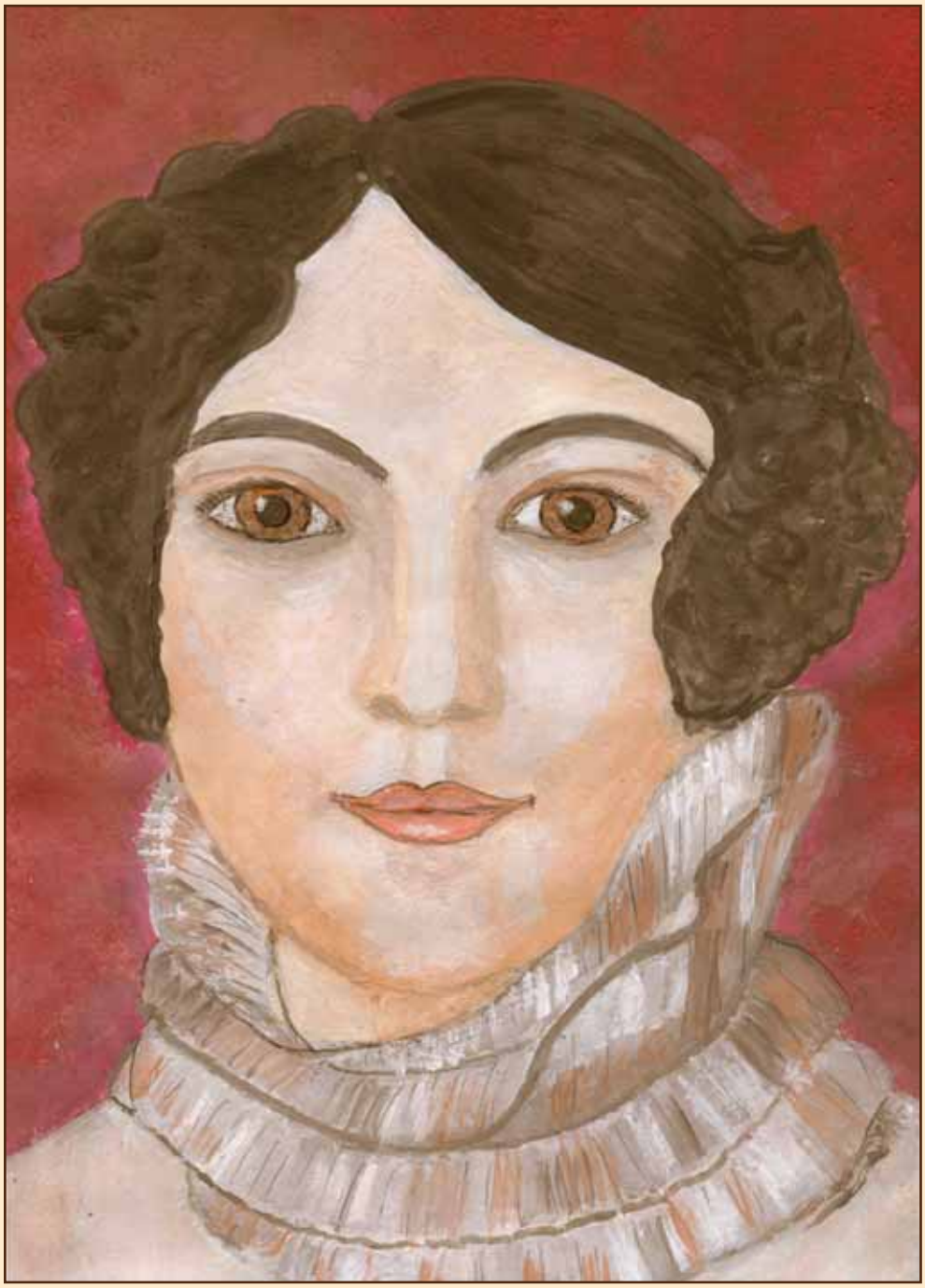


Четырина Алёна. 14 лет.
Миша Лермонтов в шестилетнем возрасте

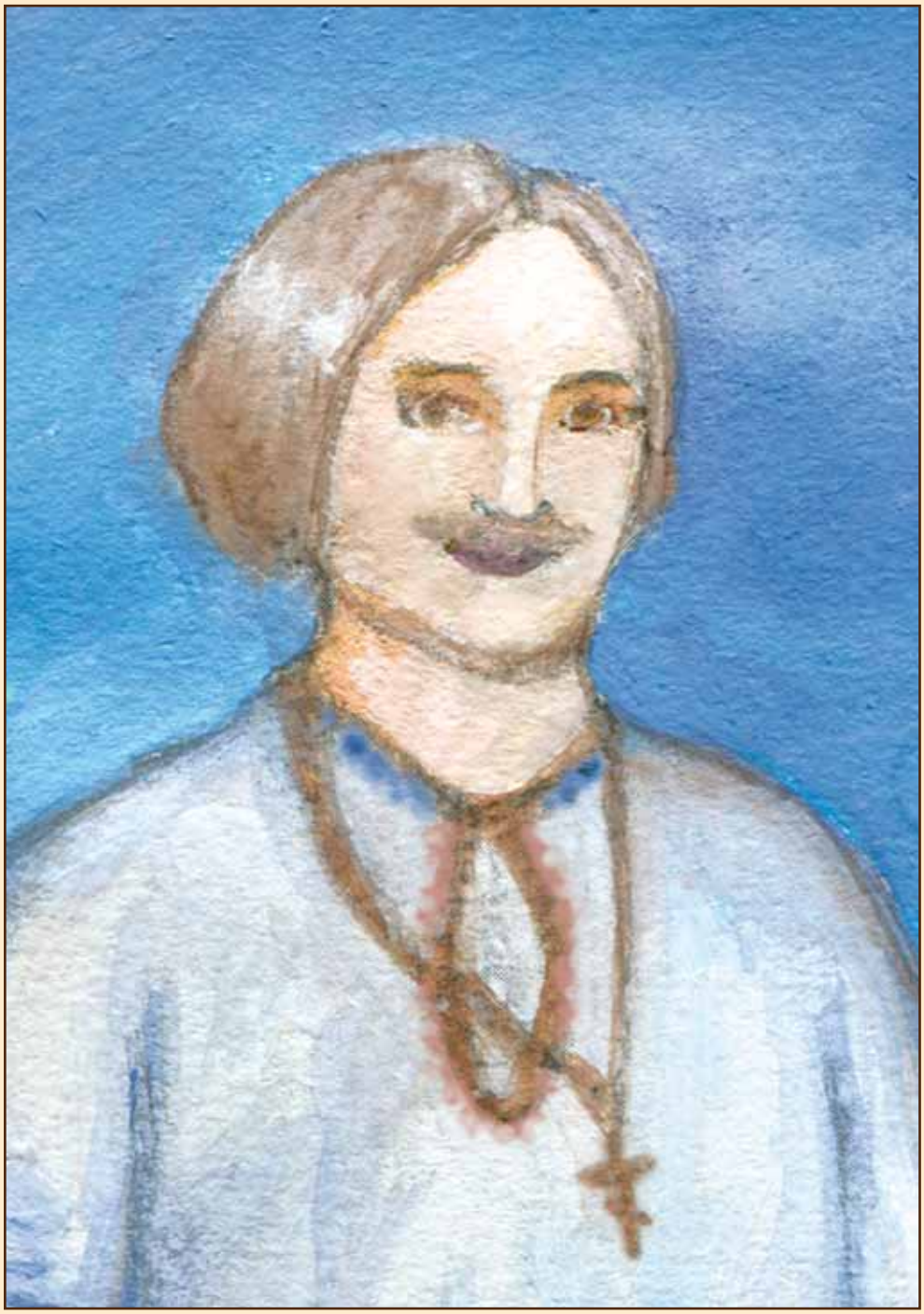
Четырина Алёна. 14 лет
Кормилица Лукерья Шубенина



Четырина Алёна. 14 лет. Юрий Петрович Лермонтов



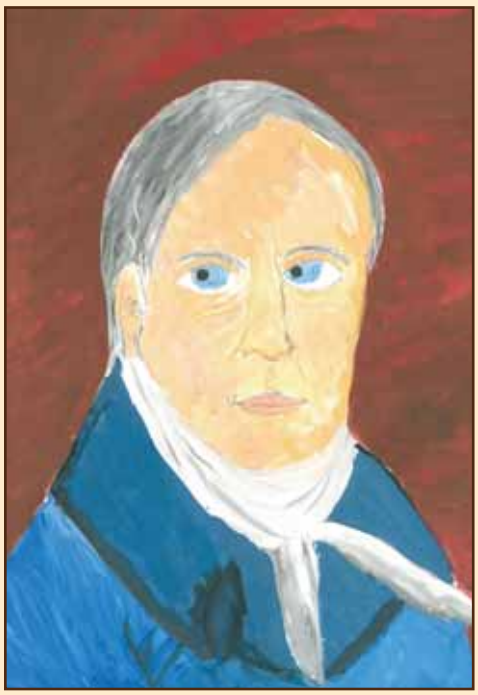
Четырина Алёна. 14 лет. Марья Михайловна Лермонтова



Сиделёва Валерия. 14 лет
Дядька Андрей Соколов

Сиделёва Валерия. 14 лет
Елизавета Алексеевна Арсеньева в молодости

Карпова Анастасия. 10 лет. Портреты Юрия Петровича и Марьи Михайловны Лермонтовых



Карпова Анастасия. 10 лет
Портреты гувернёра Жана Капе (в старости) и бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой (в зрелости)

Первые шаги

В Тарханы путешественники прибыли в конце сентября, когда урожай собрали, а деревья в золотых и багряных нарядах походили на яркие языки пламени на фоне серебристого осеннего неба. Новый дом снаружи был выкрашен охрой, а внутри полностью отделан и обставлен по указаниям хозяйки. Для Миши приготовили две просторные комнаты в мезонине — спальню с детской мебелью и игровую. Вторую комнату можно было легко превратить в кабинет для учебных занятий, когда мальчик вырастет.

Ему исполнилось четыре года. Золотуха у него затихла, он окреп, уверенно стоял и даже начал бодро ходить, держась за две руки дядьки. Иногда Андрей отпускал одну руку, Миша делал несколько шагов и хватался за дядькину штанину.

Ансельм Леви успокаивал бабушку:

— Ваш внук вот–вот пойдёт самостоятельно. Результат лечения водами сказывается не сразу.

— Дай–то Бог, доктор.

Миша полюбил сидеть на своём высоком стульчике у окна и смотреть на плывущие облака. Вот они, серые и унылые, закрыли солнце и волнуются, словно огромное покрывало, по которому снуют редкие тёмные тучки. В обед небо просветляется и облака, как белокрылые ангелы, медленно плывут по чистой лазури. Порой на закате они распускаются на лиловом куполе небес исполинским алым веером. Ближе к ночи восходит луна. Мальчику видится, будто она то улыбается, то хмурится в полупрозрачных облаках и робкие звёздочки не осмеливаются к ней приблизиться…

В день Мишиных именин с утра было темно и холодно, как обычно в ноябре, а в хорошо протопленной церкви — тепло и уютно. Отец Алексей благоговейно отслужил литургию, причастил

именинников, младенцев и прихожан, бывших на исповеди. Миша искал глазами кормилицу, но её на службе не было. Андрей вынес мальчика из полумрака храма на улицу, и оба они невольно зажмурились: кругом белым–бело, редкие снежинки летят прямо в лицо ажурными хлопьями. И от этого на душе светло и радостно.

— Снежинки — пушинки! Снежок — твор–рожок! — сам с собой играет в зимние рифмы Миша. Он научился выговаривать «р», но звук у него получался пока грассирующим.

— Умница! — дядька целует его в щёчку, щекоча жёсткими усами, и садится с ним в сани.

— Санки — бар–ранки! Ель — метель! Ледок — холодок! — весело продолжает мальчик.

— Мишенька, именинничек, сладенький, миленький! Ни у кого такого умненького барчоночка нет, только у нас! — подлизывается подоспевшая к ним Дарья.

Усаживаясь рядом с Андреем, ключница тянется поцеловать мальчика, но он, насупившись, отворачивается, и она чмокает в ухо дядьку. Тот смеётся и ответно целует её в разрумянившуюся пухлую щёку. Миша этого не видит, а барыня, проезжая мимо, полушутя грозит им пальцем. Сани мчатся к усадьбе. Мальчик поворачивается и дразнит ключницу:

— Дашка — медяшка!

— Ишь, как выходит–то! — всё равно хвалит та елейным голосом. — И в склад и в лад!

— Дашка — кр–расная мор–рдашка!

— И вправду красная, — не обижается Дарья и, строя глазки Андрею, предлагает: — А про дядьку скажите.

— Не хочу! Дашка била чашки! — не унимается Миша.

— А вот и не била ни одной, правда, Андрей?

— Не била, не била! — улыбаясь, подтверждает дядька.

— Андр–рей — вор–робей! — рифмует мальчик, дуя губки.

— Не воробей, а голубчик! — кокетничает ключница.

— Голубчик — длинный чубчик.

— Ишь, как верно приметили–то, — хитро хвалит мальчика Дарья. — Приходи, Андрюша, вечером постригу.

— И приду! — обещает тот.

Сани подъезжают к дому, ключница соскакивает и резво бежит к барыне, а Миша сердится и кричит вслед:

— Дашка — букашка!

И показывает ей язык. А она, подхватывая Елизавету Алексеевну под руку, продолжает его нахваливать:

— Внучок–то у вас какой смышлёненький, не чета другим детям!

— Весь в деда своего Михайлу Васильича! — соглашается довольная бабушка, поднимаясь на крыльцо.

После обеда и сладкого с клубничным именинным пирогом она подарила внуку грифельную доску на деревянной подставке и большую коробку ярких мелков. Проводив гостей, Елизавета Алексеевна прилегла вздремнуть на кушетке. Верная Дашка устроилась при ней на тюфяке.

Дядька Андрей, прочно закрепив доску в игровой комнате рядом с поручнем, оставил именинника под присмотром бонны и пошёл во двор утеплять сани: после отдыха Елизавета Алексеевна задумала прокатить внука. Мальчик вначале забавлялся подаренными ему деревянными кувыркунами — ярко размалёванным клоуном и девочкой на шаре. Скоро кувыркать их ему надоело. Христина Осиповна открыла коробку с мелками, и он, держась левой рукой за поручень, правой рисовал белочку, когда его пришла проведать кормилица. Миша очень обрадовался:

— Мамушка!

— Мишенька, с именинами! Вот подарочек вам принесла, — стоя у порога, Лукерья развернула белёный кушачок. — Тут моя

Параша вышила крестиком по канве ангелков. Гляньте, какие милые!

Мальчик положил мелок и неожиданно для себя сделал несколько шагов к кормилице. Христина Осиповна и Лукерья вместе вскричали:

— Пошёл, пошёл!

— Голубочек мой, пошёл! — кормилица присела, на радостях расцеловала Мишу и подвязала кушачок.

Елизавета Алексеевна, услышав долгожданную весть, вскочила с кушетки и в детскую.

— Вот счастье великое! — она протянула руки к внуку. — Ну, Мишенька, ступай ко мне!

— Боюсь!

— Ну–ну, смелее!

Ребёнок робко сделал шаг к бабушке, потом увереннее второй, третий, четвёртый, пятый… и ухватился за юбку.

— А теперь к Христине Осиповне. Ну–ка!

Мальчик, покачиваясь и переваливаясь, подошёл к улыбающейся бонне.

— Зер гут, мин херц. Очен карашо! — похвалила та и погладила его по головке.

— Молодец! — подхватила Елизавета Алексеевна, сияя от радости. — Уж как мы молились, чтоб воды помогли! Слава Богу, дождались! — она истово перекрестилась на икону Спаса Нерукотворного. — Дарья! Беги скорей в церковь, закажи молебен благодарственный.

— Каким святым? Или Богородице?

— И Спасителю, и Богородице, и Михаилу Архангелу.

— Так Михаилу Архангелу сегодня служили.

— Тогда Николе Угоднику, а Михаилу Архангелу завтра.

— Слушаюсь, барыня.

— Погоди–ка. Там Андрей во дворе, поди, уж сани приготовил. Пусть подвезёт тебя до церкви. Скажи, я велела.

— Благодарствую, барыня! — обрадовалась Дарья и понеслась в прихожую одеваться.

— Дашка — кувыр–ркашка! — дразнит её вдогонку Миша.

Но быстроногой ключницы уже и след простыл. Бабушка, улыбаясь, говорит:

— Полно, внучек. Пора собираться на катанье. Андрей скоро обернётся. Христина Осиповна, одевай Мишеньку.

В шубке и валенках мальчику шагать трудно, и бонна крепко держит его за одну ручку, ведя к саням.

С каждым днём Миша ходил всё увереннее и увереннее и скоро начал резво бегать. Через два месяца гости, видевшие его впервые, уже не догадывались, что самостоятельно он пошёл только в четыре года.

Тарханские праздники

За неделю до Рождества в Тарханы к сыну приехал Юрий Петрович. Он не видел его почти полгода. Соскочив с подножки возка, отец хотел войти в дом, но у крыльца встретил Елизавету Алексеевну. Поздоровавшись с ней, Лермонтов спросил:

— А где Мишенька?

— В Дальнем саду. Я туда иду прогуляться.

— И я с вами.

Тёща шла медленно, а Юрию Петровичу не терпелось поскорее увидеть сына, он извинился и обогнал её. Вокруг беседки ребята играли в пятнашки. Дядька Андрей стоял неподалёку, приглядывая за ними. Миши на руках у него не было. И вдруг Лермонтов увидел знакомую лисью шубку среди овчинных тулупчиков крестьянских детей. У него мелькнула мысль: «Неужели сын? Или его шубку отдали дворовому мальчику?» Он окликнул ребёнка:

— Мишенька!

Тот обернулся и радостно закричал:

— Па–а–апенька! — и, не обращая внимания, что его осалили, бросился со всех ног к отцу.

— Мальчик мой, ты уже бегаешь! — Юрий Петрович принялся целовать румяные от морозца щёчки сына.

— Папенька, я так скучал, скучал, — обняв отца, Миша крепко прижался к нему. — Отчего вы долго не приезжали?

— Не мог, радость моя!

Лермонтов закружил сына, и оба они смеялись от счастья.

— Прости, собиралась тебе написать, что внук пошёл, да в суете запамятовала, — извинилась подошедшая к беседке Елизавета Алексеевна.

— Это теперь неважно. Я бесконечно благодарен вам за исцеление Мишеньки. Вы сдержали своё обещание.

— Доктора поблагодари. Он к экзамену готовится на право самостоятельной практики у нас в России и без сомнения скоро успешно сдаст. Не зря плачу ему три тысячи.

— Конечно, мадам. Я хочу пройтись с сыном по саду.

— Иди. Но только на полчаса. Внук уже давно гуляет, ему хватит.

Лермонтов взял ребёнка за ручку, и они пошли вглубь заснеженных аллей.

На другой день выпало много снега. Елизавета Алексеевна приказала мужикам устроить для Миши ледяную горку на поляне возле дома. Отец деятельно руководил «строителями». Горка вышла широкая и высокая, но не крутая. Вечером её залили, и с утра детвора уже вовсю каталась: Миша и Ваня Соколов, сын управляющего, на деревянных салазках, а дворовые ребята — на ледянках, вырезанных на

замёрзшем пруду. Сначала Миша съезжал в паре со Святославом Раевским, который проводил у крёстной рождественские вакации. Но вскоре малыш сам научился управляться с саночками. Влезать ему с ними было трудно. Отец подсаживал сына на несколько ступенек и подавал салазки, когда тот был уже наверху. Катание сопровождалось шумом, смехом, визгом. Разделяя радость детворы, Юрий Петрович впервые после смерти жены почувствовал себя счастливым.

Наступило Рождество, за ним Святки. В таусень — канун Нового года — в усадьбу приходят ватаги колядующих ребятишек. Заходят в барский дом и таусенят, приплясывая:

Таусень, таусень,
Новый год!
Пышки, лепёшки,
Свиные ножки!
Дяденька, тётенька,
Дай пирожка!
Не дашь пирожка —
Сведём бычка за рожка.

Перед Мишей и Святославом стоит корзина с пирогами и пряниками, они бросают их в мешки детям, а Юрий Петрович даёт им копеечки. Но вот корзины опустели, и Миша бежит к бабушке:

— Бабенька, мы всё р–раздали!

— Вот и ладно, берите другую корзину и раздавайте дальше.

Подоспевший Святослав тащит новую корзину в прихожую, а там уже другая ватага таусенит:

Пришли святки–таусени
Во осиновые сени
На липовых саночках.
Саночки сломалися,
Рубашки замаралися,
А овсени–таусени
Потерялися.
Рано утром дядька Фрол
По селу гулять пошёл
И овсени–таусени
У колодезя нашёл.

Пирожка да пряничка
Дайте нам для праздничка!
Коли не дадите,
Нас не повините.
Таусени, таусени
Не придут до вашей сени.

И всех таусеньщиков Миша и Святослав щедро одаривают.

На следующее утро бабушка освободила дворовых от урочной работы, чтоб они наряжались и развлекали внука, с нетерпением ждавшего их появления. После завтрака в украшенную бумажными гирляндами гостиную стучатся первые из них. Святослав открывает дверь, и вбегают мужик, наряженный волком, с девкой–«лисой», а за ними, нарочно сгорбившись, ковыляет невысокий «старичок» с усами и длинной бородой из пакли. Он играет на гармошке, а «волк» с «лисой» пляшут и звонко поют:

— Кума–лисонька —
Шубка плисова,
Щёчки рыженьки,
Хвостик пышненький.
Ты со мною от души,
Кума, нынче попляши!

— Попляшу я, волченька,
Попляшу до ноченьки.
Только, чур, ты, куманёчек,
Остры зубки — на замочек.
Ты мне чарочку налей,
Пляска будет веселей!
А дедочек стареньский
Нам сыграет барыньку.

— Вам сыграю барыньку —
Молоду, не стареньку,

Да сыграю трепака —
Разомните–ка бока
На Христовы Святочки,
На велики праздничи!

Миша крутится возле ряженых, повторяя за ними плясовые движения, потом бежит к Елизавете Алексеевне:

— Баба, там такие пр–ришли: один весь сер–рый, другая р–рыжая, а с ними бор–родатый!

— Кот, кошка и козёл, что ли? — нарочно спрашивает бабушка, будто не знает.

— Не, — мотает головой внук.

— А у серого зубы белые?

— Да!

— Острые?

— Да!

— А у рыжей хвост пышный?

— Да!

— С белым кончиком?

— Да!

— А бородатый с рогами?

— Нет.

— Волк, лиса и старик.

— Вер–рно!

— Вот им на гостинчик. Отнеси и жди других, — бабушка даёт Мише три монеты.

Мальчик бежит к ряженым. Получив деньги, те с песней выходят из гостиной:

Мы тут пели и плясали,
Притомилися,
У нас шпоры на сапожках
Притупилися!
Нам пора уж отправляться
В путь–дороженьку,
Вас за щедрые подарки
Спаси Боженька!

В кого только ни рядились дворовые: в медведей, собак, котов, лошадей, молодёжь — в стариков, парни — в девок и наоборот. Елизавета Алексеевна раздаёт всем деньги и подарки. В этот раз она в духе и к зятю не придирается.

Накануне Крещения Юрий Петрович уехал в хорошем настроении, рассчитывая вернуться за сыном весной и не подозре-

вая, что ждёт его: тёща пока не ознакомила зятя со своим духовным завещанием.

Время летит быстро, оставляя в детской памяти только самые яркие события. Слава Богу, если радостных впечатлений больше. Умеет русский народ работать, любит и праздновать. Широкая масленица в Тарханах — шумная, раздольная, весёлая, с пышными блинами, пирогами, чаем и гуляньями. В Прощёное воскресенье Мише очень понравилось катание на тройках в открытых санях. Воздух в степи уже не такой морозный, как в январе. Солнце светит ярко. Тройка бежит быстро, снежный наст на степных просторах лучится разноцветными блёстками, колокольчик весело звенит–переливается. Влетает тройка в село, а там нарядные деревенские девчата пляшут вокруг чучела Масленицы и поют хором:

Ой да Масленица на двор въезжает,
Широкая на двор въезжает!
А мы, девушки, её сострéчаем,
А мы, красные, её сострéчаем!
Ой да Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую!

Чучело сожгли, отгуляла масленица. Весь Великий пост мальчик очень ждал отца, но и к Пасхе Юрию Петровичу приехать не удалось.

Началась Светлая седмица — время особенно радостное, счастливое. Для Миши накрасили отваром луковой шелухи много яиц и сложили в корзины. В зал пришли дворовые девушки в праздничных сарафанах и приветствуют барчонка:

— Христос воскресе!

— Воистину воскр–ресе! — отзывается Миша: так научила его бабушка.

Евлампия, дочь управляющего, аккуратно начертила на полу мягким мелком ровную черту кона. Каждый катальщик положил на неё по паре яиц, кто куда захотел. Отсчитав пятнадцать шагов, Евлаша провела ещё одну линию — откуда катить мячик. Девушки положили в пустую корзину по одному помеченному яйцу и несут Мише для жеребьёвки:

— Вы, барин, первый будете, а мы за вами в очередь. Доставайте по яичку: определим, кто за кем.

— Ладно, — соглашается довольный Миша.

Закрыв глаза, мальчик вытаскивает наугад яйца. Чьё достал, та и следующая. Миша берёт плотно свалянный войлочный мя-

чик, становится на линию и пускает его. Мячик не докатывается до яиц. Мальчик огорчён, но корзина у него ещё полная. Девушки играют по очереди. Поразившая «цель» забирает «выбитые» яйца и бросает мяч снова, пока не промажет. Наконец подошла Мишина очередь. Он пускает мяч с силой, но не попадает, потому что яиц на кону уже мало. «Ничего, в другой раз получится!» — ободряет его Евлаша. Наконец, мальчик задевает мячиком два яйца, кладёт их в свою опустевшую корзину и бежит показать Елизавете Алексеевне:

— Бабушка, вот! Я выигр–рал!

— Ну и слава Богу! — отвечает та. — Молодец! Бери новую корзинку и играй дальше.

Выигранные яйца всегда кажутся Мише особенно вкусными. А довольные девчата возвращаются в людскую с полными корзинами.

Отцовская жертва

В конце апреля Юрий Петрович наконец выбрался в Тарханы. Ехал он в хорошем настроении, намереваясь забрать любимого сына у тёщи. Лермонтов был благодарен Елизавете Алексеевне за лечение Миши и неусыпные заботы о нём, но теперь отцу пора самому заняться воспитанием ребёнка. Бабушка и её домочадцы слишком балуют мальчика, он растёт капризным и своенравным. Юрий Петрович не раз говорил об этом тёще, но та только отмахивалась: мол, внук ещё слишком мал и слаб здоровьем, подрастёт — и всё встанет на свои места. Отец несколько лет работал воспитателем в 1–м Кадетском корпусе и по опыту знал, как трудно преодолевать недостатки воспитания в раннем детстве. Нельзя допустить, чтобы сын походил на плаксивую избалованную девчонку.

В нежной зелени распускающихся деревьев мелькнул крест Никольской церкви. По ней Тарханы именовали в официальных документах «село Никольское». Свернув с тракта, Юрий Петрович приказал кучеру остановиться возле храма, умылся у колодца с дороги, вытерся носовым платком и пошёл к могиле жены. Тёща установила там надгробие из коричневого крапчатого мрамора, увенчанное вазой с крестом, рядом с памятником отцу. Могила была тщательно ухожена и украшена, земля подготовлена для посадки живых цветов. Лермонтов перечёл надпись на памятнике, хотя знал её наизусть: *«Под камнем сим лежит тело Марьи Михайловны Лермантовой, урождённой Арсеньевой, скончав-*

шейся 1817го года февраля 24го в субботу. Житие ей было 21 год 11 месяцев и 7 дней». Рядом в траве лучились венчики мать–и–мачехи, чуть поодаль распускались яблони и вишни, источая нежный аромат весны. Юрий Петрович горестно вздохнул: всё кругом полно жизни, а обожаемой Машеньки нет с ним уже третий год. Утешала только мысль, что теперь единственный сын будет при нём. Он сумеет воспитать его достойным гражданином, честным, умным и добрым человеком.

Поставив в храме свечи и сердечно помолившись об упокоении жены и здоровье сына, Лермонтов приехал в усадьбу. Дома была только ключница.

— Здравствуй, Даша. А где Мишенька, где Елизавета Алексевна?

— Здрасте, барин. Барыня в Круглом саду. Посадки пошли посмотреть. Обождите, скоро придут.

— А мальчик мой где, здоров ли?

— Здоров, слава Богу. Давеча к соседям отвезли.

— К которым же?

— Не знаю, — схитрила Дарья. — У барыни спросите.

Взволнованный Юрий Петрович побежал вниз по дорожке к пруду, дальше по насыпи в Круглый сад и на мостике встретился с тёщей.

— С приездом! — холодно ответила она на его приветствие.

— Вы же знали, что я скоро буду здесь. Отчего опять увезли сына?

— Он в Стяшкине с Афанасием. Внуку одному тут скучно, я его на неделю к Максутовым отправила. Пусть поиграет с Петенькой и Андрюшей. Послезавтра Афанасий его привезёт.

— Я очень соскучился, сам туда поеду.

— Погоди, нам надо прежде дела обсудить. Пройдём ко мне.

Тёща говорила вежливо, но от её ответов веяло неприязнью. Закрыв дверь своей комнаты, она присела к письменному столу и спросила:

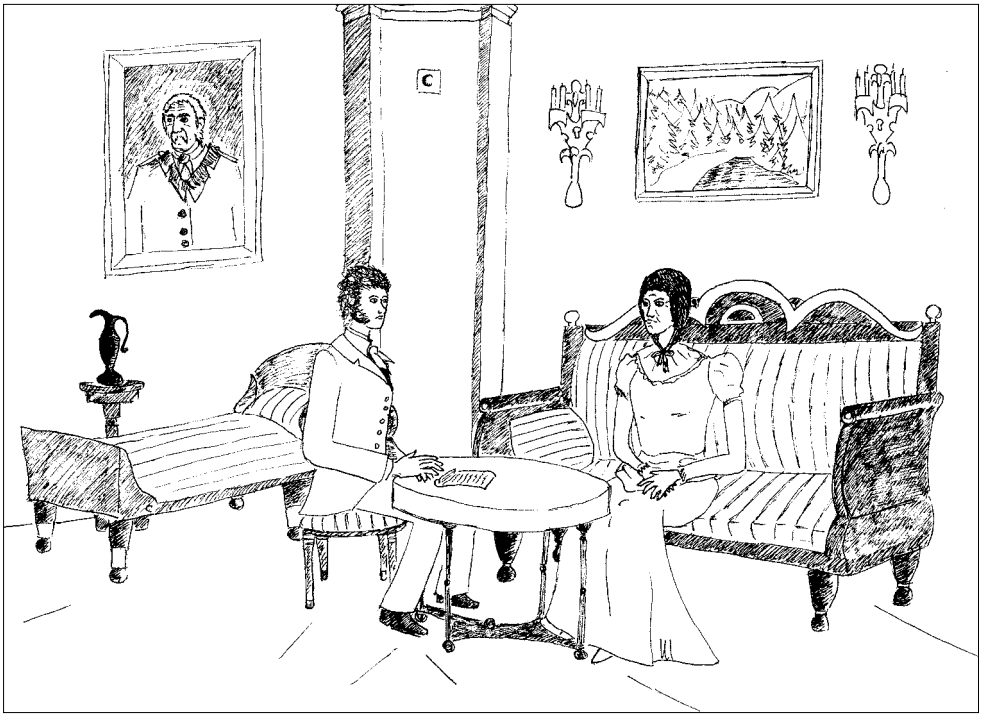
— Ты собираешься увезти Мишеньку?

— Два года истекли, мадам. Я вам искренне благодарен за всё, что вы сделали для сына, но теперь хочу воспитывать его сам.

— Ты волен поступить, как вздумается, но прежде ознакомься вот с этим, — она отперла ящик стола и подала зятю копию духовной.

— Извольте, — учтиво ответил тот.

Первые строки он читал спокойно: *«После дочери моей Марьи Михайловны, которая была в замужестве за корпуса капита-*



ном Юрием Петровичем Лермантовым, остался в малолетстве законной её сын, а мой внук, Михайло Юрьевич Лермантов, к которому по свойственным чувствам имею неограниченную любовь и привязанность, как единственному предмету услаждения остатка дней моих и совершенного успокоения горестного моего положения, и, желая его в сих юных годах воспитать при себе и приуготовить на службу Его Императорского Величества и сохранить должную честь, свойственную звания дворянина; а потому ныне сим завещеваю и представляю по смерти моей ему, родному внуку моему Михайле Юрьевичу Лермантову, принадлежащее мне вышеописанное движимое и недвижимое имение, состоящее Пензенской губерний Чембарской округи в селе Никольском Яковлевское тож по нынешней 7–й ревизии мужеска пола четыреста девяносто шесть душ, с их жёнами, детьми обоего пола и с вновь рождённными, с пашенною и непашенною землёю, с лесы, сенными покосы и со всеми угодьи, словом, всё то, что мне принадлежит и впредь принадлежать будет...»

На слова «при себе» Юрий Петрович внимания поначалу не обратил, радуясь, что тёща всё оставит сыну, но следующие строки поразили его в самое сердце: *«...с тем однако ежели оной внук мой будет по жизнь мою до времени совершеннолетнего его возраста находиться при мне на моем воспитании и попечении без*

всякого на то препятствия отца его, а моего зятя, равно и ближайших г. Лермантова родственников, и коим от меня его внука моего впредь не требовать до совершеннолетия его...»

— Как, мадам! Вы завещаете Мише состояние только при условии, если он остаётся при вас! — воскликнул поражённый Лермонтов. — Я всегда больно чувствовал ваши несправедливости ко мне, но эта! Это...

— Читай дальше, — сказала Арсеньева ледяным тоном, устремив на зятя колючий взгляд.

Последние строки духовной глубоко уязвили и потрясли Юрия Петровича: *«...в случае же смерти моей я обнадёживаюсь дружбою в продолжение жизни моей опытом мне доказанной родным братом моим артиллерии штабс–капитаном и кавалером Афанасием Алексеевичем Столыпиным, коего и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти, прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным, или родному зятю моему криг–цалмейстеру Григорию Даниловичу Столыпину, в дружбе коих я не менее уверена; если же отец внука моего или ближайшие родственники вознамерятся от имени его, внука моего, истребовать, чем, не скрываю чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление; то я, Арсеньева, всё ныне завещаемое мною движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михайле Юрьевичу Лермантову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении».*

— Вы... Вы... отнимаете у меня сына! — вскричал Юрий Петрович истерично прерывающимся голосом. — Вы даже не... не оставляете мне его, если умрёте ра... раньше меня! Это не... не духовная! Это ульти... ультиматум!

— Уймись, — тем же ледяным тоном ответила на его упрёки тёща. — Поступай как угодно. Моя воля теперь тебе известна.

Она налила ему стакан воды. Ничто в её облике не выдавало внутреннего волнения: вдруг гордый зять всё–таки решит забрать Мишу?

— И... вы... любите внука и разлучаете... его... с отцом?!

— В духовной сказано, что я буду воспитывать его в почтении к тебе и твоему семейству. У меня Мишеньке будет лучше, ничего для него не пожалею. Впрочем, решай сам.

— Я слишком люблю сына, — подавленно ответил Лермонтов, ставя стакан на стол дрожащей рукой, — чтобы лишить его на-

следства. Всем готов пожертвовать ради будущего моего ребёнка, даже утешением воспитывать его при себе. Я знаю, что значит хорошее состояние в обществе. Мне... мне весьма горько, но я вынужден оставить Мишеньку вам.

— А ты на что при твоих–то доходах и долгах рассчитывал лечить и учить его?

— Но мадам, а вексель? Вы обязались выплатить мне Машенькино наследство — двадцать пять тысяч — ещё год назад. Половину я предназначал для сына.

— Этого не хватит. Хороший гувернёр стоит три тысячи в год, доктор столько же да ещё учителя. И потом, я тебе могу отдать ныне только двенадцать тысяч. Сам видишь, церковь во имя небесной покровительницы дочери ещё не достроена. Кирпич у меня свой, но иконы заказать надо, иконостас, утварь. И внук мне много стоит. Прошу тебя подождать или переписать вексель ещё на год на тринадцать тысяч.

— Мадам, вы принимаете меня за низкого человека, — снова занервничал Юрий Петрович. — Львиная доля этого наследства предназначена мною для Миши. Я не откажусь от своих слов. Оставляя сына вам, я не возьму всех денег и удовольствуюсь двенадцатью тысячами. Как только получу их, подпишу вексель на полную сумму.

— Благодарю. Я не сомневалась в твоей честности и благородстве. Вексель при тебе? — спросила она потеплевшим тоном, добившись от зятя всего желаемого.

— Да, — Лермонтов вынул из внутреннего кармана и развернул документ.

Она открыла потайной ящичек секретера и достала конверт с деньгами:

— Вот, пересчитай. Здесь ровно двенадцать тысяч.

— Я вам полностью доверяю, мадам, зная вашу честность.

— Тогда напиши, что получил деньги сполна и распишись. Завтра сама зарегистрирую выплату в Чембаре.

Убрав деньги и сделав надпись на векселе, Юрий Петрович тихо, но твёрдо сказал тёще:

— У меня к вам есть тоже просьба или, ежели угодно, условие. Вы берёте на себя ответственность за моего сына. Когда жизнь его, не дай Бог, будет в опасности, вы должны немедленно сообщить мне — я сразу приеду. И впредь не отправляйте Мишу из имения перед моим приездом. Если вы будете воспитывать его достойно, я не заберу ребёнка у вас. Даю слово дворянина.

— Обещаю.

— Возьмите вексель. А теперь поеду в Стяшкино за сыном.

— Куда ж на ночь–то глядя? Дотуда вёрст пятьдесят, не меньше. Я пошлю человека верхом. Афанасий Мишеньку завтра сам привезёт.

И Лермонтов остался в Тарханах. От переживаний у него сильно болела голова и колотилось сердце. За ужином он почти ничего не ел и потом до темноты ходил по знакомым дорожкам вокруг прудов.

Дни, проведённые с Мишенькой в Тарханах, немного утешили Юрия Петровича. Они очень соскучились друг по другу, и ребёнок не отпускал его от себя. Отец с ним гулял, играл, рисовал цветными карандашами в альбоме, читал ему книги, катал на лодке.

Мише всё интересно в парке, он словно заново открывает давно знакомые места, видя их с уровня своего роста. Деревья кажутся выше, а травы и цветы ближе. И там, внизу, кипит чудесная жизнь. Бабочки, жуки, кузнечики, пчёлки так и вьются вокруг разноцветных венчиков, прячутся в них, пьют нектар, гудят, жужжат, стрекочут, словно разговаривают между собой о чем–то очень интересном на непонятном людям языке.

Мальчик забыл капризы и готов был гулять с отцом часами. Перед отъездом Юрия Петровича он расплакался.

— Поч–чему вы мен–ня не бер–рёте? Вы… вы обещали.

— Так вышло, сыночек. Я не могу тебя взять с собой.

— Поч–чему? Я вас си… сильно люблю.

— Я тоже тебя очень люблю. А бабушку ты любишь?

— Оч–чень люблю.

— Она огорчится, если ты уедешь со мной.

— Папенька, почему мы не можем жить все вместе — я, вы и баба?

— Так нужно. Я не могу ничего поделать. Поймёшь, когда вырастешь.

— Хочу с вами! Хочу, хочу, хочу! — снова заплакал Миша.

— Ну–ну, не плачь, как девчонка, будь мужчиной. Я к тебе обязательно приеду. До скорого.

Лермонтов поцеловал плачущего сына, отдал дядьке, вскочил в экипаж и приказал трогать. Отъезжая, он оглянулся. Сын махал ему ручкой, а из глаз катились крупные слёзы. Юрий Петрович тоже помахал мальчику и поехал в Кропотово в очень тяжёлом расположении духа.

Мишины шалости

Проводив отца, Миша долго хныкал и даже больно ударил горничную, принёсшую ему воды. Мальчика никак не могли отвлечь. Он снова стал капризным, нервным и не в меру шаловливым.

В начале июня в село вернулся из садоводческой школы пятнадцатилетний Вася Шушеров. Юный садовник вскопал клумбу около новой церкви, посадил кустики роз, пионы, ноготки и левкои. Миша убежал от бонны и из баловства потоптал грядки, сорвал несколько цветков. Обламывая веточку розы, он оцарапался о шип и заплакал. Всё это видела из окна горничная, но побоялась остановить барчонка. Подоспевшая Христина Осиповна стала стыдить его: мол, зачем напроказил, бабушка теперь Васю корить будет, а он невиновен, и, мол, недостойно дворянина обижать крестьян и дворовых.

Видя, как огорчённый парнишка, едва сдерживая слёзы, поправляет грядки и подвязывает искалеченный куст, Миша расплакался.

— Очен некарашо, — качает головой бонна. — Не надо плякать. Надо просит прощения.

— Вася, пр–рости, — лепечет Миша.

— Бог простит, барин, — отвечает подросток, вытирая пот.

Мимо идёт в церковь бабушка, мальчик к ней:

— Баба, пр–рости, это я кустик сломал, не Вася.

— Прощаю, мой хороший. Главное, ты сам признался, — Елизавета Алексеевна погладила внука по головке и поцеловала. — Не плачь! Завтра праздник — Семик, гулянье будет в роще.

— И меня возьмут?

— Ну конечно! Смотри, Андрей несёт семицкое дерево! Сейчас девки будут берёзку украшать к празднику.

— Ур–ра! — повеселел Миша, забыв о царапине на ладошке.

Мальчик резво устремился к дядьке, бонна еле успевала за воспитанником. Андрей воткнул деревце в землю, девушки принесли яркие ленты и стали привязывать к веткам. Миша крутился рядом и тоже неумело подвязал ленточку. Из кухни доносились манящие запахи — там готовились кушанья на праздник.

Утром после службы девушки нарядились в праздничные сарафаны, ребята — в яркие рубахи. Мише надели новую зелёную атласную рубашку и подвязали кушачком. В полдень все собрались вокруг семицкого дерева со снедью, пирогами, варёными яичками, поставили под берёзу горшок с водой. Дарья подошла, горшок по обычаю опрокинула ногой, берёзку вытащила и понесла её к дубовой роще, что за Круглым садом. Она запела песню, а девушки подхватили:

Ты не радуйся, осина,
А ты радуйся, берёза:
К тебе девушки идут,
К тебе красные идут
Со куличками, со яичками!

Завивайся ты, берёзка,
Завивайся ты, кудрявая!
Мы к тебе пришли
Со яичками, со куличками.
Яички те красные,
Кулички те сдобные.

Миша бежит впереди всех, приплясывая и подпевая, дядька за ним. Бабушка глядит на шествие с балкона и не нарадуется на внука.

Путь недалёк. В Дубовой роще на поляне снова втыкают семицкое дерево, поправляют ленты. Девчата начинают водить хороводы. Евлампия с младшей сестрой Серафимой берут барчонка за ручки и становятся с ним в хоровод. Поют звонко, слаженно:

Берёза моя, берёзонька!
Берёза моя белая,
Берёза моя кудрявая!
Стоишь ты, берёзонька,
Осередь долинушки.
На тебе, берёзонька,
Ленты шёлковые.
Близ тебя, берёзонька,
Красны девушки,
Красны девушки Семик поют.
Под тобою, берёзонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Венок плетут.
То не белая берёзонька
К земле клонится;
Не шелко́ва травонька
Под ней расстилается;
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются.
Под этой берёзонькой
С красной девицей,
С красной девицей
Молодец разговаривает.

После хоровода девушки плетут венки. Евлаша проворными руками быстрей всех себе сплела и для Миши плетёт. Он ей цветочки под корешок срывает — здесь можно.

Веселье длится не один час. Все угощаются вкусненьким, играют в горелки, катают яйца, задорно пляшут, кумятся. Мальчик и на празднике не прочь пошалить. То одну девушку дёрнет за ленту, то прошлогодний жёлудь в другую бросит, то третью напугает — жука посадит на сарафан. Девчата притворно визжат, а ему того и надо! Все его угощают. Насытившись, ребёнок вприпрыжку бежит к гармонистам и балалаечникам. Там дворовая Параша Васильева, приплясывая, заводит частушку:

Скоро, скоро Троица,
Лес травой покроется,

Ко мне миленький придёт,
Сердце успокоится.

За первой частушечницей в круг выходит бойкая ключница. Помигивая Мишиному дядьке и подбоченившись, она поёт:

Милый ходит точно кочет,
Мне сердечко бередит,
Замуж взять меня он хочет,
На других пусть не глядит.

После Пасхи Дарью Куртину наконец просватали за Андрея Соколова. Барыня их благословила и, по своему обыкновению, отложила свадьбу на осень. Это барщинных крестьян она рано женила и выдавала замуж, а дворовых не торопилась посылать к венцу.

За частушками настаёт черёд всеми любимой чечётки:

Нажила душа–чечётка,
Нажила душа–лебёдка
Ровно семь дочерей:
Вот и Дарью, и Марью,
И Арину, и Марину,
Степаниду, Салманиду
И седьмую Катерину,
Душу Катеньку.
Нажила душа–чечётка,
Нажила душа–лебёдка
Ровно семь зятьёв:
Вот Захара и Макара,
И Дементья, и Клементья,
Евстигнея и Сергея,
А седьмого–то Лексея,
Свет Алёшеньку.
Нажила душа–чечётка,
Нажила душа–лебёдка
Ровно двадцать внучат:
Двое сидя, двое лёжа,
Двое поползни,
Два у лавочки стоят,
Двое прыгать хотят,
Две Акульки в люльке
Качаются,
Две Алёнки в пелёнках
Дрягаются,
Два Степана со сметаной
Забавляются.

Барчонок вбегает в круг к гармонисту, задорно хлопает в ладоши и пытается бить чечётку. Венок с его головки падает, но он не замечает. Весело!

Близится вечер, семицкое дерево с песнями несут к дому впереди шествия. Андрей посадил Мишу на плечи. Мальчик размахивает в такт песни берёзовой веточкой. Здорово сверху смотреть на гуляние!

В усадьбе крестьянские девушки идут к пруду пускать венки на воду и гадать по ним. Чей венок ближе к берегу прибьёт, та замуж за милого выйдет в родном селе. Коли далеко венок унесёт, жди беды — отдадут за нелюбого в чужую сторонушку. Сколько девушек на гулянье — столько и венков на пруду.

Мише чудится, будто вода расцвела, но куда цветы уплывают, он видит уже сквозь дымку дрёмы, так его разморило от усталости. Заметив, что ребёнок зевает и трёт глазки кулачками, дядька берёт его на руки и несёт в дом. Мальчика осторожно раздевают и укладывают в постель.

Быстро летит лето с его яркими праздниками: Иван Купала, Петров день и подряд три Спаса — Медовый, Яблочный, Ореховый. После Успенья Елизавета Алексеевна повезла внука в Первопрестольную: задумала показать его московским докторам и погостить у младшего брата Дмитрия Алексеевича и его жены Екатерины Аркадьевны, навестить многочисленных родственников и знакомых. Она давно не выбиралась в Москву, а теперь внук окреп — можно и съездить, пока тепло.

Миша называл бабушкиного брата дядюшкой — он был всего на десять лет старше его матери. Свою дочурку, которой исполнился годик, Столыпин назвал в честь любимой племянницы.

В семье ещё воспитывалась первая дочь Екатерины Аркадьевны Полина Воейкова, которую домашние звали Пашенькой. Ей было лет восемь, она училась играть на пианино и уже недурно исполняла упражнения и простые пьески. Однажды вечером за инструмент села её мать. Екатерина Аркадьевна играла мастерски и с большой душой. Миша так увлёкся музыкой, что забыл об игрушках, замер и во все глаза глядел на пианистку. Гости хлопали и нахваливали прекрасную игру, а мальчик всё стоял, не шелохнувшись.

— Мишенька–то как слушал внимательно! Давайте возьмём его завтра на оперу «Князь–невидимка». У нас отдельная ложа выкуплена на сезон, — предложил Дмитрий Алексеевич. — Ты хочешь? — спросил он у мальчика.

— Хочу!

— Да усидит ли? Опера часов пять, а то и шесть идёт, — усомнилась бабушка.

— Баба, я хочу! Ну баба!

— Ладно, поедем. Ежели тебе надоест, вернёмся, — согласилась Елизавета Алексеевна, видя, что у внука на глазах заблестели слезинки.

Представление труппы Петровского театра очень понравилось Мише. Он впервые попал в настоящий зрительный зал. Здесь всё казалось удивительным и прекрасным: и ложи, и нарядная публика, и занавес, и действие на сцене. Спектакль был очень красочным, с хорами, балетом, полётами актёров над сценой. Волшебная музыка Катарино Кавоса волнами лилась в зал, завораживала и восторгала мальчика. Он без всяких капризов слушал чудесную оперу до самого конца.

После Крестовоздвиженья Елизавета Алексеевна тронулась в обратный путь. В Москве она купила азбуку для внука, но приберегла её до дня рожденья. Даря книгу Мише, она сказала:

— Поздравляю, внучек. Тебе пять лет. Пора учиться грамоте и арифметике. Не ленись.

— Спасибо, бабушка.

Сначала он листал азбуку с интересом, рассматривал картинки и даже легко запомнил первые буквы. Но скоро ему надоело. Ни Елизавета Алексеевна, ни дядька, ни бонна никак не могли заставить его учиться читать. Миша капризничал, швырял книжку на пол. Уговоры не действовали, мальчик не стеснялся даже бабушкиных гостей. Зимой неподалёку стоял полк, и среди них было много военных, которых привлекало вкусное угощение, приезжавшие в дом соседские барышни на выданье и особенно игра в

карты. До неё Елизавета Алексеевна была большая охотница. Играли долго и азартно, однако никто в пух и прах не проигрывался: ставки делались невысокие, хоть и не копеечные.

Как–то раз к бабушке приехал раньше всех один молодой офицер. Поднимаясь по лестнице, он услышал Мишин крик:

— Не буду! Азбука плохая!

Ребёнок выбежал из комнаты и остановился, увидев военного. Бонна догнала воспитанника и протянула ему книжку:

— Плёхо, Мишель. Надо учит.

— Не хочу! Ну её! — он оттолкнул азбуку, не стыдясь незнакомца.

Тот неодобрительно покачал головой, но вмешиваться не стал.

Читать мальчик научился только следующей весной, долго выздоравливая от тяжёлой болезни.

Снова на Кавказе

В Лазареву субботу после обеда Елизавета Алексеевна отдыхала в кресле. Прикрыв глаза, она слушала, как Дарья, сидя на деревянном стуле у окна, читает главу Евангелия от Матфея. В дверь постучали.

— Барыня, можно? — спросил Андрей с озабоченным видом.

— Что с Мишенькой? — бабушка подняла глаза на дядьку.

— Лобик горяченький. Я его уложил в постель.

— Вот горюшко! Только в Крестопоклонную от ангины поправился и на тебе! Где ж ты недоглядел?

— Простите, Лизавета Алексевна, сам не знаю. Негде вроде было, — виноватым тоном ответил Андрей, подавая барыне руку.

— Пойду посмотрю, — опираясь на его руку, Арсеньева встала и пошла в детскую.

Видя, как внук весь дрожит в кроватке, кутается в одеяльце и плачет, она послала Дарью за доктором. Леви быстро поднялся, осмотрел Мишино горло и, объявив, что у мальчика снова ангина и насморк, назначил обильно пить клюквенный морс, чай с мёдом, полоскать горло и дышать травяными настоями. На другой день лихорадка у ребёнка спала. Хотя с постели он встать не мог, у Елизаветы Алексеевны отлегло от сердца. Она позвала батюшку, который болящего причастил. Однако на третий день всё возобновилось с новой силой. Заметив у мальчика красную сыпь за ушами и на лбу, Ансельм огорчённо покачал головой. Сыпь стала распространяться по телу, и сомнений не осталось.

— Корь, мадам, — сказал он бабушке.

— Внук поправится? — расстроившись, спросила та.

— Мальчик ослаб от ангины. Сделаю всё что смогу. Лекарства от кори нет.

Бабушка залилась слезами и пошла в молельню. Она истово молилась, когда её окликнул Андрей:

— Барыня, Мишенька вас зовёт.

Елизавета Алексеевна зашла в детскую. Внук метался в жару и звал охрипшим голоском:

— Мамушка, голубушка, спой! Баба, баба, идите ко мне!

— Я здесь, мой сладенький, — она присела у кроватки и стала гладить горячую головку со слипшимися волосами.

Миша смотрел на неё и будто не видел:

— Папенька, папенька, где вы? Я тут, тут!

Бабушка поняла, что ребёнок бредит. Она приказала освободить от работы нескольких усердных в вере дворовых девушек, чтобы те непрестанно молились о выздоровлении внука, и, отправив утром письмо Юрию Петровичу об опасной болезни ребёнка, сама подолгу стояла на коленях перед иконой Спасителя.

Из–за весенней распутицы Лермонтов получил письмо лишь после Пасхи и сразу выехал в Тарханы. Дороги раскисли, и отец добрался только к Радонице, когда вместо сыпи на коже у мальчика уже шелушились бурые пятна. Мишенька очень похудел, глазки у него гноились. Он настолько ослаб, что не мог ещё сидеть в постели, много спал, хотя лихорадка его опустила. Увидев отца, мальчик едва заметно улыбнулся и тихо–тихо вымолвил: «Папенька...» Это внушило надежду.

Поправлялся Миша медленно. За окном уже распускались первые листочки, когда он начал с трудом садиться и просил открывать шторы. Он любил глядеть в заоконный мир, и доносящееся оттуда пение птиц представлялось ему теперь райской музыкой. Но долго сидеть он ещё не мог. Чтобы мальчик не скучал в постели, отец решил почитать ему что–нибудь. На глаза попалась азбука, он велел горничной стереть пыль с обложки и принёс сыну. Миша снова с интересом рассматривал картинки, вспомнил первые буквы и стал спрашивать, какие следующие. Алфавит смышлёный мальчик выучил быстро и к отъезду Юрия Петровича уже начал читать по слогам. Кашель у него постепенно прошёл, но появились мокнущие золотушные пятна, отчего рубашки прилипали к телу и ребёнок плакал от боли, когда их снимали. Ножки у него опять ослабли, долго ходить ему стало тяже-

ло. Доктор Леви лечил Мишу всеми имеющимися у него средствами и настойчиво советовал снова ехать на воды.

— Бабушка, поедем к бабе Кате, тётеньке Маше и дяденьке Павлу! Там хорошо! — просит Миша. — Будем купаться и водичку пить.

— Ладно, окрепнешь ещё и после Троицы отправимся, — соглашается Елизавета Алексеевна.

Миша ждёт не дождётся поездки. Наконец доктор разрешает, и они пускаются в путь. От Аксая караван сопровождает, как и два года назад, отряд казаков. Мальчик глядит на ещё не выжженные солнцем душистые степные травы, которые колышутся в розоватом предзакатном свете, словно волны на большом озере, и слушает протяжную музыку ветра. О, чудо! — она напомнила ему песню, которую певала мать, когда он был совсем маленьким. И, как в раннем детстве, слёзы выступили у него на глазах.

— Внучек, ты плачешь? — озаботилась бабушка.

— Нет. Это от ветра.

— Так пересядь, чтоб в лицо не дуло.

— Нет, бабушка, мне и так хорошо, — отказывается Миша, боясь потерять дорогую сердцу мелодию.

Подъезжая к Горячим Водам, мальчик с радостью узнавал местность и горы: лесистый Машук, пятиглавый Бешту. Серные купальни теперь в новом деревянном здании Ермоловских ванн, построенном солдатами по приказу прославленного генерала Ермолова.

Екатерина Алексеевна Хастатова поселила сестру с внуком в светлой комнате с выходом на веранду. Приехала из Шелкозаводской любимая тётенька Марья Акимовна с супругом, который полтора года назад вышел в отставку, и детьми. Петруше уже три года, а его брату Екиму — только годик. О маленьком пока заботится его кормилица, а Петя не отходит от Миши. Они вместе лепят, рисуют, играют.

Павел Петрович Шан–Гирей, как всегда, в черкеске и высокой папахе на гладко постриженной голове, с кинжалом на поясе — словом, настоящий кавказец. Дядя часто водит Мишу в Ермоловские ванны, катает его на коне, посадив в седло перед собой. Далеко ездить небезопасно: можно наткнуться на вооружённых горцев. Казачий редут с пушками, разместившись на высоком склоне Машука над купальнями и источниками, бдительно охраняет окрестности.

Миша полюбил рассказы Павла Петровича о горцах, их обычаях и сражениях, в которых ему довелось участвовать.

— Дяденька, расскажите, как вы воевали, — просит мальчик, подсаживаясь к нему в саду.

Тот, продолжая вырезать кипарисовый набалдашник для трости, охотно начинает:

— Служил я в 16–м Егерском полку в Кабарде. Князь кабардинский полковник Измаил–бей Атажуков уж так образован, изыскан, и Отечеству верно служил — при Суворове Измаил брал и Очаков, — а и он здесь, на Кавказе, почитай, изменил государю, отказался подчиняться нашему командованию. Укреплённые коши начал повсюду устраивать. Один такой на Бешту у Константиногорска расположился. Оттуда его отряды лютые набеги на казаков совершали, грабили, убивали, в плен уводили. Получили мы в 10–м году в конце мая приказ кош–аул этот уничтожить как гнездо хищников. Я тогда прапорщиком был.

— И уничтожили? — спрашивает мальчик.

— Да, напали внезапно и спалили. Укрепления там ещё не закончены были. Кабардинцы отбивались, да куда там! Много их полегло. Другие успели ускакать, бросив в огне жён, детей и стариков без защиты. В азарте штурма и не заметишь их, ни в чём не повинных, но потом жалеешь.

— Дяденька, вы в настоящих битвах бывали?

— А как же! В 12–м году во время службы своей находился я в походах и делах против неприятеля. В июне, помню как сейчас, переправились мы через Терек и два дня шли, отбивая атаки бандитов, до реки Сунжи. Там собрались большие толпы конных чеченцев и пошла перестрелка. К оным подходили на помощь новые отряды горцев. Завязалась битва. Они поначалу отчаянно дрались, но мы вклинились, разрознили их и обратили в бегство. Горцы в беспорядке побежали за Сунжу. А в июле 12–го же года штурмовали мы за Тереком вырытые ими ямы, укреплённые переходами, в коих они засели. Перестрелка долго была — боле трёх часов. И здесь пришлось отражать атаки подходивших на помощь неприятелю банд. Потом начался штурм. Пули так и свистели кругом, да меня Господь миловал. Скоро мы выбили чеченцев. Опять они беспорядочно бежали. Внезапные–то набеги творить куда проще, нежели победить в честном сражении. Горцы — народ хороший, но такие азиаты! Спокон века враждуют между собой, а то и разбойничают, — заключает Павел Петрович. — Ну, довольно на сегодня, пора пить чай да ложиться.

Однажды Миша просыпается очень рано, встаёт и, надев халатик, подходит к окну. Небо залито румяным светом, вот–вот покажется солнце. Июльское утро на Кавказе тихое, тёплое,

очень ясное. Мальчик неслышно открывает дверь на веранду, выходит и становится у перил. В небе гаснут последние звёздочки. Вдали над полосой молочно–белого тумана видна лиловая гряда горных вершин, словно парящая в воздухе. Над ними розовеет гора, похожая на спину сказочного двугорбого верблюда. Ребёнок поражён величием и красотой картины кавказских далей. Он бежит в комнату и тормошит Елизавету Алексеевну:

— Бабушка, бабушка! Глядите, как красиво.

— Где красиво? — спрашивает та сквозь сон.

— Там, за окошком.

Бабушка нехотя поднимается, накидывает шаль и, полусонная, выходит за Мишей на веранду.

— Что это? — спрашивает внук, показывая на розовую вершину.

— Шат–гора, по нашему — Эльбрус, — отвечает бабушка. — Вид и впрямь хорош, да рано ещё. Спать хочется.

Она ведёт внука в комнату, укладывает его, прикрывает дверь и ложится сама, проваливаясь в глубокий утренний сон. Миша не может заснуть и снова выходит на балкон. Восходит солнце. Шат–гора постепенно светлеет, из розовой становясь сверкающе–белоснежной. И лишь между горбами видна голубая полоска тени. Гряда Главного Кавказского хребта у линии горизонта становится васильково–синей, а самые вершины — светло–голубыми. Налюбовавшись чудесной панорамой, Миша крепко засыпает, и через два часа его с трудом будят: пора идти к источнику и на ванны.

Когда курс лечения на Горячих Водах закончился, мальчик заметно окреп и его повезли на Кислые Воды пить нарзан и принимать прохладные нарзанные ванны, которые должны закалить ребёнка и избавить от золотухи. Часть пути вдоль мелкого и бурливого Подкумка Павел Петрович везёт племянника верхом, посадив впереди себя.

— Дяденька, смотрите — кольцо в горе.

— Да, её так и зовут — гора Кольцо. Причудливо природа–матушка выточила здесь камни.

Турлучный домик Хастатовых совсем рядом с нарзанным источником, над которым простая деревянная изба с тремя ваннами и при каждой раздевалка. В окрестностях здесь тоже беспокойно. Поэтому на горе напротив источника возведён казачий редут с казармой. На соседних склонах — пикет и батарея. Горы так и называют — Казачья, Пикетная и Батарейная. Над ними величественно высится Крестовая гора.

В воскресенье ванн нет. Павел Петрович и дядька Андрей берут Мишу на верховую прогулку. Они едут по тропе вдоль каменистого берега речки Ольховки. Летом она мелкая, но когда весной снег в горах тает, несётся мощным бурливым потоком. Шан–Гирей показывает наверх:

— Над нами Кисловодская крепость. Самая настоящая.

Миша с интересом рассматривает стены, которые окружены рвом. Полукруглые и остроугольные бастионы чередуются между собой. Их бойницы и крыши щетинятся грозными стволами пушек.

— Дяденька, а можно ближе подъехать? — спрашивает мальчик.

— Отчего нельзя. Поехали!

По горной тропе они поднялись к основанию крепости. Каменные стены кажутся ребёнку толстыми и высокими. Въездная башня оформлена зубцами, у ворот стоят часовые.

— Что там внутри? Пойдём посмотрим, — предлагает Миша.

— Туда нельзя, — отвечает Павел Петрович.

— Ну дяденька, — упрашивает мальчик. — Ну пожалуйста.

— Кто ж нас пустит? — возражает дядя.

— Дяденька, миленький, ну попросите.

— Ладно, попробую, — соглашается Павел Петрович, видя, что племянник вот–вот заплачет. — С начальником гарнизона майором Иваном Алексеичем Курило я знаком. Он отважный командир, чрезвычайно хорошо умеющий воевать с горцами. Они его именем даже детей пугают. А когда солдаты с постов в горах клубы дыма видят, говорят: «Ну, наш Курило закурил!» Если он сейчас здесь, попрошу пустить нас.

Дяде удаётся уговорить Курило, тот разрешает зайти на несколько минут в крепость. Привязав лошадей, они втроём проходят в ворота. Мальчик крутит головой во все стороны. Внутри три каменных офицерских дома, три солдатских казармы, провиант-

ский пункт, несколько кухонь, лазарет, ротные кладовые и погреба, конюшня, дома со службами. В середине плац, по которому от дома к дому снуют по своим делам казаки, проезжают к конюшне и обратно драгуны, не обращая на гостей никакого внимания.

— Дяденька, а Крестовая гора отсюда будто ниже, нежели от источника, — замечает Миша.

— Потому что здесь гораздо выше, — объясняет Павел Петрович.

Они выходят из крепости, садятся на лошадей и осторожно спускаются вниз в Долину нарзана.

В следующее воскресенье на Кислых Водах шумный базарный день. На площадке у источника стоят ряды двуколок и возов с товаром. Мише покупают плоскую лепёшку, поят кумысом, потом ведут выбирать подарки. Внимание мальчика привлекла ажурная шаль из белого козьего пуха. Коз в Тарханах не держат, и такая шаль показалась ребёнку диковинной.

— Бабушка, давайте купим кормилице эту, — просит Миша.

— Хороший шаль, очень хороший, — нахваливает товар торговец в косматой папахе. — Дочь вязал.

— На что Лукерье такая, лучше ту возьмём, серенькую. Она теплее. И не замарается.

— Эту хочу, — канючит Миша.

— Тот шаль хорош, и тот хорош. Два купит треба, — гнёт своё горец.

Пока бабушка в раздумье, к продавцу подходит подросток, видать сын, и даёт на продажу третью шаль — серую, плотную, с белой ажурной каймой. Мише она очень понравилась.

— Баба, давайте эту с каймой купим мамушке.

— Добрый шаль, — убеждает покупателей горец. — Жена вязал.

— Почём? — спрашивает бабушка и начинает торговаться.

Она просит снизить цену, горец немного уступает и предлагает:

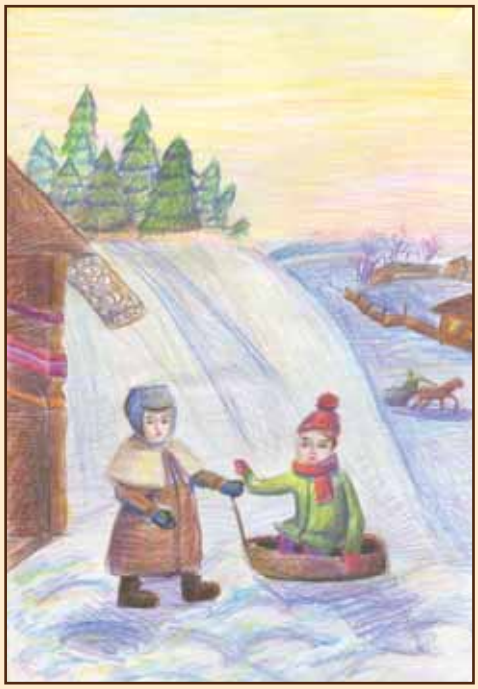
— Два шаль — дешевлей.

В азарте Арсеньева покупает все три шали, сбив начальную цену вдвое: белую — себе к именинам, серую — Дарье и серую с каймой — кормилице. Бабушка довольна, а горец ещё больше — всё продал и выручил, сколько и хотел. Таковы уж традиции кавказского базара: продавец и покупатель должны обязательно поторговаться, а цену ради этого сначала сильно завышают.

Миша с бабушкой идут дальше по гончарному ряду. Елизавета Алексеевна дала мальчику несколько монет на подарки

Сиделёва Валерия. 14 лет
Миша Лермонтов в ожидании отца

Шаймухаметова Аделя. 14 лет
Отец приехал!

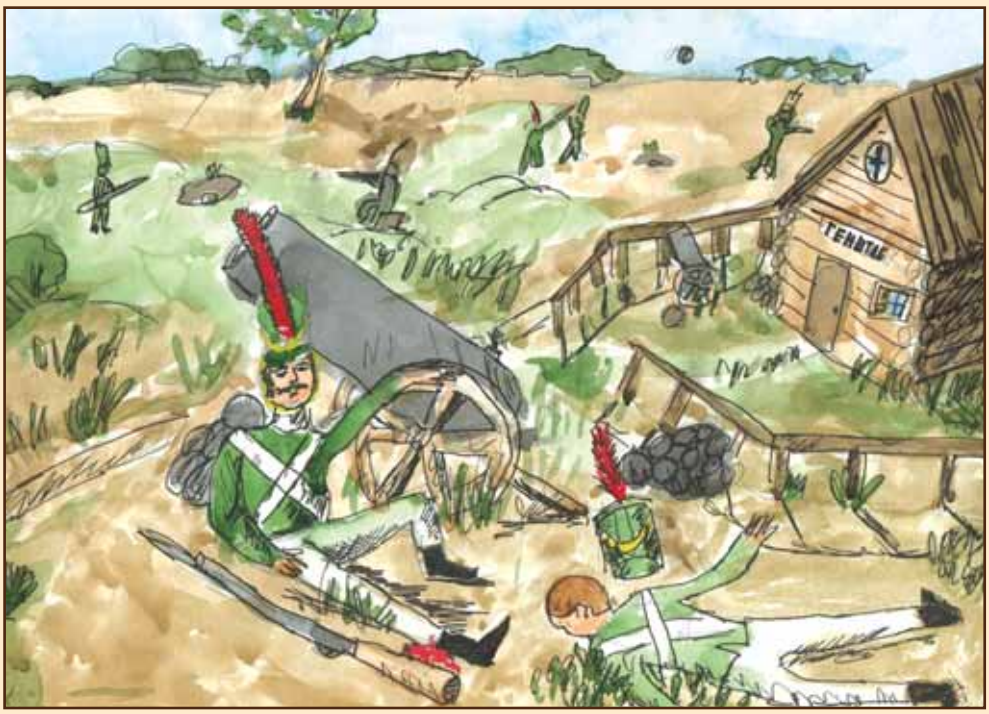


Бурдина Екатерина. 13 лет
Зимние забавы

Мартынова Полина. 12 лет
Миша с дядькой Андреем у пруда в Тарханах

Хисамутдинова Лейсан. 14 лет
Зимние раздумья Мишеля

Козлова Алёна. 11 лет
Милостыня бабушки в Нижнем Ломове



Баженов Артём. 13 лет
Рассказы об Отечественной войне 1812 года

Крутова Кристина. 11 лет. Украшение берёз на Семик

Крутова Кристина. 11 лет. Семицкий хоровод в Тарханах

Ипполитова Полина. 10 лет. Игры в Дальнем саду

Макеева Марина. 10 лет. Мишель на Кавказе

Антонова Анна. 15 лет. Урок музыки

Бурдина Екатерина. 13 лет. В саду с бонной

Пигаева Варвара. 10 лет. Катание с горки в Тарханах

Юмшанова Анна. 14 лет. Чтение в саду

друзьям. Тот выбирает глиняную лошадку для двухлетнего Васи Шубенина и тарелочки для дворовых детей. Из оружейного ряда бабушка внука долго не может увести — с таким любопытством рассматривает он клинки, кинжалы, сабли, казачьи нагайки. Одна нагайка с лёгкой деревянной ручкой ему особенно приглянулась, и он выпросил денег купить её.

В Тарханы загоревшие и поздоровевшие путешественники возвращаются в начале сентября. Золотушные пятна у Миши совсем исчезли, он поправился и снова резв и непоседлив. У барского дома их, как всегда, встречает управляющий и дворня.

Елизавета Алексеевна разговаривает с Абрамом Соколовым. Она очень довольна им: урожай хорош, оброк собран, церковь почти завершена — можно прошение подавать благочинному об освящении.

Из просторной крытой тёсом избы, где живут управляющий и ключница, выходит Дарья. Она осторожно держит на руках младенца в тёплом одеяльце.

— Дашенька, — бросается к жене Андрей, обнимая её и ребёнка, — когда разрешилась–то?

— Третьего дня. Окрестить надо дочку.

— Какая миленькая! Вера, Надежда и Любовь скоро.

— Пусть будет Любашка. Я уж Катерину Шерабаеву в крёстные позвала и с батюшкой договорилась. Тебя ждали.

— Завтра и окрестим.

Дюжие дворовые мужики снимают с кареты дорожный сундук и вдвоём тащат в дом. Мише не терпится одарить кормилицу, Васю и своих дворовых товарищей.

— Бабушка, где наши подарки?

— В сундуке, Мишенька.

— Бабушка, голубушка, прикажите достать.

— Ладно, — Елизавета Алексеевна идёт в дом и скоро выходит с подарками.

Серая шаль достаётся ключнице. Миша берёт у бабушки серую с каймой и бежит навстречу кормилице.

— Мамушка, вот что я тебе привёз! Сам выбирал!

— Голубчик мой, шаль–то какая красивая! Отродясь подобной не видывала, — Лукерья накидывает подарок на плечи и целует довольного мальчика.

— А это Васятке, — он протягивает кормилице глиняную лошадку.

— Благодарствую, Мишенька. Сынок обрадуется.

После обеда ещё светло, и Миша, раздав тарелочки дворовым ребятишкам, вприпрыжку бежит с приятелями в сад играть в догонялки и хоронушки. Бабушка и кормилица стоят у крыльца, глядят вслед с любовью и улыбаются.

— Выздоровел внучек на водах, — радуется Елизавета Алексеевна. — Слава Богу за всё!

Первые уроки

3 октября 1820 года в Тарханах отметили Мишин день рождения. Ему исполнялось шесть лет, пора было начинать ученье. Елизавета Алексеевна по рекомендациям знакомых взяла ему гувернёра Жана Капе, бывшего наполеоновского гвардейца. При отступлении французов в 1812 году он был ранен, попал к сердобольным русским людям, которые его выходили, и обрёл в России вторую родину. К своему воспитаннику Жан искренне привязался, звал его Мишелем. Мальчику это понравилось, и теперь он хотел, чтобы дома его называли только так.

Искать на стороне преподавателя Закона Божьего, русской грамоты и арифметики не потребовалось: бабушка пригласила тарханского священника Алексея Афанасьевича Толузакова, выпускника Пензенской духовной семинарии. Насчёт уроков танцев Елизавета Алексеевна договорилась с соседями поочерёдно приглашать танцмейстера то в одно, то в другое имение и собирать там детей.

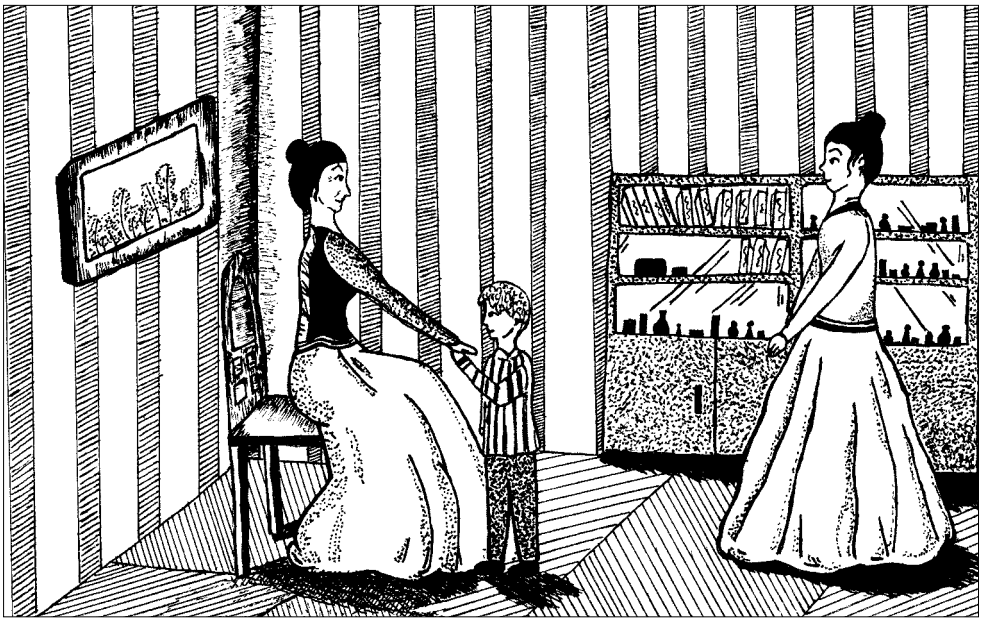
Понимая, что вместе со сверстниками внук будет учиться гораздо лучше, Арсеньева пригласила в Тарханы мальчиков из родственных семей: братьев Юрьевых, Андрюшу и Петю Максутовых. Ещё летом она написала сватье Анне Васильевне Лермонтовой и предложила учить вместе с внуком Мишу Пожогина–Отрашкевича, сына её дочери Авдотьи, сестры Юрия Петровича. Предложение с благодарностью приняли, и мальчика ждали в Тарханах со дня на день.

Помещик соседнего села Поляны Козьма Алексеевич Вышеславцев, в своё время друживший с Михаилом Васильевичем Арсеньевым, посоветовал бабушке взять в дом для учёбы Колю Давыдова. Вышеславцев был женат на его сестре Варваре Гавриловне.

— Мальчик всего годом старше вашего внука, — говорил Козьма Алексеевич, накладывая в чай вишнёвого варенья. — Надо уже учить, а платить тёще нечем. Однодворка она, сами знаете.

— Да ведь муж её Гаврила Петрович хороший дом в Чембаре сдаёт.

— А что с того? С жильцов он берёт по шестьдесят рублей в год. Разве на такие деньги наймёшь достойных учителей? И сами родители регулярно заниматься не могут. Гаврила Петрович на службу в суд ездит, а супруга его Марья Яковлевна — женщина грубая, неграмотная. И на руку тяжела. Крепостных лупит почём



зря, и детям достаётся. А Коля мальчик добрый, смышлёный, старательный. Мише с ним интересно будет.

— Жаль ребёнка. Пожалуй, возьму его. Учителям всё равно плачу, а пропитание у нас своё. Пускай учится, ежели мать согласится.

— Марья Яковлевна–то не согласится? Да тут по пословице «баба с возу — кобыле легче». Ей лишний рот в тягость, а не то что учителей нанимать.

— Послезавтра я с утра в Нижний Ломов собралась помолиться, попутно и Колю заберу из Па́челмы.

— Благодарю сердечно за ваше благодеяние. Поспешу к тёще, обрадую её.

— С Богом, Козьма Алексеич.

Заехав за Колей, Елизавета Алексеевна убедилась, что Вышеславцев ничего не преувеличил. Давыдовы жили совсем не богато: небольшой дом с флигельком на участке, дворовых всего несколько человек.

— Матушка Лизавета Лексевна, благодетельница, уж и не знаю, куда вас посадить, чем угостить! — засуетилась хозяйка. — Пожалуйте за стол. А то может, на диванчик приляжете?

— Нет, благодарю.

Арсеньева устроилась на деревянном стуле у стола. Она знала, что в таких домах обычно много клопов, и опасалась садиться на диван. Увидев на столе парочку наглых прусаков, она отодви-

нулась: как бы не прихватить незваных «постояльцев». Дома она успешно вела борьбу с вредными насекомыми: зимой вымораживала, а летом выжаривала мебель, ковры, подушки, одеяла, матрасы и одежду.

— Колька! Полька! Скорей сюда! — открыв дверь во двор, закричала Марья Яковлевна. — Лизавета Лексевна приехали!

В комнату робко вошёл семилетний мальчик ростом заметно выше Миши. Коля был одет опрятно, но одежда имела заношенный вид и была ему маловата.

— Ну! Чего встал!? — заругала его мать.

— Бонжур, мадам, — вежливо поздоровался стеснительный ребёнок и поцеловал Арсеньевой руку.

— Здравствуй, мой милый, — ласково сказала бабушка. — Ты готов?

— Да, мадам.

— Ну, иди одевайся.

— Чего стоишь, марш одеваться! — поторопила сына Марья Яковлевна. — Полька! Где ты там? Чего не идёшь?

— Я здесь, маменька, — в комнату, поправляя платье, вошла миловидная барышня. — Бонжур, мадам, — почтительно сказала она гостье, сделав книксен. — Спаси Бог вас за милость к братцу. Гранд мерси!

Пелагея Гавриловна успела переодеться в своё лучшее платье, но и оно было немодным и далеко не новым. На руке у неё красовался синяк, а на щеке — несколько красных пятнышек. Елизавете Алексеевне сначала показалось, что это угри, но, когда девушка подошла ближе, стало ясно: её покусали клопы. «И ей здесь достаётся, — пожалела Пелагею Арсеньева. — Приглашу–ка её к себе. Мальчиков в доме теперь много, надо кому–то присматривать. Да и сама чему–нибудь научится, французский–то у ней плох. А там, глядишь, и замуж пристроим».

— Бонжур, Полин. И тебя к себе приглашаю. За братом и мальчиками глаз да глаз нужен. Поедешь?

— Уи, мадам! Гранд мерси![1] — вспыхнула от радости девушка. — Маменька, можно?

— Полька! Ты ещё спрашиваешь, дура! Тебе такую милость оказывают! Марш собираться!

— Елизавета Алексевна, я быстро!

---

[1] Oui, madame! Un grand merci! — Да, госпожа! Большое спасибо! Фраза на французском языке произнесена с ошибкой.

— Иди, иди, милочка. Я не очень тороплюсь, но долго не копайся. Суббота нынче, в бане надо попариться.

Пелагея побежала собираться, а Марья Яковлевна стала предлагать Арсеньевой отобедать:

— Лизавета Лексевна, матушка–благодетельница, может, откушаете чего? Холодцу приказать с ледника принесть аль жаркого разогреть?

— Не беспокойся, я сыта, — отказалась гостья.

Она знала: бедные дворяне обычно стряпают кушанья для гостей впрок и хранят на леднике, чтобы похвастаться: мы, мол, такое каждый день едим. Отведать позавчерашнего жаркого да ещё в соседстве с прусаками Арсеньевой совсем не хотелось.

— Тогда хоть чайку с плюшками? Самовар у меня закипел.

— Чайку бы, пожалуй, попила. На дворе бабье лето, тепло. Подай–ка мне в сад. Да со стола там прикажи стереть.

— Извольте, матушка.

Пелагея Гавриловна быстро собрала свой небогатый гардероб. В пять часов пополудни карета въехала в Тарханы. Коля с родителями иногда посещал здесь церковь и с Мишей был знаком. Мальчиков попарили в бане, вкусно накормили. Когда настало время ложиться в постель, Мишель заметил, что его новый друг загрустил.

— Ты чего? Клопов боишься, что ли? У нас нет.

— Не клопов.

— Чего тогда?

— А сечь будут, — мальчик скуксился.

— Глупости! Разве барских детей секут? — спросил Мишель, глядя на друга круглыми от удивления глазами: его самого в доме непозволительно было не то что ударить — даже замахнуться.

— Меня маменька почитай каждый день на ночь секут.

— Врёшь!

В ответ Коля засучил рукав и показал следы розог. В бане Мишель на них не обратил внимания.

— Не бойся, у нас тут детей не секут. А кто тебя тронет, отведает у меня вот этого! — он достал нагайку и слегка потряс ею.

Коля вначале с опаской поглядел на нагайку, а потом улыбнулся: из–под кровати выскочила молодая кошка и стала играть кончиком плети.

— Мурка, брысь! Не игрушка тебе! — шуганул её Мишель. — Вот чем играй, — он бросил ей маленький войлочный мячик. — Доброй ночи, Николя.

Когда приятель лёг, кошка уютно устроилась у него в ногах, замурлыкала. И ребёнок впервые за последние дни уснул глубоко и спокойно, ничего не опасаясь.

В конце сентября Юрий Петрович и его сестра Авдотья Петровна приехали в Тарханы с Мишей Пожогиным–Отрашкевичем. Кузен познакомился с соучениками, но держался пока особняком.

Лермонтов был счастлив провести время с сыном. Он привёз ему учебники, книги, а на день рождения подарил акварельные краски, зная, что мальчик любит рисовать. Ребёнок взахлёб рассказывал отцу о Кавказе, о горцах, о войне, о Кисловодской крепости и кавказском базаре.

После отъезда отца и тёти Авдотьи начались занятия в просторной классной комнате. Мишель всё быстро схватывал, но буквы и цифры у него выходили пока неровные, впрочем, как и у дру-

гих маленьких учеников. Французский и немецкий давались мальчику легко, а рисовал он лучше всех. Непоседливость мешала ему долго корпеть над уроками, особенно по музыке, которую он гораздо больше любил слушать, чем исполнять.

Коля Давыдов очень старался в учёбе и скоро догнал остальных. Он крепко подружился с Мишелем и уже не был забитым замкнутым мальчиком. Сестру его теперь называли Полиной. Она распрямилась, похорошела. Присутствуя на уроках, девушка улучшила французское произношение и начала немного говорить по–немецки. Приезжающие в дом молодые люди стали обращать внимание на симпатичную барышню. Елизавета Алексеевна приказала перешить для Полины несколько своих старых нарядов по новой моде. Самой хозяйке они были не нужны: она теперь носила только чёрные платья и белые кружевные чепцы без лент.

Тем временем церковь Марии Египетской подготовили к освящению. Торжественный чин в субботу 26 ноября 1820 года совершил чембарский благочинный протоиерей Стефан Петров. В храме постоянно служил отец Алексей, пользовавшийся уважением и благоволением хозяйки имения.

На Рождество ночная литургия была в Никольской церкви. Мишеля бабушка пока туда не взяла, предпочитая ещё раз утром отстоять службу с внуком в церкви Марии Египетской.

Святки пролетели, как всегда, быстро и весело. С рождественских вакаций в Тарханы вернулись юные князья Максутовы, и сразу после Крещения занятия возобновились. Однажды перед уроком письма дядька Андрей приносит Мишелю и Коле остро очиненные им перья.

— Спасибо! — хором благодарят мальчики.

— Пожалуйста, пишите с удовольствием! — отвечает дядька.

— Мишель, дай мне пёрышко, у меня затупилось, — просит Петя Максутов.

— На! — протягивает тот.

Пете понравилось острое перо, и он требовательным тоном говорит:

— Андрюшка! И мне заточи!

Мишелю это не по душе. Даже бабушка так не обращается к дядьке, не говоря о домочадцах. Бросая на младшего Максутова пронзительный взгляд больших карих глаз, мальчик чётко выговаривает:

— Моего дядьку зовут Андрей Иваныч. Запомни раз и навсегда.

Петя смутился. Не в силах выдержать Мишиного взгляда, он отвёл глаза и стал просить уже вежливо:

— Андрей Иваныч, поточи мне пёрышки, — и, чувствуя, что Мишель всё ещё смотрит на него, добавил: — Пожалуйста.

— Извольте, заточу, — добродушно ответил дядька.

Он оделся и пошёл к себе в горницу: там ему было удобней делать эту простую и привычную для него работу.

К следующему уроку Андрей принёс Петины пёрышки. Мишель подошёл к нему, хотел попросить его поправить полозья на санках и заметил, что дядька очень расстроен:

— Андрей, что случилось?

— Дочка заболела лихорадкой. И обсыпало её.

— А ты сказал доктору?

— Нет ещё.

— Ну что же ты, пёрышки бы подождали. Идём скорей!

Узнав о болезни Любашки, Ансельм Леви поспешил в избу ключницы. У малышки был сильный жар, она хрипела, щёчки покрылись красной сыпью, и только под носиком белел треугольник чистой кожицы.

— Scarlet Fever, — пробормотал доктор. — Скарлатина.

Услышав страшные слова, Дарья залилась слезами. У девочки начались судороги, и врач велел обернуть её холодной простынёй. Жар несколько спал, судороги прекратились. Ансельм приказал никого из детей к ключнице не пускать, чтобы не заразились. Впрочем, для Мишеля и мальчиков скарлатина уже не представляла опасности: они ею переболели раньше, в лёгкое поветрие. Но доктор знал, что иногда поветрия скарлатины бывают очень тяжёлыми и буквально косят малышей. Холодное обёртывание способно только на время снизить лихорадку, а лекарств от скарлатины нет.

На следующий день Любашка умерла. Мишель очень сочувствовал дядьке и даже

вредной Дарье. Елизавета Алексеевна их тоже жалела и утешала, говоря, как обычно, что у них ещё появятся детки. Через год Дарья родила дочку Матрёшу, но и та умерла совсем крошкой. Потом у Соколовых больше не было детей. Андрей всё сильнее привязывался к Мише, а Дарья всё ревностнее служила своей хозяйке, за что дворня её не любила. Та не обращала внимания, живя интересами бар и мужа. Холопы были вынуждены подчиняться ей: это для барыни она Дашка, а для них — Дарья Григорьевна. Елизавета Алексеевна ценила предупредительную услужливость, добросовестность, бережливость и расторопность ключницы.

Жизнь пошла своим чередом. Шумно отгуляла широкая масленица, начался Великий пост. 7 марта 1821 года на занятиях по французскому языку дети услышали звон колокольчиков — кто–то приехал. Но отвлекаться нельзя: мсьё Капе хоть и добродушен, но спросить может в любой момент. Стыдно перед товарищами ответить невпопад. Мишель краем глаза видит в окно, что из экипажа выходит важный господин, камердинер несёт за ним в дом завёрнутую в рогожку картину. «Не отец...» — вздохнул мальчик.

Бабушка ждала гостя. Это был Сперанский. Он оставил Пензу в марте 1819 года. Государь Александр Павлович назначил его Сибирским генерал–губернатором, поручив реформировать управление несколькими отдалёнными губерниями, и вот теперь вызывал в столицу. Сперанский не поленился сделать крюк и проведать свою добрую пензенскую знакомую. Обменявшись приветствиями и галантно поцеловав ручку Елизавете Алексеевне, Михаил Михайлович с удовольствием беседовал с ней в гостиной, пока накрывали стол. На её вопрос о новом назначении он ответил:

— Не знаю, какой приём ожидает меня в Петербурге. В Сибири я сделал всё, что мог, ещё к маю прошедшего года. Уложение по реформированию управления Сибирской губернией готово, но средств к дальнейшему его исполнению мне не дано. Писал я государю Александру Павловичу, что моё присутствие там уже не имеет цели. Государь назначил мне прибыть в столицу до конца марта.

— Бог милостив, Михайла Михалыч. Может, хорошее назначение получите.

— Надеюсь ещё послужить Отечеству достойно и пользу принести в меру сил моих. В знак глубокого почтения и привязанности привёз я вам в дар повторение своего портрета.

— Благодарю сердечно. Сегодня же прикажу здесь повесить.

Камердинер распаковал картину и пока поставил на сложенный ломберный столик у стены.

— Когда художник уехал, я заметил, что он немного ошибся и нарисовал мне Владимирский крест на георгиевской ленте, — сказал Сперанский, как бы извиняясь.

— Нам это не важно. Главное, вы здесь весьма похожи, — похвалила портрет Арсеньева. — Будет мне добрая память в разлуке. Как погляжу, будто с вами побеседую.

— А как вы, сударыня? Аркадий Алексеич писал, на воды ездили с внуком прошлым летом — и с пользой.

— Да. Кавказские воды благотворное действие возымели. Мишенька совершенно исцелился, и я здоровьице поправила.

— Давно не видел любезного дитя. Чай, и не узнает меня?

— Отчего не узнает? Он уж большенький был, когда вы из Пензы уезжали. Теперь внук на уроке, — она взглянула на часы. — Скоро мсьё Капе закончит.

Позвонив в колокольчик, Елизавета Алексеевна велела вошедшей ключнице:

— Дарья, передай Мишеньке, чтоб сразу после урока в гостиную.

Та кивнула и вышла.

— Внук рисует хорошо. Вот, взгляните, — бабушка достала из ящика несколько картинок, которые любила показывать гостям.

— Весьма недурно, — похвалил Сперанский, перебирая листки. — Синица удачно получилась. Лошадь похуже, но тоже неплохо для шести лет. И кошка мне нравится.

— Мурка–то? Да вот она у камина дремлет, — бабушка погладила любимицу.

Мишель вошёл и на мгновение замер. Михаила Михайловича он узнал, но за гостем на столике стоял его портрет почти в натуральную величину — словно в гостиной два Сперанских.

— Бонжур, мсьё Сперанский, — поклонился мальчик. — Жё сюи контан дё ву[2].

[2] Bonjour, monsieur Speranski. Je suis content de vous. — Добрый день, господин Сперанский. Я рад вас видеть. (франц.)

— Бонжур, Мишель. Я тоже рад тебя видеть в добром здравии, — ответил Михаил Михайлович, переходя на русский. — Тебя и не узнать. Вырос, окреп. С французским, смотрю, всё в порядке. Ну–ка по–немецки повтори.

— Гутен таг, герр Сперанский. Их бин фро зи цу зеен[3].

— Зер гут! Молодец! Успехи делаешь в языках. И рисуешь хорошо. А арифметику любишь?

— Да.

— Реши–ка, братец, задачку, — Сперанский, который в молодые годы преподавал математику в семинарии, на ходу стал придумывать условия: — Мурка твоя мышей ловит?

— Ещё как!

— А рыбку?

— Нет, воды боится. Ей ребята приносят мелких пескарей.

— Так вот, условия задачки таковы: в день Мурке, чтоб насытиться, надо съесть пять мышек или десять пескарей. Мурка поймала три мышки. Сколько ей нужно пескарей?

Миша ненадолго задумался и, сообразив, ответил:

— Четыре.

— Верно. Умница! Это непростая задачка для твоих лет. И дальше так держи! Я тут тебе гостинчик привёз из Сибири — кедровых шишек с орехами. Орешки скушаешь с товарищами, а из шишек смастерите что–нибудь.

— Здорово! — обрадовался Мишель, разглядывая шишки. — Мерси боку!

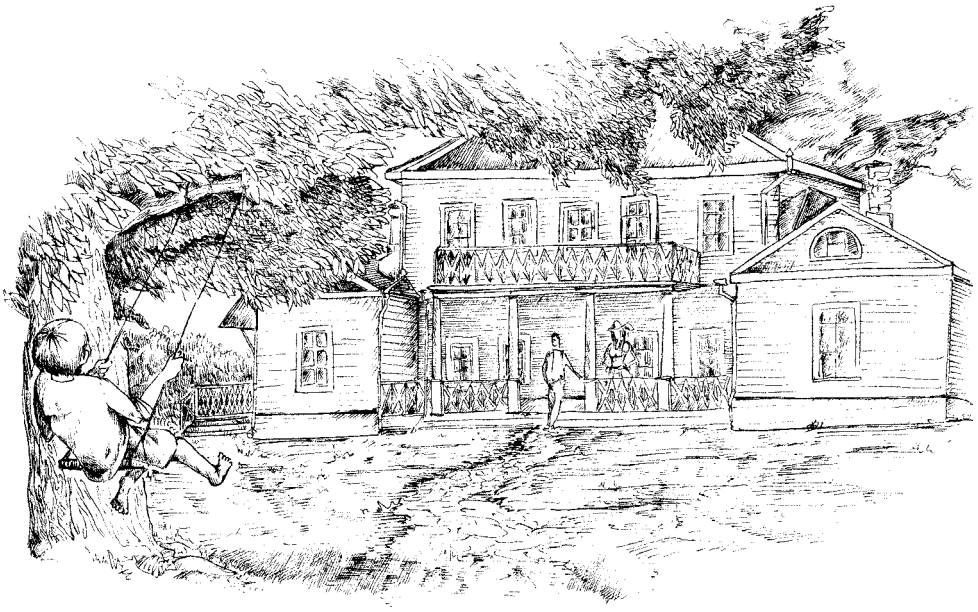
— Потом угостишься, внучек, — сказала бабушка с довольным видом. — Прошу пожаловать к столу, Михайла Михалыч.

Отобедав, гость отдыхать не пожелал, и Арсеньева, отправив мальчиков учить уроки, вышла прогуляться с ним по усадьбе. После чая Сперанский откланялся и уехал. Вечером он кратко записал в дневнике: *«Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действия кавказских вод. Совершение исцеления. Чембар»*.

Проводив дорогого гостя, бабушка вернулась в гостиную и распорядилась повесить подаренную картину. Она глубоко уважала Сперанского и гордилась знакомством с ним. Глядя на его портрет, Елизавета Алексеевна мечтала, чтобы её внук в будущем тоже достиг высокого положения на государственной службе.

---

[3] Guten Tag, Herr Speranski. Ich bin froh, Sie zu sehen. — Добрый день, господин Сперанский. Я рад вас видеть. (нем.)



Впечатления лета 1821 года

В конце мая 1821 года, после Троицы, Мишины соученики разъехались к своим родителям. Чтобы внуку не было скучно, бабушка оставила в Тарханах Колю Давыдова.

В жаркую ясную погоду мальчиков домой не загонишь, пока не проголодаются. Бегают, играют, катаются на качелях, купаются с визгом и плеском в Барском пруду на отлогом песчаном берегу. А как дождь зарядит, в парке делать нечего, и Мишель идёт в девичью. Он любит смотреть, как дворовые девушки вышивают, плетут кружева, прядут, вяжут. Здесь и 13–летняя поповна Маша, дочка спившегося тарханского священника Фёдора Макарьева. Елизавета Алексеевна пожалела сироту и взяла её в дом. Сидя за рукоделием, девчата затягивают песню, и Маша им подпевает:

Я вечор в полях гуляла,
Грусть хотела разогнать,
Я таких цветов искала,
Чтобы милому послать.
Не нашла цветка алого
Ни в долинах, ни в лужках,
Не нашла дружка милого
Ни в беседах, ни в пирах.

Полно, серенький, кружиться,
Голубочек, надо мной,
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль туда, где милый мой.
Ты лети, лети скорее,
Ты лети к душе моей,
Поворкуй–ка пожальчее
Об несчастной обо мне.
Он живёт где, я не знаю,
Значит, он меня забыл,
Значит, он меня забыл,
Он другую полюбил.

Дождь грустно барабанит в окно, будто аккомпанирует.

— Заслушались, барин? Нравится наша песня? — спрашивает Даша Шушерова, подняв голову от пялец.

Мишель кивает. Девушки поют про речку, где казак топит неверную жену на горе своим детушкам. Мальчику представляется Марарайка, вновь набирающая силу после тарханской запруды. Когда бабушка ездила с ним в деревню Михайловку, основанную дедом неподалёку от Тархан, она приказывала останавливаться на отдых и поить коней у прекрасных озёр близ этой речки. К июлю озёра покрываются белыми кувшинками, жёлтыми кубышками, зелёной ряской и становятся похожими на полянки, в середине которых голубеет и искрится на солнышке чистая вода. Особенно памятно Мишелю Антоново озеро. Он прикрыл глаза и представляет, что именно к его бережку идут осиротевшие казачата и зовут:

Ты умри–ка, умри,
Лиха мачеха,
Ты восстань–ка, восстань,
Родна матушка.

Заметив слёзы на глазах мальчика, Параша Васильева сетует:

— Ох, разжалобили мы вас.

— Мне привиделось, будто утопшая казачка в Антоновом озере лежит.

— Оно страсть какое глубокое! — вступает в разговор Варя Никитина, продолжая вязать варежку: спицы так и мелькают в её умелых руках.

— А почему озеро Антоновым зовут? — интересуется Мишель.

— Старики про него сказывают, — говорит Серафима Соколова, — будто в далёкие времена пас там стадо пастух с подпа-

ском по имени Антон. У пастуха была плеть ременная, и так она полюбилась подпаску, что всякий день он Христом Богом молил сделать ему такую же или свою отдать. Надоело пастуху, он и говорит: «Достанешь песку со дна озера, отдам тебе плеть, так и быть». Антон и опустился в озеро. Нырнул до обеда, выплыл к вечеру. И несёт в горсти золотой песок пастуху. А тот глазам не верит и спрашивает: «Да где же ты искал–то его так долго?» Мальчонка и отвечает: «Опустился я на дно, а там плиты каменные. Развязал поясок, положил, чтоб место приметить, и пошёл по ним. Шёл–шёл, и всё плиты да плиты. Потом они кончились, а за ними песок золотится. Зачерпнул я горсть и обратно пошёл. Нашёл поясок и выплыл». Вот так получил Антон желанную плеть. А озеро с тех пор зовут Антоновым.

— Неужто правда там плиты на дне? — спрашивает заинтригованный мальчик.

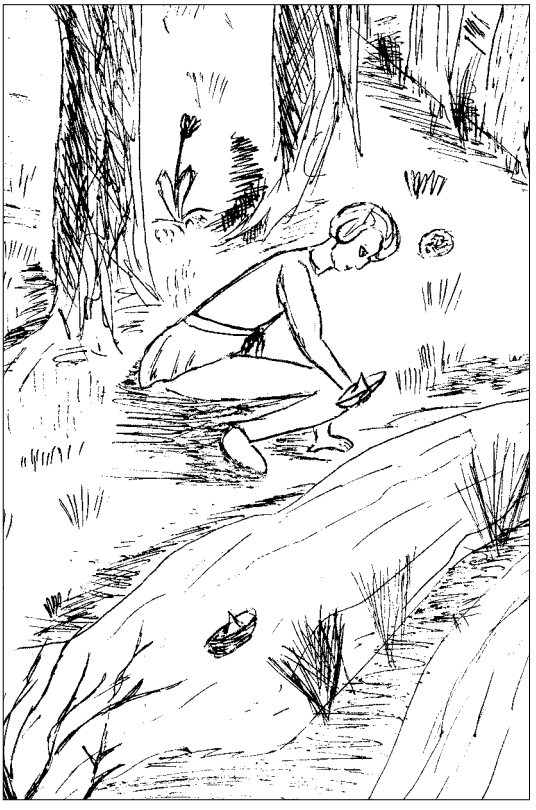
— Навряд. Это просто предание такое, — с лёгкой улыбкой отвечает Евлаша. — А озеро и впрямь очень глубокое. Михайловские мужики зимой связали длинные жерди, опустили в прорубь, а до дна так и не достали.

В дверях девичьей появился Коля:

— Мишель, дождь прошёл. Я кораблики сделал. Бежим пускать!

— Идите, идите, барин, засиделись с нами, — поддерживает его Варя.

— Пойдём, Коль, пока солнышко вышло, — соглашается мальчик.



Летом ведро воды — ложка грязи. Земля просыхает быстро, но ребята успевают пустить бумажные кораблики вниз по ручью.

Ночью снова бушевала непогода. Ветер выл, ломал сучья на деревьях и бросал их на землю. В саду из гнёзд выпало несколько подросших желторотых галчат. Галки над ними покружи-

ли–покружили, погалдели–погалдели и улетели кормить уцелевших птенцов. Сделались бы выпавшие галчата добычей усадебных мурлык, да с утра земля ещё мокрая, а кошки этого не любят. Гувернёр Жан Капе пораньше вышел в парк, увидал галчат, собрал всех, отнёс на кухню и попросил повара их приготовить.

Сидит горбоносый француз на веранде за столиком и с аппетитом завтракает. Он слегка причмокивает от удовольствия и пошевеливает торчащими с другой стороны столика стопами длинных скрещённых ног. Мишелю любопытно, он забирается по лесенке и спрашивает:

— Что вы кушаете, мсьё Капе?

— Жаркое из галчат, — невозмутимо отвечает гувернёр, обсасывая тоненькую косточку. — Вещь превкусная! Попробуйте, Мишель.

— Ни за что не буду эту падаль! — брезгливо восклицает мальчик и, съехав по перилам, убегает играть с Колей и дворовыми ребятами.

2 июля, сразу после Петрова дня, у писаря Степана Рыбакова и слуги Николая Вертюкова родились сыновья. Елизавета Алексеевна сказала внуку:

— Мишель, нынче Степан и Никола малышей крестят. Надо милость оказать усердным служителям. Ты будешь восприемником.

— Ладно, бабушка. А что мне надо делать? — обеспокоился мальчик. — Я не знаю.

— Как отец Алексей тебе будет говорить, так и делай.

— Хорошо. А вы пойдёте со мной?

— Конечно.

На крестинах ребёнку было и интересно, и волнительно. Крёстный ещё мал, и младенцев держали на руках дворовые девушки, освобождённые на полдня от работы. Мишель стоял рядом. Когда по чину крещения пришло время, батюшка велел всем повернуться спиной к алтарю и трижды спросил:

— От сатаны отрицаетесь?

— Отрицаюся! — громко по его наущению трижды отвечал мальчик за крестников.

Обоих младенцев нарекли Петрами в честь апостола. Когда их опускали в купель и крестили святой водой, Мишелю давали развёрнутую пелёнку, он принимал их на мгновение, а девушки сразу подхватывали. Малюток помазали миром, выстригли крестообразно прядки на головках и обнесли вокруг аналоя с пением

«…Во Христа крестится…» Юный восприемник шёл за отцом Алексеем с зажжённой свечкой и старался подпевать ему. Бабушка с умилением смотрела на любимого внука.

Потом Мишель не раз крестил новорождённых мальчиков в Тарханах: двух Фёдоров и Валериана у писаря Степана Рыбакова, Андрюшу и Дениса — у кучера Ефима Шерабаева и его жены Катерины, дочери управляющего, Федю и Стёпу — у тарханского дьячка Ивана Ивановича Веселовского, Андрюшу Летаренкова и Алёшу Ускова — у других преданных служителей.

Хоть и говорят в народе: «Пётр и Павел час убавил», — но вечера ещё светлые, длинные, тёплые. Барщинные крестьяне целый день в поле и на сенокосах до седьмого пота трудятся, но и дворовым барыня не позволяет сидеть без дела. В нагретом за день доме жарко, темновато. Девушки выходят на веранду и рукодельничают, пока не начнёт смеркаться и мошкара их не доймёт.

Мишель за день притомился: накупался, набегался, нашалился, но спать ему ещё не хочется. Услышав пение девушек, он садится на ступеньки веранды и слушает:

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю тёща доставалася,
Он заставил её три дела делать:
А первое дело гусей пасти,
А второе дело бел кужель прясти,
А третье дело дитя качать.
И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю–баю, милое дитятко,

Ты по батюшке злой татарчонок,
А по матушке родной внучонок,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золотые ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата–серебра.
Ах ты, милое моё дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

Мишель любит эту песню–сказание о далёких временах монголо–татарского нашествия. Когда он её слушает, сердце наполняется сочувствием к обездоленным русским полонянкам. Грустный и прекрасный народный мотив, отдалённо похожий на песню его матери, навсегда запал мальчику в душу.

В Нижнеломовском монастыре

В канун праздника Казанской Богоматери, 7 июля 1822 года, Елизавета Алексеевна выехала с внуком и дядькой Андреем в Нижнеломовский монастырь на главный престольный праздник. День обещал быть жарким, поэтому в путь тронулись пораньше, рассчитывая добраться к обеду и остановиться в монастырской гостинице. В дороге бабушка принялась рассказывать мальчику о местной чудотворной иконе, которую она очень чтила.

— Прежний нижнеломовский архимандрит отец Аарон сказывал, что образ наш многоцелебный явился конному казаку Андрею Набокову у источника. Узнал он Казанскую Божью Матушку, с благоговением приложился и поскакал с обретённою иконою скорей в город к воеводе Косогову. А у того сын тяжко болел.

— Как я три года назад? — спросил Мишель.

— Может, и тяжелее. Слушай дальше. Помолились они горячо, приложили болящего к образу, и тот исцелился. Распорядил-

ся воевода идти к источнику крестным ходом, воздавая хвалебное пение Пресвятой Богородице. Отписал Косогов в Москву государю Михаилу Фёдоровичу о чудесном исцелении сына. Царь повелел церковь на источнике поставить и основать святую обитель.

— Бабушка, а когда это было?

— В 1643 году. Почти сто восемьдесят лет прошло с тех пор, внучек. При пугачёвском бунте, слава Богу, чудотворный образ цел остался. Как узнал тогдашний архимандрит Исаакий о приближении разбойников, приказал все главные ценности монастырские в подвалах поглубже спрятать. Емелька государем Петром Третьим себя называл, и по его указу архимандрит, испугавшись, встречал самозванца колокольным звоном и на службе отдавал ему царские почести.

— Изменник он, выходит, бабушка?

— Не станем судить, внучек, да не судимы будем. Кабы Исаакий отказался, вздёрнули бы его на виселицу. Разбойники в здешних краях много дворян, попов и купцов лютой смерти предали, имения и храмы разорили. Целыми семействами изводили, ироды. Помнишь, тебе Козьма Алексеич пещеру показывал вблизи Полян, где несчастные от бунтовщиков прятались? Таковые пещеры не одну жизнь спасли.

— А что же с настоятелем сталось?

— Отец Аарон говорил, что Исаакия тогда сана лишили и сослали куда–то. Потом, я слышала, простили, но в Нижний Ломов не вернули. Ну да царствие ему небесное.

Бабушка глянула на небо, и, увидев тучу, приказала кучеру:

— Ефим, поворачивай к Кочетовке, не ровён час, гроза грянет. Скорей!

Свинцово–серая туча наползает медленно, гроза глухо рокочет вдали. По небу ниже огромной тучи резво летит маленькая тучка, которая кажется в лучах солнца чёрной–чёрной. Она, будто трепещущий на ветру плащ, быстро меняет свои очертания. Мишелю это показалось удивительным. Сверкнула молния, загрохотал гром. Вот–вот хлынет ливень. Кучер подхлёстывает лошадей, и они быстро мчатся по сухой пока дороге. Показался купол Архангельской церкви, крайние крестьянские дома. Вот и скромная усадьба Красицких, дальних родственников бабушки. Успели!

Дождевые струи громко забарабанили по крыше и стёклам окон. Хозяева — Марья Егоровна и Иван Семёнович — радушно встречают гостей, приказывают для них приготовить комнату и

поставить самовар. Из детской выбегает их младший сын — семилетний Егорушка, крестник Сперанского, — здоровается с Елизаветой Алексеевной и радостно сообщает Мишелю:

— А у нас ещё гости есть. Угадаешь кто, тогда выйдут!

— Великий Каракос и Маленький Мартирос! — быстро догадывается Мишель, зная, что Петя и Андрюша Максутовы, которых он в шутку называет армянскими именами за тёмные волосы и карие глаза, приходятся родными племянниками Марье Егоровне.

— Угадал! А ещё кто?

— Феня, — отвечает Мишель, не сомневаясь, что и сестра приехала с братьями.

— Верно! Пойду их позову!

Егорка открывает дверь, и в залу вбегают братья и сестра Максутовы.

— Бонжур, Мишель, — первой здоровается Феня, в шутку делая широкий книксен. — Мы тебя хотели разыграть, а ты сразу всё угадал.

— Бонжур! — вторит сестре Андрюша. — Маменька с папенькой тоже здесь. Мы завтра в Казанский монастырь на праздник и ярмарку едем.

— И мы, — говорит Лермонтов.

— Здорово!– радуется Петя.

— Конечно, здорово! — соглашается Мишель. — А где Николай Егорыч и Анна Максимовна?

— В столовой с твоей бабушкой беседуют, — отвечает Феня.

— Пойду поклонюсь вашим родителям.

Скоро ливень прошёл, и после обеда дети пускали бумажные кораблики по ручьям в саду, а вечером взрослые повели их на всенощную в Архангельскую церковь.

Стоя подле иконы Михаила Архангела, Мишель вначале молился, как обычно, своими словами о здравии и благополучии близких, об упокоении матери и дедушек, об исполнении своих детских желаний, но потом постепенно погрузился в глубокую сердечную молитву. Мальчик чувствовал, что Пресвятая Богородица и ангелы слышат и понимают его без слов. Он потерял ощущение времени и не знал, долго ли длилась служба, красиво ли пел церковный хор. Когда всенощная закончилась, бабушка похвалила внука за то, что он так спокойно стоял в храме, не приставая с вопросами и не мешая ей молиться.

После вечернего чая детей сразу уложили спать. Уставший за день Мишель крепко уснул и видел необычный сон. Среди медлен-

но плывущих светлых облаков летела чёрная тучка, похожая на ту, которая поразила его воображение накануне. Приблизившись к нему, она обратилась в чёрного ангела с крыльями как у летучей мыши и мечущими молнии глазами. Но испугаться во сне ребёнок не успел, увидев быстро–быстро летящего к нему прекрасного белого ангела. Он заслонил его от чёрного лучезарными лебедиными крыльями и с нежным пением понёс над землёй по небесной лазури. Мальчик чувствовал себя в родной стихии, ему было необыкновенно хорошо и уютно на руках у доброго ангела — как у матери в раннем детстве. Проснулся Мишель с ощущением лёгкости и обновления души, словно прикоснувшейся к тайне горнего мира.

На рассвете всем большим семейством из Кочетовки пустились в Нижний Ломов, чтобы поспеть на литургию. Проехали вёрст шестнадцать и, немного не доезжая города, увидели Казанский монастырь: колокольня и четыре храма обители заметны издалека. На пригорке — церковь Сергия Радонежского, ниже Богоявленская, Предтеченская церкви и главный Казанский собор — тот самый, что над источником, где явилась чудотворная икона. Монастырь обнесён побелённой зубчатой стеной. На площади перед нею хлопочут купцы, открывающие лавки, и крестьяне на подводах, приехавшие торговать на ярмарке.

У Святых врат снуют нищие в оборванной одежде. Бабушка достаёт кошелёк с приготовленной мелочью и подаёт им, предупреждая:

— Только не деритесь! Не то в другой раз не подам.

У самых ворот скромно просит подаяние опрятная молодая крестьянка. За руку она держит маленького русоголового мальчика, который Мишелю вначале показался хорошеньким, но сердце у него сжалось от жалости, когда ребёнок повернул лицо: на бледных щёчках змеились безобразные красные шрамы. Максутовы и Красицкие подали крестьянке мелочь и прошли внутрь, а Елизавета Алексеевна остановилась и стала расспрашивать:

— С праздником, милочка. Как твой малец?

— Благодарствую, барыня, лучше. Лекарь мази и примочки прописал. Рубцы подживают помаленьку. Спаси Господи за вашу доброту к нам, — крестьянка низко поклонилась.

— Вот тебе ещё на лечение, — бабушка дала ей купюру. — В Пензу надо вам ехать. Там хорошие доктора, помогут твоему сыночку.

— Спаси Господи, барыня, больше всех мне подаёте, — крестьянка снова низко поклонилась. — Барин наш туда скоро пустятся, обещались взять нас.

— С Богом, милочка.

Мишель порылся в кармане и протянул мальчику монету. Тот поклонился и поблагодарил, заикаясь:

— Сп–п–п–аси–б–б–бо.

— На здоровье, — ответил Мишель и, когда они с бабушкой отошли, спросил: — А отчего у него рубцы на лице? Обжёгся?

— Нет. Его совсем крошкой украли у матери нищие и изуродовали, ироды, чтобы больше им подавали. Пришли они сюда снова побираться, крестьянка узнала сыночка, кликнула народ и отбила ребёнка у нищих. Теперь на лечение собирает.

— Бабушка, а он выздоровеет?

— Бедняжечка сначала и не говорил, так его запугали. А уж худой–то был! Страшно взглянуть. Теперь он, Слава Богу, поправился. Многие им подают. И я не впервой даю. На такое благое дело денег не жалко.

Зазвонили колокола, и они поспешили в Казанский собор, фасады которого украшали образа, написанные по штукатурке. Храм был уже переполнен, и к родственникам им встать не удалось. Елизавету Алексеевну здесь знали и пропустили с внуком поближе к алтарю. В празднично украшенном соборе всё рождало благоговейное настроение: блеск пятиярусного золочёного иконостаса, Казанская явленная икона в сверкающей жемчугами ризе и в венке белых роз, мерцающие в клубах ладана оклады образов, само торжественное богослужение, которое вёл недавно назначенный архимандрит Антоний, облачённый в красную праздничную ризу и расшитую золотом митру. Мишель молился усердно, но не так глубоко, как накануне на всенощной. После Божественной литургии по монастырю с пением прошёл крестный ход. Впереди несли крест, хоругви и чудотворную икону. Потом все с молитвой прикладывались к ней. Миша горячо просил за родных и друзей, за себя и за изуродованного крестьянского мальчика.

С Максутовыми и Красицкими встретились у святых ворот. Вышли из обители, а на площади гуляет широкая ярмарка. В Нижний Ломов съехались купцы едва ли не со всей России. Здесь продают серебро, галантерею на любой вкус, шёлк, сукно, одежду, обувь, простую глиняную и изысканную китайскую посуду, великое множество заморских и исконно российских товаров. Пестреют торговые палатки, крестьяне с возов торгуют овощами, зерном, шерстью и всякой снедью, рядом продаётся скотина и птица. А от разномастных коней глаз не оторвать! Столько красивых лошадей Мишель не видел даже на Кавказе.

Лоточники предлагают румяные пирожки с аппетитными начинками, кулебяки и сладкие сдобные плюшки. В просторной палатке разливают чай, вино, сбитень, медовуху, квас. Пройдясь по рядам, Елизавета Алексеевна послала кучера отнести покупки в карету и там стеречь, а сама с внуком и родственниками пошла на середину базарной площади, где крутились круглые качели, карусели и виднелся флажок циркового балагана. Дети прокатились, подкрепились пирожками с квасом и, увидев, что появились медвежатники, упросили бабушку подойти к ним.

Вокруг мишки быстро собралась публика.

— Ну–ка, мишенька, поклонись честному люду! — приказывает медвежатник.

Поднявшись на дыбы, учёный медведь кланяется, пока вожак не скажет:

— Ну, будет, а теперь покажи барышню–модницу.

Мишка семенит на задних лапах, уморительно крутя плечами и мордой в намордник.

— А теперь — как пьяный городовой идёт с кабака.

Медведь вначале раскачивается на задних лапах, переваливаясь, делает несколько шагов, становится на четвереньки и, наконец, ложится и ползёт.

Зрители покатываются со смеху. Много ещё забавного вожак велит показать мишке, потом берёт волынку, делает знак своему помощнику — мальчику лет двенадцати, который держит в руках обклеенную мехом деревянную козью морду на палке, с языком–трещоткой. И начинается пляска «козы» с медведем. Медвежатники поют:

Медведь с козою забавлялись
И друг на друга удивлялись.
Увидел медведь козу в сарафане,
А козонька мишке моргнула глазами.
И с этого раза они подружились,
Музыке и пляске вместе научились.
Пошли в услужение к хозяину жить:
Играть, плясать, винцо вместе пить.
Вожак с барабаном прибауточки врал,
За ихнюю пляску со всех денежки брал,
Привёл их к народу, раскланялся всем
И с прибауткой плясать им велел.

Медведь ещё пляшет, а «коза» идёт по кругу с шапкой. Публика хлопает и бросает в туда денежки. Положив монету, Мишель

тянет бабушку дальше — к шарманщику с обезьянкой. Под нехитрую мелодию нарядная мартышка танцует, прыгает, кувыркается, строя смешные рожицы. Кончил шарманщик играть и предлагает детям взять её на руки за небольшую плату. У ребят обезьянка вертится, гримасничает, и всем весело.

— Какая славная! Бабушка, можно я её подержу?

— А не укусит? — спрашивает та у шарманщика.

— Что вы, мадам, она учёная.

— Ну ладно, — разрешила бабушка, — только недолго.

— А как её звать? — поинтересовался Мишель.

— Марта.

— Марта, Мартышечка, ты такая хорошая, красивая, умная, — хвалит мальчик обезьянку, поглаживая её.

Та заулыбалась и вдруг принялась копаться у него в голове.

— Что она делает? — забеспокоилась Елизавета Алексеевна.

— Ваш внук Марте понравился, мадам. Она вошек ищет. Это у обезьян знак высшей приязни.

— У него нет никаких вшей.

— Она этого ещё не знает, мадам. Смотрите, как тщательно ищет.

— Довольно, Мишель, идём. Слышишь балаганный колокол? Сейчас представление начнётся.

— Благодарю, Марта такая славная! — сказал мальчик шарманщику, с сожалением отдавая обезьянку.

На балкон балагана вышел зазывала, наряженный дедом: с льняной бородой, в русском кафтане и шляпе, обшитых красной и жёлтой тесьмой и лентами. И принялся потешать гуляющих на ярмарке:

Эх–ма, народу тьма!
Для ваших карманов
Понастроено балаганов,
Качелей и каруселей
Для праздничных веселий!
Веселись, веселись,
У кого денежки завелись.
А у кого в кармане грош да прореха,
Тому не до смеха.
Так–то. Ну–ну, шевелись,
У кого денежки завелись!
Господа! На новую пожалуйте.
Сейчас начинается,
Как худой муж
С хорошей женой мается,
Меня моя из сапог в лапти обула,
А, вишь, любила братца Федула,
Да и меня тоже.
Вишь, мы с ним очень похожи.
Вот и ходим вместо сукна в рогоже.
А вам, господа, так негоже,
Пожалуйте на представленье,
Будет вам увеселенье:
Жонглёры да акробаты —
Ловкие ребята,
Девица на шаре
Да клоун в ударе.
Деньжат не жалейте,
Заходите быстрей–то.
Не всем места хватит,
А только тем, кто заплатит.

Бабушка купила билеты на первые места, а сама пошла с Анной Максимовной и Марьей Егоровной в галантерейный ряд за красным товаром. Мишель с дядькой, Андрюша, Петя и Феня с

Николаем Егоровичем и Егорка с отцом уселись на скамьях, обитых кумачом. Простонародная публика стояла сзади, в райке. Заиграла музыка, открылся занавес, и началось весёлое представление. Жонглёры ловко перебрасывали шарики и вертели тарелки, акробаты высоко прыгали, крутили сальто, кувыркались, становились в пирамиду. Худенькая в розовом пышном платьице девочка танцевала на большом голубом шаре. В перерывах между номерами публику забавлял рыжий клоун в пёстром костюме и огромных ботинках, выходивший на арену с умным белым пуделем и голосистым петухом.

Из балагана дети потащили взрослых к рядам с игрушками и свистульками. В обратный путь пустились только вечером. Максутовы поехали к себе в Стяшкино, а бабушке с Мишелем пришлось опять заночевать в Кочетовке. В Тарханы они вернулись на другой день с выгодными покупками и подарками, а главное — с незабываемыми впечатлениями.

Военные рассказы и игры

Любимый младший брат бабушки Афанасий Алексеевич Столыпин был хорош собой, но в 36 лет ещё не женат. Елизавета Аркадьевна Анненкова, которой безраздельно принадлежало его сердце, давно вышла замуж по любви за Михаила Петровича Верещагина, жила в Москве и растила дочку Сашеньку. В конце 1816 года в Пензе Столыпин собрался было жениться — не по любви, а по разуму. Сначала венчание отложили родители слишком юной невесты, а потом свадьба окончательно расстроилась: Афанасий Алексеевич узнал, что Верещагина овдовела. Для него, наконец, блеснула надежда соединить свою судьбу с любимой женщиной. Однако Елизавета Аркадьевна осталась верна памяти покойного мужа, и Столыпин с тех пор так и жил бобылём.

Не имея собственных детей, он очень полюбил двоюродного внука Мишу Лермонтова. Афанасий Алексеевич называл мальчика племянником, будучи примерно одного возраста с его отцом и всего на 7 лет старше его матери, с которой в своё время очень дружил. Мишель сердечно привязался к Столыпину и звал его дядюшкой. Мальчик иногда гостил у него в Лесной Неёловке под Саратовом. Здесь ребёнку всё нравилось: и непривычный для глаза лесной пейзаж, и свежий запах вековых сосен, окружавших имение, и белая Троицкая церковь, глядящаяся в пруд с непонятным названием Брында. Мишель любил неёловскую усадьбу, большой

фруктовый сад и просторный деревянный дом с мезонином в пять окон и балконом на шестиколонном портике. Его привлекали оранжереи с экзотическими растениями. Когда–то подобную оранжерею устроил в тарханском парке его дед Михаил Васильевич Арсеньев, но после его кончины она стояла заброшенной. Особое любопытство у Мишеля вызывала псарня, предмет гордости и забот заядлого охотника Афанасия Алексеевича.

Больше всего мальчик любил рассматривать висевшее в гостиной на ковре наградное оружие дядюшки и расспрашивать его о войне 1812 года, о Бородинском сражении. Хотя с той поры миновало всего 11 лет, для Мишеля это было время легендарное, героическое. В Тарханах он не упускал случая расспросить бывших ополченцев: писаря Степана Рыбакова, служившего вахмистром, урядника Якова Пошехонова, писаря Прокофия Ускова, кавалериста Фёдора Найдёнова, — воевавших в конном казачьем полку. Родственник кормилицы Иван Шубенин был воином 1–го пехотного казачьего полка. Тарханские дворовые и крестьяне рассказывали интересно, но Пензенское ополчение формировалось долго и успело только к заграничным походам 1813–1814 годов. Иное дело Афанасий Алексеевич, побывавший в самом пекле Бородинского сражения. В глазах Мишеля он был настоящим героем. Мальчик, с особой гордостью рассматривая его золотую шпагу с надписью «За храбрость», просил:

— Дядюшка, расскажите о 12–м годе.

— Да я уж рассказывал тебе, Мишель.

— Расскажите ещё. Ну пожалуйста.

— Ладно, слушай. Служил я тогда поручиком в 1–м полку артиллерийской бригады генерала Алексея Петровича Ермолова.

— Того самого, что на Кавказе прославился?

— Да, того самого. Это человек из породы героев: твёрдый, скрытный, необыкновенного ума, с обширными познаниями теории и практики, хладнокровный в сражениях. Летом 12–го года

стояли мы в городке Свенцяны. Обстановка была напряжённая. 1 июля назначили Ермолова начальником штаба 1–й Западной армии, которой командовал Барклай де Толли. А вечером 14 июля приехал к нам государь император Александр Павлович. Выходя из коляски, он поздоровался с нами и громко объявил: «Поздравляю, господа, с военными действиями, примемся работать! Французы позавчера перешли Неман в Ковно. А теперь к делу!» Однако до дела долго не доходило. Бросали нас с места на место: от Дриссы к Полоцку, потом к Витебску и на Лиозну. И нигде не решались дать сражения французам. Не одни офицеры, но даже и солдаты стали роптать на главнокомандующего Барклая. Сам Ермолов считал положение сомнительным и запутанным. Наполеона совсем потеряли из виду: то думали, что он обходит Смоленск и тянется боковыми путями на Москву; то — что он заслонил нам Петербург и собирается вести армии туда. Нас всё время держали в резерве, и первый бой мы приняли только при Бородине. 25 августа мы заняли позицию. Утром началось сражение, но нашу вторую роту по приказу генерала Дохтурова держали опять в резерве. Первая артиллерийская рота моего друга капитана Вельяминова давно сражалась возле Измайловского полка, защищала Семёновские флеши. На место раненого Вельяминова встал штабс–капитан Ладыгин. Товарищи обливались кровью, а мы всё томились в ожидании с заряжёнными орудиями. Наконец, в разгар боя к нам подъехал адъютант Дохтурова и выкрикнул: «Где здесь батарейная рота капитана Гогеля?» Мы с подпоручиком Жиркевичем хором закричали: «Наша!» Адъютант передал нам приказание двигаться на левый фланг, где он укажет место нашей позиции. Но едва мы вышли из кустов, как очутились пред двухъярусной неприятельской батареею. Она дала по нам залп. Адъютант поскакал назад. Командир Гогель смешался, крича ему вслед: «Покажите нам место!» Жиркевич, будучи при первом орудии, скомандовал «Рысью!», тронулся и закричал: «Выстраиваться влево!» Неприятельская батарея дала несколько выстрелов. Ядром убило лошадь под капитаном Гогелем, а самого его сильно контузило. Командование ротой перешло ко мне. Французы взяли Семёновские флеши и направили огонь своей артиллерии на центральную батарею Раевского. Туда же двинулась французская кавалерия. Я увидел, что для их удержания выступил Кирасирский Его Величества полк, приказал выехать несколько вперёд и, переменив фронт, ожидать приближения неприятеля без единого выстрела. Мы подпустили противника поближе, сильным огнём расстроили его ряды и тем

подготовили верный успех нашим кирасирам. Грянул бой. Кирасиры смяли вражью кавалерию и отбили два орудия. В том бою подо мной убили моего любимого горского коня и ранили меня во второй раз — и снова в ногу.

— Поэтому вы, дядюшка, иногда хромаете?

— Да, болят старые раны. В ногу я прежде был ранен в седьмом году под Фридландом. Да такие боли втерпёж. Подопечному моему прапорщику Абраше Норову при Бородине оторвало ступню. Я подъехал к нему, лежавшему в крови, и был глубоко огорчён, увидев красивого, во всех отношениях любезного юношу изуродованным навеки. И высказал ему невольно свою печаль о нём. Норов отвечал мне с всегдашним лёгким заиканием: «Ну что, брат, делать! Бог милостив! Поправлюсь и воевать на костыляшке пойду!» Вот какой дух царствовал в 12–м году в армии, что и семнадцатилетние мальчишки способны были на такое геройское самоотвержение!

— А прапорщик Норов в самом деле вернулся на службу?

— Да, и дослужился до полковника. Кстати, он приходится двоюродным племянником чембарским Норовым. Абрам Сергеич — замечательный человек! Полиглот, путешественник. Он и древних авторов стихи переводит первоклассно, и итальянцев. Примерного мужества и стойкости мужчина! Впрочем, при Бородине все мы бились не на жизнь, а на смерть. Рассказывали, полковник Монахтин при контратаке на батарею Раевского, приняв командование батальоном, воскликнул: «Ребята! Представьте, что это место — Россия, и отстаивайте её грудью богатырскою!» А генерал Дохтуров, как передавали мне, обратился к войскам со словами: «За нами Москва, умирать всем, но ни шагу назад — ведь всё равно умирать же под Москвою!» И покойный генерал Пётр Багратион о том же говорил, сверкая очами. Сии слова буквально носились в воздухе. Многие тысячи воинов пали тогда: солдаты, офицеры, генералы.

— А Багратион прямо при Бородине сложил голову?

— Нет, он был ранен в ногу, но гораздо сильнее, чем я, и вскоре умер от раны. Мне мой товарищ Денис Давыдов рассказывал. Он долго служил при Багратионе адъютантом,

— Денис Давыдов — это прославленный партизан?

— Да. Он, может, ко мне приедет, тогда я тебя с ним познакомлю.

— Здорово!

— При Бородине и брат мой Дмитрий Алексеич отличился. Да ты, верно, уж расспрашивал его в Москве?

— Нет, дядюшка, я тогда совсем маленький был. Расскажите.

— Дмитрий в 12–м году служил штабс–капитаном 2–й лёгкой конно–артиллерийской гвардейской батареи. При Бородине его батарея попала под сильный огонь, потеряла много убитыми и ранеными. Командира капитана Ралля смертельно ранило. Брат принял командование и, вынужденно отступая по занятой неприятелем местности, умелыми действиями сумел сохранить все свои орудия для дальнейшего боя. Да он тебе сам при случае подробно расскажет. За это его пожаловали чином капитана. Ну а я получил наградную золотую шпагу, кою ты держишь.

— Дядюшка, наши при Бородине не проиграли французам, отчего же тогда отступили и оставили Москву Наполеону на разорение?

— Иного пути не было. Мы все готовы были сложить голову за Первопрестольную, но кто бы тогда защитил Россию? Кутузов перехитрил французов: после пожара Москвы мы погнали их в лютые морозы прочь по разорённой ими же Смоленской дороге, измотали, разбили и выдворили из России в Европу и до самого Парижа.

— Вы там были?

— Да. Я в 13–м году залечивал раны в Пензе, потом вернулся в строй и дошёл до Парижа.

— И Наполеона там видели?

— Только издалека. Твой гувернёр был его гвардейцем и наверняка близко видел не раз.

— Да, мсьё Капе мне поведал много замечательного о Наполеоне. Дядюшка, а как вы за границей воевали?

— О том в другой раз. Мне пора на суконную фабрику по делам.

Простившись с дядюшкой, Мишель остался в гостиной и долго разглядывал висевшие на стене батальные гравюры, живо представляя картины Бородинского сражения по ним и по рассказам Афанасия Алексеевича.

Вернувшись в Тарханы, мальчик едва ли не каждый вечер просил Жана Капе рассказывать о Наполеоне.

— О, это великий человек, гениальный полководец! — восторженно говорил гувернёр. — Я горжусь, что был его гвардейцем и дослужился до капитана. «Да здравствует император!» — кричали мы при его появлении. Одним взглядом он мог послать нас умирать за Францию, и мы умирали! Он провёл нас чередой победных сражений от Мадрида до Москвы, но в России Бог отвернул-

ся от него, не допустил завоевать вашу великую страну. Нигде народ так не защищал своей земли! Такого героизма и самопожертвования мы ранее не встречали. Разве что в Испании было подобное, но с меньшим размахом. Гвардейцы оставались верны императору до конца. Отступая в ужасные холода, преследуемые русским авангардом, доблестными казаками атамана Платова, мы смыкали свои ряды, если кто–то из нас падал, сражённый пулей или картечью. Когда меня ранило, я упал, думая обрести верную погибель в снегах. Но Господь помиловал. В плену меня выходили добрые русские люди. Вот пример настоящего христианского милосердия! Я остался учить их детей и полюбил Россию. Но я не изменил своему императору. Если бы мне было суждено отступать до Парижа, не колеблясь, отдал бы жизнь за него при Ватерлоо в 15–м году с криком «Да здравствует император!»

— Но почему великий Наполеон два года назад в одиночестве умер на острове Святой Елены?

— Он проиграл русскую кампанию, и его предали полководцы и вельможи. Старая гвардия полегла на полях сражений. Всё равно Наполеон остался велик и ещё будет кумиром народов.

Интерес к личности Наполеона не мешал Мишелю восторгаться подвигами русской армии, победившей отборные войска гениального полководца. Мальчик знал, что и его отец участвовал в этой героической войне. Когда Юрий Петрович приехал навестить сына, тот начал его расспрашивать, ожидая услышать о подвигах, но отец поведал совсем об ином:

— Тульское ополчение осенью 12–го года не допустило неприятеля к нашим оружейным заводам. Однако мне удалось попасть в часть лишь в первых числах января 13–го года. Я служил батальонным начальником в 4–м егерском полку. Мы шли в арьергарде, время от времени вступая в стычки и не позволяя отставшим отрядам противника рассредоточиться по окрестностям и мародёрствовать. Поход был крайне тяжёлый, долго стояли лютые морозы — 25 градусов и боле. Наши ряды редели, но не от пуль, а от простуды и заразы, сразивших наповал более четырёх сотен человек. В апреле и у меня началась грудная болезнь, я долго пролежал в Витебском госпитале. На том и кончилась для меня война.

— Но ведь это тоже была нужная Отечеству служба? — с надеждой спросил Мишель.

— Война, сын, не только большие кровопролитные битвы и громкие подвиги, но и тяжёлая будничная работа. Именно она и выпала на мою долю. А при Бородине отличился наш дальний

родственник и твой тёзка Михайла Николаич Лермонтов. Мне рассказывали, что он, будучи мичманом, с командой матросов охранял переправу через реку Колочь у са́мого села Бородина. Они подожгли мост, когда наши егеря стали отступать, но всё–таки часть французской пехоты на хвосте отступавших переправилась и продолжала наступление. К нашим подошло подкрепление, и егеря отбросили неприятеля к реке. Там моряки успели уничтожить мост, французы не смогли переправиться обратно и были полностью истреблены. Я читал в газетах, что за этот подвиг Михайле высочайше пожалован орден святой Анны III степени.

— А вы знакомы с ним?

— Не имел случая познакомиться. Мне говорили, что мы с ним похожи, хотя он и принадлежит к другой ветви нашего рода. Михайла учился в Морском кадетском корпусе в столице, а я в 1–м Кадетском. После выпуска он по сие время служит, участвует в военных походах, вот мы с ним и не встречались.

— Папа́, мы завтра на горке за оврагом напротив церкви будем играть в войну, только не во французскую, а в кавказскую. Ребята не хотят быть французами. Горцами — совсем другое дело. Я им пересказывал, что дяденька Павел Петрович про кавказцев говорил. Первым полком я командую, вторым — Коля. Полки меняются ролями. Иначе нельзя, потому что начинаются обиды. Офицеры у нас поповичи Пашка и Ванька Толузаковы, Ванька Соколов и другие ребята — вы увидите. Завтра мой полк будет казачьим, а Колин — горским. Может, что–то подскажете нам.

— Конечно, сынок, непременно посмотрю вашу игру.

Старший Лермонтов внимательно наблюдал за азартной борьбой ребят, вооружённых деревянными ружьями, мечами и пушками. Лишь у Мишеля было настоящее оружие — нагайка.

Отец посоветовал устроить траншеи: так будет намного интересней. Елизавета Алексеевна поддержала эту идею и приказала нескольким толковым деревенским мужикам выйти на рытьё вместо барщины. Мишель был счастлив, ведь затея с траншеями задержала Юрия Петровича в Тарханах на несколько дней. Перед отъездом отец тщательно, по всем правилам разметил, где и насколько глубоко рыть, показал, чем и как укрепить края, чтоб не осыпались. Когда всё было готово, Елизавета Алексеевна распорядилась пошить детям обмундирование из настоящего цветного сукна, присланного Афанасием Алексеевичем.

Игра стала сложнее и увлекательнее. У каждого полка — свои траншеи, их нужно защищать и при первой же возможности ид-

ти в контратаку на траншеи «противника». Победители получают в распоряжение разросшиеся у забора кусты ирги с поспевшими сладкими ягодами. Дядька Андрей присматривает за юными воинами, чтоб не наставили друг другу синяков, чтобы «убитые» и «раненые» снова не вставали в строй, а ждали конца потешного боя.

Пока на траншеях идёт «война», в кухне пекут пироги на обе «армии». После победной игры Мишель спешит поделиться радостью с бабушкой:

— Мой полк победил!

— Ну и слава Богу! — говорит та. — Идите умываться и — к столу.

Если же Мишин полк проигрывал «сражение», бабушка отвечала:

— Не беда, в другой раз победишь, — и приказывала поповне Маше нести корзину с пирогами для дворовых «воинов».

Раздавались пироги и после потешного парада, который Мишель принимал в качестве главнокомандующего, стоя на ступеньках террасы под колоннами.

Поощряя увлечение внука, Елизавета Алексеевна написала брату Аркадию Алексеевичу Столыпину в Петербург о военных иг-

рах. В ответ сенатор прислал ко дню рождения внучатого племянника книги о военных действиях и разных сражениях — от времён Александра Македонского до нового времени. Среди них Мишель нашёл скромное издание «Кавказского пленника» Александра Пушкина. Мальчик с огромным увлечением множество раз перечитывал поэму, поражаясь точным и ярким описанием Кавказских гор и обычаев горцев. Усевшись в любимой беседке на берегу Большого пруда, Мишель, оживляя в памяти рассказы дядюшки Павла Петровича Шан–Гирея, рисовал в альбоме горные пейзажи, вооружённых горцев и казаков на лошадях, представляя себя героем славных сражений. Мальчик не мог предположить, что через четырнадцать лет наяву будет участвовать в затяжной Кавказской войне, проявляя воинскую доблесть и героизм.

Царские торжества в Чембаре

Август близился к концу. Скоро приедут соученики Мишеля: братья Юрьевы и Максутовы. Миша Пожогин не приедет: он теперь будет учиться в 1–м Московском кадетском корпусе. Пока в усадьбе спокойно. Крестьяне работают на полях, дворовые собирают яблоки и сливы в саду. Возле пруда тихо, только иногда пройдут мимо беседки гуси, важно переваливаясь и гогоча. Мальчик отвлёкся от книги и залюбовался отражениями подёрнутых первой желтизной деревьев. Скоро осень, а там и до дня рождения рукой подать. Шутка ли сказать — ему стукнет десять лет! Обещал приехать отец. То–то будет радость! Отрок начал было обдумывать, какое он с ребятами подготовит к этому дню представление, чтобы всех развеселить.

— Мишель! Вот вы где! — услышал он хрипловатый голос гувернёра.

Мальчик увидел спешащего к нему Капе. Его долговязая фигура в развевающемся сером плаще выглядела нелепо на фоне пышных чуть желтоватых деревьев и нежно–голубой глади пруда.

— Что случилось, мсьё Капе?

— Скорей идите переодеваться. Государь Александр Павлович в Чембаре! Мадам Арсеньева приказали закладывать экипаж.

— Как государь в Чембаре? Разве он должен был приехать?

— Не могу знать! Вас зовут собираться.

Мишель, едва успевая за длинноногим гувернёром, побежал к дому. Оказалось, Елизавета Алексеевна получила приглашение на царский приём в Чембаре, назначенный на завтра, 30 августа

1824 года, на 8 часов утра, и решила немедленно ехать, чтобы заночевать у знакомых и не опоздать, не дай Бог, к назначенному времени.

Через час мальчик, тщательно умытый и наряженный в новый зелёный костюм, уже сидел в коляске. Празднично одетый дядька Андрей ловко подсадил барыню и сел сам. Ефим тронул лошадей.

Когда въехали в Чембар, бабушка приказала кучеру остановиться у здания присутственных мест, чтобы выяснить обстановку. Знакомые горожане поведали ей о государе, который был здесь проездом в Пензу на манёвры и остановился именно в этом каменном двухэтажном здании, самом приличном в уездном городке, где преобладали одноэтажные деревянные домики с резными наличниками и палисадниками.

Вечерело. Окна в присутственных местах были уже занавешены: государь отдыхал с дороги перед завтрашним ранним приёмом. Кругом толпился народ, все говорили полушёпотом, боясь нарушить царский покой. Зато по улице то и дело сновали бравые офицеры царской свиты, кто верхом, кто в нанятой коляске. Один из них остановился перед нарядной дамой и настойчиво уговаривает прокатиться с ним. Та отрицательно качает головой. Что было дальше, мальчик не увидел: Елизавета Алексеевна вернулась в карету и Ефим подстегнул лошадей. Бабушка приказала кучеру ехать до соборной Никольской церкви, где служит её духовник — священник Андрей Егоров. Батюшка быстро исповедал Мишеля и завёл долгую духовную беседу с бабушкой. А мальчик с любопытством наблюдал, как служители тщательно убирают и украшают храм: завтра именины государя императора, который прибудет сюда после приёма на литургию и причастие.

На этот раз Елизавета Алексеевна с внуком остановилась на ночлег у своих добрых знакомых Якова Александровича и Александры Васильевны Подладчиковых, чей дом стоял на Никольской улице совсем недалеко от соборного храма и от здания присутственных мест. Хозяева, будто предчувствуя важное событие, накануне приехали в город из своего имения в селе Свищёвке.

Мишель всегда гостил у Подладчиковых с удовольствием. И не только потому, что их дом очень походил на тарханский. Яков Александрович, человек глубоко порядочный, честный и обаятельный, никогда с ребятами не сюсюкал, общался с ними на равных, что очень им нравилось. С его младшими детьми — Васей, Колей и Варей — Мишель тоже всегда был в ладах, разве что

иногда подтрунивал над девочкой, слишком много внимания уделявшей нарядам. И теперь после ужина юная модница придирчиво крутилась перед зеркалом, примеряя новое голубое платье с завышенной по моде талией, в котором ей предстояло пойти на службу.

— Ну как? — спросила она у Мишеля.

— Голубой цвет тебе к лицу. Да только, мадмуазель Барби, на службу, где присутствует государь, должно идти в зелёном платье, — стараясь сохранить серьёзный тон, ответил тот.

— Отчего именно в зелёном?

— Оттого что мундир у государя зелёного цвета. Видишь, я тоже пойду в зелёной курточке.

— У меня нет зелёного платья, — огорчилась девочка. — Вернее, было, но я из него давно выросла, — она надула губки и уже была готова заплакать.

— Ха–ха–ха! Барби, да не слушай ты Мишеля. Ха–ха–ха! Он тебе лапшу на уши вешает, а ты уж проглотить готова, — утешил сестру Вася.

— Правда, Базиль, в голубом можно? — спросила та, успокаиваясь.

— Можно и в голубом, и в любом, и в сладком, и в солёном, а ещё лучше — в зелёном, — в рифму шутит Мишель, что–то набрасывая карандашом в альбоме.

— Варюха, полно тебе перед зеркалом крутиться. Не на бал собираешься, а в церковь. Пойди переоденься, не то пятно посадишь, и придётся тебе в старом платье на службу идти, — с напускной строгостью, повторяя интонации отца, сказал ей старший брат.

— Ну вас! Вам бы только насмехаться. Сами одевайтесь почище и умывайтесь почаще! — слегка обиделась Варя и упорхнула в свою комнатку.

Когда она вернулась в милом домашнем платьице, Мишель показал ей рисунок. Мальчик изобразил её в шаржированном виде: худенькая девочка с распущенными волосами, жеманясь, стояла в короткой юбке и панталонах у зеркала, а отражалась в нём взрослой барышней с модной причёской, в длинном бальном платье. Оба личика вышли симпатичными, и Варя рассмеялась:

— Здорово! Правда, Базиль?

— Да, забавно, Барби, — стараясь казаться солидным, ответил тот.

— Бери на память, — Мишель оторвал листок и протянул девочке.

— Мерси боку, — ответила та, но взять подарок не успела.

— И мне покажи! — семилетний шалун Коля выхватил рисунок из–под носа у сестры. — Как похожа! Наша Варька модница, Богу не угодница! — стал он дразниться.

— Колька, отдай сейчас же! — девочка бросилась к братцу отнимать листок. — Я подружкам хочу показать.

— А догони!

Варя бросилась за дразнящим её братцем вокруг овального стола, но того прежде неё поймал Вася:

— Будет, Николя! Завтра рано вставать, а вы тут расшумелись. Елизавета Алексевна уже спать ложатся. Отдай рисунок Барби и иди укладываться.

Тот вынужденно подчинился. Девочка разгладила помятый листок и, пожелав всем доброй ночи, унесла к себе в комнату.

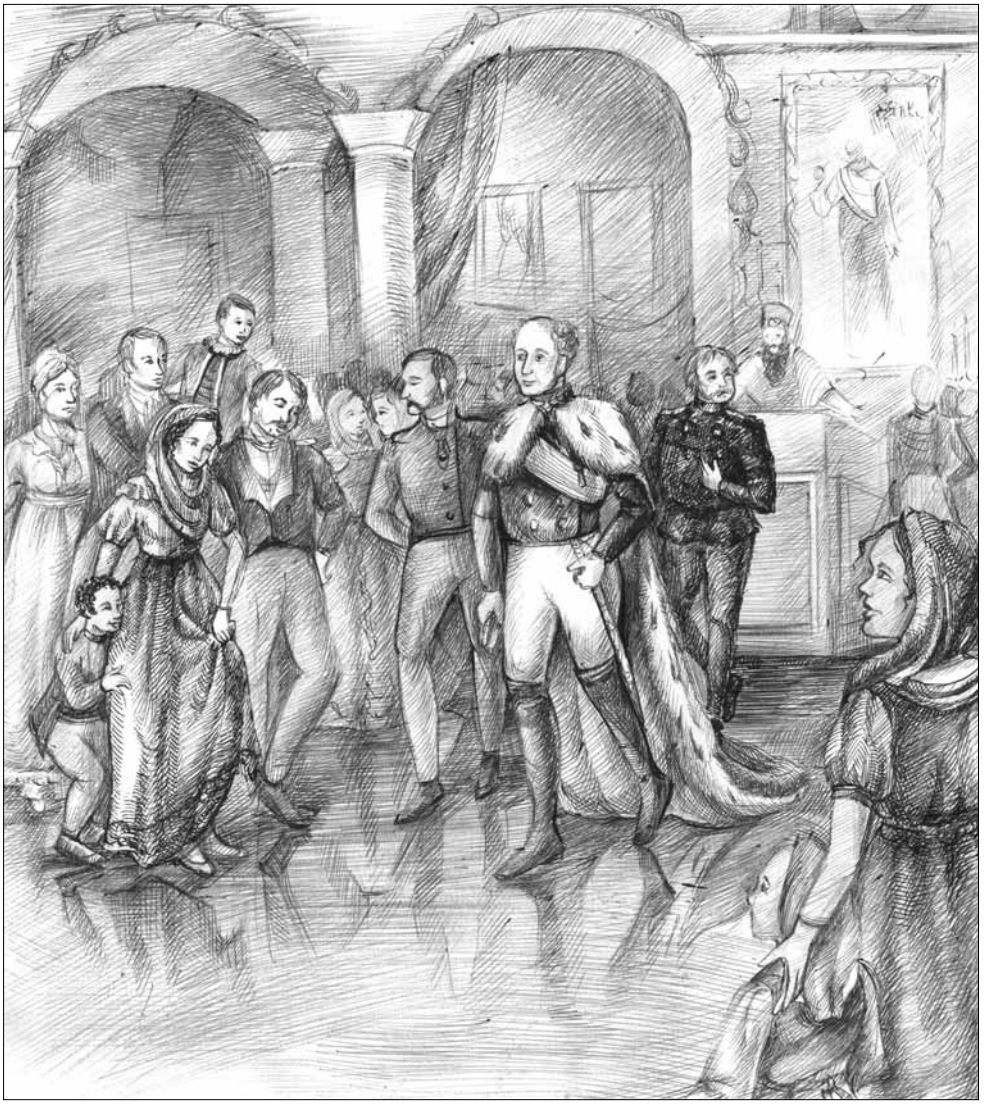
На следующее утро в половине восьмого супруги Подладчиковы и Елизавета Алексеевна с Мишей поехали к зданию уездного училища, где государю будут представлять местных чиновников и дворян. Дети хозяев пока ещё собирались: они со своим гувернёром и бонной должны прийти к девяти часам прямо в церковь, до которой рукой подать.

Около уездного училища уже толпятся экипажи, но Арсеньеву и Подладчиковых уважительно пропускают вперёд. Их коляски останавливаются недалеко от ворот. Мишель прилип к

окошку. Вот выходит из своей кареты местный предводитель дворянства Сергей Михайлович Мосолóв. Рядом с ним идёт, опираясь на трость важный старичок. Мишель узнал отца предводителя Михаила Ивановича Мосолова, который бывал в Тарханах. Все им кланяются, хотя про их богатое и влиятельное семейство в уезде ходит много недобрых слухов. Они владеют землёй в селе Свищёвке, где и Подладчиковы, и притесняют соседей.

Следом за Мосоловыми широким шагом ступают городничий Лука Лозовский и штаб–лекарь Григорий Никифорович Белынский. Кучер Ефим учтиво помогает Елизавете Алексеевне спуститься с подножки кареты, и бабушка идёт на приём. Статная, видная, в строгом чёрном платье и белом чепце, она не затерялась в толпе, хоть и была среднего роста. Мелькают знакомые лица земского исправника, смотрителя народных училищ, судьи, уездных дворян. Мишель с дядькой Андреем остаются ждать в карете. Около восьми утра к уездному училищу верхом подъехал император Александр Павлович в сопровождении генералов, адъютантов и отряда кавалергардов. Мальчик узнал государя, но не по портретам — лица разглядеть он не смог. Император был сам высок и сидел на высоком белом жеребце, так что выделялся среди своей свиты. Что происходило у входа, Мишель с Андреем не видели, но судя по раздавшемуся крику «Ура!» и пению гимна, догадались, что Александру Павловичу преподнесли хлеб–соль и подарки от купечества.

Приём длится меньше часа, а мальчику кажется, что очень долго. Наконец в воротах появляется царь со свитой и направляется на литургию. И опять Мишель толком не может рассмотреть его, лишь мелькают впереди спины в зелёных мундирах, золотые эполеты на плечах и треуголки. У ворот училища бабушка садится в карету, и они следом за царём едут в храм Николая Чудотворца. Там их беспрепятственно пропускают внутрь, хотя вокруг толчея: всем хочется увидеть государя. Возле столпа недалеко от алтаря голубеет Варино платье. Она машет им рукой. Елизавета Алексеевна с внуком и супругами Подладчиковыми пробираются к девочке и её братьям. Внутри храма всё чисто и ярко: за ночь копоть от свечей успели отмыть. Сводный хор, собранный со всех приходов благочиния, поёт необыкновенно красиво, почти как в Нижнеломовском монастыре. Служат благочинный протоиерей Стефан Петров, священники храма Алексей Егоров и Василий Трифонов с полным клиром. Государь молится на возвышении — специально устроенном царском месте. Мишелю только со спины видна его



высокая статная фигура, седеющие светлые волосы на затылке и лысина. Александр Павлович часто и широко крестится.

Перед выносом чаши с причастием благочинный вышел, у царских врат помазал Его Величество и затем ввёл в алтарь. Мишель тормошит бабушку за рукав и вопросительно глядит на неё. Та шепчет: «Потом!» Царя выводят из алтаря, выносят чашу и всех причащают. После молебна святому Александру Невскому, небесному покровителю Александра Павловича, государю с августейшим семейством торжественно поют многолетие и преподносят икону в честь именин. Приложившись к ней и поблагодарив, государь отдаёт образ адъютанту. Народ расступается, и

царь направляется к дверям. Андрей приподнимает Мишеля, и тот наконец видит почти перед собой точёный профиль и полное лицо государя, сохраняющее признаки былой красоты, в венчике редеющих волос. Следом за царём в почтительном отдалении идут городничий и предводитель. У выхода Александру Павловичу подают треуголку, и мальчик скоро теряет его из виду. Когда он с бабушкой, Андреем и Подладчиковыми выбирается из храма, треуголки мелькают уже где–то вдали в перспективе улицы и скрываются за поворотом.

За обедом только и было разговоров, что о приёме государя и торжественной службе. Взрослые делились впечатлениями о том, как учтиво и с большим достоинством представлял дворян и чиновников уездный предводитель, с каким благоговением император стоял на службе.

— Бабушка, а зачем государя помазали и ввели в алтарь? — заинтересовался Мишель.

— Царь — это помазанник Божий и глава нашей Русской Православной Церкви, — отвечает бабушка, — потому его перед причастием елеем помазали и повели в алтарь причащаться как архиерея. Помнишь, мы в Пензе стояли на архиерейской службе? Епископ Амвросий у алтаря священнодействовал. Ты ведь не видел, как его причащали?

— Нет, не видел.

— Потому что архиереи и все священники причащаются в алтаре. Так и царь.

— Как милостиво, с какой улыбкой Его Величество отвечали на наши приветствия и поздравления! — поддержала разговор Александра Васильевна. — Помнится, в феврале 17–го года наш Чембар почтил визитом его августейший брат Михаил Павлович. Их Высочество так кротко и снисходительно изволили с нами разговаривать, что мы остались им обворожёнными.

Заметив, что по лицу Арсеньевой пробежала тень, и вспомнив, что она тогда не смогла представиться Великому Князю Михаилу Павловичу из–за смертельной болезни дочери, Яков Александрович перевёл разговор на другую тему:

— А вы, матушка Елизавета Алексевна, ныне у нас ночевать останетесь?

— Благодарю сердечно за гостеприимство, но мы уж отдохнули, поедем домой — путь недалёк.

— Извольте с нами десерт откушать, — хлебосольно предложил Подладчиков.

— Непременно, батюшка Яков Александрыч.

К радости Мишеля на сладкое подали компот, сливовый пирог и домашние сливочные конфеты. Он полакомился с большим аппетитом.

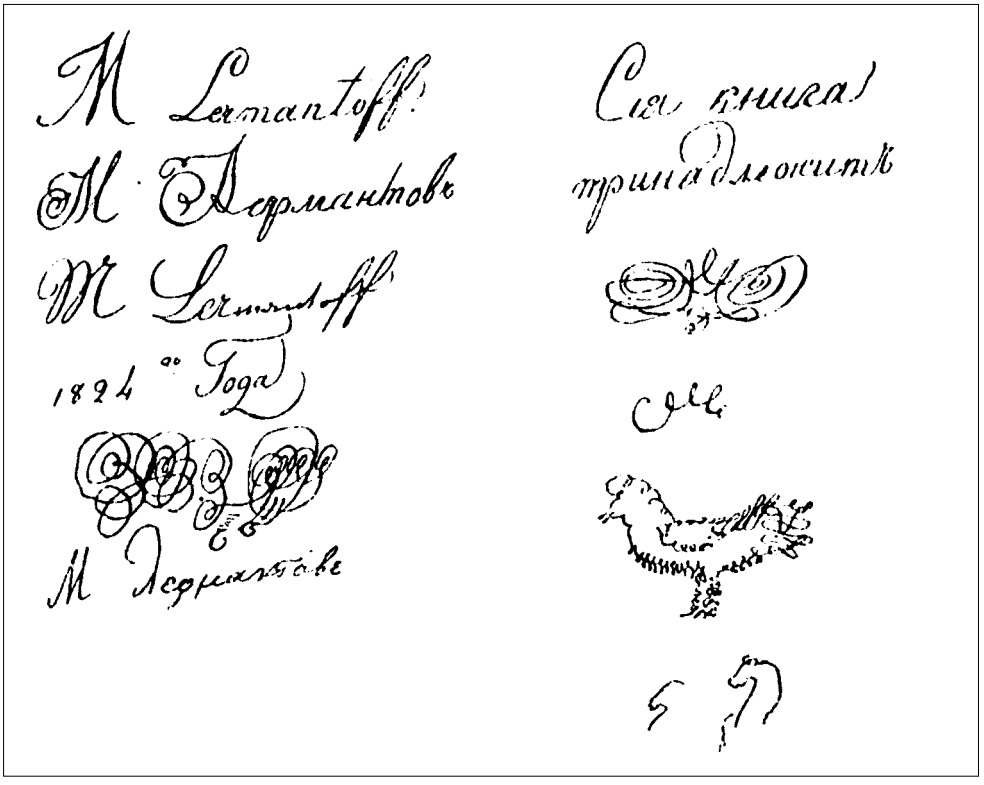
Через час после обеда экипаж был готов. Попрощавшись с хозяевами, бабушка с внуком и дядькой пустились домой. Только отъехали, Елизавета Алексеевна велела кучеру остановиться около Никольской соборной церкви и пошла к духовнику, чтобы взять благословение на дорожку и проститься. Возвратилась она с толстой книгой в руках и подарила её внуку. Это была «Псалтырь» 1822 года издания.

Мальчик поздно лёг, но утром встал на удивленье бодрым и ещё в ночной рубашке, сев за стол, принялся разглядывать «Псалтырь» и даже прочёл самый первый псалом. Текст показался трудноватым, он закрыл книгу, но потом передумал. Взял перо и, обмакнув в чернильницу, аккуратно и уверенно написал на листах заднего форзаца на французском, русском и немецком языках:

«Сия книга принадлежит
M. Lermantoff
М. Лермантов
M. Lermantoff
1824–го Года».

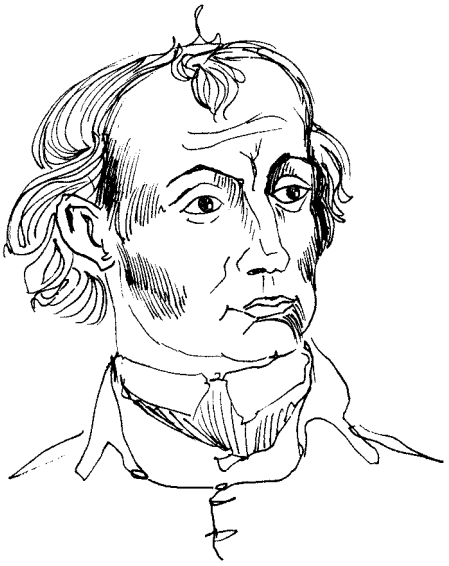
Мишель нарисовал внизу замысловатый росчерк и декоративную виньетку в виде петуха. Пройдёт немного времени, он начнёт изучать греческий и припишет своё имя на этом языке:

«Μ. Λερμαντοβε».



Дорожные рассказы о Суворове

Весной 1825 года Мишель часто простужался и болел. Снова дала о себе знать почти забытая золотуха. И Елизавета Алексеевна по совету доктора Леви в третий раз собралась с внуком на Кавказские Воды. Узнав из письма Юрия Петровича, что Миша Пожогин, который первый год учился в Москве в Кадетском корпусе, тоже несколько раз болел, она предложила взять его с собой. На Кавказ, кроме доктора Леви, поехали дядька Андрей, гувернёр Жан Капе и бонна. Бабушка хотела, чтобы они продолжали заниматься с внуком языками и заодно подкрепили своё здоровье.



Выехали в первых числах мая целым поездом — вместе с бабушкиным братом Александром Алексеевичем Столыпиным, его женой Екатериной Александровной и тремя дочерьми, которых Мишель называл кузинами. С Варей, младшей из них, он дружил, а старшие — девятнадцатилетняя Маша и пятнадцатилетняя Агата — считали себя взрослыми барышнями и держались особняком, предпочитая общество матери.

Ехали быстро и без приключений, даже в Аксае каравана ждать не пришлось. Дорогой Мишель не упускал случая расспросить Александра Александровича о его службе у легендарного Суворова.

— Приехал я в Варшаву в 1795 году представляться фельдмаршалу, — начал Столыпин свой рассказ. — Генерал–адъютант Тищенко доложил ему обо мне: «Адъютант Столыпин». Суворов, обернувшись, спросил меня: «Где служил твой отец?» Я от волнения забыл и отвечал: «Не знаю, Ваше Сиятельство!» Он, приложив указательный и средний пальцы правой руки к губам, вскричал: «В первый раз… Не знаю!» Граф Хвостов, известный стихотворец, тут бывший, прибавил: «Алексей Емельяныч служил по статской службе». Зная, что фельдмаршал статскую службу не любит, я с испугу вспомнил и закричал во всё горло: «Нет, Ваше Сиятельство, батюшка служил в Лейб–кампанском корпу-

се!» Тут фельдмаршал и все предстоящие засмеялись. Вот какой конфуз со мной приключился в первый же день. Но Александр Васильич ко мне с теплом относился, обращался не иначе как «мальчик!» Мне ведь тогда девятнадцать лет всего было. И прослужил я при нём полтора года.

— А правду говорят, что Суворов ледяной водой каждый день обливался? — поинтересовался Мишель.

— Правду. Когда мы с апреля 1796 года в Тульчине стояли, просыпался он обыкновенно в два часа пополуночи, окатывался холодной водой и обтирался простынёю перед камином. Потом пил чай и, призвав к себе повара, заказывал ему обед из четырёх–пяти кушаний, которые подавались в маленьких горшочках. После чая занимался делами, потом читал и писал на разных языках, обедал около восьми часов поутру, отобедав, ложился спать. В четыре часа пополудни вставал, после чая отдавал приказания правителю канцелярии, в десять часов ложился. Накануне праздников в домовой походной церкви всегда бывал он у заутрени, а в сам праздник — у обедни.

— Что же он кушал в горшочках?

— В скоромные дни едал варёную говядину с разными пряностями, щи из капусты, каши из разных круп, жаркое из дичи или телятины, разварную щуку. В постные дни готовили по–разному: белые грибы, пироги с грибами, постные щи и щуку с хреном. Александр Васильич излишеств и роскошеств не любил. Когда в дороге проезжал мимо какого–нибудь гарнизона, приказывал себе почестей не устраивать и сам перед вельможами, кто у власти, не лебезил. И в быту предпочитал, чтобы всё скромно и удобно было. В спальне фельдмаршала обыкновенно к стене настилали сена, которое покрывали простынёй и одеялом, в головах клали две большие подушки. Это и составляло всегда его постель. У окна ставили стол для письма, два стула и маленький столик, на котором повар разливал чай. Для спальной всегда назначали комнату, где есть камин, и для кабинета особой комнаты не занимали.

— Дядюшка, а в боях с Суворовым вам приходилось быть?

— Нет, только в Петербурге и в Тульчинском лагере довелось стоять. Перед разводом фельдмаршал всегда говорил солдатам поученье: «Солдат стоит стрелкой — четвёртого вижу, пятого не вижу. Солдат на походе равняется локтем. Солдатский шаг — аршин, в захождении полтора. Солдат стреляет редко да метко, штыком колет крепко. Пуля — дура, штык — молодец! Пуля обмишулится, штык — никогда». Приказания он отдавал кратко, не

всякий мог догадаться. Однажды перед ученьем приказал мне передать дежурным полковникам: «Пушки не боялись бы лошадей, а лошади пушек!» Те не поняли, а я смекнул, что должно кавалерии против артиллерии учиться. Оказалось, верно. И пошутить фельдмаршал любил, особенно за обедом.

— Расскажите, дядюшка, хоть одну шутку.

— Как–то раз за столом подле меня сидел полковник Борщёв и в продолжение обеда со мной разговаривал. Перед самым окончанием Суворов сказал мне: «Мальчишка, берегись: ведь Пётр Афанасьич фран–масон; он всё знает, что делается. Пётр Афанасьич, что теперь делает китайский император?» Борщёв отвечал: «Он уже отобедал, встал из–за стола и пошёл почивать». Фельдмаршал встал из–за стола, сказал: «И нам пора спать!» — и ушёл.

— Здорово! А ещё!

— Другой раз среди гостей было семейство французских эмигрантов. Я сидел далеко от них и не слышал, о чём он с ними говорил. Вдруг дежурный генерал сказал довольно громко: «Столыпин! Фельдмаршал вас спрашивает». Я привстал и спросил: «Что прикажете, Ваше Сиятельство?» — «Чем у нас чистят полы?» — «Нашатырём, Ваше Сиятельство». — «Что стоит в день?» — «Двадцать пять червонцев». — «Помилуй Бог, как дорого!» — сказал Суворов, не поведя бровью. Все молчали, а после обеда меня спрашивали, почему я отвечал про нашатырь, коим никто полы, разумеется, не чистит. Пришлось признаться, что я бухнул первое пришедшее в голову, зная, что за обедом фельдмаршал всегда шутит и не терпит медленности.

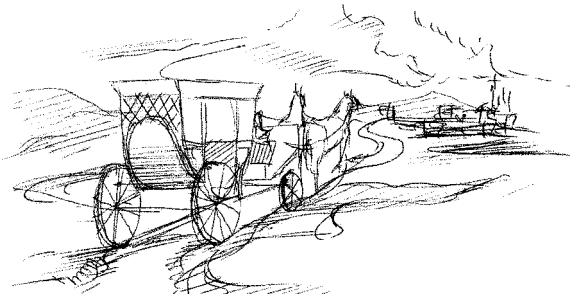
— А отчего недолго вы служили у Суворова?

— В ноябре 1796 года скончалась государыня императрица Екатерина Великая. Фельдмаршал очень тяжело переживал её кончину, молился в походной церкви в алтаре со слезами. Это мне наш священник поведал. Нам Александр Васильич слёз своих не показывал. Воцарился государь Павел Петрович и начал реформировать

армию. Всё больше муштра да парады пошли. Многие офицеры тогда предпочли в отставку уйти. Фельдмаршал такие порядки палочные критиковал, высмеивал, вот и попал в опалу на год. В 1797 году 1 марта в три часа пополуночи Суворов отправлялся из Тульчина. Мне памятно, как он перекрестил меня, поцеловал в лоб и, ударив по плечу, сказал: «Бог милостив, мы ещё послужим вместе!» К моему несчастию, сего не случилось.

За интересной беседой время в дороге летит быстро. Вон уж и каменная Ставропольская крепость виднеется на возвышении, внизу речка и прямые улицы с беленькими домиками, крытыми камышом, среди которых выделяется несколько каменных зданий. В Ставрополе к путешественникам присоединились Петровы: Павел Иванович, командир Моздокского казачьего полка, его беременная жена Анна Акимовна, урождённая Хастатова, и две их дочки — пятилетняя Катенька и трёхлетняя Машенька.

На Горячих Водах вся эта большая компания разместилась, как всегда, в доме Екатерины Алексеевны Хастатовой. Осталось место и её подросшему сыну Акиму, и Шан–Гиреям, приехавшим из Шелкозаводской. Мишель с удовольствием стал заниматься с Екимкой — ему уже шесть лет. К несчастью, его старший брат Петя умер несколько лет назад от детской болезни, зато появились младшие братики и сестричка — Лёша, Катя и Мишенька, которому от роду было несколько месяцев. Словом, дом полон кузенов и кузин разных возрастов. Даже купален в Ермоловских ваннах на всех сразу не хватает. Зато детям вместе очень интересно, они играют в ручеёк, хоронушки, кошки-мышки… Мишелю особенно нравится быть котом, носиться за пищащей на все лады маленькой «мышкой», то поймать, а то нарочно упустить «добычу», веселя всех комичным мяуканьем и урчанием.



Лето на Кавказских Водах

Во дворе горячеводского дома Хастатовых, как всегда, царила весёлая суета, когда Екатерине Алексеевне принесли письмо из Петербурга. Распечатав конверт и прочитав первые строки, она со слезами опустилась на лавку, не в силах вымолвить ни слова. Елизавета Алексеевна бросилась к сестре:

— Катя, что случилось?

— Аркадий умер… — чуть слышно ответила та, давясь слезами.

Не теряя самообладания, бабушка прочла письмо. Вера Николаевна Столыпина сообщала, что 7 мая её супруг Аркадий Алексеевич скоропостижно скончался. Елизавета Алексеевна села рядом с сестрой и тоже заплакала. Дети притихли, чувствуя общее горе. Для всех это была большая потеря. Мишель не встречался с покойным двоюродным дедом, но был так много наслышан о нём, что тот всегда будто сопровождал его по жизни. В юности будущий сенатор приезжал с родными на Кавказ проведать сестру и написал об этих местах стихотворное послание, которое мальчику показывала Екатерина Алексеевна. И хоть сам Аркадий Алексеевич невысоко ценил свой поэтический дар, Мишелю нравилось в стихах описание Кавказских гор и минеральных источников:

Вот что встречает здесь обворожённый взор:
Там представляются хребты Кавказских гор,
Взимающих чело за облака густыя;
От снега вечного и льду они седыя!
Их отрасль лучшая, Эльбрус двуглавый там
Картину подаёт прекрасную глазам,
И белый верх его лучами позлащает
Тут чёрных гор ряды, поближе к нам в виду,
Являют новую приятность, красоту;
Лиются между них ревущи водопады:
Тут камни дикия, развалин тут громады,
Меж коими стада, от зноя удалясь,
Оставя корм в полях, лежат в полдневный час;
Пасущий их черкес в свою свирель играет,
И эхо дику песнь в пещерах повторяет.
Везде стремительно бьют свежие ключи;
Над ними зыблются вкруг солнечны лучи.
Здесь попечительность всещедрыя природы
Из недр земных даёт целебны воды,

Там наподобие шампанского вина,
Кипит ключ кислых вод, всех вкус к себе маня,
И пьющие из них все пользу ощущают.
Тут тёплых вод ключи премногих излечают.

Твёрдые характером Екатерина и Елизавета Алексеевны скоро взяли себя в руки и пошли заказывать поминальный молебен в деревянном казачьем Успенском храме, недавно перевезённом на Горячие Воды из Воронежской губернии. В нём был освящён пока только один главный алтарь, а во втором ещё велись работы, на которые молящиеся бабушки не обращали внимания. Мишель тоже остро ощущал семейное горе, со слезами молился об упокоении Аркадия Алексеевича.

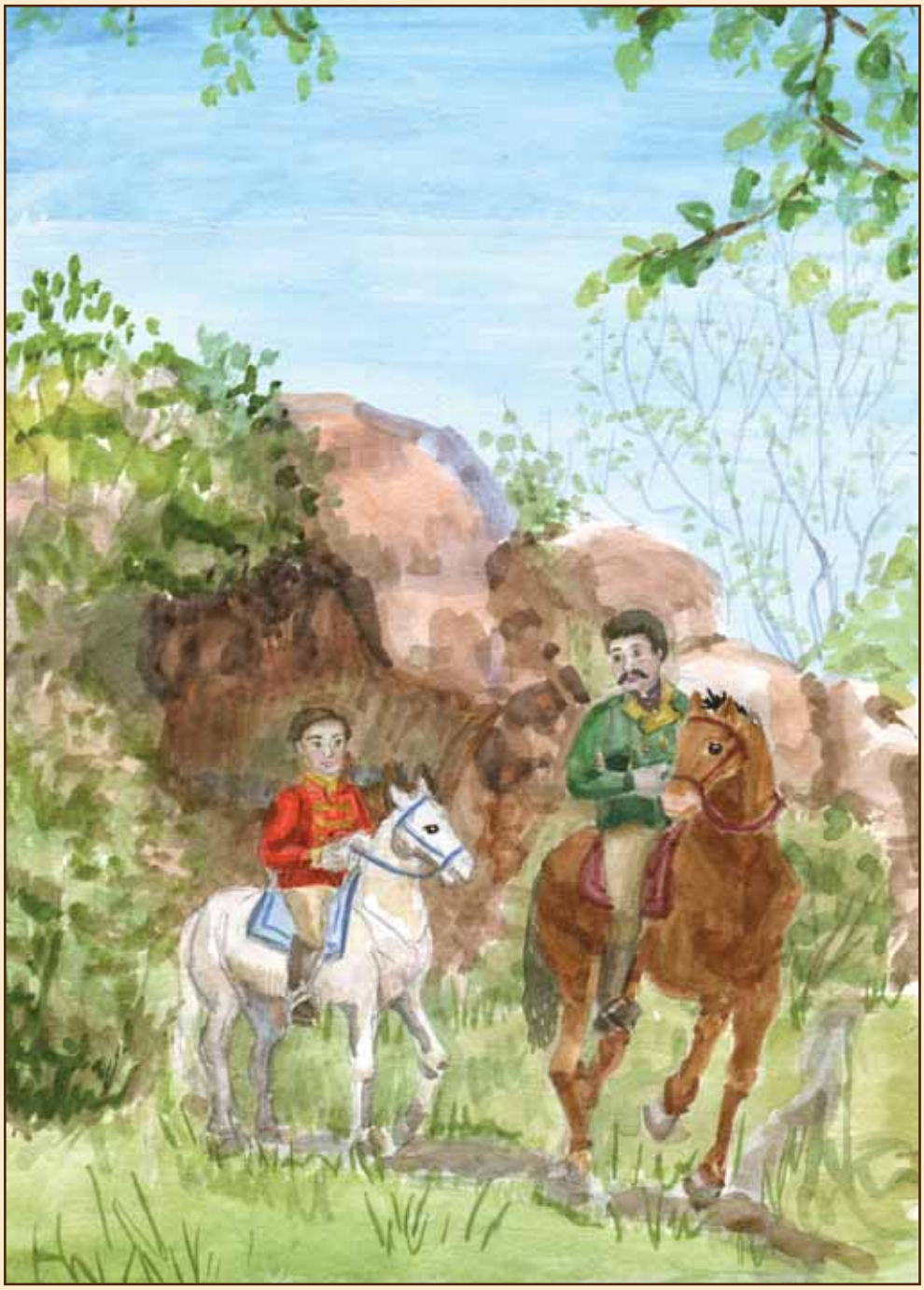
Через две недели Павел Петрович Шан–Гирей получил из столицы выписанный им журнал «Северная пчела» и прочёл всем вслух стихи Кондратия Рылеева, обращённые к вдове Вере Николаевне Столыпиной:

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою —
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой,
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

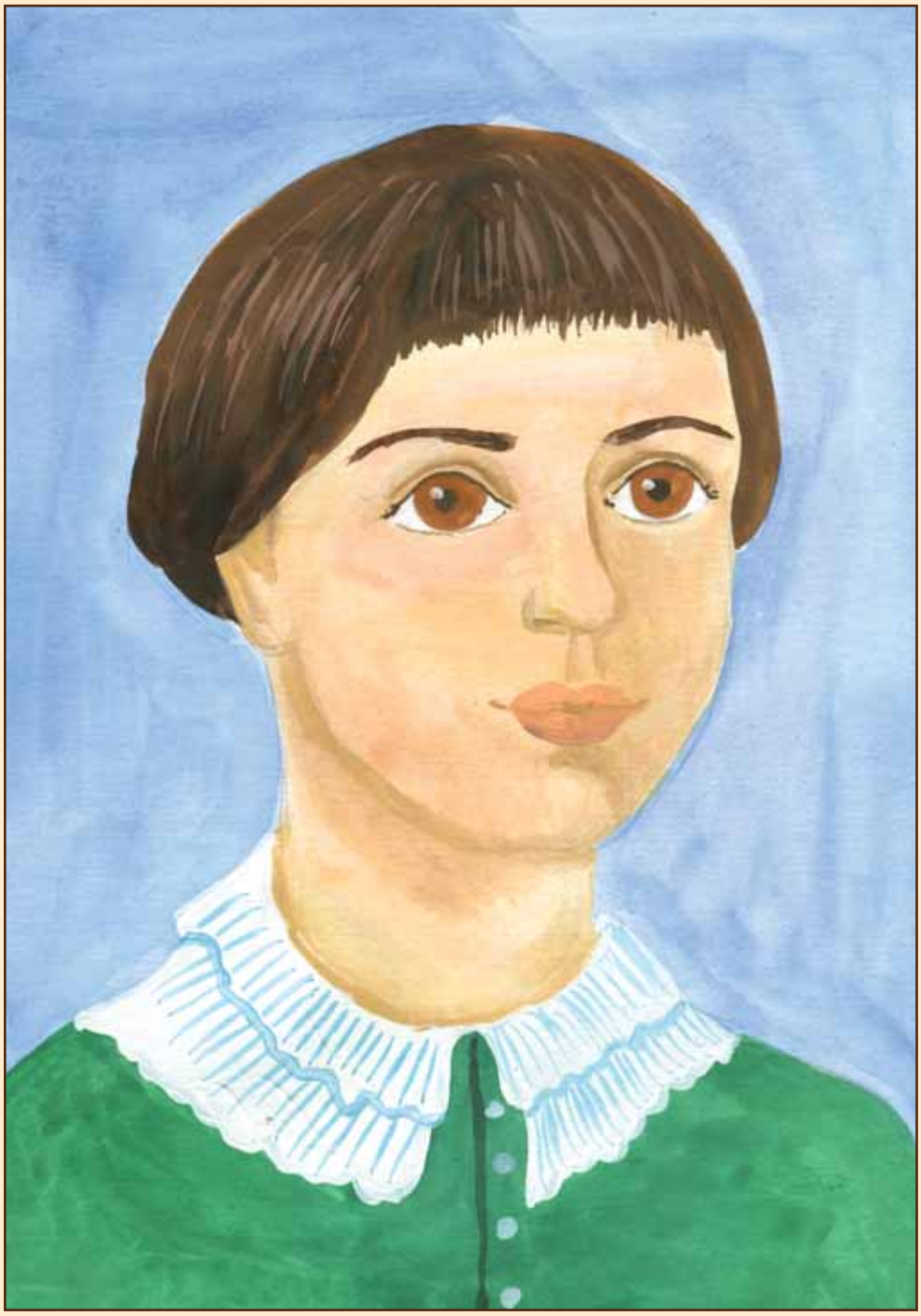
— Она, дочь славного адмирала Николая Семёныча Мордвинова, воспитает сирот достойными людьми, — с уверенностью сказал Александр Алексеевич, — всех семерых. И отец ей поможет. Он хоть и стар, но крепок телом и духом.

— Смерть Аркадия — не для одних нас невосполнимая потеря, а для всей России, — поддержала его Елизавета Алексеевна, утирая глаза платочком. — Машенька, перепиши–ка мне эти стихи в память о брате, — обратилась она к племяннице.

— Непременно перепишу, тётенька, — ответила Марья Акимовна, пересадила мужу на колени дочку Катю, взяла журнал и пошла к себе.



Ирхина Влада. 15 лет
Мишель с Павлом Петровичем Шан-Гиреем на Кавказе



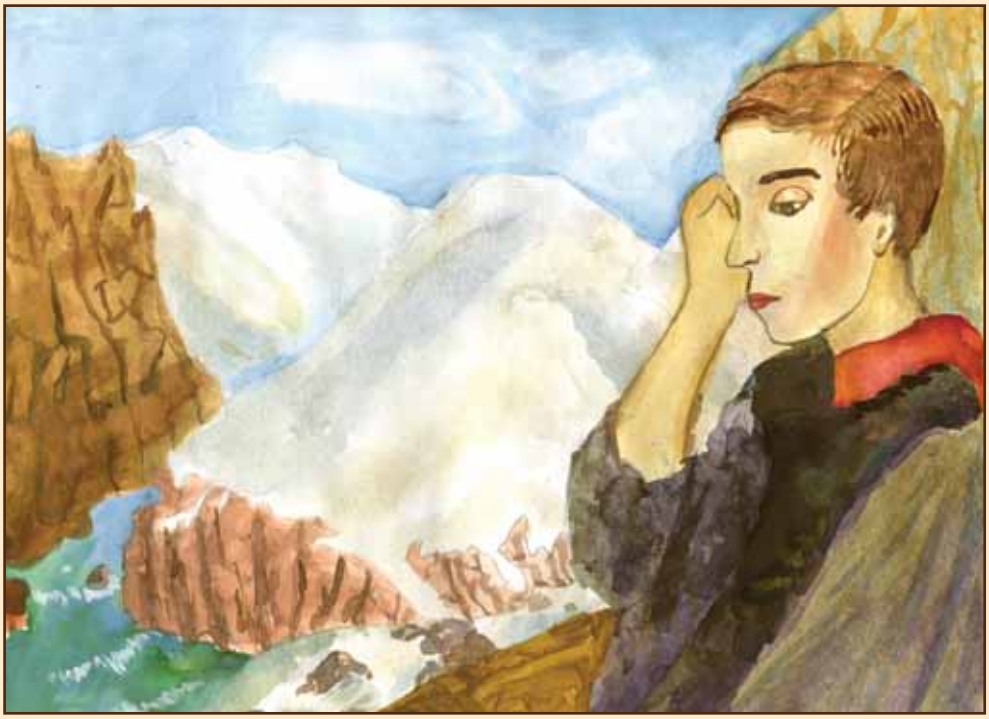
Пигаева Варвара. 10 лет
Мишель Лермонтов

Сиделёва Валерия. 14 лет
Мила Клингенберг — первая любовь Лермонтова

Мартынова Полина. 12 лет
Встреча у источника

Савченко Ангелина. 13 лет
Агата Столыпина

Мартынова Полина. 12 лет. Первая любовь



Благодатский Илья. 9 лет. Юный Лермонтов на Кавказе

Сиделёва Валерия. 14 лет. На Кавказе

Мартынова Полина. 12 лет
Степной пейзаж в окрестностях Апалихи

Мартынова Полина. 12 лет
Церковь Михаила Архангела в Тарханах

Сахарова Елена. 11 лет. Большой пруд в Тарханах

Сахарова Елена. 11 лет. Дом тарханского мельника

Лермонтов М.Ю.
Кавказский пейзаж в альбоме М.А. Шан-Гирей.
13 июня 1825 г.

Лермонтов М.Ю.
Пейзаж с берёзами в альбоме М.А. Шан-Гирей.
1828-1832 гг.

Траур не помешал лечению водами. Скоро Мишель окреп и забыл о золотухе. В пасмурные дни и по вечерам он с огромным интересом читал и перечитывал книги, которые были в доме Хастатовых: «Светлану» Жуковского, «Руслана и Людмилу» Пушкина, стихи Гейне и Гёте, московские и петербургские журналы — их выписывали Шан–Гиреи. Погружаясь в чарующий мир литературы, мальчик живо представлял себе героев произведений, сопереживал их чувствам, перед его мысленным взором возникали описываемые события и ландшафты, словно быстро меняющиеся картинки в свете волшебного фонаря.

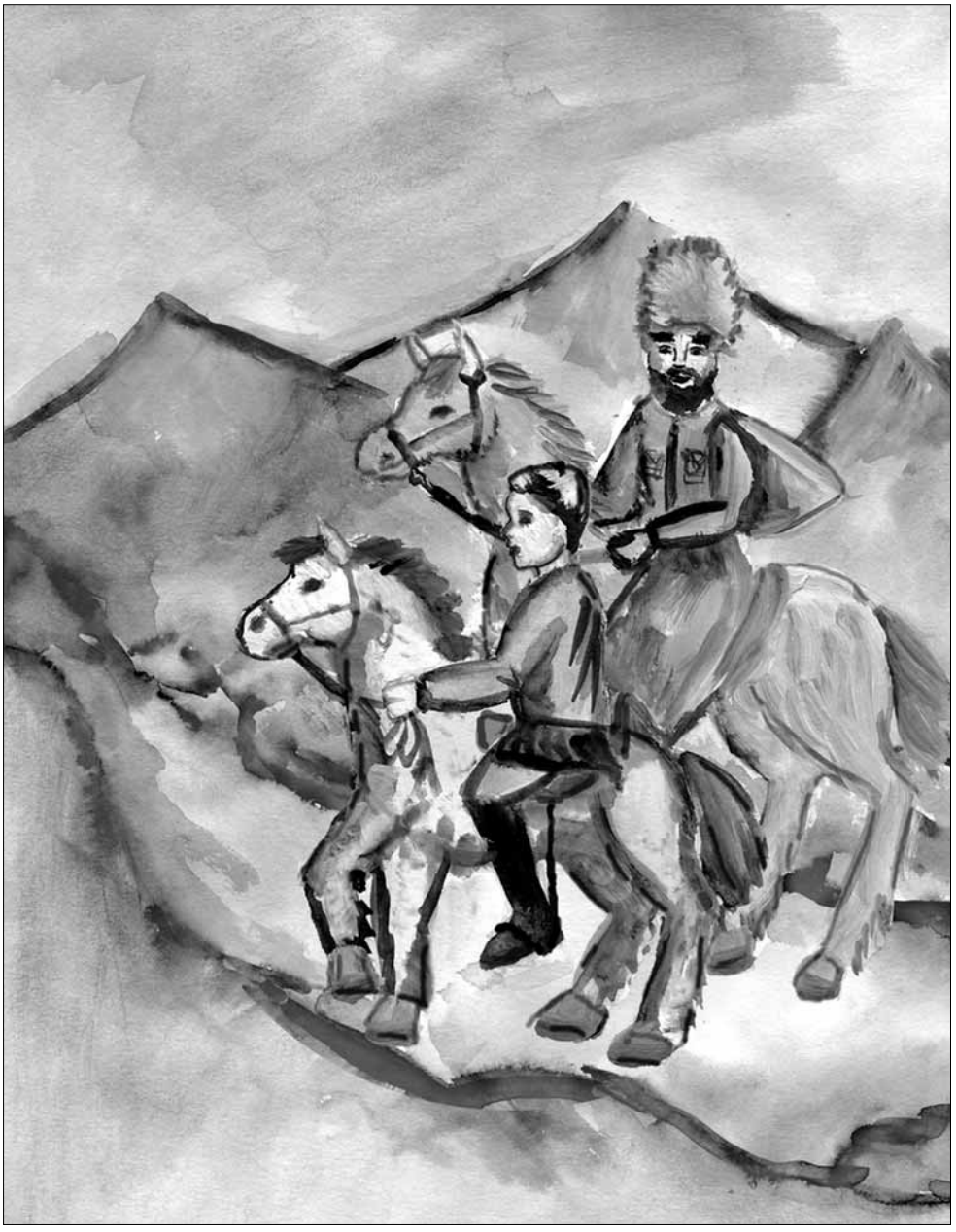
В погожие дни дяденька Павел Петрович и Аким Хастатов, лихой наездник, начали заниматься верховой ездой с двумя Мишелями — Лермонтовым и Пожогиным. Мальчикам подобрали низкорослых спокойных лошадок и черкесские сёдла вроде стульчиков — со спинками. Сначала потихоньку катались по разросшемуся городу, а потом по ближним окрестностям. Пологим серпантином заезжали на вершину Машука. Отсюда чётко видны синие зигзаги Главного Кавказского хребта, огромная шапка Эльбруса, а соседние горы — как на ладони. До Бештау, кажется, рукой подать. Три из пяти его вершин возвышаются над кудрявой грядой облаков, меняющих очертания и напоминающих Мишелю то летящих витязей, то сказочных коней, то вьющихся змей. Большое озеро Тамбукан, что верстах в десяти от Горячих Вод, блестит вдалеке маленьким зеркальцем.

Впечатлившись величественными картинами, мальчик устраивается в саду и по памяти рисует акварелью пейзажи, графитными карандашами — лошадей и всадников, горцев и казаков. В альбоме Марьи Акимовны он, давая волю фантазии, старательно изобразил озеро с парусной лодкой, пригорок с верстовым столбом, странницу с палочкой, отрока на мостках, а вдалеке — силуэты Бештау и Машука. Хозяйке альбома картинка понравилась, но она никак не могла угадать, что за местность нарисовал Мишель:

— Молодец! Озеро вроде на Тамбукан похоже, но такого вида на горы оттуда нет.

— Тётенька, я сам так придумал, чтобы было красивей. Может, здесь когда–нибудь появится озеро.

— Может и появится в далёком будущем, лет через сто или двести. Порой воплощаются даже такие смелые фантазии, как у тебя, — улыбнулась Марья Акимовна. — А рисунок твой хорош. Композиция интересная, и перспектива удачно передана.



Завершив курс горячих серных ванн, бабушка, Мишель и родственники на этот раз ездили и на Железные Воды. Хотя целебные источники доктор Гааз открыл здесь в 1810 году, ещё пять лет назад у поросших лесом гор Железной и Змеиной стояли только шалаши и кибитки, а купаться приходилось в яме, огороженной плетнём. Теперь же появились первые купальни и дома, а

между двумя источниками прорубили просеку. Необыкновенно свежий воздух, напоённый ароматами горных трав и хвои, вкусная минеральная вода, так ласково пузырящаяся на коже во время приёма ванн, детям и взрослым очень понравились. «Как точно покойный Аркадий Алексеич сравнил воды с шампанским вином! — думал Мишель, лёжа в купальне. — А ведь он в Железных Водах не бывал. Бабушка Катерина Алексевна говорила, что стихи о Кавказе он сочинил лет за пятнадцать до того, как здесь открыли целебные ключи. Он, конечно, про кислые воды писал, но к железным его стихи лучше подходят».

После Железных Вод лечение продолжили на Кислых Водах. Неподалёку от нарзанного источника в 1823 году выстроили внушительное деревянное здание французской ресторации с великолепными интерьерами. Там предлагались изысканные блюда и вина, трижды в неделю устраивались танцевальные вечера. Звуки музыки долетали и до ветшающего домика Хастатовых, но Мишеля это мало интересовало. Гораздо увлекательнее были верховые прогулки. В округе по–прежнему неспокойно, и выезжать дозволялось только в определённые дни, когда усиливались казачьи пикеты.

В Петров день Елизавета Алексеевна отправилась с мальчиками на службу в Никольский храм, до которого от дома рукой подать. Стоящая возле нарзанного источника церковь была довольно вместительной. Она напоминала длинную деревянную избу с двускатной крышей, в центре которой высился четырёхгранный шатёр, увенчанный главкой с крестом. Бабушка взяла кошелёк с заранее приготовленными копейками для нищих и вышла с мальчиками пораньше, чтобы поставить свечки и встать поближе к алтарю до подхода солдат. Возле церкви уже толпились молодые цыганки в пёстрых юбках, с чумазыми цыганятами. Увидев Елизавету Алексеевну, они обступили её, протягивая руки за подаянием. Бабушка сунула кошелёк Андрею и отошла с мальчиками ближе к паперти. Раздать всем по копеечке дядька так и не смог: его толкнули под руку и монетки высыпались на землю. Цыгане, галдя и толкаясь, бросились их подбирать. Андрей выбрался из толчеи и, облегчённо вздохнув, поспешил с пустым кошельком за барыней.

На паперти сидела старая оборванная цыганка с протянутой рукой и понуро опущенной головой. Мимо неё все презрительно проходили, а Елизавета Алексеевна сжалилась и подала ей полтинник. Ощутив монету в руке, старуха подняла голову и сказала скрипучим голосом:

— Благодарствую, госпожа, — затем она пристально поглядела на Мишеля Лермонтова, не обращая ни малейшего внимания на его тёзку и сверстника Пожогина, и спросила: — Это ваш внук?

— Да, голубушка.

— Как его имя?

— Михайла.

— Мальчик отмечен Богом. Он будет гениальным человеком и прославится. Я вижу это как свои пять пальцев.

— Отрадно слышать, голубушка, — улыбнулась бабушка. — А что ты ещё видишь?

— Он два раза будет женат.

Елизавета Алексеевна едва заметно поморщилась, ей последнее предсказание явно не понравилось, но всё равно она дала старой цыганке ещё полтинник. Тут издалека послышался чёткий ритм шагов военного гарнизона Кисловодской крепости: шёл в храм 3–й эскадрон Тенгинского пехотного полка. Проворные цыганки, подхватив своих ребятишек, быстро разбежались. Старуха с трудом встала и, прихрамывая, поплелась за ними. Мишеля её предсказания очень взволновали. Он уже задумывался о смысле жизни и мечтал о необычной судьбе, о будущем высоком служении. «Дай Бог, чтобы это сбылось на мне, даже если я буду несчастлив», — повторял про себя мальчик, крестясь перед входом в храм.

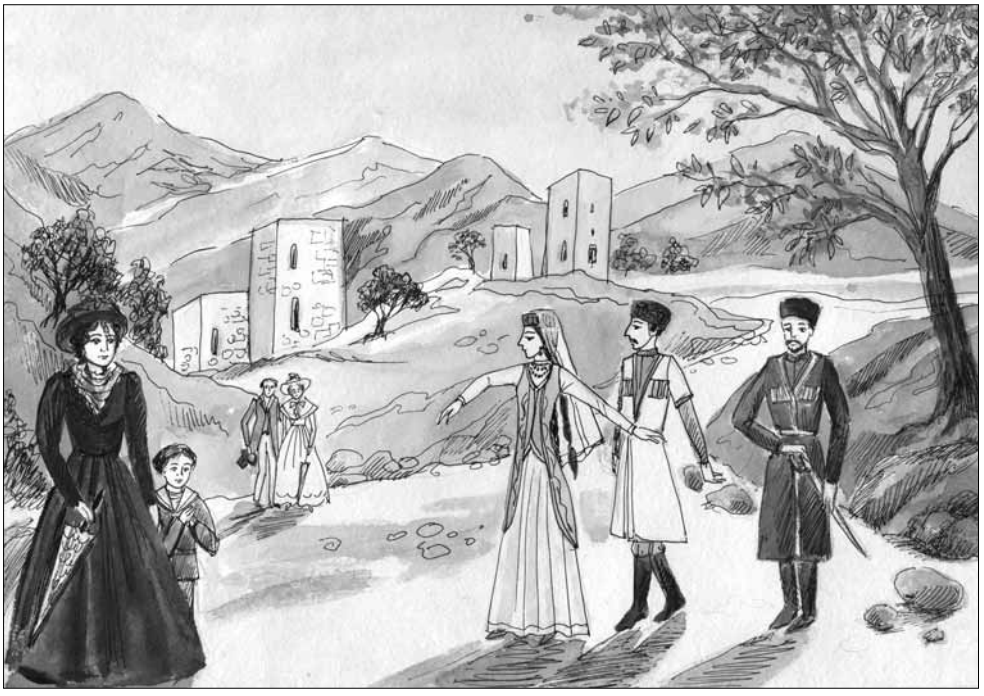
Праздничная литургия и молебен прошли своим чередом. Хор солдат–казаков пел вместе с певчими очень слаженно и красиво. После службы был устроен небольшой парад. Солдаты под командованием офицеров быстро построились по взводам и, чётко печатая шаг, прошли маршем перед новым командиром Петром Александровичем Принцем, бравым майором лет тридцати, участником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, и отправились в крепость на обед. Бабушка и Павел Петрович любезно поздоровались с Иваном Алексеевичем Курило, вышедшим в отставку в прошлом году, но одетым по–прежнему в мундир, поздравили его с великим праздником и завели беседу об общих знакомых и устройстве курорта. Мишелю это было неинтересно, его больше занимало предсказание старой цыганки. И к разговорам взрослых он не прислушивался.

Когда первый курс ванн закончился, Екатерина Алексеевна пригласила сестру с мальчиками в своё имение Земной рай, что рядом со станицей Шелкозаводской. Бабушка вначале колебалась, думая, что там очень опасно. Но «авангардная помещица»,

как звали Хастатову родные, её убедила тем, что постоянно живёт в имении с маленькими внуками и все до сих пор целы и невредимы. Её зять Павел Иванович Петров для верности послал с ними в дорогу конный отряд казаков Моздокского полка.

Имение оправдывало своё название. Здесь стоял двухэтажный каменный дом с тенистыми верандами, два одноэтажных флигеля, деревянные хозяйственные постройки. Вокруг зеленел сад, где поспевали румяные абрикосы и персики, хурма и яблоки, росли раскидистые шелковичные деревья, на которых были устроены качели для детей. Ровные дорожки, клумбы с пёстрыми цветами, мерный шум Терека, который здесь, в долине, не столь норовист, как в горах, — всё это создавало атмосферу райского сада. Екатерина Алексеевна рассказала, что станицу и шёлковый завод, который теперь принадлежит казне, основал предок её мужа армянский купец Сафар Васильев.

Вокруг такая красота! Лента Терека с замысловатыми изгибами, льдистые вершины высоких гор вдалеке, поросшие лесом предгорья, дымки́ чеченских аулов на склонах, загорелые дочерна горцы в бурках и папахах на резвых скакунах, бравые казаки, не уступающие им ни в суровой красоте нарядов, ни в искусстве верховой езды, что придаёт местности незабываемый горский колорит.



Екатерина Алексеевна давно научилась ладить здесь со всеми. Желая развлечь гостей, она пригласила выступить в имении в один вечер чеченцев из соседнего аула, в другой — гребенских казаков. Мишелю очень понравились грустные мелодии песен и зажигательные танцы чеченских джигитов, полная скрытой страсти лезгинка, ритмичные казачьи песни и виртуозные танцы с саблями. И всё это под приглушённый шум речных струй, на фоне отдалённых величественных гор, особенно прекрасных в часы заката.

Однажды ночью в окрестностях имения послышалась перестрелка. Мишель и другие дети крепко спали, а Елизавета Алексеевна, очнувшись, забеспокоилась и разбудила сестру. «Авангардная помещица» спросонья спросила:

— Лиза, что такое? Пожар?

— Нет, стреляют.

— Ничего–ничего, спи. Тут часто стреляют, — она повернулась на другой бок и спокойно засопела.

«Хорош Земной рай, ничего не скажешь», — подумала бабушка и легла, но так и не уснула. На другой день она снова переполошилась, заметив, что внук любуется выползшей погреться на камень змеёй, чешуйчатое тело которой переливалось на солнце радужными блёстками.

— Мишель, уйди сейчас же, не ровён час, укусит.

— Тсс! Тише, бабушка, не пугайте змею. Только что от неё кошку отогнал. Я же не подхожу к змее слишком близко и не тревожу. Если её не трогать, она не бросится, так дяденька говорил. Глядите, какая змея красивая! Вся как будто звёздочками усыпана!

Елизавета Алексеевна молча перекрестилась и с опаской отошла. К её удовольствию, в Шелкозаводской им пришлось гостить недолго. К середине июля путешественники вернулись на Горячие Воды для продолжения лечения.

Первая любовь

15 июля у мусульман закончился постный месяц рамадан и наступил долгожданный великий праздник — Ураза–байрам. Павел Петрович Шан–Гирей с женой, детьми и Елизаветой Алексеевной отправились в черкесский Аджи–аул, что в пяти верстах от Горячих Вод, на склоне Бештау. С утра сюда потянулась вереница колясок с нарядными господами — едва ли не всё водяное общество поехало на байрам. В ауле уже свершился ранний праздничный намаз и правоверные мусульмане разговелись жертвенными барашками. Хозяева выходят из саклей и угощают гостей вкусными лепёшками, кумысом и даже конфетами. Вскоре начинаются скачки. Джигиты, являя чудеса ловкости, стараются сорвать друг с друга шапки. Кто сорвёт, тому и достаётся шапка, он бросает трофей наземь и стреляет в него, на скаку обернувшись назад. Потом на плоском склоне укрепляют длинный шест с мишенью, а наверху — расшитый патронташ для первого, кто собьёт мишень — тоже на скаку и обернувшись назад. Следом джигиты кидают наземь шапки, в галопе лихо подбирают их и надевают на головы. В другом месте черкешенки водят хороводы, поют, пляшут. Лезгинка у черкесов не такая, как у чеченцев, а более энергичная и зажигательная. Всё это сливается в симфонию удалого и весёлого байрама.

Ближе к вечеру черкесы вновь выносят угощение гостям. В аул на арбе въезжает высокий горец средних лет, одетый в расшитый шёлковый полукафтан, с пистолетами, шашкой и кинжалом на поясе. В руках у него необычный музыкальный инструмент, похожий на небольшую арфу, — пшинедукокьо по–черкесски. Из уст в уста передаётся: «Сам Султан Керим–Гирей почтил нас». Пальба и весёлая музыка стихают, все собираются вокруг народного певца. Он искусными пальцами трогает струны и начинает петь. Льются такие нежные и страстные звуки, что у Мишеля замирает сердце, хотя он не понимает ни слова. Ему кажется, что лицо поющего стало светлее и моложе.

— О чём он поёт? — спрашивает очарованный пением мальчик у Павла Петровича.

— Это ораду — песня о любви. О том, как прекрасна юная горянка и что нет такого подвига, который бы не совершил ради неё влюблённый джигит.

Закончив одну песню, певец начинает другую, и Шан–Гирей, не дожидаясь вопроса, поясняет:

— А это военная песня, по–черкесски — пишнатлю. Я всех их слов не знаю, но общий смысл понимаю. Как ни прекрасна дева гор, но лучше джигиту не жениться, а купить себе быстроногого коня. Жена слезами не пустит его на войну, жена может изменить, а добрый конь останется верен, с ним — хоть в огонь, хоть в воду. Конь вынесет раненого седока с поля сражения, спасёт его от врага.

Следующая песня печальная, протяжная, но с героическими нотками.

— Сейчас он о погибшем на войне поёт? — снова спрашивает Мишель.

— Ты почти угадал. Такая песня называется у черкесов габзы. Это плач об умершем воине, рассказ о том, каким он был доблестным джигитом и какие славные подвиги совершил за свою жизнь.

Допев габзы, Султан Керим–Гирей перебирает струны и начинает поэтический сказ. Павел Петрович прислушивается и говорит детям:

— Я сию народную сказку о чудесном яблочке знаю. Давайте немного послушаем певца и поедем домой, а то уже темнеет. Я вам в пути расскажу.

Горцы остаются вокруг почитаемого ими народного певца, очарованные сказанием, хотя они с детства знают его. Водяное общество постепенно разъезжается. По дороге дядюшка рассказывает детям:

— Вот что в черкесской сказке говорится. Три брата полюбили одну красавицу, а она не знает, кого выбрать, ведь все трое ей одинаково любы, и говорит, что выйдет за того, кто добудет ей самое большое чудо. Отправляются братья на поиски, семь месяцев ищут вместе, не могут найти никакого чуда и решают ещё семь месяцев странствовать поодиночке. Когда они встречаются, каждый показывает, что добыл: старший — волшебное зеркало, средний — ковёр–самолёт, а младший — чудесное яблочко. Посмотрели они в волшебное зеркало и увидели, что невеста при смерти. Что им делать? До родного аула семь месяцев пути, не успеют с нею проститься. Средний брат тогда разворачивает ковёр–самолёт, и они летят домой. Приходят в саклю к девушке, а она уже умерла. Тогда младший брат подносит ей к губам чудо–яблочко, и красавица оживает. «Как я долго спала, как проголодалась!» — говорит она, съедает яблочко и выздоравливает. Начинают братья спорить, кто самое большое чудо добыл. Если б не волшебное зеркало, не узнали бы они, что невеста умирает. Если

б не ковёр самолёт, не успели бы к ней на прощание. Если б не яблочко, девушка не ожила бы. Как вы думаете, за кого она замуж вышла?

— Конечно, за младшего, который яблочко достал, — быстрее всех сообразил Мишель.

— Верно. Сказка тем и кончается. Младший брат говорит: «Ковёр–самолёт и волшебное зеркало при вас остались, так верните мне моё яблочко и забирайте невесту». Им вернуть яблочко никак невозможно, и досталась красавица младшему брату. Рада она радёшенька, потому что как яблочко откусила, так сильнее всех этого брата полюбила.

Ураза–байрам в Аджи–ауле запомнился Мишелю до самых мелочей, но больше всего тронула его душу нежная песня о любви. Про себя напевая мелодию ораду, мальчик рисует в альбоме горы и горные речки, черкесов на конях и стройных черкешенок в праздничных нарядах, танцующих лезгинку.

В следующие дни Мишель с друзьями и родными снова ходит на источники. После короткого отдыха — уроки верховой езды, обед, чтение книг, рисование, лепка.

Однажды вечером в гости к Хастатовым зашла красивая молодая дама.

— Здравствуй, Машенька, — приветствовала её хозяйка. — С приездом! Дочка–то у тебя как выросла!

— Добрый день, Катерина Алексевна. Уж ей девять лет. Пусть пока поиграет с вашими внучками. Грушеньке у нас только три годика, Миле с нею неинтересно.

Мишель поднял голову от книги и обомлел: рядом с дамой стояла девочка в небесно–голубом платье, с белокурыми волосами, выбивающимися из–под белой шляпки, и ясными голубыми глазами с тёмными густыми ресницами. Прекраснее создания мальчик никогда не видел. Она показалась ему чудесным ангелом, сошедшим с небес.

— Ну что же ты, иди познакомься, — обратилась к нему бабушка.

Он встал, неуверенно сделал несколько шагов, поклонился и робко вымолвил:

— Мишель.

— Мила, — девочка улыбнулась и сделала книксен.

Тут выбежали кузины со своими куклами: ровесница прелестной гостьи Варя Столыпина и пятилетняя Катенька Петрова.

— Давай знакомиться, — первой предложила Варя. — Я Барби.

— Катя.

— Мила.

— Какая куколка красивая!

— А у тебя пупсик — прелесть!

— Пошли играть.

Девчонки резво убежали в комнату, а Мишель снова сел с книгой, но не смог прочесть ни слова. Перед глазами у него стоял ангельский образ Милы, он думал только о ней и не понимал, что с ним происходит. Страстно желая снова её увидеть, он вбежал в комнату, где кузины играли в дочки–матери.

Она стояла у окна и что–то говорила кукле. Её локоны золотились в лучах солнца, светившего в окно. Мила бросила на мальчика быстрый взгляд небесных глаз, улыбнулась и продолжила своё занятие. Она всё делала грациозно и естественно, без нарочитого кокетства, свойственного некоторым её сверстницам. Сердце мальчика затрепетало, ноги едва не подкосились.

— Мишель, чего тебе? — окликнула его Варя.

Тот не мог вымолвить ни слова.

— Так тебе ничего? Тогда не мешай, у нас урок, — отослала его кузина.

Мишель вышел на ватных ногах на веранду, забыв в комнате книгу. Приметив его стыдливый румянец и волнение, бабушка обеспокоилась:

— Что с тобой, внучек? Не заболел ли?

— Нет, бабушка.

— Ну, устал, видать. Ляг–ка, отдохни, — сказала она, тронув ему лоб и убедившись, что жара нет.

— Лучше, бабушка, я немного посижу, порисую.

Но мальчик так ничего и не нарисовал. Через полчаса он снова не смог одолеть страстного желания увидеть Милу хоть на мгновение и опять быстро вбежал в комнату кузин.

Девочки старательно качали своих кукол. Варе его выходка не понравилась:

— Мишель, тсс! — шёпотом сказала она. — Наших дочек разбудишь. Вот твоя книга, забирай и не мешайся.

Мальчик взял книгу, прошептал: «Мерси» — и вышел в сад. Он никогда не испытывал ничего подобного. Это было вместе счастье и страдание, печаль и великая радость. Мысли его теперь летели только к Миле, её имя, такое простое и нежное, было для него священно, но он убегал, слыша его из уст взрослых, друзей или кузин, боясь, что сильное волнение выдаст его тайну. Когда однажды мать назвала девочку Эмили, он не понял, о ком речь. Впер-

вые в жизни Мишель полюбил — глубоко, нежно, целомудренно. Вспоминая лирическую и одновременно страстную мелодию черкесской ораду, он не мог удержаться от слёз.

Скоро кузины заметили его смущение при появлении Милы и стали подтрунивать над ним. Мальчик убегал и втайне плакал, но всё равно желал непременно видеть предмет своей любви. Однажды он встретил её на источнике и мгновенно узнал в пёстрой толпе водяного общества. Здесь были русские, армяне, черкесы, грузины, казаки — одни в национальных костюмах, другие в европейском платье, светские женщины и мужчины в модных нарядах. Но Милу он узнал бы, наверное, из тысяч. Глядя на неё, Мишель машинально залпом допил стакан, хотя полагалось делать мелкие глотки, и с упоением глядел на свою богиню. Она стояла с полным стаканом и дула губки:

— Маменька, не хочу. Вода невкусная.

— Милочка, все пьют. Ты ещё не распробовала. Смотри, Мишель с каким удовольствием выпил.

— Ну ладно, — она с неохотой выпила свой стакан, отдала его служанке и взяла у неё куклу.

— Оревуар, — попрощалась она с Мишелем и пошла с мамой вниз по дорожке.

— Оревуар, — чуть слышно ответил ей вслед Мишель.

Мила не обернулась. Она не могла понять, отчего этот невысокий смуглый мальчик с большими карими глазами и светлой прядкой надо лбом в гуще тёмных волос так пристально смотрит на неё и часто в смущении убегает при её появлении. Впрочем, девочка считала его хорошим уже потому, что он не дразнился, не дёргал её за косы и не приставал с глупыми вопросами. Отойдя от источника, Мила скоро перестала думать о странном мальчике, ожидая, что дома маменька даст ей вкусное пирожное, потому что она послушно выпила полный стакан минеральной воды.

А Мишель, глядя на синюю гряду кавказских гор и вершину Эльбруса, золотящуюся на солнце, представлял дорогой его сердцу образ прекрасной девочки с небесными глазами и золотыми волосами. Кавказские горы, где он впервые по–настоящему полюбил, стали для него священны. Мальчик с увлечением перечитывал «Кавказского пленника» Пушкина, по–новому сопереживая страстной самоотверженной любви юной черкешенки и неразделённому чувству русского пленника к далёкой северной красавице.

Память о первой любви осталась в душе Мишеля навсегда. Вернувшись в Тарханы, он беспрестанно думал о Миле, гуляя по парку и воображая, что она тоже где–то здесь, что он вот–вот увидит её божественные глаза и она ему улыбнётся, как тогда на Кавказе. Засыпая в своей комнате и глядя, как тени от слегка покачивающейся лампадки мечутся по темно–жёлтым стенам, Мишель живо представлял любимое личико, но постепенно милое видение ускользало от него и взгляд падал на висящую в красном углу икону Богородицы «Споручница грешных». Мальчику чудилось, что в трепетном свете лампадки грустные очи Пречистой Девы, похожие на глаза покойной матери, глядели на него с огромной любовью. Страсти в душе Мишеля понемногу утихали, и он крепко засыпал до утра.

Спустя годы он забыл имя девочки, пробудившей в нём первую любовь, но отголоски яркого и искреннего чувства навсегда остались в его душе. Через двенадцать лет в Пятигорске, бывших Горячих Водах, в доме Марии Ивановны Верзилиной, Михаил Юрьевич вновь встретил её дочь от первого брака — Эмилию Клингенберг, которую за красоту и изящество прозвали Розой Кавказа. Поэт немного ухаживал за блестящей красавицей, но не узнал в ней предмета своей первой любви, ибо чётко не помнил лица девочки, сохранив навсегда лишь трогательное, затуманенное флёром дорогих воспоминаний впечатление о ней, воплотившееся в 1830 году в чудесные поэтические строки:

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Осенне–зимние забавы в Тарханах

В конце августа 1825 года Елизавета Алексеевна стала собираться в обратную дорогу. Она принялась настойчиво уговаривать Марью Акимовну и её мужа переехать к ней поближе, обещая помочь приобрести имение и ссудить деньгами. Уж очень хотелось бабушке иметь рядом с собой родную душу. И внуку нужны верные друзья: Екимка с Алёшей так и вьются возле него. Пора им заниматься с хорошими учителями, а на Кавказе таковых найти трудно. Шан–Гиреи с радостью согласились поехать с Елизаветой Алексеевной и пожить у неё до приобретения собственного имения.

В Тарханах листья начали уже облетать, парк посветлел и погрустнел. Но у Мишеля подъём на душе: хвори забыты, юная энергия играет в его крепких мышцах. Подъехали к дому, и новая радость вспыхнула в сердце мальчика: у крыльца его встречал отец. Он приехал навестить сына и забрать в Москву племянника, которому следовало прибыть в Кадетский корпус на занятия. Юрий Петрович, конечно, был несказанно рад увидеть Мишеля сильным, ловким, окрепшим и подросшим за лето: это очень важно для мальчика, который ниже ростом, чем его сверстники. Первые два дня они не могли наговориться, ходили на могилу матери, подолгу гуляли в парке. Потом отрок собрал свои потешные полки и вместе с одобрившим его идею отцом

устроил им учения по примеру Суворова. У юных воинов, за лето подзабывших прежние уроки, не выходило стоять в строю как у суворовских солдат: «четвёртого вижу, пятого не вижу». Однако, приняв парад, «главнокомандующий» на первый раз остался доволен.

Вскоре Юрий Петрович с кузеном уехали. Проводив их, Мишель грустно брёл по дорожке, где они ещё вчера прогуливались все вместе. На берегу Большого пруда недалеко от любимой тайной беседки мальчик увидел садовника Василия с дворовыми мужиками. Они сажали деревья взамен поваленных летней бурей. Мишель спросил:

— Вася, можно и мне посадить деревце?

— Отчего нельзя? Выбирайте какое приглянется.

Мальчик выбрал молодой дубок — самый крепкий саженец. «Такой точно примется», — подумалось ему. Он надел Васины рукавицы и выкопал лопатой глубокую лунку, как показал ему садовник. Вместе они поставили туда деревце, Мишель тщательно засыпал лунку, немного утрамбовал землю и полил из ведра. И тут вдруг озаботился:

— Вася, а вдруг мой дубок зимой зайцы погрызут? Надо его чем–нибудь огородить.

— Завтра лозы нарежу у речки и огорожу плетнём, — ответил тот.

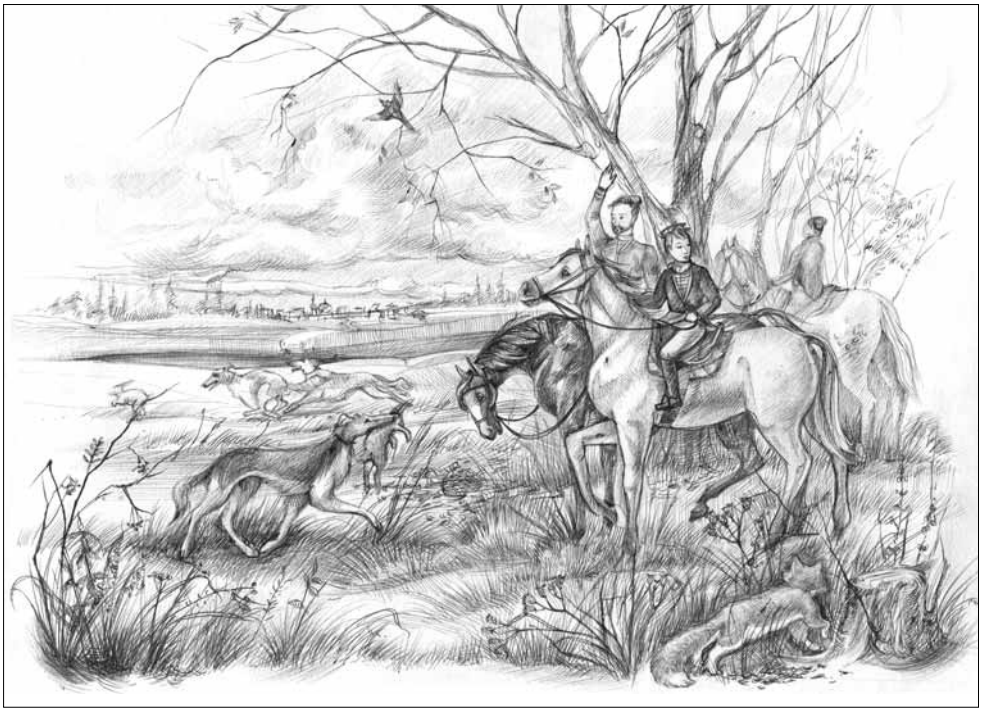
— Я тоже буду с тобой плести. Надо повыше, чтобы и косули не достали.

Скоро вокруг дубка появился добротный плетень. Когда юный всадник в ноябрьские дни катался верхом у пруда, он поглядывал на дубок и, удостоверившись, что с ним всё в порядке, подхлёстывал свою низкорослую белую лошадку. Бабушка подарила её внуку на день рождения. Она почти такая же, как была у него на Кавказе, — даже седло подошло. Шан–Гирей возобновил теперь уроки верховой езды для племянника и его друзей. Еким тоже участвовал в ученье, сидя в седле впереди отца.

Однажды поздней осенью Павел Петрович вместе с помещиком из Дерябихи, отставным подполковником Кондратием Никифоровичем Жилинским, устроили псовую охоту на зайцев и взяли детей с собой, к их неописуемому восторгу. Время было выбрано самое удачное: зайцы–русаки начали менять

бурую летнюю шубку на более светлую зимнюю и стали лучше видны на тёмном пространстве полей, пока не покрытых снегом. Как говорили охотники, по сухому чернотропу собакам выгнать и взять зайца легче всего.

Когда рано утром Павел Петрович с Мишелем подъехали к «острову», участку степи, заросшему низким кустарником, вокруг него уже занимали свои места — лазы — несколько борзятников Жилинского в жёлтой одежде. Каждый держал по своре борзых — рыжих и рыжих с белым. Одетые в чёрное выжлятники со смычками пегих гончих ждали команды к началу охоты. Наконец Кондратий Никифорович протрубил короткий сигнал, означающий: «Мечи гончих!» Спущенные собаки бросились на «остров» и скоро стали отдавать голоса: они вынюхали зайцев, подняли их и погнали из кустов. Как только зверёк выбегал в степь, выжлятник хлопал гончим, те возвращались искать других зайцев. Борзятник спускал свору, и начиналась гонка. Мишель с азартом смотрел, как русаки петляли, стремясь увернуться от быстроногих борзых и скрыться в кустарнике или зарослях бурьяна, что немногим зверькам удавалось. То одна, то другая борзая брала зайца и несла хозяину.



Вдруг с «острова» в сторону Мишеля метнулось что–то рыжее. Выжлятник отхлопал собак. Борзых у мальчика не было, да он от неожиданности не сразу сообразил, что за зверь резво бросился наутёк. И вдруг понял: это лисица, которая в тех же кустах охотилась на зайцев. Смычок гончих выгнал её на их с Павлом Петровичем лаз. Шан–Гирей ничего не заметил — его первая свора как раз травила русака. Мальчик вскрикнул: «Дяденька, лиса!» Он обернулся и тут же спустил вторую свору, но было уже поздно: плутовка сделала хорошую фору и ловко улизнула от борзых. Как же Мишелю было жаль, что из–за его промедления упущена такая добыча! Однако дядя племянника всё равно похвалил и утешил, сказав, что и с опытными охотниками подобное случается.

Когда все зайцы с первого «острова» были подняты, ловчий дал отбой из рога, и охота была продолжена на другом «острове» — обширных зарослях засохшего бурьяна. Вернулись в Тарханы к вечеру, затравив десятка три русаков. Отдохнув, Мишель сделал первый набросок псовой охоты. В следующие дни он нарисовал ещё несколько сцен. Взрослые одобрили их, а Екимка, наблюдавший охоту в некотором отдалении, пришёл от них в восторг.

Спустя неделю сильно похолодало, выпал снег. Скоро пруд покрылся прочным льдом. Как весело стало играть в догонялки и в снежки! Дети приходят домой все в снегу, раскрасневшиеся и довольные. Мишелю сделали новые широкие санки, и теперь он катается с маленькими кузенами, лихо съезжая по дорожке прямо на замёрзшую гладь пруда. Возобновились на чистом снегу и военные игры. Мужики расчистили ходы в траншеях, и пошла борьба. В войну играли по субботам, потому что на воскресенье уроков не задавали. Однажды Мишель в пылу потешного сражения хлестнул нагайкой Колю Давыдова. Сразу было не до извинений, а потом «главнокомандующий» не стал просить прощения из–за гордости. На воскресенье друг уехал с сестрой в Пачелму проведать мать.

Шёл Рождественский пост, Мишель отстоял службу, но вышел из церкви не в настроении: всё ему казалось, будто в чём–то виноват. После обеда он вспомнил, как несколько лет назад обещал, что Колю в Тарханах никто не обидит. Мишелю стало совестно. Да он ещё исповедался и причащался, не сказав об этом грехе священнику. Утаил, выходит. Мальчиком овладело раскаяние, и после завтрака он вернулся в церковь. Там уже никого не было, кроме дьячка, который тушил лампадки колпачком на длинной ручке. Мишель встал у большой иконы Николы Угодника с тускло мерцающей лампадкой. Ему показалось, что святитель смот-

рит на него сверху с укоризной, чуть повернувшись боком. Мальчик всхлипнул. Из алтаря вышел батюшка Алексей. Он был ещё в облачении: крестил после службы младенцев и причащал их.

— Что стряслось? — спросил он, подходя к исповедальному амвону.

— Я... я не сказал на исповеди... как вчера ударил нагайкой Колю ни за что... и не попросил прощения... — продолжая всхлипывать, признался Мишель.

— Это не страшно. Ты ведь просто забыл о своём невольном грехе, а теперь вспомнил и раскаялся. Вот что главное.

— Как же мне поступить?

— Попросить извинения у Коли и всё.

— Обязательно попрошу, — успокаиваясь, обещал мальчик.

Батюшка накрыл его голову епитрахилью и, перекрестив, отпустил грех. Вечером Мишель выполнил своё обещание:

— Коль, прости меня, я тебя вчера ненарочно ударил нагайкой.

— Прощаю. Да я почти не почувствовал через тулуп и забыл уже.

— Значит, мир?

— Мир.

— Я тут задумал на Новый год сделать всем сюрприз. Давай поставим домашний спектакль. Хочу, чтоб вы с Пелагеей Гавриловной участвовали. Будете?

— Конечно. Полине я напишу, она с удовольствием приедет из Пачелмы репетировать. А что за сюжет?

— Вот смотри, — Мишель протянул другу тетрадь, — я немного переделал черкесскую сказку. Её бабушка Катерина Алексевна мне на Кавказе рассказывала. Там всего три главных действующих лица: ты будешь играть бедняка Ахмеда, твоя сестра — его жену Жангулаз, а я купца и заодно продавцов на базаре. У нас должно получиться весело и смешно. Если ты согласен, я попрошу бабушку, чтоб нам сшили костюмы.

— Ладно, прочту и начну репетировать роль, — согласился Коля.

Сказка была забавной и поучительной. Чтобы свести концы с концами, бедные супруги Жангулаз и Ахмед решают продать серебряный пояс и нагрудник, доставшиеся жене от родителей. Ахмед отправляется на базар и меняет дорогие украшения на пару быков, потом идёт дальше по рядам, понравилась ему корова с телёнком, променял быков на неё, потом поменял корову на коня, коня — на козу, козу — на сукно, сукно на шляпу. Ког-

да Ахмед шёл по мосту, ветер сорвал с него шляпу и бросил в быструю речку. Возвращается бедняк домой с пустыми руками, пригорюнившись, а навстречу ему богатый купец. Стал он расспрашивать Ахмеда, в чём его кручина, тот и рассказал. «Достанется тебе теперь от жены!» — говорит купчина. «Нет, жена мне ни словечка не скажет», — утверждает Ахмед. — «Не может быть!» — не верит купец. И поспорили они: если Ахмед прав, то купец даёт ему тысячу рублей, а если купец прав, Ахмед будет на него три года батрачить бесплатно. Дома жена одобряет все действия Ахмеда: в хозяйстве нужны и быки, и корова, и конь, и коза, и сукно, и шляпа. А что шляпа улетела, так это не беда — главное, муж не упал в речку и жив остался. Купцу не хочется отдавать тысячу рублей, стал он снова спорить: пусть де Жангулаз даст ответ на девять вопросов, которые он ей назовёт. Если ответит без запинки, он отдаст Ахмеду девять арб с богатством, а запнётся — Ахмед отдаст ему жену. Находчивая Жангулаз бойко отвечает на все вопросы, купец остаётся с носом, а бедняки получают его богатство.

Пелагее Гавриловне и Коле сказка понравилась, они начали репетировать с Мишелем по тетрадке. Из–за траура по почившему императору Александру Павловичу спектакль можно было играть не раньше 29 декабря. Костюмы сшили к сроку. Фигурки животных вылепили из воска — маленькие, чтобы было смешнее. Да вот беда: Коля так и не выучил наизусть свою роль и за два дня до спектакля всё ещё путал, в какой последовательности менял покупки его герой Ахмед.

— Коля, так нельзя. Ты ленишься и нас подводишь, — укоризненно сказал Мишель.

— Ну ладно, я постараюсь.

— Не просто постарайся, а обязательно всё выучи, чтоб от зубов отскакивало! — мальчик строго посмотрел на друга. — Раз обещал — умри, а сделай!

— Даю слово к завтрашней репетиции всё выучить.

— То–то. А ты, Екимка, зачем тут вертишься?

— Хочу с вами. Возьмите меня в игру.

— Через год непременно возьмём. А теперь ты ещё мал. Сюрприз будет послезавтра. Наберись терпения.

Коля сосредоточился и быстро доучил роль. Домашний спектакль удался. Гости и дворня от души смеялись. После представления детям вынесли сладкое угощение и устроили «бал» — танцы под фортепиано в украшенном гирляндами зале, а взрослые в гостиной сели играть в карты.

Вскоре до Чембарского уезда дошло известие о восстании на Сенатской площади 14 декабря во время присяги новому императору Николаю Павловичу. Бабушку известие возмутило, но его значения в округе пока никто толком не осознал. Заканчивались Святки, когда из Москвы пришло письмо от Екатерины Аркадьевны Столыпиной с трагической вестью: в своём подмосковном имении Середниково скоропостижно скончался двоюродный дед Мишеля — брат бабушки генерал–майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, герой Бородина. Ему было всего 40 лет. Елизавета Алексеевна очень жалела брата, скорбела и молилась об упокоении. Мишель тоже плакал о дядюшке, как он называл покойного. Теперь он уже никогда не услышит от него рассказы о войне, а трёхлетний кузен Аркаша и маленькие кузины Маша и Лиза остались сиротами. Возмущаясь восстанием декабристов, бабушка не предполагала, что её брат сочувствовал их убеждениям, и его внезапной смерти способствовали переживания из–за арестов его московских друзей и угроза, нависшая над близким другом и соседом по имению Михаилом Александровичем Фонвизиным, племянником знаменитого писателя. Фонвизина действительно вскоре арестовали и осудили.

До Чембара волна арестов не докатилась. Следствием восстания стали слухи среди крестьян, будто бы их скоро освободят от крепостной зависимости. В противовес слухам новый император выпустил манифест, который читали в церквях целых полгода по воскресеньям. Мишелю надоело слушать скучные казённые фразы, которые заунывно твердил пономарь: «Все состояния в государстве, в том числе и поселяне, как казённые, так и помещичьи крестьяне и дворовые люди, во всей точности должны выполнять все обязанности, законами предписанные, и беспрекословно повиноваться установленным над ними властям...» Манифест производил какое–то давящее впечатление, которое хотелось сбросить, выходя из церкви. Православные праздники и народные гуляния разряжали напряжённую атмосферу.

В Прощёное воскресенье в Тарханах, после взятия снежного городка, парни и молодые мужики с улиц Бугор и Овсянка сошлись на льду пруда в кулачных боях стенка на стенку. Бабы, дети и старики смотрели на бои удальцов с плотины. Ни одна сторона не могла потеснить другую. Старики придирчиво следили, чтобы никто не нарушал правил: лежачих не трогали, «по мазку» — по крови — не били.

Всеми — и борцами, и болельщиками — овладел азарт. Мишель смотрит с восторгом, он и сам готов броситься в бой. Но вот

Василий Шушеров выбирается из потасовки: ему разбили губу. Видя это, Евлаша Соколова вскрикнула, а Мишель со слезами первый подбежал к садовнику.

— Вася, как же это тебя так?! — закричал мальчик, подавая садовнику свой носовой платок.

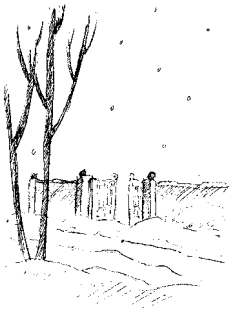
— Ничего, барин, зубы целы, — отвечал тот, промокая кровь.

Подоспела плачущая Евлампия и принялась утирать ему лицо чистым рушником.

— До свадьбы заживёт, Евлашенька. Не плачь, милая, — утешал её садовник. Его разбитая губа зажила задолго до свадьбы: он обвенчался с Евлампией только в конце осени — 26 ноября 1826 года.

А на масленицу бугорские и овсянковские парни так и не уступили друг другу. Елизавета Алексеевна приказала атаманам кончать кулачный бой и угостила всех домашним вином из бочки, блинами и пирогами.

1 марта наступил Великий пост. Веселье смолкло. Крестьяне занялись подготовкой к весенним работам в поле. Ночи ещё оставались морозными, а днём потеплело. Мишель принялся лепить из подтаявшего снега и льда фигуры, которые семилетнему Екимке казались огромными. Сначала у пруда появилась ледяная медведица с медвежатами, следом сфинкс, которого Мишель сделал по картинке, потом голова витязя и спящая красавица Людмила из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»... Сверкающая в мартовских лучах галерея радовала глаз две недели, а потом постепенно таяла, и к Вербному воскресенью от снежных фигур не осталось ничего, кроме воспоминаний.



В гостях у кормилицы

В начале июля 1826 года дни в Тарханах стояли знойные, лишь к вечеру жара немного спадала. Искупавшись в Барском пруду, Мишель вернулся домой к полднику. Глянув на икону Богородицы, висевшую в красном углу, отрок вспомнил, что у Васи Шубенина — именины. Мишель был очень дружен с младшим сыном кормилицы, учил его чтению, письму и арифметике. Начались эти уроки ещё зимой. Однажды после катания на горке Вася весь вымок и бабушка оставила его в барском доме, пока сушилась одежда. Увидев на столе азбуку, по которой учился Алёша Шан–Гирей, ребёнок заинтересовался и стал спрашивать у Мишеля, какие там буквы. Тот со стыдом вспомнил, как в пятилетнем возрасте отбивался от азбуки, и решил сам учить смышлёного Васю, который с тех пор с большой охотой ходил в усадьбу на занятия.

Часы пробили пять. Мишель стал отпрашиваться у бабушки:

— Я хочу проведать кормилицу. Можно?

— Иди, только к ужину возвращайся, — разрешила Елизавета Алексеевна.

— Сегодня у Васи именины, надо сделать ему подарок.

— Ты фигурок всяких уж много ему привёз с Кавказа и с ярмарок, отнеси–ка лучше гостинчик — вареньица. У нас прошлогоднее осталось, а у Лукерьи кончилось ещё весной. Выбирай, какое хочешь: клубничное, яблочное, смородиновое или вишнёвое.

На селе сады держали только тарханы и кормилица: барщинным крестьянам было не до плодовых деревьев — вырастить бы урожай зерновых, овощей и конопли, из волокна которой ткали полотно для одежды и плели верёвки. Лукерья Алексеевна варила на меду варенье из вишен, яблок, слив, смородины и малины. Клубникой ей заниматься было некогда, такая ягода росла только на барских полях. Мишель не колебался:

— Клубничное. Вася его очень любит. Если осталось, можно на сахаре?

— На сахаре варенье дорогое. Ты же знаешь, что варим такое только на праздники и для гостей, — заворчала Елизавета Алексеевна.

— Но ведь прошлогоднее варенье всё равно гостям подавать неприлично. А у Васи сегодня именины. Это для него большой праздник. И для кормилицы тоже!

— Ну ладно, — смилостивилась бабушка. — Дарья, пошли–ка Машутку в погреб за клубничным вареньем. Накажи, чтоб выбра-

ла прошлогоднее на сахаре. Оно слева в углу за дверью, на горшках помечено.

— Слушаюсь, барыня.

Дарья была скуповата, ей не хотелось давать варенье на сахаре, но барское приказание она исполнила, как всегда, быстро и точно.

Обрадованный Мишель отправился к кормилице, осторожно неся в холщовой сумке горшок с вареньем, а под мышкой — азбуку и прописи. Он и летом занимался с Васей по вечерам. Дорога шла по высокому берегу Большого пруда, вдоль которого стоят домики улицы Бугор. От Никольской церкви начинается Овсянка. Церковь недавно закрыли, но ещё не успели разобрать и перенести на деревенское кладбище. На её месте бабушка решила возвести кирпичный храм во имя небесного покровителя внука и покойного мужа — Архангела Михаила. Батюшка Алексей перенёс службы в церковь Марии Египетской, которая теперь сделалась приходской.

Закрытый храм являл собой грустноватое зрелище, и Мишель быстро прошёл мимо него. Вот и Кормилицын пруд справа от дороги, а за ним высокая просторная пятистенка Шубениных, крытая тёсом, с красивыми резными наличниками на окнах. Эта изба топилась по–белому — одна из немногих на селе.

Из сеней навстречу Мишелю выпорхнули ласточки, сновавшие туда–сюда за кормом для подросших птенцов, которые скоро встанут на крыло. Лукерья, как всегда, хлопотала по хозяйству: скотины у неё полон двор. Мальчику очень нравилось, что у кормилицы в избе всегда прибрано и уютно. Его самого с первых месяцев жизни она приучила к чистоте, и в жаркие дни он иногда менял влажные от пота рубашки несколько раз.

— Здравствуй, мамушка, — сказал Мишель с порога.

— Мишенька! Заходите, радость моя, — кормилица вытерла руки чистым рушником, обняла и поцеловала воспитанника в лоб. — Садитесь за стол.

— С именинником, мамушка! Я тут для Васи подарок принёс.

— Благодарствую, Мишенька, что не забыли. Сынок вот–вот придёт с дальнего сенокоса. Старшим помогает сено ворошить. Погода жаркая, завтра скирдовать начнут.

— Я подожду. Мы тут с ним позанимаемся.

Ждать пришлось всего несколько минут. Во дворе послышалось мычанье — Вася по пути пригнал коров из стада на вечернюю дойку. Умывшись во дворе и сменив рубашку, мальчик вбежал в горницу.

— Здравствуй, именинник! Вот тебе гостинчик к празднику! — Мишель протянул горшок своему подопечному.

— Благодарствую, — Вася взял подарок и, поняв по запаху, что это такое, очень обрадовался: — Клубничное варенье! Моё любимое! Вот здорово!

Преодолев соблазн сразу отведать угощение, мальчик поставил его на общий стол, как заведено в семье.

— Вы здесь позанимайтесь пока, — сказала кормилица, — я пойду коров подою, а потом кушать будем.

За интересным уроком время пролетело быстро. Вася уже почти всю азбуку выучил и начал уверенно читать по слогам. Мишелю нравилась роль учителя, он показал мальчику одну из последних букв алфавита — ер, или твёрдый знак. Вася с лёту понял, что это за буква, но правильно написать у него не получалось: руки огрубели на сенокосе. Мишель терпеливо показывал ему по прописям, потом дал домашнее задание по чтению и объяснил примеры на сложение и вычитание.

Кормилица вернулась с кринкой процеженного парного молока и стала угощать мальчиков.

— Сейчас вам, мои хорошие, молочка налью по кружечке. И хлебца ситного я сегодня в честь именин напекла, — она ловко достала с печного пода ароматный каравай, отрезала каждому по большому ломтю, густо намазала клубничным вареньем и подала.

Друзья уписывали угощение за обе щеки. Мишелю оно пришлось по вкусу не меньше, чем Васе: не то что чёрствый утренний хлеб с маслом и кресс–салатом, который дают на завтрак в усадьбе по указанию доктора Леви.

В горницу вошла кошка с пойманной мышью в зубах. Почуяв запах свежего молока, она бросила задушенную добычу и стала тереться у Васиных ног.

— Киса, киса, — мальчик нагнулся погладить её и нечаянно опрокинул недопитую кружку. Молоко пролилось на половицы, и кошка тотчас бросилась его лакать.

Вася с досады чертыхнулся, потянулся за кружкой и смахнул на пол недоеденный кусочек хлеба.

— Не след поминать нечистых, сколько раз тебе говорить! — кормилица пригрозила сыну пальцем. — Не ровён час пристанут, не отвяжешься. Морок наведут, прельстят. Забыл разве сказ про Марью–вдову? Молись сейчас же.

Вася подобрал хлеб и кружку с пола и послушно перекрестился:

— Прости, Господи, помилуй и спаси! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

— То–то же.

— Мамушка, а что это за сказ про Марью–вдову? — заинтересовался Мишель.

— Вы разве не слышали в девичьей?

— Нет.

— Ну тогда я вам расскажу. И ты, Васятка, ещё раз послушай, тебе на пользу.

В тарханском предании, которое поведала детям кормилица, повествовалось о том, как в старину жила в селе молодая крестьянка. Всё у неё ладно было, супруга своего она очень любила, за детками хорошо ходила, нужное всё в доме имела. Да случилось поветрие, заболел её муж и помер. Горько затосковала вдова. Шло время, а Марья всё думала об Иване как о живом, плакала о нём, звала к себе ласковыми именами, как при жизни, и новые придумывала. Мнилось ей, что слышит её покойный и даже отвечает. Каждую ночь она видела его во сне. Он являлся ей краше прежнего ликом и стал ещё милей. Она просыпалась и, поняв, что это не наяву, снова желала возвратить дорогой сердцу образ, плакала, звала и манила его к себе, хотя и знала, что поступает не по Богу. До того дошла, что уж и днём могла видеть любимого мужа, стоило только ей на минутку глаза прикрыть. Она грезила им с улыбкой стоя и сидя, откладывала в сторону рукоделие, бросала начатое дело.

Стали соседи примечать, что с Марьей неладно: людей сторонится, молчит, когда приходится быть с ними, в церковь не ходит, стала бледной и худющей, детишки у неё голодные и немытые сидят. «Тает как свечка, — вздыхали соседки. — Уж не змей ли нечистый к ней повадился?» Начали они по ночам приглядываться к избе вдовы. Оказалось, и вправду змей её изводит.

Кто–то видел, как в темноте огненный шар с длинным хвостом пролетел над крышами, сделал витки над кровлей вдовы, рассыпался мелкими искрами и пропал. На утренней заре он вновь взвился над её избой и растворился в туманной дымке. Другие будто слышали, что в доме Марьи всю ночь раздавались голоса. Летающий змей — злой дух, демон. Узнав о горе вдовы, лукавый принимал обличье её покойного мужа и являлся ей, обманывая несчастную, прельщал её нежными словами. А она наслаждалась обманом. Коварный змей завладел её мыслями. Порой она чуяла, что делает нехорошее, но не могла противиться дьявольской силе. Соседи увещевали вдову, давали понять, что её встречи с ночным гостем для них не секрет: «Смотри, Марья, до добра такое дело не доведёт. С нечистью шутки плохи». Но это только настораживало и злобило несчастную. Ей становилось всё хуже и хуже, она находилась в шаге от погибели.

Жаль добрым людям Марью и сироток, решили они их спасать. Пришла к ней сведущая бабка, зажгла пучок богородской травы и, творя молитвы, обдала благовонным дымом всю горницу, сени, обошла вокруг избы. Дабы отразить преследования искусителя, вечером к прельщённой вдове отправились ночевать соседки — бабы не робкого десятка. Улеглись они на кровать хозяйки, а саму отправили к детям на печь, чтоб враг не мог её сразу отыскать. Известно, как змеи печей не любят. С самого краю положили спать ребёнка, чтобы ангел–хранитель чистой детской души защитил и мать. Прилетел змей в урочный час на свидание, хотел попасть внутрь, а вокруг избы, окуренной богородской травой, — прочная преграда. Завыл он, пытаясь проникнуть то с одной, то с другой стороны, то в окна, то в дверь — и всё тщетно. Он свивался жгутом, рассыпался искрами и снова возвращался, стал бить в стены и углы избы, чтоб войти. Не спавшие женщины, молясь, с трепетом ждали, что будет дальше, и даже слышали стон. После полуночи удары стихли. Утром ночевальщицы увидели на одном углу избы будто бы след крови, который с первыми лучами солнца пропал. С тех пор летающий змей к вдове не возвращался, и Марья начала медленно приходить в себя, словно после тяжкой болезни.

— Вот так, детки, — закончила сказ кормилица. — Опасно иметь дело с нечистой силой. Лучше не навлекать её на себя.

— Спасибо, мамушка! Такая интересная легенда, не то что французские поучительные рассказики, которыми нас пичкает гувернёр.

— Рада, Мишенька, что понравилось. Ну да мне пора на стол собирать, скоро главные едоки с сенокоса придут.

В проёме двери показалась вихрастая голова Федьки Фролова, соседского паренька лет четырнадцати:

— Здрасте, барин. Здрасте, тёть Луш! Отпустите Ваську купаться.

— Идите, ребята, вечером купанье самое полезное.

— Мамань, можно я возьму упавший кусочек хлебца покормить оленёнка и лосёнка на усадьбе?

— Бери, но до темна чтоб дома был.

— Идём скорей, — нетерпеливо подогнал их Федька.

Попрощавшись с кормилицей, Мишель отправился с ребятами на Барский пруд купаться. Потом всей гурьбой побежали к загону, где паслись оленёнок и лосёнок. Их недавно купила бабушка для забавы внуку с товарищами. Вася вернулся домой, усталый и счастливый.

После ужина Мишель заботливо полил три яблоньки, которые сам вырастил из семечек и весной посадил в Среднем саду, потом пошёл к себе в комнату. Читать ему не хотелось, он вышел на балкон и залюбовался сгущающимися над селом сумерками. В пруду отражались розоватые перья облаков, они постепенно гасли и сливались с лиловым небом. В некоторых окошках крестьянских домов, крытых соломой, светились тусклые огоньки — припозднившиеся хозяйки зажгли лучины. Из одной избы вьётся дымок — кто–то из сельчан собрался париться в печи или готовится выпекать хлеб. Искры из отопительного окошка над дверью напомнили Мишелю легенду о змее–демоне, рассказанную кормилицей. Он вновь и вновь оживлял в своём воображении загадочные события, подбирая слова для их лучшего описания, и лёг поздно, когда совсем уже стемнело, и над гладью пруда взошёл серебристый молодой месяц.

Синий шнурок

Осенью 1826 года в Тарханах вновь начались занятия по всем предметам, кроме греческого языка. Мишелю он пришёлся не по вкусу, и бабушка ему уступила — отложила уроки на неопределённое время. Пожилому гувернёру греку Василию Дриеву Елизавета Алексеевна милостиво разрешила остаться в Тарханах. Судьба не баловала 60–летнего кефалонца: в Россию он бежал от произвола турецких властей. Василий поселился в домике на Овсянке и занялся хорошо известным ему скорняжным ремеслом, которому успешно обучал крестьян. Впоследствии этот промысел приносил тарханцам хорошие доходы.

На день рождения тётя и бабушка заказали для Мишеля красивый альбом. Небесно–голубую бархатную обложку украшал золотой вензель «MJL».

— Вот, Мишель, будешь писать сюда полюбившиеся тебе произведения. Надеюсь, и твои сочинения скоро здесь появятся, — сказала Марья Акимовна.

— Огромное спасибо! Чудесный альбом. Непременно буду записывать туда разные опусы.

Тётенька теперь приезжала к двоюродному племяннику из Апалихи, собственного имения, которое в июле 1826 года она купила при поддержке Елизаветы Алексеевны, ради чего та даже заложила 190 душ своих крестьян.

Екимка и Алёша по–прежнему учатся в Тарханах, ведь Апалиха совсем рядом — нет и трёх вёрст. Мишель там часто гостит у своих троюродных братцев и сестрёнки. Ему нравится деревянный одноэтажный дом, обшитый тёсом, с резными наличниками на окнах и шатровой кровлей с венцами. Южный фасад дома напоминает сказочный терем. Внутри дети любят носиться по длинному узкому коридору, забегая в разные комнаты, играть в слепни — так в Тарханах называют жмурки. Но особый интерес у мальчиков вызывает конезавод, который Павел Петрович Шан–Гирей начал устраивать в имении. Парк в Апалихе с ровными аллеями, клумбами, небольшим прудом и плодовым садом Мишель знает не хуже тарханского. Очарование ему придаёт речка Мараранка, вьющаяся среди раскидистых ракит.

В начале июня 1827 года, накануне Петрова поста, Марья Акимовна пригласила родственников и соседей к себе на именины. Из Тархан отправились в двух открытых экипажах. В первый сели гостившие у бабушки родные: Александр Алексеевич Столыпин с женой Екатериной Александровной и дочками Машей и Ва-

рей. К радости Мишеля, Агату посадили в тот экипаж, где мальчик ехал с бабушкой и Колей Давыдовым.

Мишель не видел Агату два года. В 1825 году, когда они вместе гостили у Хастатовых на Кавказских Водах, стеснительная девочка была ещё угловатой и немного нескладной. Теперь кузина очень похорошела: высокая, стройная, с красивой осанкой, нежным овалом лица, изящным прямым носиком, большими карими глазами и милыми ямочками на щеках. Когда Агата, приехав в Тарханы, поздоровалась с Мишелем и улыбнулась, её улыбка показалась мальчику ослепительной. Он очень увлёкся девушкой, хотя она на пять лет его старше. Это чувство было не таким робким, как первая детская любовь. Мишель много времени проводил с кузинами, запросто болтал с ними, водил их по селу, по парку, шутил, рисовал шаржи, но свою влюблённость в Агату старался никому не показывать, хотя ему представлялось, что и она с ним особенно мила. По дороге в Апалиху, когда экипажи выехали из Дубовой рощи, он принялся с лёгким юмором рассказывать девушке об окрестных селениях и их владельцах, стараясь привлечь её внимание:

— По левую руку деревня Дерябиха. Тамошний помещик отставной подполковник Кондратий Никифорыч Жилинский у нас бывает. Он нравом крут, хоть не богат, зато в охоте — хват! Собак заботливо голубит, а вот людей частенько лупит.

Коля и Агата смеются, и Мишель с ними. Бабушка поясняет:

— Раскольники его крестьяне, а он этого терпеть не может, потому и лупит.

— А справа что за село? — спрашивает девушка.

— Подсот называется. Там много владельцев, и потягаться им есть за что. Одна Татьяна Софронна Москвина чего стоит: не дай ей вина — дай поспорить. Эта барыня Москвина и не сказать

чтоб умна, зато тучна и склочна. От последнего её свойства милой тётеньке одни беспокойства.

— Ну и охотник ты до острот! — Агата улыбается, обнажая ряд ровных белых зубов.

«Как она хороша! Словно чайная роза среди степных трав», — думает Мишель, любуясь девушкой.

Вот и Апалиха. Экипажи по широкой аллее подъезжают прямо к крыльцу. Мишель первым соскакивает с подножки и подаёт руку Агате. День тёплый, ясный, и именинные столы накрывают в саду. Почти вся родня уже собралась. У Марьи Акимовны гостит её сестра Анна с дочками Катей и Машей и маленьким сынишкой Аркашей. Екимка с Алёшей подбегают к Мишелю:

— Привет! А мы готовим маменьке поздравление в стихах! Папенька сочинили. И обе Кати будут тоже читать наизусть!

— Вот и молодцы! Учите скорее, а то все гости, наверное, уже тут, — отвечает Мишель и, увидев Павла Петровича, одетого, как всегда, в черкеску, здоровается: — Бонжур, дяденька.

— Здравствуй, Мишель! Здравствуйте, мои милые, — дядя целует ручки барышням и Екатерине Александровне, жмёт руку Столыпину и продолжает: — Мы ещё ждём Жизневских.

— А кто это такие? — спрашивает Маша Столыпина.

— Помните Пелагею Гавриловну Давыдову, Колину сестру? Она прошлый год вышла замуж за чиновника Игнатия Осипыча Жизневского. Они теперь в Пачелме живут. Далековато отсюда, но скоро прибудут. Мишель, покажи–ка кузинам пока наш парк.

— С превеликим удовольствием, дяденька. Только тётеньку сначала пойду поздравлю.

Мишель нашёл нарядную Марью Акимовну у стола. Она вместе с Елизаветой Алексеевной давала последние распоряжения слугам. Мальчик нарисовал для именинницы тарханский пейзаж с видом церкви Марии Египетской и барского дома. Изящную рамку Мишель сделал сам под руководством Павла Петровича. Именинница похвалила подарок и от души расцеловала любимого племянника.

Барышни Столыпины тем временем скучали, невольно слушая разговор отца с помещиком Жилинским и его шестнадцатилетним сыном Володей о достоинствах охотничьих собак. Кузины обрадовались, когда Мишель повёл их по тенистым аллеям парка, потом вдоль пруда к Марарайке и, наконец, к заветному источнику на её берегу.

— Вода здесь превкусная. Попробуйте, — он взял жестяную кружечку, которая всегда стояла у родника, сполоснул её, зачерп-

нул воды и подал сначала Маше — как старшей, а потом Агате. Младшая кузина Варя, ровесница Мишеля, не утерпела, сама зачерпнула пригоршню воды, выпила и сказала:

— Правда, вкусная!

— Барби, ну куда ты лезешь? Смотри, платье облила, — выговорила ей Маша.

— Ерунда! Сегодня тепло, высохнет! — беспечно отмахнулась та, зачерпывая новую пригоршню.

Мишель тем временем заворожённо смотрел, как Агата маленькими глотками пьёт студёную водицу, изящно держа простую кружку — как дорогую фарфоровую чашечку. С какой радостью он побродил бы с нею наедине по берегу речки! Невинную мечту прерывает Екимка:

— Мишель! Вас зовут к столу!

— Уже идём!

Мальчика сажают между Агатой и Варей. Екимка, Алёша и две Кати — Петрова и Шан–Гирей — бойко читают поздравление, но Мишель почти не слушает, погружённый в свои нежные переживания. Он рассеянно хлопает со всеми, улавливая только последние слова немудрёных поздравительных стихов. Поданные вкусные блюда развлекают его, он кушает поначалу с удовольствием и холодец, и фаршированную рыбу, и котлеты, шутливо нахваливая всё Агате. Когда доходит очередь до сладкого, мальчик рекомендует кузине приготовленные тётенькой шоколадные конфеты, но вдруг замечает, что она, отрезая кусочек пирожного, кокетливо поглядывает на Володю Жилинского, а тот улыбается ей.

Мишель так огорчился, что даже забыл о конфетах. Ревность закралась в его душу. «Он почти на четыре года старше меня, выше, красивее. Я для неё всего лишь младший кузен…» — грустно думал он на обратном пути. В экипаже с ним ехала не Агата, а Варя. Девочка, пытаясь его расшевелить, подтрунивала:

— Ты чего воды в рот набрал?

— Отстань, Барби. Я степью любуюсь.

— И думаешь о чём–то высоком?

— Думаю, — рассеянно отвечает мальчик.

— А вот и нет! Я знаю, ты просто объелся на именинах!

— Ничего не объелся.

— А вот и объелся! Я же видела, что ты слопал столько пирожных, что даже к конфетам не притронулся, а они самые вкусные были!

— Ага, ты, значит, сама мои конфеты съела. Вот и радуйся! Теперь растолстеешь.

— Не растолстею. Я всего две скушала.

— Мишенька, Варенька! Полно, мы уж приехали, — строго сказала детям бабушка.

До вечера влюблённый мальчик был не в настроении. Чтобы развеяться, он велел Андрею оседлать лошадку и поехал кататься по парку. Тем временем Елизавета Алексеевна пригласила гостей пить чай на веранде. Мишель галопом проскакал мимо, горячо желая, чтобы Агата обратила внимание, какой он хороший наездник в свои двенадцать лет. Умчавшись в парк, мальчик срывает ветку цветущего чубушника и, подъезжая к веранде, бросает её Агате. Однако прыткая Варя на лету хватает ветку и кричит вдогонку:

— Мерси боку, Мишель! Какая прелесть! Иди, наконец, к нам, чай стынет!

Мальчик возвращается, ловко спешивается и приказывает дядьке:

— Андрей, отведи лошадь в конюшню.

Мишель моет руки, гремя рукомойником, поднимается по ступенькам и садится пить чай, украдкой поглядывая на Агату.

Наутро он просыпается рано, бежит в Дальний сад с книгой Пушкина «Бахчисарайский фонтан», взятой почитать у Марьи Акимовны, и устраивается в беседке, от которой в разные стороны расходятся лучи аллей. Он перечитывает строки о безнадёжной любви хана Гирея к прекрасной пленнице гарема Марии, и это чувство находит в его сердце самый живой отклик:

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце;
Благоговея, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.
Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волненье сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

— Бонжур, Мишель. Тебя все ищут. Бабушка зовёт к завтраку, а потом мы уезжаем, — услышал он голос Агаты.

Мальчик поднял голову. Она стояла перед ним в дорожном платье, изящно положив на перила беседки ручку с синим бисерным шнурком, обвитым вокруг запястья.

— Я сейчас иду, только страничку закончу.

— Что ты такое интересное читаешь?

— «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. Вот послушай:

Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб её свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь, или другое зло?..
Кто знает? Нет Марии нежной!..
Дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;
Он снова в бурях боевых
Несётся мрачный, кровожадный:
Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остаётся вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что–то шепчет, и порой
Горючи слёзы льёт рекой.

— Я тоже читала «Бахчисарайский фонтан», — задумчиво говорит девушка. — А ты декламируешь с чувством.

— Агаша, Мишель, все уже сели за стол, — прерывает их разговор запыхавшаяся Варя.

— Вы идите, я вас догоню. Мне совсем чуточку дочитать осталось, — ответил мальчик.

Кузины идут по центральной аллее–лучу к дому. Мишель, проводив их взглядом, рассеянно дочитывает страницу, закрывает книгу и вдруг видит, что синий шнурок Агаты лежит на скамейке. Он совсем обыкновенный. Мальчик и сам легко может сплести такой из бисера, но этот, ещё несколько минут назад украшавший руку милой сердцу девушки, теперь будет его реликвией. «Если я его не верну, выходит, украл, — подумал Мишель. — Ну и пусть!» Он спрятал шнурок в карман и побежал догонять кузин.

После чая Агата хватилась:

— Я синий шнурок потеряла. Мишель, Барби, вы не видели?

Мишель качает головой, не признаваясь, что «пропажа» у него в кармане. Варя поддразнивает сестру:

— Агаша — растеряша!

— Полно тебе. Видно, я его в саду нечаянно обронила. В траве теперь не найдёшь.

— Не огорчайся, я тебе красивей шнурок сплету, — обещает Мишель.

— А ты умеешь плести из бисера?

— Да. Я и шкатулочку бисерную могу сделать.

— Ах, как ты мил! — Агата по–родственному поцеловала его в щёку. — Буду ждать подарков. Оревуар.

— Оревуар, кузина.

— До встречи, мои дорогие, — попрощалась с родными бабушка. — Приезжайте к нам ещё.

Агата вслед за Варей села в экипаж, кучер тронул лошадей. Мишель машет им рукой, глядя с волнением и грустью, как коляска выезжает из усадьбы, быстро катится по улице Бугор и скрывается за поворотом дороги.

В Васильевском и Кропотове

После Ильина дня Елизавета Алексеевна стала собираться в Москву — надо подготовить внука к поступлению в Благородный пансион при Московском университете, где в своё время блестяще учились её младшие братья. В этом учебном заведении дают хорошее образование и не применяют телесных наказаний. Кроме того, ученикам дозволяется быть полупансионерами и жить с родными, а бабушка ни за что не хотела расставаться с Мишелем.

Выехать в Первопрестольную они решили загодя, чтобы по пути остановиться и погостить у своих родственников Арсеньевых в Васильевском и у Лермонтовых в Кропотове: Елизавета Алексеевна давно обещала внуку завезти его в гости к отцу.

За несколько дней до их отправления в путь в Тарханы вновь приехали Александр Алексеевич Столыпин с дочерью Агатой.

— Здравствуй, дорогая моя, — сказал он, обнимая при встрече сестру. — Вот дочку тебе привёз. Агаша у нас барышня на выданье, восемнадцатый год уж ей. Прошлый сезон она в Симбирске в свет выезжала, а теперь пора её вывозить в Москве — там куда проще найти удачную партию. Сам я в Первопрестольную смогу вырваться только после Нового года, оттого и написал Мещериновым и невестке нашей Екатерине Аркадьевне. Они с радостью согласились вывозить мою дочь. Возьмёшь Агашу с собой?

— Конечно возьму, братец.

— Как мило с вашей стороны, тётенька! — Агата сделала книксен, подошла к Елизавете Алексеевне и чмокнула её в щёку. Та в ответ обняла племянницу.

Узнав, что приехали Столыпины, Мишель быстро прибежал из парка к дому. Пока слуги снимали с кареты дорожный сундук и заносили его, отрок успел подняться в свою комнату и взять из ящика стола сплетённые им из бисера шнурок и маленькую шкатулочку для украшений. Он их сделал для любимой девушки, чей синий шнурок бережно хранил у себя.

— Бонжур, Агата. Это тебе, — мальчик протянул ей подарки.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула та, разглядывая изящные вещицы. — Какой же ты молодец! — похвалила она кузена и поцеловала в лоб.

— Очень рад, что тебе понравилось, — смущённо буркнул он.

Ему было приятно смотреть, как кузина ловко обвила шнурком запястье и только потом ушла отдыхать с дороги в отведённую ей комнату.

Через несколько дней отправились в Москву. Агата ехала в своей карете с горничной, доктором Леви и отцом, провожавшим её до Чембара. Для Мишеля, который теперь невольно конфузился в присутствии девушки, боясь выдать своё чувство к ней, так было даже лучше. Дорога пролегала через Тамбов, Козлов и далее по Елецкому тракту.

Сначала заехали в Васильевское — тульское имение Арсеньевых, что на самой границе с Тамбовской губернией. Это была родина дядьки Андрея, и он много рассказывал о родных местах. Деревянный барский дом здесь поменьше, чем в Тарханах, — на десять комнат, и, как водится, полон родни. Своих молоденьких двоюродных тётушек Таню и Варю, дочек Григория Васильевича Арсеньева, Мишель, по обыкновению, называет кузинами, как и двух других барышень — Эффи и Лену, дочерей генерал–майора Никиты Васильевича Арсеньева.

Агата Столыпина с ними очень приятно проводит время, пока Елизавета Алексеевна ездит с визитами по соседям. Особенно забавляет кузин маленькая Лизонька, сестра Тани и Вари. Барышни возятся с ней, как с куколкой, одевают в красивые платьица и учат читать простенькие двустишия гостям, а в парке носятся с резвой малышкой, играют в дочки–матери. Мальчику тоже иной раз в удовольствие участвовать в забавах кузин и «побеситься» с пятилетним кузеном Васей, затеять всей компанией игру в коршуны, где отроку обычно достаётся роль

коршуна, одна из старших кузин становится наседкой, а остальные — цыплятами.

Однако куда более интересны беседы с двоюродным дедом. Рассматривая висящие в гостиной и в зале оружие и портреты, Мишель спрашивает Григория Васильевича:

— Скажите, дедушка, а откуда происходят Арсеньевы?

— Наш род очень древний. Сказывают, к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу Донскому перешёл с тремястами приближёнными знатный татарин Аслан Мурза Челебей. Женился он на русской боярыне Марии Зотовне Житовой и в крещении получил имя Прокопий. От его сына Арсения по прозвищу Юсуп происходят Арсеньевы и Юсуповы.

— А кто это на старинном портрете? — мальчик указывает на изображение видного мужчины в пудренном парике и капитанском мундире.

— Василий Еремеич Арсеньев, твой прапрадед. Он участвовал в возведении на престол императрицы Екатерины Великой в 1762 году. Кстати, он служил капитаном в Преображенском полку, как и твой дед. Наш род имеет немалые заслуги перед отечеством. Вот взгляни, — Григорий Васильевич подал мальчику миниатюрный портрет, стоявший в рамочке на столе, — это мой брат Евграф Васильич. Он был морским офицером, капитаном галеры, и геройски погиб в 1790 году, во время Шведской войны. Тогда произошло крупное сражение между шведским и русским флотами. Отразив нападение врага на Ревель, эскадры адмирала Павла Васильича Чичагова блокировали его

в Выборгской бухте. Шведы настойчиво пытались прорваться. В критическую минуту боя, чтобы предотвратить прорыв шведского флота, брат приказал идти на таран, и вражеский корабль взлетел на воздух. Шведы тогда всё–таки прорвались, но потеряли, насколько мне известно, семь линейных кораблей, три фрегата, более полусотни мелких судов и не смогли высадить десант, чтобы захватить Петербург.

— Дедушка, а где вы сами воевали?

— Я служил под командованием Михайлы Илларионыча Кутузова и дослужился до чина подполковника. Участвовал я в штурме и взятии турецких крепостей, брал Измаил. А самое памятное для меня Афонское сражение произошло в июне 1807 года — уже двадцать лет назад. Я тогда был капитаном и в составе десанта русской эскадры под командованием вице–адмирала Дмитрия Николаича Сенявина защищал базу нашего флота на острове Тенéдос. Гарнизон у нас был небольшой, а отражали мы атаки шеститысячного турецкого отряда. И отразили. Меня тогда тяжело контузило, но я не покинул позиции.

— Чем же закончилось сражение?

— Турки не смогли прорвать блокаду Стамбула, мы установили контроль над Эгейским морем, и враги пошли на перемирие.

— А мой дедушка воевал?

— Да, в Шведскую войну, но только на суше, со своим Преображенским полком. И в походах бывал, и в сражениях. Михайла Васильич был прекрасным человеком — честным, добрым, умным, благородным. Он учился в пансионе у Андрея Тимофеича Болотова в Богородицкой императорской вотчине. С замечательным сим учёным водили дружбу наши родители Василий Васильич и Евфимья Никитична. Старик Болотов по сию пору здравствует. Он и писатель, и философ, и ботаник, и агроном, и садоустроитель. От него брат Михайла многому научился. В Тарханах эти знания ему очень пригодились.

— Бабушка говорила, что дедушка весь наш парк облагородил и благоустроил. И в теплице выращивал экзотические фрукты.

— Да, я сам их едал. Жаль, что теперь теплица заброшена. Некому ею заняться.

— Когда я иду мимо неё, вспоминаю о дедушке. Бабушка мне рассказывала, что он был чембарским предводителем и однажды помирил двух помещиков, бывших в многолетней распре, как Монтекки и Капулетти у Шекспира.

— Когда брат Михайла узнал, что первый из них выиграл тяжбу и второму из–за этого грозит полное разорение, бросил

свои дела и приехал к первому. И, взывая к благородству, смог убедить «победителя» отказаться от неправедных претензий. Вот в честь какого замечательного человека тебя нарекли. Носи своё имя с гордостью за наш род. А теперь пойдём к нашей Успенской церкви. Я тебе могилы предков покажу.

Рассматривая надгробия, Мишель думал о том, что не одни камни напоминают о некогда живших людях, но их подвиги и добрые дела остаются в сердцах потомков и ему самому должно вырасти достойным памяти славных прадедов.

В Васильевском было очень интересно и весело, но Мишелю не терпелось поскорее увидеться с отцом и тётушками Лермонтовыми. И вот, наконец, они въезжают в Кропотово главной аллеей серебристых тополей и вязов, по одну сторону которой — старый сад, а по другую — новый. Владения отца намного меньше, чем бабушкины, но деревянный барский особняк похож на тарханский, и Мишель с самого начала чувствует себя здесь как дома.

Отец с радостью обнимает сына. Встретить дорогих гостей вышли симпатичные незамужние тётушки Александра, Наталья, Екатерина и младшая Елена, ровесница покойной матери Мишеля. Их моська Мими поначалу принялась облаивать мальчика, но быстро сменила гнев на милость и позволила себя погладить.

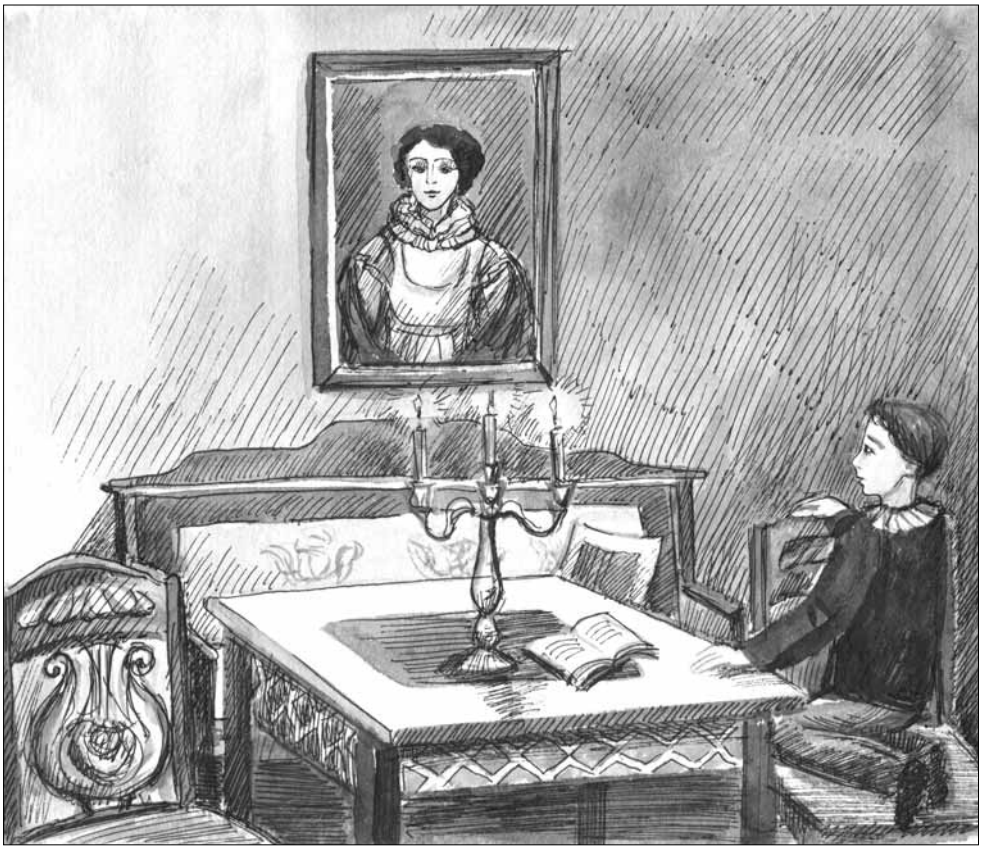
Мишелю приготовлена комната рядом с отцовской. Мальчик велел Андрею разобрать вещи, а сам быстро переоделся и первым вышел в залу. Его внимание тотчас привлёк портрет матери. Её черты были вроде знакомы ему по тарханской копии: миловидное лицо, белое платье с отороченным кружевами высоким воротником, тёмные, аккуратно причёсанные волосы... Но глаза! Большие, прекрасные и необычайно выразительные, они казались будто живыми. В памяти Мишеля с младенчества запечатлелся именно этот неповторимый задумчивый взгляд, именно эта очаровательная полуулыбка, озаряющая лицо матери. Ничего подобного не было на тарханской копии, где Марья Михайловна казалась и спокойнее, и старше. Мальчик стоял, как заворожённый, и не мог наглядеться на родные черты, милей которых для него нет на свете.

— Твоя мать была прекрасна и ликом, и душой, — услышал он голос отца. — Художник сумел передать это.

Сын взволнованно кивнул.

— Я видел много красивых женщин, но никого лучше моей обожаемой жены не встречал, — продолжил Юрий Петрович тихим голосом.

— Папа́, вы говорили, что маменька писала стихи.



— После обеда я покажу тебе её альбом. Её стихи сугубо личные, она не предназначала их для печати, просто изливала душу. А иной раз сочиняла к ним мелодию и пела.

— Обязательно прочту, мне очень интересно. Папа́, а другие портреты? На них наши предки?

— Да.

— Попробую догадаться. Это, должно быть, бабушка Анна Васильна в молодости, — мальчик указал на портрет дамы в бальном платье с неглубоким декольте и пышной юбкой на кринолине: он помнил покойную бабушку, которая приезжала навестить его в Тарханах.

— Верно. Она происходит из славного дворянского рода Рыкачёвых, имеющего литовские корни. Родного дедушку Василия Иваныча я не знал — он умер до моего рождения. Мне моя бабушка Авдотья Васильна рассказывала, что он был драгунским капитаном, потом перешёл на статскую службу и дослужился до коллежского советника. Довелось ему быть воеводой Енисейской провинции и товарищем Сибирского губернатора. А вот брата де-

душки, тайного советника Марка Иваныча Рыкачёва, я знал хорошо. Он умер в год твоего рождения, немного не дотянув до ста лет. Его портрета у нас нет.

— Папа́, а здесь изображён, наверное, мой дедушка Пётр Юрьич? — Мишель указал на портрет представительного мужчины со строгим взглядом, в зелёно–красном мундире с золотой вышивкой на груди и в парике с буклями.

— Нет, это твой прадед. Его звали Юрий Петрович, как меня. Художник изобразил его в мундире пехотного секунд–майора. Он окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Петербурге.

— Разве такой есть?

— Есть, но давно переименован в 1–й Кадетский корпус, где и я учился.

На стене в зале остался неугаданным лишь один портрет красивого благородного мужчины средних лет, в синем гражданском сюртуке с блестящими пуговицами и кружевным жабо на груди, в пышном парике с буклями. Мишеля привлекло доброе выражение его лица.

— Папа́, на портрете слева уже точно мой дедушка Пётр Юрьич? Вы на него похожи.

— Да. Он дослужился в 1–м Фузилёрном артиллерийском полку до чина подпоручика, но потом тяжело заболел и в 22 года вышел в отставку с повышением чина. Батюшка владел селом Измайлово в Костромской губернии и даже был галицким предводителем дворянства. Потом они с матерью продали родовое имение, купили Кропотово и дом в Москве за Никитскими воротами, в коем жили до 1799 года. Я его хорошо помню.

— А от кого пошёл наш род?

— Не знаю наверняка. Наверное, от кого–то из иноземцев, прибывших в Россию из Шотландии на государеву службу. Может быть, родоначальника звали по–русски Юрий или Пётр — у нас в роду эти имена чередовались из поколения в поколение. На английском это Георг или Питер. В Шотландии есть фамилия Лермонт. Её носил знаменитый бард Томас Рифмач, воспетый в кельтских легендах. Кто знает, может быть, он наш далёкий–далёкий предок.

— Тогда нашу фамилию правильно писать через «о», а мы пишем через «а». Но я читал, что в Испании в XVI веке был такой герцог Лерма. Он бежал от преследований мавров в Шотландию. Это, наверное, наш предок.

— Может, и так, сын, но вряд ли. Насколько мне известно, герцог Франсиско Лерма был могущественным временщиком при короле Филиппе III и умер в Испании.

— Но в Шотландию мог бежать другой Лерма — не временщик, а какой–нибудь его благородный потомок.

— Не могу сказать, Мишель. Я знаю только, что основатель нашей ветви рода — Пётр Евтихиевич, или Юрьич, он состоял на военной службе капитаном и умер лет за тридцать до появления на свет моего отца. Тебе он приходится прапрадедом. Наши предки честно служили Отчизне каждый на своём поприще в меру данных Богом сил и талантов и следовали девизу нашего рода, начертанному на гербе.

— «Sors mea Iesus», — задумчиво произнёс Мишель на латыни и тут же перевёл: — «Жребий мой Иисус». Или «Судьба моя Иисус»?

— Да, именно так. Оба перевода верны и близки по смыслу. Я постараюсь при случае узнать дальше нашу родословную у родственников, но скоро не обещаю. А вот в шиповскую церковь можем сегодня же съездить верхом к вечерне, если ты не устал. Дотуда всего четыре версты. Закажем там поминовение всем усопшим предкам. Я тебя к могилам твоих дедушки и бабушки отведу. Кстати в этой церкви два престола — в честь Успения и в честь твоего небесного покровителя Михаила Архангела.

— Папа́, я непременно поеду! — обрадовался Мишель. — Давайте и Агату возьмём, ей будет интересно.

— И я с вами, — входя, поддержала идею Елена Петровна. — Жаль, что Мишель и Агата раньше не приехали. Третьего дня, на Успенье, в Шипове было большое праздничное гулянье и ярмарка. Из Ефремова купцы приезжали.

— Мы в Васильевском на службе отстояли, там тоже Успенье — престольный праздник, — сообщил мальчик тётушке.

— Вот и хорошо, — сказала та. — Пожалуйте в столовую.

После плотного обеда бабушка, гувернёр и бонна пошли вздремнуть, Агата и сёстры Лермонтовы сели за рукоделие, а Мишель, получив от отца заветный альбом в коричневом сафьяновом переплёте с золотым тиснёным орнаментом, устроился на веранде и стал читать.

На плотных, немного пожелтевших листах были не только стихи матери, заложенные отцом, который их часто перечитывал. В альбом писали её друзья, подруги, тётушки Елена и Екатерина, другие родственники, причём не только собственные сочинения на русском и французском языках, но и произведения Жуковского, Державина и неизвестных Мишелю авторов. Сердце мальчика глубоко тронули мысли и стихотворения матери, обращённые к отцу. Их он прочёл сразу по отцовским закладкам.

В записях Марьи Михайловны сочетались наивность и мудрость, нежная беззаветная любовь, страдания разлуки и ревности, мысли о вечном, навеянные прочитанными книгами и её собственными переживаниями. С особым чувством сын перечитывал строки, начертанные рукой матери: *«Ужасна разлука для сердец чувствительных! Она запрещает радоваться и грустить вместе. Когда я весела, ты, может быть, скучаешь. Ты обременён печалью, и я не спешу тебя утешить. Я проливаю слезы, а улыбка блистает на лице твоём! — Нет уже согласия между нами. Marie».* И ниже две строчки по–французски: *«Гармония самая нежная для нашего сердца — это голос того, кого ты любишь».*

Одно лишь смущало Мишеля: почему у матери столько печальных стихов? В душевном смятении он подошёл к отцу и спросил:

— Папа́, меня очень тронули стихи маменьки, но отчего она так часто и горестно писала о разлуках и изменах? Вы ведь всегда говорили, что любили её всем сердцем.

— Это чистая правда, сын, я обожал твою мать, и теперь ещё люблю её, и не изменял ей. Давая тебе альбом, я ждал такого вопроса. Мне иногда приходилось надолго отлучаться из Тархан сюда, в Кропотово. Жена тяжело переносила нашу разлуку. Недобрые люди твердили ей небылицы о моих изменах.

— Почему же вы не убеждали маменьку в обратном?

— Я горячо разубеждал её, утешал, но ей продолжали говорить обо мне гнусности. Некоторое время жила в доме одна дальняя родственница, преследовавшая меня своим кокетством, а жена плакала и мучилась ревностью. Неприятная мне особа была якобы её компаньонкой во время моих отъездов, но стоило твоей матери серьёзно заболеть, эту даму как ветром сдуло. И ещё жену огорчали мои отношения с тёщей, твоей бабушкой, — голос отца слегка задрожал. — Она меня отчего–то невзлюбила, хотя я был готов любить её как мать обожаемой мною женщины.

— И потому мы не можем жить все вместе?

— Да. Мне очень тяжела разлука с тобой, мой милый, но моё скромное состояние не позволило бы вылечить тебя и нанять хороших учителей. И тебе лучше жить пока у бабушки, она много делает для твоего блага.

— Папа́, я тоже сильно скучаю в разлуке с вами. Мне так понятны строки маменьки в альбоме. Теперь я буду жить в Москве, приезжайте ко мне чаще.

— Непременно стану навещать тебя. Так часто, как только смогу. А сейчас давай готовиться к верховой прогулке. Прокатим-

ся по деревне и съездим в Шипово. Пойду распоряжусь подобрать для тебя и Агаты смирных кобыл.

Через полчаса лошади и наездники были готовы. Сначала для пробы проехались по парку, потом не спеша по отцовской деревеньке. Мужики и бабы кланяются барину непринуждённо, видно, искренне уважают его. От внимательного взгляда Мишеля не укрылось, что здесь нет зажиточных тарханов, но крестьяне живут немного лучше, чем у бабушки, — ровнее, и скота у них, пожалуй, больше.

По берегу Любашевки, журчащей в живописной лощине, всадники поехали рысцой. Елена и Агата ускакали вперёд, потом воротились к Мишелю и Юрию Петровичу и дальше поехали вместе. Кузина оказалась ловкой всадницей, она грациозно и уверенно держалась в седле, и ею нельзя было не любоваться. Любовь к ней, таившаяся в сердце мальчика, вспыхнула с новой силой. На обратном пути из Шипова он не сводил глаз с очаровательной девушки.

Впечатления первого дня в Кропотове оказались очень яркими. Прекрасные глаза матери и её трогательные стихи, строгий взгляд прадеда и доброе лицо деда на портретах, мягкий проникновенный голос отца, воображаемый облик испанского герцога Лермы, живое выразительное лицо Агаты, её пленительный профиль в шляпке наездницы, изящная фигурка на лоне кропотовских пейзажей — всё это манило воображение, мысли и чувства мальчика и долго не давало безмятежно уснуть.

Кропотовская любовь

В Кропотове Агате скучновато: все барышни остались в Васильевском, а тётушки Лермонтовы намного старше её и заняты будничными хлопотами по хозяйству. Пожалуй, только с Еленой ей интересно, но и у той свои заботы.

Елизавета Алексеевна, доктор Леви и дядька Андрей отлучились в Васильевское, Юрий Петрович уехал на целый день в Ефремов по неотложным делам. Жан Капе, заметно постаревший и ссутулившийся, устроился в саду читать французскую книгу, Христина Осиповна дремала в плетёном кресле на веранде, укрывшись клетчатым пледом.

Заметив, что Агата заскучала, Мишель позвал её пройтись берегом Любашевки. Его невинная мечта побыть с нею наедине сбылась. Они шли по тропинке, вьющейся среди прибрежной муравы и душистого клевера. В лощине мерно журчала речка, изредка доносилось мычание коров, блеяние овец и коз, пасущихся в лугах. На золотых нивах в разгаре жатва. Среди перелесков видны сёла и деревеньки Ренёвка, Лукьяновка, Елизаветовка и в отдалении Журавлёвка.

— Как здесь хорошо, Мишель! — сказала Агата, собирая полевые цветы. — Теперь я вижу, что ты очень похоже набросал эти виды в альбоме.

— Здесь исконно русские сельские пейзажи, — отозвался мальчик, срывая для девушки ромашки. — Наверное, именно такие воспел Пушкин. Вот послушай, я прочту наизусть:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Когда мальчик декламировал, его глаза блестели, и лицо, преображённое вдохновением, показалось Агате прекрасным.

— Чудесные стихи! Откуда они? — спросила она.

— Начало второй главы романа «Евгений Онегин». Она ещё прошлой осенью напечатана. Разве ты не знаешь?

— Нет, я читала только первую главу. Ой, как интересно! Ты мне дашь? — девушка неосознанно бросила на Мишеля кокетливый взгляд.

— Конечно. Мне эту книжку Марья Акимовна подарила. Пушкин пишет о жизни Онегина в деревне и его дружбе с юным соседом Владимиром Ленским. Тётенька говорила, что эпиграф наш поэт взял из «Сатир» Горация. «O rus!» значит «О деревня!», а «О Русь!» — обращение к родной земле. Я тоже нахожу в деревне гораздо больше исконно русского, нежели в городе.

— Какой же ты умница, Мишель! Память у тебя превосходная, — похвалила его Агата, нюхая букетик полевых цветов и снова невольно флиртуя. — Иные юноши воображают из себя, а слова умного от них не дождёшься. Прочти мне ещё что–нибудь из «Евгения Онегина».

Отрок смущённо молчал. Он всё сильнее и сильнее увлекался девушкой, её естественное кокетство и смутило, и раззадорило его. Он вдруг чисто по–ребячески пустился бежать по полю, крикнув кузине:

— Прочту в саду! Догоняй!

Агата побежала за ним, но длинное платье путалось в густой траве и мешало ей настичь кузена. Мальчик плюхнулся на скамейку под старой раскидистой яблоней. Девушка подоспела и села рядом с ним. Не дожидаясь повторной просьбы, Мишель начал декламировать:

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Ещё любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки

Души не изменили в нём,
Согретой девственным огнём.

— Боже мой, как прелестно! Обожаю стихи о любви, — мечтательно сказала Агата. — Это про Онегина?

— Нет, про Ленского. Он влюблён в милую соседку, в подругу детства Ольгу, — ответил Мишель и, вдруг осмелившись, признался: — И я тебя так люблю.

Агата потупила взор и не нашлась сразу, что ответить. Её влекло к Мишелю, хотя она понимала, что он совсем мальчик и не кузен ей вовсе, а двоюродный племянник. Она ещё в июне замечала его увлечение собой, но не придавала особого значения. Как многие молоденькие девушки, Агата несколько раз влюблялась, но скоро разочаровывалась. Собственно, это была не любовь, а только ожидание её, мечта о ней, смятение чувств.

Не дождавшись ответа, Мишель смущённо спросил:

— А ты… ты любишь меня?

— Люблю, как тебя не любить, — наконец вымолвила Агата, задумчиво теребя бисерный шнурок на запястье.

Девушка не захотела огорчить его, да и сказала чистую правду: она действительно любила Мишеля, но больше по–сестрински — как младшего кузена. Его признание разбередило ей душу, всколыхнуло дремавшие мечты и надежды.

— Правда? — обрадованно переспросил он.

— Да. Только пусть это будет нашей тайной. Договорились?

— Хорошо, — охотно согласился воодушевлённый мальчик.

Ловко поймав упавшее с ветки душистое краснобокое яблоко, он протянул его кузине:

— Вроде спелое и не червивое.

— Мерси, дома помою и съём.

— Тяв–тяв–тяв! — послышался звонкий лай моськи. Собачка резво подбежала, подпрыгнула и выбила яблоко из рук девушки.

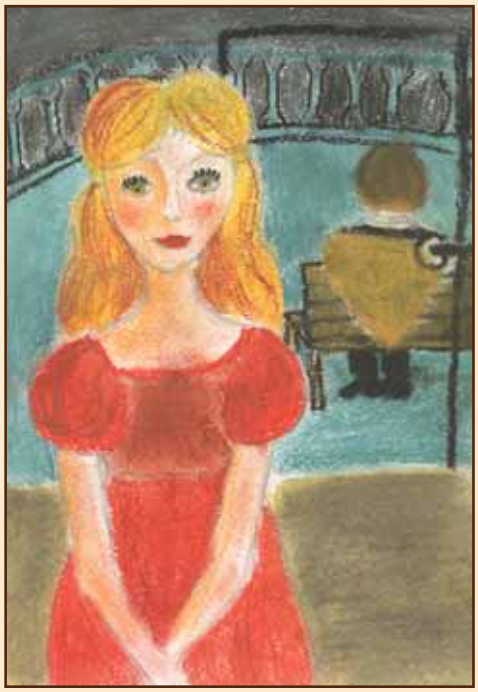
— Мими, шалунья, ты любишь фрукты? — удивлённо воскликнула Агата.

Ответом было аппетитное чавканье.

— Пусть ест, я тебе другое достану, лучшее, — Мишель, встав на скамейку, наклонил ветку пониже, сорвал и подал кузине самое крупное и румяное яблоко.

— Вот вы где — в саду! А мы тут вас обыскались, — Наталья Петровна поспешила к ним, услышав лай моськи. — Елизавета Алексевна вернулись из Васильевского и переживают. Надо было сказаться. А то ужин готов, а вас всё нет и нет.

Сиделёва Валерия. 14 лет
Агата Столыпина — вторая любовь Лермонтова



Мартынова Полина. 12 лет. Кропотовская любовь

Мартынова Полина. 12 лет. Первый поцелуй в саду

Хузина Алина. 14 лет. Мишель на верховой прогулке

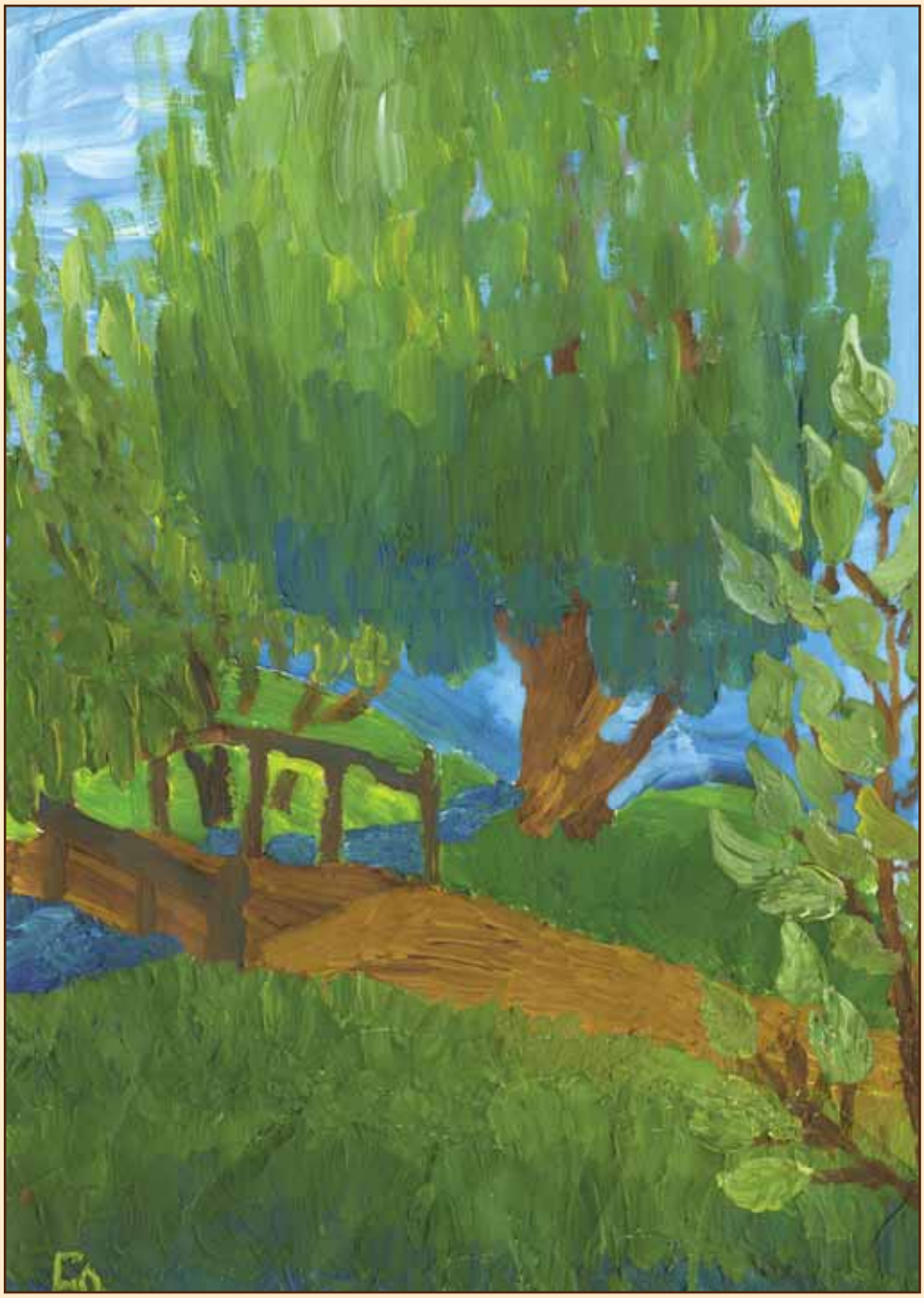
Хузина Алина. 14 лет. Яблочко для Агаты

Ирхина Влада. 15 лет. Барский дом в Тарханах

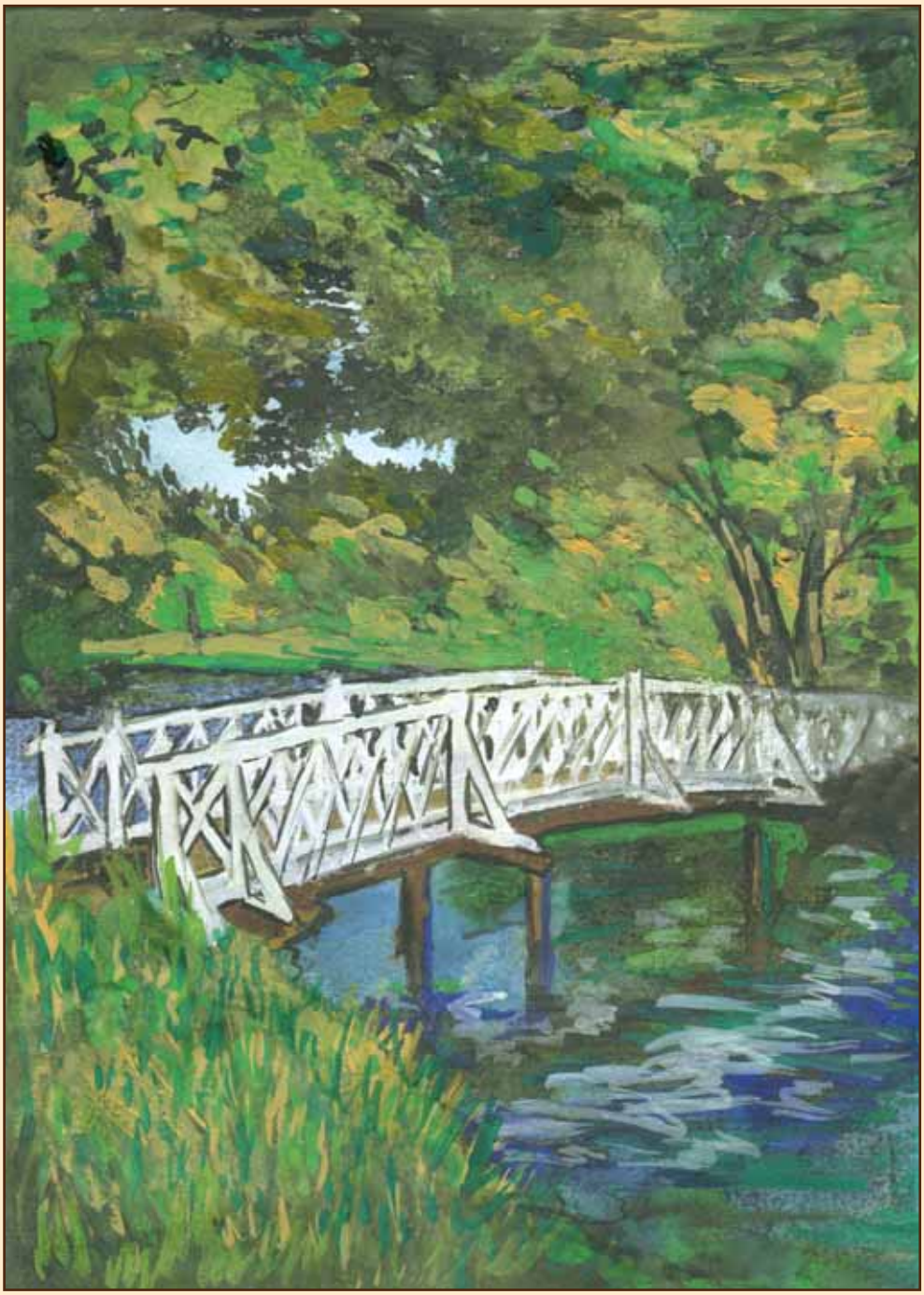
Ирхина Влада. 15 лет. Летний вечер в Тарханах

Ирхина Влада. 15 лет
Мишель с Аркашей Столыпиным в Середникове

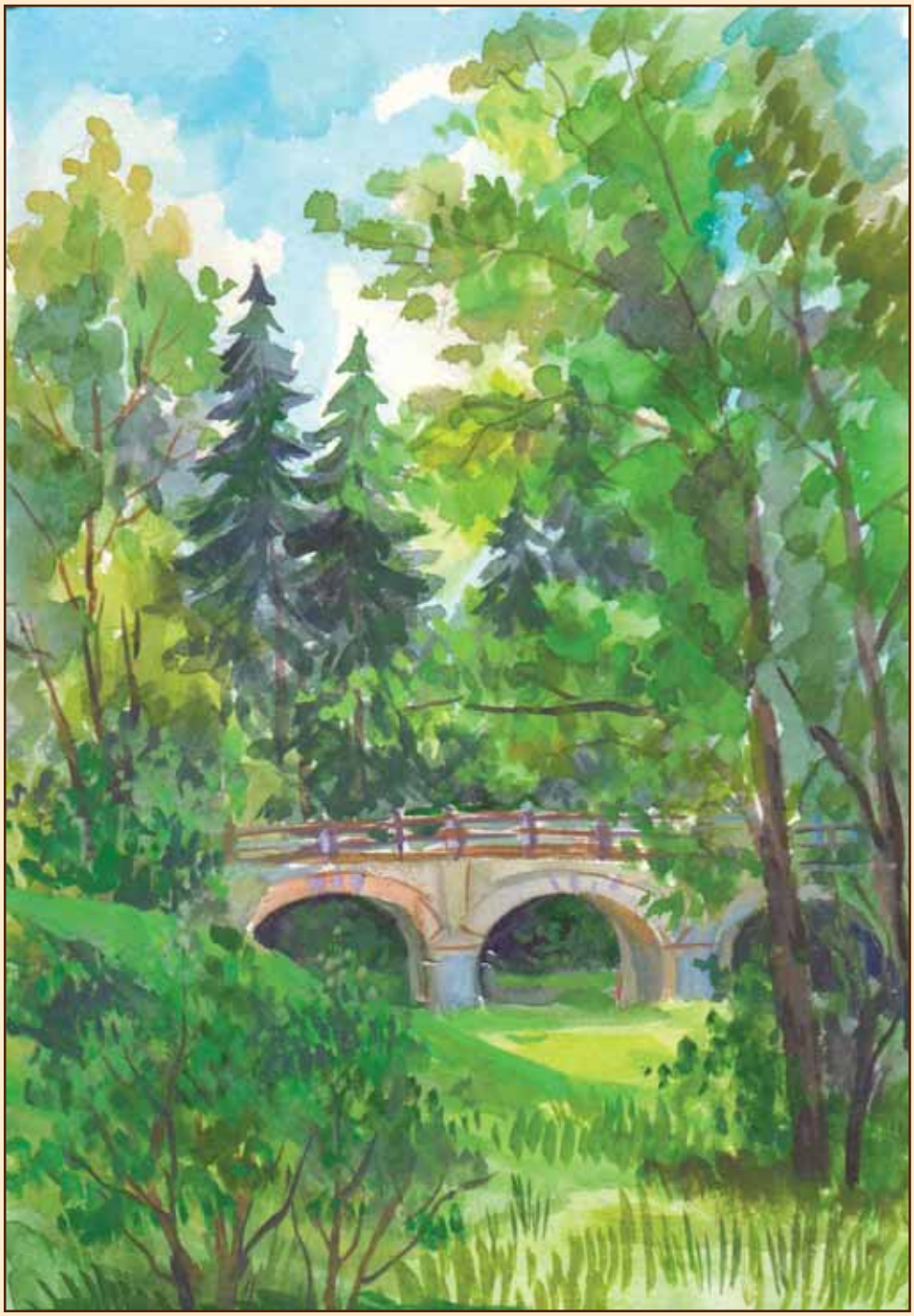
Юксина Мария. 13 лет. Стихи о любви



Глухова Юлия. 15 лет
Тарханский пейзаж с мостиком через Марарайку



Сиделёва Валерия. 14 лет
Мостик на Большом пруду в тарханском парке



Антонова Анна. 15 лет. Чёртов мост в Середникове

— Простите, тётушка, мы далеко не отлучались, — извинился Мишель, слезая со скамьи, — у Любашевки прогулялись и по саду.

— Ну, слава Богу, нашлись. Идём скорей в столовую.

После ужина Мишель взял книжку 2–й главы «Евгения Онегина», вышел на веранду, уселся на плетёную скамейку и, залюбовавшись августовским закатом, не стал перечитывать стихи, которые и так давно знал наизусть. Сгустились сумерки, сделалось свежо и прохладно, но мальчик не замечал этого. Двери в залу были приоткрыты, и он с наслаждением слушал, как Агата упоённо играла на клавикордах знакомую пьесу Бетховена «К Элизе». Лирические созвучия то задумчиво растекались в воздухе, то нежно звенели, то мощно лились волнующими аккордами.

Погрузившись в мечтания, Мишель забыл обо всём на свете, кроме своей любви. Когда девушка кончила играть, родные дружно похвалили её и разбрелись по комнатам. Агата вышла на веранду и присела на скамейку рядом с мальчиком. Над деревьями вставала оранжево–жёлтая луна. Звонко свиристели цикады.

— Чудный вечер, не правда ли, Мишель? — спросила она.

Мальчик кивнул, глаза его блестели в лунном свете. Он вздохнул и прочёл слегка дрожащим от волнения голосом стихи из романа Пушкина:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных.

— Это про Ленского, — пояснил он. — Вот, возьми книжку.

— Мерси боку. Нынче же начну читать.

— Тебе непременно понравится.

— Боже мой, да ты продрог, — заметила Агата, набрасывая ему на плечи свою ажурную шерстяную шаль.

Мишель невольно прижался к ней, она обняла его и погладила по голове. Для очарованного мальчика время будто остановилось.

— Доброй ночи, — пожелала ему девушка.

— Доброй ночи, — тихо отозвался он, коснувшись губами её бархатной щеки.

Агата порывисто поднялась, поцеловала его в лоб и, взяв книжку, пошла в свою комнату. Её тёплая, тонко пахнущая французскими духами шаль осталась на плечах у Мишеля. Его чувства трудно выражались словами. Это и восторг, и упоение, и нежное волнение юной любви. Он ещё с четверть часа просидел на скамейке, желая продлить очарование, потом, наконец, встал, бережно снял шаль и зашёл в залу, плотно закрыв дверь веранды на вставленный в замок ключ. Навстречу ему спешила бабушка с тёплой курточкой в руках:

— Ты, Мишенька, не замёрз ли? Надень–ка курточку.

— Нет, не замёрз. Тут кузина оставила шаль.

— Ничего, завтра отдадим. Ложись–ка спать. Утро вечера мудренее, — зевая, ответила бабушка, перекрестила и поцеловала внука.

Мишель послушно лёг в кровать, но до утра так и не уснул. Не спала и Агата, увлечённо читая при свечах вторую главу «Евгения Онегина». Иногда она отвлекалась, вспоминая пережитое за день, и думала: «Полюбит ли меня кто–нибудь так нежно и чисто, как милый наивный кузен? Свет, говорят, жесток и развратен». И ей так хотелось верить, что она скоро обретёт настоящую любовь и будет счастлива.

В Москве Мишель погрузился в учёбу, в мир новых творческих увлечений и насыщенную жизнь Первопрестольной. Горячая страсть его понемногу улеглась, но её огонёк горел в его сердце целых три года. Синий бисерный шнурок Агаты он продолжал хранить у себя.

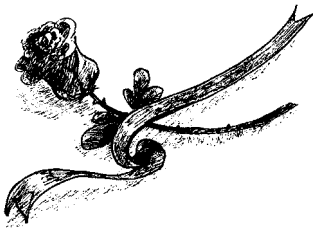
Девушка, закружившись в московском свете в череде новых знакомств, балов, театральных постановок и домашних вечеров, встречалась с Мишелем в кругу родных, всегда была с ним очень мила, но постепенно отдалялась от него. Мальчик с огорчением узнавал от кузин о её увлечениях молодыми людьми, может быть, и не очень серьёзных.

В конце 1829 года Агата вновь приехала из Симбирска в Москву и, встретившись с подросшим Мишелем, порой кокетничала с ним, будоража прежние чувства. Под их впечатлением юный Лермонтов написал стихотворение «К гению», а в 1830 году нарисовал портрет девушки на листе с посвящением к своей драме «Люди и страсти»:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;
Назло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в предмете:
Всю душу посвятить тебе
И больше никому на свете!..

Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти — он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнёшь об нём.

Судьба улыбнулась Агате только в середине 1830–х годов. Она вышла замуж за отставного штаб–ротмистра Петра Дмитриевича Дохтурова, сына прославленного генерала, героя Бородина, но овдовела, к несчастью, уже в 1843 году. Агафья Александровна лет на тридцать пережила супруга. Единственного сына Дмитрия она воспитала достойным человеком и гражданином. Отличившись в Кавказской и Русско–турецкой войнах, он дослужился до звания генерала от кавалерии и был известен не только храбростью, хладнокровием в боях и воинским мастерством, но и истинно русской щедростью и добротой души. Своё весьма значительное состояние Дмитрий Петрович Дохтуров, порой пренебрегая собственными насущными потребностями, потратил на хорошие книги и на пожертвования нуждающимся, многим помог преодолеть трудности, получить образование и выйти в люди.



Московские занятия

Путь из Кропотова в Москву недалёк. Скоро бабушка с Мишелем, Агатой, учителями, доктором и слугами приехала в Первопрестольную. Мальчик прильнул к окошку кареты. Как похорошел город за восемь лет! В 1819 году рядом с новыми особняками ещё попадались заросшие руины и пепелища — следы пожара 1812 года. Теперь же всё отстроенное, новое, яркое. Посадки зеленеют рядом с уцелевшими старыми деревьями, тронутыми первой желтизной. Помолодела древняя столица. По улицам снуёт народ, едут экипажи и обозы возвращающихся в город дворян и купцов. Любопытные детские личики видны в окошке то одной, то другой кареты.

Остановились на Сретенке в доме дяди Елизаветы Алексеевны, кирасирского подполковника в отставке Петра Афанасьевича Мещеринова и его супруги Елизаветы Петровны. Оба они — добрые, душевные и хлебосольные люди. В их уютной квартире собрана большая библиотека, стены украшает замечательная коллекция картин. Сами хозяева получили очень хорошее образование и троих своих сыновей стремятся образовать как нельзя лучше. Афося, Володя и Петя учатся в Благородном пансионе и ещё берут дополнительные уроки у лучших педагогов. Мишель быстро подружился с умными эрудированными мальчиками.

У Мещериновых тесновато, а хозяйка подходящего дома, который присмотрела по просьбе бабушки Елизавета Петровна, оказалась в отъезде до конца августа. Елизавета Алексеевна приняла решение погостить в Середниково у Екатерины Аркадьевны Столыпиной и заодно оставить у неё Агату до начала балов. Гувернёра и бонну с собой не взяли, потому что уезжали всего на несколько дней. Доктор Ансельм Леви в Середниково тоже не поехал. Он отправился в Петербург, откуда собирался отбыть за границу и прожить там остаток дней. Елизавета Алексеевна, Мишель и домочадцы с ним тепло простились и выехали за город.

К середниковской усадьбе ведёт широкая тенистая аллея. Белый двухэтажный каменный дом увенчан бельведером с флюгером на высоком шпиле. С каждой стороны по два флигеля немного меньших размеров, но тоже двухэтажных и увенчанных бельведерами. С главным домом флигели соединяет полукруглая колоннада. За воротами — красивый круглый газон, обрамлённый постриженными под линейку кустами, с пышно цветущей клумбой посередине, к которой с четырёх сторон ведут ровные дорожки.

— Какой красивый дворец! — восхищается Мишель, глядя из окошка кареты, направляющейся мимо флигелей вдоль колоннады к парадному входу.

— Брат при жизни мне писал, что никто из августейшей фамилии здесь не бывал, поэтому не дворец, — говорит бабушка. — А дом великолепный!

— Жаль, что не дворец, — отзывается мальчик, спрыгивая с подножки кареты.

Хозяева встречают их в просторном инкрустированном деревом вестибюле, с большим зеркалом над камином и высоким, изысканно расписанным потолком. Мишелю радостно увидеть и тётушку, и её подросших детей. Полину старшие всё ещё называют Пашенькой, она стала застенчивой стройной барышней, любительницей стихов и музыки. Агата быстро с нею подружилась. Осенью девушкам предстоит вместе выезжать в свет. Кузина Маша, которая восемь лет назад была совсем крошкой, теперь серьёзная девочка с симпатичным умненьким личиком. Она занимается с гувернантками и учится играть на фортепиано, но таланта матери к музыке не унаследовала. Трёхлетнюю неуклюжую толстушку Лизоньку мальчик увидел впервые. А с Аркашей, резвым любознательным мальчуганом, которому шёл шестой год, Мишель уже с первого дня устраивает во дворе забавные потасовки. Его умиляет, что кузен отличается искренней щедростью и готовностью поделиться со всеми гостинцами и игрушками.

Мальчикам весело носиться по колоннаде с Машей и русским спаниелем Трезоркой, петляя между колоннами и играя в догонялки. Девочка открыла дверь и первой выбежала в сад. Аркаша с Мишелем и задорно лающей собакой припустились за ней. «Догоняйте!» — кричит Маша, сбегая вниз по длинной лестнице к Барскому пруду.

— Поглядишь, как детки резвятся, и на душе легче становится, — сказала нежным тоном хозяйка усадьбы, сидевшая за столиком на полукруглом балконе с грызущей сушку Лизой на коленях.

— В них всё наше утешение, — согласилась Елизавета Алексеевна, блаженно покачиваясь в плётеном кресле. — А не натворят ли там чего без бонны, не заблудятся ли? — вдруг заволновалась она.

— Что вы, Елизавета Алексевна, мои дети в парке каждую кочку знают, ничего плохого не случится. И мужнин спаниель с ними. Теперь пёсик повеселел. А ведь долго грустил по хозяину. Некому с Трезоркой на уток охотиться, — вздохнула Екатерина Аркадьевна, — и в бильярд здесь играть тоже некому.

— А у вас ещё кошечка такая красивая есть, — тактично перевела разговор на другую тему Агата. — Я её в гостиной видела. Белая, пушистая. Один глазик у неё жёлтый, другой голубой. Прелесть!

— Люсьенка у нас ангорская. Её прапрабабушку из Турции привезли, — похвалилась Полина «знатностью» своей любимицы.

— Пойдите её причешите, — улыбнулась Екатерина Аркадьевна.

«Делать барышням нечего, только с кошками тешиться, — поворчала про себя Елизавета Алексеевна, — как замуж выйдут, не до того будет». Она хоть и отличала среди тарханских кошек Мурку, но больше за ловкость и умение ловить крыс, чем за ласковый нрав и грацию.

Девушки вошли в гостиную. Там на голубом диване царственно возлежала белым облачком Люсьенка, жмурясь от лучей, льющихся из окна.

— Какая она у тебя неженка! Должно быть, до мышек ей и дела нет, — сказала Агата, поглаживая красавицу кошку.

— Почему же нет? — немного обиделась Полина, вычёсывая мягкую белоснежную шёрстку. — Люсьенка даже крыс ловит, только не ест. А вот рыбёшку иногда поймает утром в ручье и скушает.

— Неужели воды не боится? — удивилась Агата.

— Ничуть. Она в жару даже в пруду иногда плавает, но теперь уж холодно.

— Здорово! А у неё котятки были?

— Да, белые и рыжие. Пять очаровательных пушистиков! Их недели две как соседи охотно разобрали, ещё не всем досталось. А папаша у них — Машкин питомец Тигрик. Ну ладно, я Люсьенку уже вычесала, пусть спит. Горничная сама шерсть выбросит, а мы можем идти.

Вдруг кошка насторожилась, поводила ушками, принюхалась и быстро юркнула под диван. Послышался писк. Она вылезла с пойманной мышью, положила добычу к ногам хозяйки, как ни в чём не бывало запрыгнула на диван и принялась умываться.

— Фу, гадость! — испугано отпрянула Агата.

— Не бойся, я прикажу убрать, — успокоила её Полина, привычная к таким «подвигам» любимицы. — Люсьеночка, хорошая кошечка, молодец, — похвалила она любимицу и почесала под горлышком.

Девушки вернулись на балкон. Тем временем Мишель с Аркашей, Машей и Трезоркой обежали чуть ли весь середниковский

парк и остановились на Чёртовом мосту передохнуть. Мишель залюбовался чудными видами прудов. Его отвлёк Трезорка, на кого–то заворчавший. По мосту, подняв хвост трубой, по–хозяйски шествовал полосатый рыжий кот внушительных размеров с густой короткой шерстью, поблёскивающей на солнышке. Увидев собаку, он выгнул спину для порядка. Мишель предусмотрительно взял спаниеля за ошейник.

— Тигрик! — обрадовалась Маша. — Иди к нам.

— Кис–кис–кис! — позвал Аркаша.

Кот послушался, степенно подошёл и стал ласкаться к своей юной хозяйке.

— Мишель, да отпусти ты Трезора, — сказала Маша. — Они с Тигриком дружат.

— Даже спят вместе, — подтвердил Аркаша.

И в самом деле, собака подошла к коту, виляя хвостом, и лизнула ему бок. Тот принял знак внимания как должное.

— Машка, а покажи Мишелю, что Тигрик умеет! — предложил сестре Аркаша и пояснил кузену: — Кот у нас дрессило.. длессиро... дрес–сиро–ванный, — с трудом выговорил он длинное слово.

— Кис–кис–кис! — позвала девочка и стала медленно делать широкие шаги.

Кот начал тереться лобастой головой то об одну её ногу, то о другую, поочерёдно пролезая между ними.

— Здорово! — воскликнул Мишель. — Как собаки делают «змейку», я много раз видел, но чтоб кошки — ни разу. Молодчина! Как же ты этого добилась?

— А очень просто! — гордо ответила девочка, гладя замурлыкавшего кота. — Папа́ в позапрошлом году Трезорку дрессировали, а я с котиком играла. Тигрик сам принялся тереться мне о ноги, вот я и придумала шагать, как папа́. Так у моего кота «змейка» вышла. Он любит её делать.

— Всё равно здорово!

— Ой, мальчики, нам пора! Должно быть, стол уже накрыли к обеду, — вдруг строго сказала Маша, подражая тону матери, и задорно добавила: — Бежим!

Вся ватага с котом и спаниелем припустилась в горку к дому, шумно ворвалась в овальную столовую на первом этаже. Однако стол там только начали готовить, дети снова выскочили наружу и до обеда играли в колоннаде.

Мишелю полюбился середниковский парк, его тенистые дорожки, большой чистый пруд с двумя островками, арочными

мостами через ручей и студёным родником в тени деревьев. Ему очень понравилось кататься с кузинами на лодках и особенно на лошадях в крытом круглом манеже во время дождя. Он с нежностью поглядывал на скачущую перед ним Агату, но старался делать это украдкой, незаметно для стороннего глаза, чтобы никто не догадался о его чувстве к ней. Отрок был бы счастлив погулять в парке наедине с девушкой, но такого случая не представилось.

По вечерам Екатерина Аркадьевна, как и раньше, садилась за фортепиано. Мишель с нетерпением ждал, когда она начнёт играть. Тётушка виртуозно исполняла наизусть концерты и сонаты, а иногда с чувством импровизировала. Она второй год вдовела и выбирала грустные лирические мелодии. Юный Лермонтов наслаждался ими, едва сдерживая слёзы.

Одна импровизация отдалённо напомнила ему песню матери и разбередила душу. Когда все ушли на вечерний чай, мальчик остался один в гостиной, сел за рояль и непроизвольно начал подбирать мелодию. В его воображении возник неземной образ матери с живыми прекрасными глазами, как на кропотовском портрете. Их взгляд, исполненный любви и нежности, озарял душу. «Маменька, голубушка, спой…» — мысленно просил Мишель, пытаясь воспроизвести дорогие сердцу созвучия, но видение было безмолвным, а пальцы не слушались. «Не то, совсем не то», — разочарованно вздохнул отрок. Он ещё немного посидел у рояля, отходя от своих мечтаний, бережно закрыл крышку инструмента и отправился в столовую.

На другой день, получив из Москвы известие от Мещериновой, что домовладелица Екатерина Яковлевна Костомарова наконец приехала, бабушка с внуком и слугами вернулись из Середникова в Первопрестольную. 29 августа был снят небольшой деревянный флигель на Поварской улице, что в приходе церкви Ржевской Богоматери. Здесь Елизавета Алексеевна зажила такой же гостеприимной хозяйкой, как в Тарханах, принимая по вечерам многочисленных родственников и знакомых, с которыми ужинала и играла в модный преферанс. Никто крупно не проигрывался, но Мишель однажды рассмешил бабушкиных гостей анекдотом: «Раз нет худа без добра, то и карточная игра будет полезна?» — спросил я бригадира Беднякова. — «О! Очень полезна, она многих избавляет от труда делать завещания и платить пошлины», — отвечал мне Бедняков».

Мальчика гораздо больше увлекали игра в шахматы и умные беседы со Святославом Раевским, который недавно окончил нравственно–политическое отделение Московского университе-

та и теперь слушал лекции на словесном и физико–математическом отделениях. С приездом в Первопрестольную Елизаветы Алексеевны Святослав стал часто бывать в её доме.

После занятий к Мишелю иногда заходили новые друзья — братья Мещериновы. Он посвящал их в планы своих затей, в которых они с удовольствием принимали участие. Их мать Елизавета Петровна рекомендовала бабушке хороших учителей для внука. В середине сентября вместе с ним вновь начал учиться Коля Давыдов. Его привёз дядюшка Павел Петрович Шан–Гирей. Особенно мальчики полюбили уроки Алексея Зиновьевича Зиновьева, молодого прогрессивного педагога Благородного пансиона. Он преподаёт ученикам русский и латинский языки, литературу и историю, задаёт им писать сочинения, обсуждает с ними книжные новинки.

Рисование Мишелю преподаёт Александр Степанович Солоницкий. Видя незаурядные способности юного ученика, художник занимается с ним очень серьёзно. Интересными и разнообразными стали уроки музыки: кроме фортепиано мальчик теперь с увлечением начал учиться игре на скрипке и флейте. Мишель с огромным удовольствием бывает с бабушкой, Мещериновыми, кузинами Агатой и Пашенькой, которых начали вывозить в свет, на московских благотворительных концертах. Его душу пленяет голос юной Полины Бартеневой — сильный, красивый, серебристый, трепетный. Ещё ему очень нравится игра на гитаре Михаила Высоцкого, виртуозно и проникновенно исполняющего сочинения Гайдна, Баха, Бетховена и Моцарта. На уроках танцев у знаменитого танцмейстера Иогеля мальчика ставят в пару с девочками помладше: он ниже ростом своих ровесниц.

Французский язык Мишелю по–прежнему преподаёт старик Капе. По его заданию ученик старательно переписывает из тетради гувернёра в бархатный голубой альбом романс Лагарпа «Геро и Леандр» и французские переводы Сент–Анжа из «Метаморфоз» Овидия: «Гибель Геракла», «Борей и Орифия», «Эхо и Нарцисс», «Орфей и Эвридика». Капе находит такое занятие очень полезным: оно позволяет вместе с совершенствованием французского языка укреплять знание античной мифологии и французской литературы.

Не забросил Мишель и лепку. Вспомнив осеннюю охоту в Тарханах, он лепил охотника с собакой, когда в гости зашёл дальний родственник — седой генерал–майор Павел Моисеевич Меликов, герой Отечественной войны 1812 года, потерявший в Бородинском сражении правую руку. Ребята любили его военные рассказы

в просторной квартире на Мясницкой, стены которой помимо картин украшала коллекция оружия с золотой наградной шпагой хозяина. Происходил он из княжеского армянского рода, и тёмно–карие глаза в сочетании с седыми волосами придавали его внешности особый колорит. Взяв в левую руку какую–нибудь из своих многочисленных наград, Меликов начинал интересное повествование о боях, за которые её получил. По орденам Павла Моисеевича можно было изучать историю походов и сражений русской армии против французов с 1807 по 1814 год.

С молодых лет служа отчизне, Меликов так и не женился и с удовольствием занимался образованием своих юных родственников, попечительствовал Лазаревскому институту, неподалёку от которого жил. На сей раз генерал привёл на Поварскую своего девятилетнего племянника Моню — живого армянского мальчика, названного в честь деда. Лермонтов несколько дней назад познакомился с Монечкой у Мещериновых. Павел Моисеевич подарил Мишелю, у которого недавно был день рождения, коробку итальянских карандашей и пошёл пить чай с Елизаветой Алексеевной, оставив мальчиков наедине.

Моня сразу заинтересовался лепкой:

— Как у тебя собака хорошо получилась! Это какая порода? Гончая?

— Нет, легавая.

— А теперь что за человека ты лепишь?

— Не догадываешься? — спросил Мишель, укрепляя на руке фигурки ружье из фольги.

— А–а–а, это охотник.

— Смотри, сейчас прилеплю их к подставке, и получится сценка охоты.

— Здорово! Мне тоже хочется лепить.

— Вот и хорошо. Я задумал сделать марионеток и головы им обязательно вылепить из воска. Володя, Афося и Петя мне взялись помогать. Давай и ты с нами. Договорились?

— Ладно. А когда начнём?

— Погоди, мне ещё надо текст дописать и прежде набросать кукол на бумаге. Ты ведь тоже учишься рисовать, будешь мне помогать.

— Непременно буду. А покажи свои рисунки.

— Вот, смотри в альбоме. Я пока только контуры рисую, так учитель велит.

— И я тоже, — ответил Моня, с интересом разглядывая альбом.

— Александр Степаныч пока не разрешает мне рисовать своё, но ради театра я запрет ненадолго нарушу.

— Что ты мне поручишь лепить?

— Овечек. На днях объясню, каких именно.

— Здорово! — обрадовался мальчик.

Идея устроить к Рождеству домашний театр марионеток пришла Мишелю в голову после того, как он снова слушал оперу Кавоса «Князь–невидимка» в открытом два года назад Большом Петровском театре. Грандиозный спектакль на новой просторной сцене понравился мальчику не меньше, чем восемь лет назад, а Моня и кузины пришли от оперы в восторг.

Мишель сочинил несколько пьесок по мотивам поучительных рассказов французского детского писателя Арно Беркена, которые читал под руководством Капе ещё в Тарханах. Сначала он сам сделал главную куклу и сшил для неё наряды. Этот смешной старичок в старомодном камзоле и парике с косой из пакли получил имя Беркен и стал непременным действующим лицом всех сценок, в которых скучноватые поучительные истории французского писателя мальчик представил в забавном пародийном виде.

Накануне своих именин, 6 ноября 1827 года, Мишель написал письмо тётеньке Марье Акимовне в Апалиху, вырвав лист с золотым

обрезом из голубого бархатного альбома:

«Милая Тётенька,

Наконец настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я к вам мало напишу, то это будет не от моей лености, но от того, что у меня не будет время. Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно; в географии я учу математическую; по небесному глобусу градусы планеты, ход их и пр.; прежнее учение истории мне очень помогло.

Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры, мой учитель говорит, что я ещё буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне запрещено рисовать своё. Катюше в знак благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящик моей работы. Я ещё ни в каких садах не был, но я был в театре, где я видел оперу «Невидимку», ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад; мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть (сделайте милость, пришлите мои воски). Я нарочно замечаю, чтобы Вы в хлопотах не были, я думаю, что эта пунктуальность не мешает; я бы приписал к братцам здесь, но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тётенька, целую ваши ручки и остаюсь ваш покорный племянник

М. Лермантов».

Письмо и приготовленные Мишелем подарки для Марьи Акимовны, троюродных братцев и сестриц, кормилицы и крестников на другой день после его именин увёз дядя Павел Петрович Шан–Гирей.

Зима в Первопрестольной

В конце ноября из Тархан прибыл обоз с провизией. Мальчики лепили во дворе фигуры из свежего снега. Начало смеркаться, но они хотели непременно закончить и не уходили. Услышав звон колокольчиков, Мишель отряхнулся и сказал:

— Коля, это к нам. Завтра долепим.

Подбежав к воротам, он с радостью заметил на одной из повозок знакомую шаль с белой каймой и бросился к кормилице:

— Здравствуй, мамушка!

— Мишенька, радость моя! — Лукерья Алексеевна обняла воспитанника. — Благодарствую за отрезы. Павел Петрович мне передал. К весне сарафаны сошью себе и невестке Марфуше. Я ведь сынка Стёпу нынче осенью женила.

— Поздравляю, мамушка. А что Вася?

— Слава Богу! Все книжки, что вы задавали, перечитал. Вот махоточку с мёдом от нас примите. Нынче у нас гречишный медок особливо хорош. Все нахваливают.

— Спасибо! Я для Васи ещё книг приготовил к Рождеству.

— Благодарствуем. Ох, совсем запамятовала. Тут барыня Марья Акимовна вам письма передала и большой ящик цветных восков. Письма–то у писаря Степана, а воски тут, на санях.

— Как здорово! Будем кукол для нашего театра лепить, — Мишель подхватил ящик и сам внёс в дом.

Через несколько дней обоз тронулся в обратный путь. Прощаясь с кормилицей, мальчик передал ей книги и письмо для Васи и простился до следующего лета.

К Рождеству театр был готов, все роли разучены, костюмы для марионеток сшиты. На Святках устроили премьеру. Мишель с товарищами на славу повеселили гостей и домочадцев. Самой смешной получилась пьеска по мотивам рассказа «Флора и её маленькая овечка». Кукла Беркен выступала в ролях и рассказчика, и крестьянина. Для второй роли на неё поверх расшитого бисером камзола надевали залатанный плащ, для комизма оставляя в неизменном парике с косой. Эту куклу вёл сам юный автор сценок. У французского писателя бедная сельская девочка Флора выкормила умирающего ягнёночка Баба́, брошенного крестьянином, который вёз ягнят на продажу. Флора делилась с Баба́ своим скудным завтраком и была вознаграждена: овечка выросла, принесла ягнят, те, в свою очередь, принесли ещё ягнят… И скоро семья доброй девочки выбралась из нищеты. В Мишиной пьеске главным героем стал привередливый богатый мальчишка Флор,

не выходивший из–за стола. Куклу в виде толстого ребёнка с капризным выражением лица и нагрудником на шее вёл Коля Давыдов, а говорил за неё Моня Меликов громким, нарочито писклявым голоском. Третья кукла — слуга в сюртуке с заплатками — подавала Флору ломтики чёрного хлеба с маслом, слепленные из воска. Её вёл Володя Мещеринов. Его брат Афося, любитель музыки, всем аккомпанировал на фортепьано.

— Не хочу, не буду! — вопит Флор, бросая хлеб. — Подайте мне пирожных! Да побольше, побольше!

Слуга кланяется и приносит пирожных:

— Вот, кушайте на здоровье.

Флор всё мигом съедает и кричит:

— Мало, мало! Хочу ещё!

— Пирожных больше нет, маленький барин. Маман велели вам принести хлебца с маслом!

— Нет! — снова орёт Флор, топает ногами и поёт:

Хлеб я есть не буду, нет!
Не просите, не просите!
Мне пирожных приносите
В ужин, завтрак и обед!

Он замолкает, увидев Беркена–крестьянина, который гонит овец на продажу и одну из них несёт на плечах.

Крестьянин тяжело вздыхает, опуская ягнёнка на траву рядом со столиком мальчишки со словами:

— Прощай, моя бедная больная овечка Баба́. Я разорился, жене и деткам кушать нечего, а тебя на базаре не продашь. Может быть, добрый человек тебе поможет.

— Бе–е–е, — тихо и жалобно блеет за Баба́ Петя Мещеринов.

Крестьянин уходит, а Флор голосит и топает ногами:

— Ещё чего! Мне самому пирожных не хватает! Опять хлеб принесли! Пошла прочь, противная овца! — мальчишка кидает в овечку хлебом.

Голодная Баба́ начинает подбирать и кушать кусочки, она становится на ножки и растёт не по дням, а по часам, превращаясь в крупную овцу с густой длинной шерстью: Моня под присмотром Мишеля специально вылепил несколько фигурок овечек для этой роли.

Флору снова подают пирожных, и он их ест, громко чавкая. Тем временем крестьянин возвращается с базара и видит свою овечку здоровой и тучной.

— Это ты, моя овечка Баба́? — спрашивает он с удивлением.

— Да–а–а, да–а–а! — громко и весело блеет та.

— Никому тебя не продам, — радуется крестьянин. — Мне такая хорошая овечка самому нужна. Буду тебя пасти, милая Баба́, ты мне принесёшь ягнят и дашь много прекрасной шерсти. Я разведу большое стадо и разбогатею.

Баба́ радостно поёт:

Бе–бе–бе–е! Бе–бе–бе–е!
Буду я служить тебе–е!
Принесу тебе–е ягнят!
Скоро будешь ты богат.
Бе–бе–бе–е! Бе–бе–бе–е!

Довольный крестьянин уводит овечку. Выходит слуга с пустым подносом:

— Пирожных нет, маленький барин. Все деньги проедены.

— Врёшь! — злится Флор. — Я пойду сам их возьму! — он кряхтя вылезает из–за стола и, переваливаясь на толстых ножках, уходит.

Появляется Беркен, скидывает плащ, кланяется и говорит поучение:

— Злой мальчишка Флор проел своё богатство на пирожных и теперь радуется, когда богатый крестьянин угостит его чёрствым хлебом без масла. Вот до чего, почтенные дамы и господа, дети и взрослые, доводят глупые капризы, обжорство, жадность и чёрствость души!

Бабушка и гости смеются и дружно рукоплещут юным кукольникам. Жан Капе хлопает громче всех, радуясь, как ребёнок, успеху Мишеля и его друзей.

К несчастью, на лихих святочных катаниях гувернёр простыл и слёг. Поначалу все в доме надеялись, что он поднимется: француз зимой обыкновенно два–три раза болел, но не подолгу. Он был слаб грудью с тех самых пор, как пятнадцать лет назад несколько часов пролежал раненый на лютом морозе. Теперь сильная простуда послужила толчком к резкому обострению давно тлевшей чахотки и Капе начал угасать на глазах. По его просьбе пригласили католического священника из костёла. После исповеди и причастия гувернёр с четверть часа тихо беседовал о чём–то с доктором и Елизаветой Алексеевной. Выйдя от больного, бабушка с печалью в голосе сказала внуку:

— Мишель, пойди к гувернёру. Он хочет говорить с тобой.

Вытерев набежавшую слезу, отрок тихо вошёл в комнату. Капе полулежал–полусидел на высоких подушках. Лицо его осуну-

лось, лихорадочно блестящие глаза запали, а нос казался ещё более острым и горбатым, чем раньше. Сердце у Мишеля сжалось, но он сдержался.

— Мой дорогой мальчик, скоро я покину сей мир. Нет, не возражайте, я настоял, чтобы доктора сказали мне правду. Я воспитывал и учил вас восемь лет и считаю это лучшим, что я мог сделать для своей новой Родины, так тепло приютившей меня. Бог одарил вас многими талантами к искусствам. Служите государю на своём поприще, когда вырастете, но вместе берегите и развивайте свои таланты. Они прославят ваше имя и послужат будущему России. На краю могилы предчувствие не обманывает меня.

— Я очень постараюсь.

— Это будет лучшей памятью обо мне.

— Простите меня за огорчения, что я вам приносил.

— Давно простил и забыл их. Простите и вы меня, если был порой слишком строг или несправедлив к вам.

— Прощаю, но думаю, что не за что. Вы всё делали для моего блага.

— Иначе не могло быть. Теперь идите, вам нельзя со мной долго находиться, я болен, — вымолвил гувернёр, вытирая платком обильный пот со лба. — Когда настанет время, я позову вас с Николя для прощания.

Мишель пошёл в свою комнату. Он долго, с глубокой печалью глядел на падающие за окном густые хлопья снега. В душе у него звучали трагические аккорды «Реквиема» Моцарта, который 3 января — в день памяти Дмитрия Алексеевича Столыпина — играла для родственников его вдова, бросая взгляды на портрет покойного мужа в мундире артиллерийского офицера, с орденами и в сдвинутой набок фуражке. За месяц до этого Екатерина Аркадьевна приехала на зиму из Середникова и сняла квартиру в Арбатской части, куда пригласила на поминки родственников и друзей. Мишель сидел рядом со своим новым другом — 17–летней Сашенькой Верещагиной, племянницей хозяйки дома. С девушкой и её матерью Елизаветой Аркадьевной, той самой женщиной, в которую много лет безнадёжно влюблён дядюшка Афанасий Алексеевич Столыпин, мальчик познакомился незадолго до Рождества. Он сразу подружился с умной, начитанной и доброй Сашей. С нею можно было непринуждённо беседовать на самые разные темы и получить дельные, доброжелательные советы. Юная Верещагина в чём–то заменила ему здесь тётеньку Марью Акимовну Шан–Гирей, по которой он очень скучал.

Вскоре Мишель навсегда простился с любимым гувернёром, отошедшим в Вечность. Хворала и старушка–бонна Христина Осиповна Ремер. Она больше не могла вести уроки немецкого. Для преподавания языков Мишелю наняли нового гувернёра — молодого крещёного еврея Николя Леви, французского подданного. По–русски его звали Николаем Петровичем. Леви очень образован, умён, в меру строг и немногословен. Лишь однажды он кратко рассказал о своих предках, когда–то изгнанных из Испании и переселившихся во Францию. Леви преподавал очень хорошо, но вёл себя с учениками сухо, отчего у Мишеля и Коли не сложилось с ним тёплых отношений.

Зато Зиновьева мальчики любили и уважали. Под влиянием его уроков они всё сильнее увлекались русской словесностью, изучали основы стихосложения. Книги Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Карамзина, Козлова и, конечно, Пушкина стали у отроков настольными. С огромным интересом они читали-перечитывали недавно вышедшую третью главу «Евгения Онегина». Для французского Мишель завёл новую тетрадь, а в голубой альбом старательно переписывал «Бахчисарайский фонтан» с первого издания, вышедшего в 1824 году, и «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского. Английский язык мальчик ещё не изучал и в подлиннике этого произведения пока не читал.

В феврале, во время поста, в Москву наконец приехал отец. Покинуть Кропотово заставило его не только горячее желание проведать сына и племянника Мишу Пожогина, но и хлопоты по имению. Лермонтову пришлось срочно заложить своих крестьян в Опекунском совете, чтобы обеспечить насущные нужды семьи: доходов от имения при всей экономии постоянно не хватало.

Юрий Петрович несколько недель провёл в Первопрестольной, остановившись у своих родственников Рыкачёвых: с Елизаветой Алексеевной он по–прежнему не мог поладить. Мишель долго гулял с отцом и кузеном по Москве, хотя бабушка ревниво ворчала по поводу этих прогулок. Они бродили в недавно посаженном вдоль кремлёвской стены Александровском саду, шли на Соборную площадь и, несмотря на мороз, поднимались по скользким кирпичным ступеням на колокольню Ивана Великого.

Панорама зимнего города с высоты величава и прекрасна. Внизу башни и побелённая зубчатая кремлёвская стена, торжественная громада Успенского собора и золотые кресты кремлёвских храмов, широкая белая лента Москвы–реки, узорные купола Василия Блаженного в снежных шапках. Среди кружевных

заиндевелых садов и бульваров вьются улицы, пестреют разноцветные дома и домики с сугробами на крышах, в россыпи которых выделяются Сухаревская башня и Большой Петровский театр с хорошо заметной колесницей Аполлона на портике. Повсюду заснеженные купола церквей и монастырских храмов. Для звонов время неурочное, но Мишелю кажется, что на поющем морозном ветру большие колокола остаются недвижны, а маленькие чуть слышно позванивают. И эта древняя таинственная музыка, никому кроме него, может быть, не слышная, плывёт над родным городом, к которому прикипело сердце.

Пройдёт шесть лет, и Михаил Лермонтов, учась в Петербурге в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в сочинении «Панорама Москвы» мудро и образно выразит свою любовь к древней столице: *«Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у неё есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый её камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для учёного, патриота и поэта!.. Как у океана, у неё есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!..»*

Каникулы в Тарханах

В начале лета 1828 года бабушка с Мишелем, Колей и слугами приехали в Тарханы. Бонны Христины Осиповны с ними уже не было: добрая старушка весной скончалась, и все очень жалели о ней. Расстались и с гувернёром Николаем Леви: общением с ним Мишель стал тяготиться.

Мальчики обрадовались сельской вольнице после напряжённых уроков, встрече с приятелями и родственниками. Колю Давыдова приехала проведать сестра Пелагея Гавриловна, а Елизавета Алексеевна с внуком отправились в Апалиху к Шан–Гиреям. У них 16 апреля родился сынок Николенька. Во время «смотрин» малыш расплакался было на руках у няни, но Мишель легко отвлёк его, подбрасывая яркий мячик, и получил в ответ очаровательную улыбку. Вскоре крошку унесли кормить, а отрок с удовольствием играл в парке с другими троюродными братьями и сёстрами, очень подросшими за год. Набегавшись на свежем воздухе, дети с аппетитом пообедали. Тётенька отправила младших отдыхать, а сама на веранде разговорилась с Мишелем, пока Павел Петрович обсуждал с бабушкой хозяйственные вопросы.

Племянник много рассказывал Марье Акимовне о своих московских занятиях и показал ей голубой альбом:

— Вот, милая тётенька, я исполнил ваше пожелание и записал сюда разные произведения, которые мы изучали с Капе и Зиновьевым.

— Жаль старика Капе, он много для тебя сделал. Царствие небесное ему и Христине Осиповне, — она перекрестилась и продолжила, листая альбом: — А ты молодец! Здесь, смотрю, и Лагарп, и Сент–Анж, и Пушкин, и Байрон в переводе Жуковского. Хочешь, я прочту на досуге твои записи внимательнее и проверю их?

— Да! И если ошибки найдёте, поправьте, пожалуйста.

— Непременно.

— Тётенька, хочу сделать вам в подарок рисунок. Дадите мне свой альбом на несколько дней?

— Конечно. Положу его тебе в сумку. Послезавтра почтовый день. Мы с мужем выписанные книги и журналы ждём. Другой раз приедешь, дадим тебе почитать.

— Мерси боку!

— Мишель, Елизавета Алексевна хотят конезавод осмотреть. Идёшь с нами? — спросил, подходя, Павел Петрович.

— Вы ещё спрашиваете, дяденька! Иду!

Мишель обожал лошадей и прихватил на завод блокнот с карандашом. Два месяца назад Солоницкий разрешил ему зарисовки с натуры. На заводе он с увлечением сделал несколько набросков племенных жеребцов и кобыл с жеребятами, а потом азартно прокатился верхом по окрестностям в компании с дядюшкой.

В субботу в Тарханы приехала повидать сына Марья Яковлевна Давыдова. Проведя день с Колей, она переночевала и после воскресной службы в усадебной церкви Марии Египетской собралась обратно в Пачелму. Не оставшись на молебен, Марья Яковлевна позавтракала со всеми в столовой и перед отъездом отправилась прогуляться с сыном по парку. Мишель тоже не был на молебне. Простившись с Колиной матерью, он пошёл на этюды. Выбрав живописное место на берегу Большого пруда у крайних домов по улице Бугор, недалеко от ворот усадьбы, отрок начал рисовать. Вскоре Давыдова выехала домой в своей коляске. Он понял это не столько по скрипу колёс, цоканью копыт и звону колокольчика, сколько по донёсшимся ругательствам хозяйки на кучера.

— Уехала душегубица, слава Богу! — послышался тихий голос молодой женщины.

— И как только она может в церкви на образа смотреть? — вторила ей другая, постарше.

Мишель выглянул из–за куста. На дороге остановились две нарядные зажиточные крестьянки — жёны тарханов Василия и Степана Медведевых. Мальчик узнал их: старшую звали Шура, младшую — Матрёна. Обе провожали взглядом карету помещицы и не видели юного барина за густой зеленью.

— Мой–то Стёпа в Нижнем Ломове торговал и страсть чего об ней наслышался. Крестьянка душегубицы Федосья Прокофьева товар у него покупала, разговорилась с ним и такого втихую порассказала, покуда он подвозил её до Пачелмы! Зимой эта Давыдова невесть за что била смертным боем её товарку Марью Карпову, на пол валила, за волосы таскала. А Марья–то на сносях была и на другой день девочкой мёртвенькой разрешилась. На маленькой, сказывают, знаки от побоев были — на головке, спинке и левой ручке. А через неделю и сама Марья померла. Двоих за раз, стало быть, убила. У–у, зверюга!

— И ведь ничего ей не было! Мой Вася в Чембар за товаром ездил да слышал там, что судья Мосолов с исправником Москвиным оправдали её подчистую, будто она Марью убиенную и пальцем не трогала. А предводитель–то Мосолов и вовсе велел всем

говорить, что Давыдова с крестьянами хорошо обращается. Да сами эти Мосоловы и Москвины хлеще неё. Вот и покрывают, Бога не боятся. Душегубица, небось, их подмазала. Купцы сказывали, все они на лапу берут.

— Федосья говорила, что Давыдова дворовых своих запугала, они и показали ложно, будто она не била покойную Марью. А теперь баба усовестилась после исповеди и хочет прошенье губернатору подавать.

— Навряд, Матрёш, ход будет даден прошенью Федосьину. Опять наши уездные «соловьи–разбойники» Давыдову оправдают. Слава Богу, у нас барыня не такова, хоть и сурова. Однако для грешников есть и Божий суд, на коем обманом да угрозами концы в воду не спрячешь. Во чреве носящую загубить да непорочную душку младенца — великий грех, смертный.

— Ох, Шур, не наше дело судить да рядить. Только ведь молебен отстояли. Батюшка ныне проповедовал, что осуждать грешно. Не судите, мол, и сами не судимы будете, — Матрёна истово перекрестилась на церковь.

— Прости нас, Господи, — Шура тоже перекрестилась. — Бог душегубице, может статься, наказание пошлёт тяжелее, нежели земной суд, коли не покается. Отольются ей крестьянские слёзы.

— Ох, замешкались мы тут. Мне Яшку давно пора кормить, не то свекровь заругается, — заторопилась Матрёна.

— Да уж, мамка Наталья нам спуску не даст, — согласилась Шура.

Крестьянки ещё раз перекрестились и быстро пошли домой вдоль берега пруда.

Мишель возмутился злодеяниями Давыдовой до глубины души. Он больше не мог рисовать, сложил альбом и все принадлежности в холщовую сумку, взял мольберт и побежал к бабушке за разъяснениями. Та отдыхала на скамейке в Ближнем саду.

— Бабушка, бабушка, вы слышали, что Марья Яковлевна крестьянку свою до смерти побила?

— Да, Мишель, мне Пелагея на днях всё рассказала о сём грехе смертном.

— А отчего же душегубицу оправдали?

— Не наше дело, внучек. Она, может, бесами одержимая. Господь ей судья. Ежели угодно Ему, на земле её накажет. А коли на небесах, так это для души много хуже. Иди с Богом, дай мне подремать.

Елизавета Алексеевна не одобряла поступок Давыдовой, но по–христиански старалась и не осуждать. Марью Яковлевну она считала полоумной: две души ни за что ни про что погубила, хотя крестьян–то у самой — раз–два и обчёлся. Денег негусто тоже, а взятки, поди, давать пришлось. Нельзя так с крепостными, они ведь тоже люди. Неровён час озлобится кто да и прибьёт насмерть, не считаясь с каторгой или казнью за преступление. Бабушка на своих крестьян и дворовых рук особо не распускала, разве для острастки пощёчину иногда даст ленивой горничной. Однако крепостные боятся её немилости как огня: за провинность не миновать лишних дней барщины или чёрной работы, а за серьёзный проступок барыня отправит, чего доброго, жить на выселки — в деревеньку Михайловку, что в семи верстах от Тархан. Крестьянские грехи Елизавета Алексеевна умела обращать себе на пользу. Бывало, она и в рекруты определяла неугодных, и женила молодых парней на вдовах много старше по возрасту, а девок выдавала за пожилых вдовцов. Если её люди набуянят, подерутся, сворują, сбегут или что–нибудь другое противозаконное совершат, тогда уж дело исправника наказание им определить — плетьми сечь или под суд отдать. В такие дела бабушка не вмешивалась и одобряла любые действия властей и полиции, вроде она не при чём.

Её ответ ничуть не успокоил Мишеля. Он вдруг понял, отчего Коля так расстроился после отъезда сестры и сегодня холодно вёл

себя с матерью. «Он всё знает и переживает», — с сочувствием подумал мальчик и побежал искать друга. Тот сидел на траве у берега Среднего пруда, грустно глядя на воду. Мишель присел рядом и, немного помолчав, стал утешать его:

— Коль, из–за матери кручинишься?

— Да, а ты уже всё знаешь?

— Знаю. Но ты–то сам ни в чём не виноват.

— Сестра мне рассказала все ужасные подробности. Она говорит, что ненавидит родительницу и отсудит у неё крепостных при первой же возможности. И я… — голос Коли начинал срываться, но он сдержался, — и я порой её ненавижу. А она ведь мне мать, я обязан её любить и почитать. А как? Она же совершила такое злодеяние и не кается! Меня в малолетстве вечно колотила за пустяки, и Полю, и Пашу, и Варю. Сама неграмотная и учиться не хочет, Паша за неё расписывается.

— Бабушка говорит, что о заблудших близких надо молиться.

— Только это мне и остаётся, — вздохнул Коля. — Сегодня на службе молился, а на душе всё равно кошки скребут. Домой ехать совсем не хочется. Сестра с братом вечно по мелочам из–за денег и вещей с матерью бранятся.

— Тебя никто и не пустит. Ты слышал, что бабушка сказала Марье Яковлевне? По–моему, она обрадовалась, что летом ты у нас будешь жить, а осенью со мной в Москву поедешь.

— Но я ведь не дворянин, ведь папенька только личное дворянство выслужили. Меня не примут в Благородный пансион, да и платить нам нечем.

— Будешь заниматься вместе со мной, все задания выполнять, будто ты там учишься. А потом сдашь экзамены за курс гимназии и поступишь в университет. Туда не только дворян принимают.

— Чтобы учиться, нужны деньги, а кто их мне даст? Разве что наследство когда–нибудь получу. Тогда уж точно из Пачелмы навсегда уеду и поступлю в университет. Не в Москве и не в Петербурге, конечно. На учёбу в столицах денег вряд ли хватит.

— Говорят, в Казани тоже хороший университет. А ты на какое отделение хочешь поступать?

— Не знаю ещё наверняка, на словесное или историческое. Однако чиновником не стану ни за что. Лучше преподавать буду в гимназии или училище.

— Это очень благородно и интересно, — поддержал друга Мишель. — Знаешь что, поедем–ка завтра в Апалиху. Я бабушку уговорю. С Екимом там позанимаемся и Алёшей, с сестрицами мои-

ми поиграем. Тётенька обещала нам книги и журналы новые дать. Она третьего дня получила и уже всё, наверное, прочла.

— Поедем! — обрадовался Коля.

— Вот и отлично! Постараюсь после обеда пейзаж в тётенькином альбоме дописать, чтоб завтра ей подарить.

В Апалихе друзья весь день провели с троюродными братьями и сёстрами Мишеля. Коля увлёкся и повеселел. Оставив его ненадолго в саду с детьми, Мишель подошёл к Марье Акимовне и протянул ей альбом. Рассмотрев пейзаж с двумя прибрежными берёзами, та улыбнулась и сказала:

— Благодарю. Очень красиво и романтично. Гораздо лучше рисуешь, чем в прошлом году. Вижу плоды твоих занятий с Солоницким, — она подошла к столу, достала голубой альбом Мишеля и продолжила: — Ты, мой друг, хорошо переписал сюда стихи и на русском, и на французском, но кое–что я всё–таки поправила.

— Мерси, милая тётенька, — ответил мальчик, внимательно просматривая немногочисленные исправления. — Пусть пока мой альбом останется у вас. Хочу обсудить с вами в другой раз «Шильонского узника». А нынче вы обещали мне дать новые книжки.

— Да, Мишель, помню. Но было много забот с Николенькой, и я дочитала только одну. Можешь взять.

— Иван Козлов, — прочёл мальчик на обложке. — «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая». Как интересно! Мерси боку!

Весь следующий день Мишель упоённо читал поэму, даже купаться не пошёл. Его взволновала и тронула переданная романтическим слогом Козлова история княгини–монахини, обвенчавшейся со своим женихом Иваном Долгоруким, когда тот попал в опалу после смерти Петра II, и поехавшей с ним в ссылку в Берёзов. Мальчики перечитывали поэму несколько раз. По счастью, в домашней библиотеке нашёлся старый журнал «Друг юношества» за 1810 год, выписанный ещё для покойной матери Мишеля. Там были напечатаны «Своеручные записки» Натальи Борисовны Долгорукой, которые она написала для своих внуков за два года до кончины. Друзья прочли с огромным интересом её мемуары.

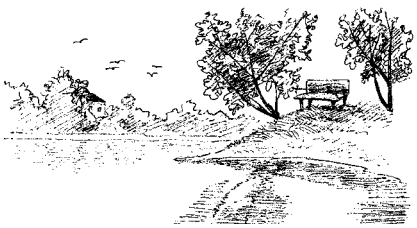
Там летом Мишель чаще обычного навещал кормилицу, зная, какую радость доставляет ей своим приходом. Лукерья Алексеевна в январе овдовела, и отроку хотелось её хоть чем–то утешить. Старший сын кормилицы Степан неплохо справлялся с большим хозяйством Шубениных, да и десятилетний Вася стал ему помощником. Мишель возобновил с ним занятия по вечерам, носил

гостинцы, ходил купаться. Они вместе поливали дубок, посаженный два года назад у пруда.

С наслаждением перечитав ещё раз «Кавказского пленника», Мишель решил, что пора дать эту книжку Васе. Тот читал медленно, чуть ли не каждый день забрасывая своего юного учителя вопросами о кавказской жизни. Мишель охотно отвечал на них, рассказывал о Кавказских горах и предгорьях, о горцах и терских казаках. В его воображении оживали впечатления, полученные на водах, и рассказы Павла Петровича о сражениях с горцами. Отрок снова погрузился в мир увлекательных воспоминаний. В его душе звучали стихи из поэмы Пушкина и недавно прочитанные строки Козлова, рождались задумки кавказского сюжета. Неудержимо захотелось излить их на бумаге.

Мишель с малых лет легко рифмовал, но настоящих стихов не писал, а тут его словно прорвало. Невольно подражая Пушкину и Козлову, он начал сочинять поэму о черкесах с картины закатного горного пейзажа:

Уж в го́рах солнце исчезает,
В долинах всюду мёртвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах...



Поэма «Черкесы»

Накануне Петрова дня сразу после службы Елизавета Алексеевна вместе с Мишелем и с управляющим отправились на несколько дней в Чембар на ярмарку. Ей хотелось лично выбрать доски и брус для подновления веранды и приобрести подешевле много разных хозяйственных мелочей, галантереи и красного товару. Бабушке нужно было и к духовнику заехать, и к портному, который шил для внука новый костюм. С ними возвращалась домой гостившая в Тарханах и Апалихе дальняя родственница Наташа Евреинова — серьёзная, глубоко верующая девочка лет тринадцати.

Не доезжая Чембара, по обыкновению, остановились отдохнуть и погулять в тенистой дубовой роще. Мишель, который в дороге продолжал сочинять про себя кавказскую поэму, сел на пенёк и принялся карандашом записывать стихи в тетрадь. Наташа мешать ему не стала, немного отошла и, увидев в траве гриб, позвала:

— Абрам Филиппыч, а я грибок нашла! — девочка присела и раздвинула траву. — Да тут целых два, большой и маленький.

— Гляди–ка, боровички пошли после дождей. Сейчас мы их срежем аккуратненько, чтоб грибницу не повредить, — Соколов принёс из экипажа корзинку, вынул из кармана перочинный ножик и бережно срезал грибы. — Ну–ка, ещё поищем. Даст Бог, на супец наберём.

— Абрам, и я нашла. Вроде тоже боровики, — позвала управляющего Елизавета Алексеевна. — Внучек, что ж ты грибы не ищешь?

— Бабушка, я сочиняю.

— Ну пиши, пиши себе, ежели так охота, — добродушно ответила та.

Пока все собирали грибы, Мишель успел записать сочинённую в дороге строфу, поправить её и начать следующую. Сюжет задуманной небольшой поэмы из кавказской жизни был не слишком сложным: вечером черкесский князь призывает своих воинов освободить из русской крепости брата. Утром черкесы выступают, нападают на двоих казаков, один из которых благодаря резвому коню спасается и предупреждает товарищей. Казаки, прошедшие с боями против наполеоновских армий всю Европу, быстро готовятся к бою, разбивают отважных черкесов и преследуют их, а князь погибает. Всё вокруг постепенно успокаивается.

Мальчику хотелось точно и ярко описать и картины горной природы, и русский город с крепостью на горе, похожий на Кислые Воды, и воинственных горцев, и опытных отважных казаков, и короткий бой, победоносный для русских, и героический характер черкесского князя, готового отдать жизнь ради спасения брата. Писать стихами оказалось совсем нелегко. Одно дело короткие упражнения сочинять по заданию учителя и простые стишки для пьесок, совсем другое — настоящую поэму. Юный автор очень увлёкся и вдохновился, впервые испытывая необычное состояние, когда он находился словно в двух мирах сразу. Широко открытые глаза его отчётливо видели, как неподалёку бабушка, Наташа и Абрам Филиппыч собирают грибы среди дубов, как яркие солнечные блики и тени от листвы играют на их лицах, до ушей доносились радостные возгласы при очередной находке. И в то же время перед внутренним взором Мишеля разворачивались события, которые он хотел описать стихами, мелькали кавказские пейзажи, лица героев — то горцев, то казаков, то тех и других в боевой схватке. Отрок непроизвольно повторял про себя строки из южных поэм Пушкина, чей облик возникал перед ним таким, каким великий поэт изображён на гравюре, приложенной к изданию «Кавказского пленника». Но только это вовсе не застывший портрет: молодой Пушкин то сопереживает чувствам героев Мишеля, то взирает на него с загадочной вдохновенной улыбкой. Течение времени изменилось: юный поэт за мгновения переживал часы, но при том казалось, что на пенёк он присел минут десять назад.

Мальчик видел, что его спутники уже возвращаются к экипажу, что управляющий несёт полную корзину грибов, что Наташа на ходу собирает букетик полевых цветов. Однако это происходило будто во сне, а поэтический мир «Черкесов» казался самой настоящей явью.

— Ты грезишь, что ль? — Елизавета Алексеевна тронула его за плечо. — Очнись–ка. Без малого час прошёл, как мы здесь. Пора ехать.

— Сейчас иду, бабушка, — послушно ответил Мишель с нотками сожаления в голосе. — Подождите минуточку.

Он слегка тряхнул головой, усилием воли возвращаясь к реальности, нехотя закрыл тетрадь и сел в коляску. Ему было очень жаль расстаться со своими образами, и, несмотря на тряску и пропавшее ощущение нахождения в двух мирах, всю дорогу мысли о героях поэмы не покидали его. Бабушка о чём–то тихо беседовала с девочкой и не тревожила внука.

В Чембаре остановились у Наташиного отца Алексея Ивановича Евреинова. Его супруга Александра Матвеевна обрадовалась и гостям, и грибам. Корзинку она отослала повару, наказав приготовить грибного супа и жаркого к ужину.

После чая Елизавета Алексеевна с Наташей отправились в Никольский собор на исповедь к отцу Алексею Егорову, а Мишель, недолго поиграв со своим младшим тёзкой — одиннадцатилетним Мишей Евреиновым, снова засел за поэму, сказав приятелю:

— Я буду сочинять, а ты не мешай. Вот почитай лучше «Кавказского пленника». Если что–то не поймёшь, завтра я тебе объясню. Договорились?

— Ладно. А ты мне прочтёшь, что сочинил?

— Да, когда закончу.

Мишель сел на скамейку в саду за раскидистым старым дубом и до ужина сочинил ещё одну строфу с описанием прекрасного кавказского утра, пронумеровав её римской цифрой VI.

На следующий день после праздничной литургии в Никольском соборе на базарной площади развернулась ярмарка. Она была гораздо скромнее нижнеломовской, но не менее раздольной. Простой народ здесь кишел, как в муравейнике, торговля шла очень бойко. Пахло свежим сеном, молоком, полевыми цветами, ягодами, огородной зеленью и первыми поспевшими овощами. В одном ряду веселились и ели пироги со сбитнем крестьяне, выгодно сбывшие свой товар, в другом — нарядные городские девушки угощались пряниками и орехами, а оборванный мальчишка дул в хвостик подаренной ему глиняной уточки–свистульки. В третьем ряду четверо детин играли на дудках, а пятый пел и плясал. Всё кругом радовалось жизни, хорошей торговле и великому празднику. В весёлой суете Мишель, казалось, совсем отвлёкся от сочинительства, с удовольствием отведал ягод и горячих пирогов, аплодировал плясавшим мужикам и прокатился на круглых качелях с Машенькой, младшей дочкой Алексея Ивановича и Александры Матвеевны.

Накупив множество нужных в хозяйстве вещей и подарков, бабушка с внуком поспешили в дом Евреиновых. После обеда Елизавета Алексеевна ушла в комнату подремать, а Мишель взял тетрадь с незаконченной поэмой и уселся в саду за дубом. На соседней скамейке устроилась рисовать Наташа. Её старшая сестра Клеопатра читала книгу, покачиваясь в гамаке. Миша Евреинов отправился с отцом и сестрой Машей в гости, и юного поэта никто не беспокоил. На волне вдохновения он сочинил две строфы о праздничном дне в кавказском городке и приезде казака, ускакавшего от наступающих черкесов с вестью о близком нападении.

— Мишенька, я еду на Садовую улицу к Алыбиным. Хочу проведать приятельницу мою Настасью Дмитревну. Поедешь со мной?

— Бабушка, можно я здесь останусь? Мне поэму закончить хочется.

— Оставайся, пожалуй. Тебе там с нами всё равно неинтересно будет. Возьму–ка лучше с собой Клёпу.

— Меня? — переспросила девушка.

— Тебя, тебя. Иди одеваться.

— Ах, как чудесно! — обрадовалась Клеопатра.

Они уехали, а Мишель глубоко погрузился в сочинительство, снова находясь как бы в двух мирах — реальном и воображаемом.

Он долго корпит над кульминационными строфами о сражении казаков и черкесов, воскрешая в памяти рассказы Павла Петровича Шан–Гирея и прочитанные произведения Пушкина и Козлова. Зачёркивает строки и слова, пишет над ними новые, стремясь лучше передать дух сражения. Отрок то мучительно долго не может подобрать нужных слов, то его охватывает ощущение счастья, когда слова наконец–то находятся. Порой у известных поэтов он непроизвольно заимствует целые выражения, но, пропущенные сквозь сердце и словно заново открытые, они не кажутся чужими. Заключительная мирная картина казачьего городка начинающему поэту даётся легче.

Увидев, что он закончил, Наташа спросила:

— Мишель, что ты сочиняешь?

— Поэму о черкесах.

— Прямо–таки поэму? — переспросила девочка.

— Да.

— А откуда ты знаешь о черкесах?

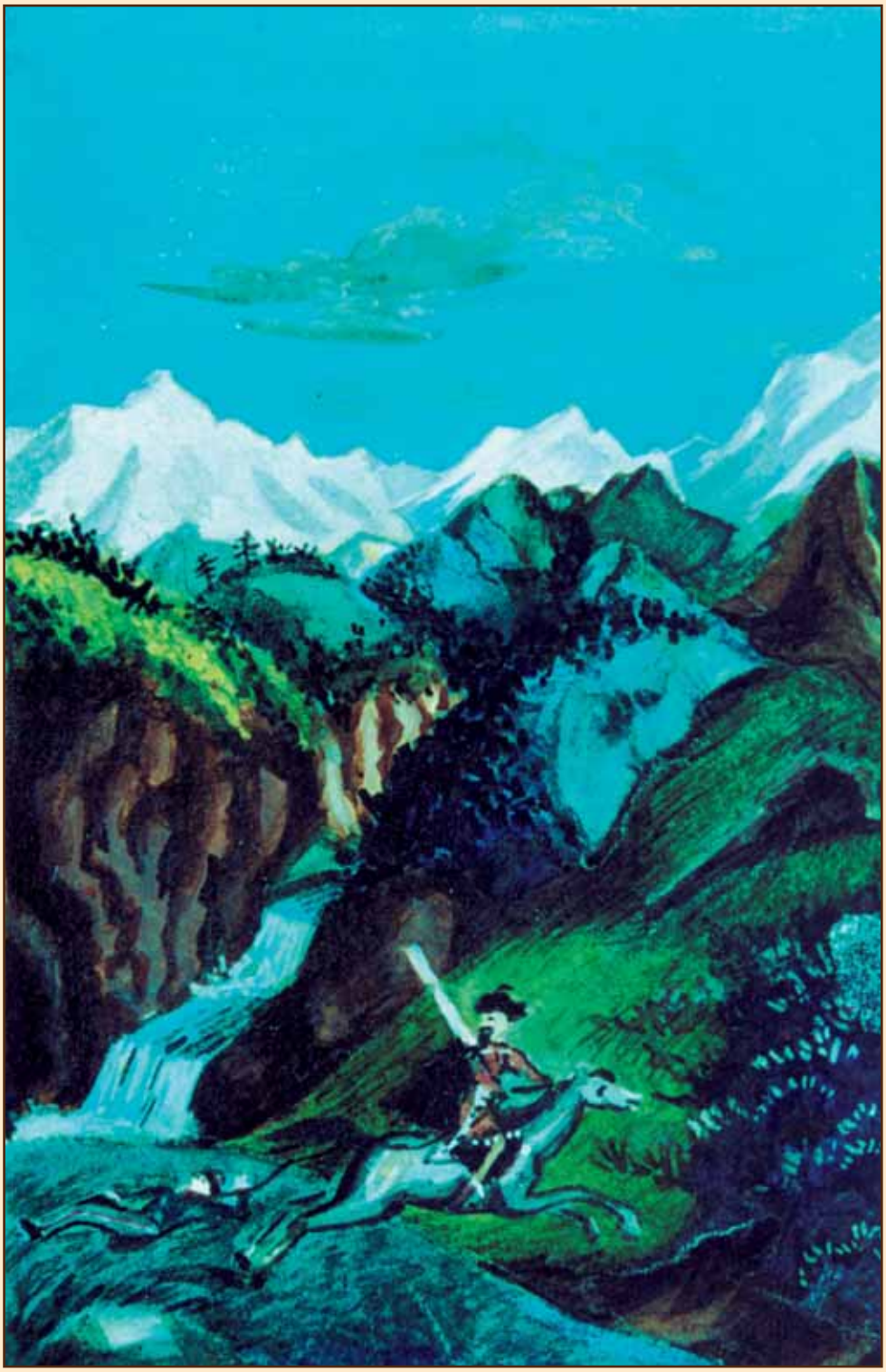
— Да я же на Кавказских Водах три раза был, ты разве забыла? И дяденька мне много рассказывал о горцах и Кавказской войне.

— Прочти мне что–нибудь из своей поэмы. Ну, пожалуйста.

— Ладно, слушай.

И Мишель стал читать строфу о сражении:

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мятутся, строятся, делятся;
Вороты крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу,
Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают;
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме чёрном. —
Здесь бурный конь с копьём вонзённым,
Вскочивши на дыбы, заржал;



Лермонтов М.Ю.
Фронтиспис к поэме «Кавказский пленник». 1828 г.

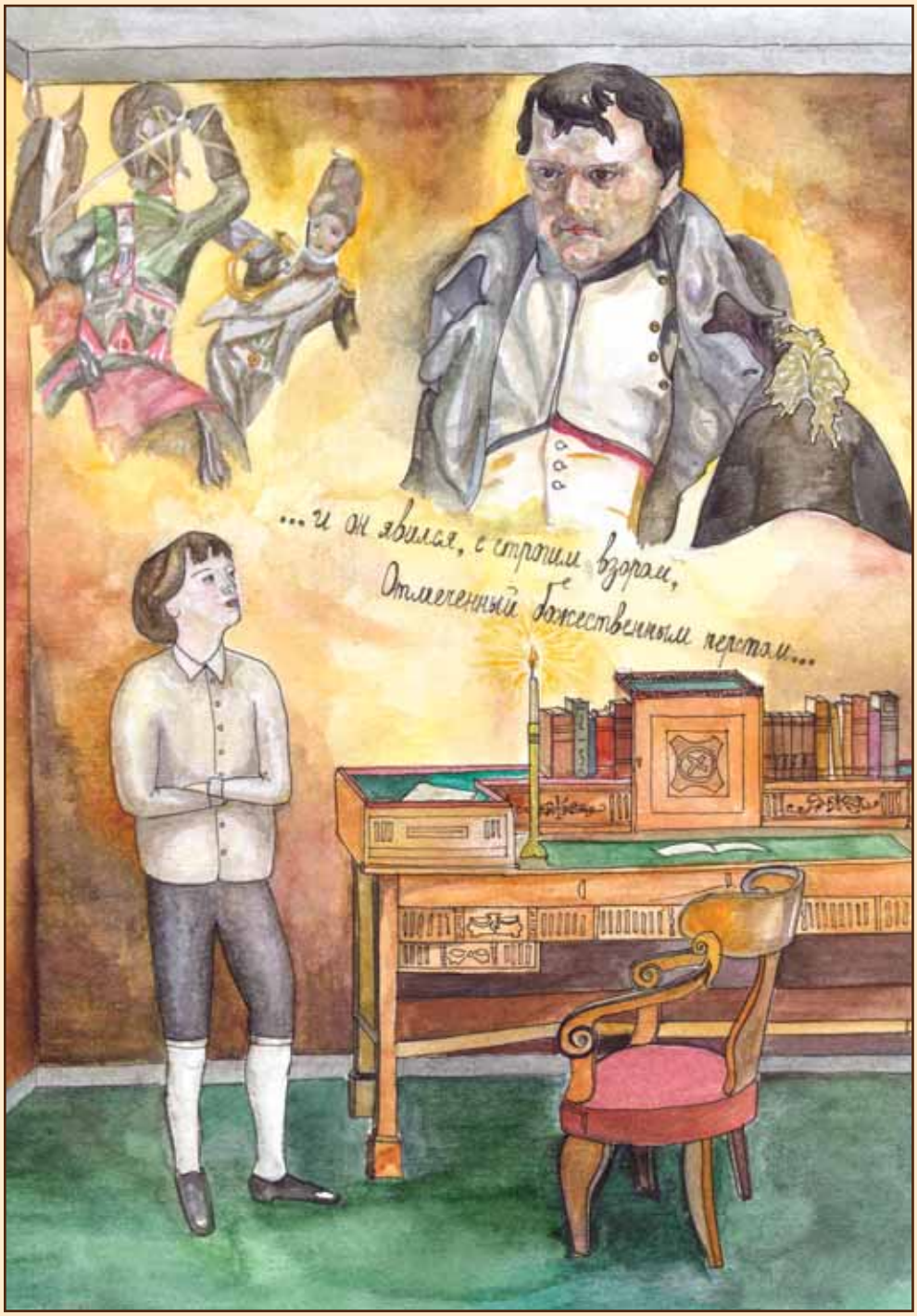
Николаева Ирина. 14 лет. Зимние игры в Тарханах

Сиделёва Валерия. 14 лет. Агата Столыпина на балу

Ерыгина Ирина. 13 лет
Коля Давыдов

Белова Анастасия. 13 лет
Прощание с Тарханами

Сиделёва Валерия. 14 лет. Осень в Тарханах



Шухова Анастасия. 16 лет. Мечты о Наполеоне

Шухова Анастасия. 16 лет. Мишель на этюдах

Царёва Мария. 18 лет. Осенняя конная прогулка Мишеля

Шухова Анастасия. 16 лет. Вид речки Марарайки в Апалихе

Сиделёва Валерия. 14 лет
Михаил Лермонтов — наш грустный гений

Царёва Мария. 18 лет. Космические мечты юного Лермонтова

Белова Анастасия. 13 лет
Мечты поручика Лермонтова о родных местах

Сквозь русские ряды несётся;
Упал на землю, сильно рвётся,
Покрывши всадника собой, —
Повсюду слышен стон и вой.

— Какой кошмар! — ужаснулась Наташа. — И ты всё это видел?

— Я ж тебе говорил, мне Павел Петрович о битвах с горцами рассказывал. А сами–то стихи тебе понравились?

— Да, очень складно вышло. У меня картина боя будто перед глазами стоит. Ты, наверно, давно стихи пишешь?

— Нет, раньше не писал. Это моя первая поэма.

— Как ты её назовёшь?

— «Черкесы».

— Интересно. Можно мне всё прочитать?

— Погоди, тут исчёркано — ты ничего не разберёшь. Я чернилами набело перепишу и сам вам прочту вслух.

На другой день Елизавета Алексеевна отправилась с управляющим выбирать доски и брус, а Мишель взялся перебелять стихи, кое–что в них подправляя. Вечером в гостиной он прочёл поэму бабушке и Евреиновым. Всем понравилось.

— Как хорошо ты написал! — похвалила бабушка. — Стихи так и льются, и сюжет жизненный.

— Очень рад, что вам интересно!

— Мне всё интересно, что до тебя касается. Дай–ка тетрадку, я себе копию у писаря закажу. Абрам Филиппыч завтра с утра уедет с досками и брусом, а мы всё равно до вечера тут останемся, раз тебе портной назначил примерку. Чай, копию за день успеют снять.

К следующему вечеру список был получен, малоприятная для Мишеля в жаркий день примерка у портного сделана, полдник у Евреиновых съеден. Когда приехали в Тарханы, бабушка попросила:

— Мишенька, проверь–ка мою копию — нет ли где пропусков или ошибок. Хочу, чтоб там всё правильно было.

— Ладно, бабушка, сегодня же сделаю, — соглашается мальчик и спешит на пруд искупаться, пока горничные накрывают стол.

После ужина, сидя на веранде, Мишель читает копию «Черкесов». Постепенно темнеет, буквы становятся едва различимыми, но он хочет непременно закончить. Копиист постарался: никаких ошибок Мишель не нашёл. Он поднялся к себе, зажёг свечи, сделал памятную надпись на копии: *«В Чембаре за дубом»* — и от-

дал бабушке. Поблагодарив внука, та как всегда перекрестила и поцеловала его на ночь.

Елизавета Алексеевна улеглась и скоро уснула, а отроку всё не спалось. Он подошёл к окну и отодвинул штору. В глаза брызнул яркий лунный свет. Мишель накинул курточку, тихо, чтобы не потревожить чуткий сон бабушки, отворил балконную дверь и вышел на свежий воздух.

По пруду струилась лунная дорожка. На тёмно–лиловом небе мерцали звёзды, маняще искрился Млечный путь. Отрок мечтательно вздохнул, ему захотелось идти, плыть, лететь этим широким путём в неизведанном космическом океане за своей путеводной звездой. Но которая звезда его? Голубоватая Вега из созвездия Лиры? Золотисто–жёлтая Капелла? Оранжевый Арктур? Или белая Полярная, менее яркая, однако такая важная для всякого путешественника? Мишель не знал, но предчувствие, что ему суждена нелёгкая жизненная дорога, овладело им. Какое поприще назначено ему свыше? Статское, как хочет бабушка, или военное — по примеру отца и дедов? Это не очень важно. Главное, чтобы его служение Отчизне было честным, высоким и значимым, в духе мудрого девиза на гербе рода: «Sors mea Jesus». Иное не имеет смысла.

Вдруг одна звездочка упала, на мгновение оставляя за собой в небе светящийся след. За ней вторая, третья… По поверью следовало загадать желание. Юный поэт вспомнил пророчество старой цыганки о том, что он станет гениальным человеком, и, как три года назад на Кавказе, повторял про себя: «Пусть это сбудется, даже если не принесёт мне счастья…»

Поступление в Благородный пансион

Из Тархан Елизавета Алексеевна с Мишелем, Колей Давыдовым и слугами выехали после Яблочного Спаса и к Успенью уже были в Москве. Поселились снова в доме Костомаровой на Поварской. Бабушка стала срочно подыскивать гувернёра. Ей рекомендовали опытного пожилого француза Жана Пьера Жандро. Его изысканные манеры и необыкновенная галантность покорили её. Мишель и Коля вскоре полюбили мудрого, доброго, но при том строгого старика.

После уроков французского новый гувернёр так увлекательно рассказывает ученикам о пережитой им во Франции революции с её народным подъёмом, лозунгами свободы, равенства и братства, штурмом Бастилии и взятием королевского дворца Тюильри, «Великим страхом» 1789 года, когда крестьяне жгли усадьбы землевладельцев, захватывали их земли и убивали не успевших скрыться хозяев, с упразднением монархии и принятием конституции, со сменой календаря, с казнями Людовика XVI и Марии–Антуанетты, с образованием и роспуском Конвента, созданием Директории и приходом к власти Наполеона Бонапарта...

Жандро был роялистом и жалел, что короля схватили в 1791 году при попытке побега, а королеве не смогли устроить побег в октябре 1793 года из тюремной башни Консьержери. За казнями монархов последовала очередная волна кровавого террора, погубившего сотни тысяч людей разных сословий. Получив из родного города Безансона известие о гибели своего отца, Жан Пьер решил эмигрировать и с трудом добрался до России, где обрёл не только кров и работу, но и истинное призвание. Уже больше 20 лет он успешно учил детей русских дворян.

Рассказы Жандро впечатлили Мишеля. Отрок начал задумываться о том, что если подобное когда–нибудь случится в России и падёт царский трон, размах кровавого террора в огромной империи унесёт куда больше жизней, чем во Франции, и приведёт к власти невиданно жестокого диктатора.

В конце августа Лермонтов особенно усердно занимался с Жандро, Зиновьевым и другими учителями, готовясь к вступительным испытаниям. Александру Зиновьевичу он показал свою поэму «Черкесы» и с нетерпением ждал его мнения. Учитель похвалил Мишеля в присутствии бабушки:

— Весьма недурно для начала. И рифмы неплохи, и сюжет. И за образец взяты прекрасные сочинения Пушкина и Козлова. А главное, за всем этим стоят твои личные впечатления и отно-

шение к происходящему на Кавказе, твоя любовь к горному краю и его народам. У тебя талант, и его надо развивать. Мне особливо понравились из VI части стихи:

Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из–за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся жёлтыми рядами.
Всё утром дышит; ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздымает зыблемый песок.
Свод неба синий, тих и чист;
Прохлада с речки повевает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струёй, сквозь тёмный свод древес
Прокравшись, днéвное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорвáн листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.
Но вот приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчёл неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.

— Отмечу, пожалуй, сии строки в моей копии, — обрадовалась бабушка.

Она пошла к себе, отчеркнула похваленную учителем часть и написала: «Зиновьев нашёл, что эти стихи хорошие».

Стояло бабье лето, и Александр Зиновьевич предложил ученику продолжить обсуждение в саду. Они присели на скамейку. Не обращая внимания на подбежавшего к ним любопытного Екимку Шан–Гирея, которого привезли в Москву из Апалихи для занятий, Зиновьев принялся дальше разбирать с Мишелем его поэму:

— Есть несколько замечаний. Скажем, в прочитанной мною строфе ни с чем не рифмуется стих *«Играет в Тереке на волнах»*. А в VII строфе ты рифмуешь «высокой — громкой», «войска —

плеча». Такие рифмы считаются недостаточными, их следует избегать.

— Я постараюсь исправить.

— И вот ещё что: в X строфе первый стих у тебя написан хореем — «Пушек гром везде грохочет», а всё сочинение — ямбом. Такое тоже недопустимо. Это нарушение стихотворного размера.

— Спасибо, Александр Зиновьич, обязательно учту ваши замечания.

— Успехов тебе на испытаниях, — от души пожелал учитель и откланялся.

Экзамен назначили на субботу 1 сентября. Мишель с душевным волнением зашёл в здание Благородного пансиона, стоящее в виде большого классического каре на Тверской улице между двумя Газетными переулками. На испытания кроме него привели ещё пятерых мальчиков от двенадцати до пятнадцати лет. Всё оказалось гораздо легче, чем ожидал Мишель. В аудитории сидел ареопаг из трёх экзаменаторов: директора пансиона Петра Александровича Курбатова, профессора медицинского факультета Ефрема Осиповича Мухина и инспектора Михаила Григорьевича Павлова — профессора университета, известного своими энциклопедическими познаниями по философии, физике, медицине и агрономии. Лицо Курбатова было спокойно, приветливо, и это внушало поступающим надежду и уверенность в себе. Мальчики подходили поочерёдно к каждому из троих. Им задавали вопросы, задачки, просили прочесть тексты и стихи, сказать и написать фразы на русском, французском и немецком языках. Мишелю задания показались совсем несложными, он отвечал быстро и точно. Его приняли полупансионером в четвёртый класс. Обрадованная успехом внука, бабушка сразу внесла необходимую плату за полгода обучения и столовые приборы. Из пансиона Лермонтов вышел уже его учеником.

С понедельника 3 сентября 1828 года начались занятия. Утром кучер привозит Мишеля на учёбу, а после уроков отвозит домой на Поварскую. Каждому ученику, по пансионской традиции, родственники выбирали в попечители одного из педагогов. Бабушка предпочла для внука, конечно, Зиновьева. Под его руководством Мишель занимается очень настойчиво и увлечённо. Ему исполнилось четырнадцать лет, детские капризы давно остались в прошлом. К учёбе он теперь относится как к серьёзной и интересной работе. Кроме основных предметов, отроку очень нравятся занятия по музыке, фехтованию, верховой езде. У него появилось много новых друзей, а из старых знакомцев здесь

в другом классе учился его чембарский приятель Вася Подладчиков.

Продолжились и занятия с Солоницыным. Мишель с удовольствием делал учебные рисунки с гипсов, писал пейзажи, мечтая подарить картины отцу, чьего приезда к Рождеству он очень ждал.

Увлёкшись древней историей, Мишель прочёл книгу «Описание военных действий Александра Великого, царя Македонского. С семью гравированными эстампами» и начал по вечерам лепить из воска античные батальные сцены. Увидев их на столе у кузена, десятилетний Екимка тут же принялся расспрашивать:

— Какое это сражение?

— Переход через реку Граник войск Александра Великого в 334 году до Рождества Христова. Македонский царь тогда едва не погиб, но, будучи спасён своим военачальником и другом Клитом, вскоре обратил в бегство персидских сатрапов.

— Где же такая река протекает?

— В Малой Азии. После победы в битве Александру Македонскому покорились области Фригия и Лидия.

— Откуда ты знаешь, какой была картина сражения?

— Здесь в книге эстамп есть, я по нему лепил.

Восторженно разглядывая другую батальную сцену с воинами в доспехах из фольги, колесницами, украшенными стеклярусом, и боевыми слонами у палатки полководца, Еким снова спрашивает:

— А эта битва где произошла?

— При Арбелах в 331 году до Рождества Христова. Там легионы Александра Великого разбили армию персидского царя Дария Третьего и полностью покорили Персию, потому что остальные города сдались и присягнули Македонскому.

— Как у тебя хорошо получилось! Даже слонов вылепил!

— Слоны — самое простое. Кстати, их у Дария было пятнадцать, но они в битве не участвовали.

— Мне тоже нравится, как ты вылепил батальные сцены, — похвалил друга зашедший в гости Святослав Раевский, который недавно поступил на службу в канцелярию московского генерал–губернатора. — Очень полезное занятие для изучения истории. А о чём профессор Мерзляков на последних лекциях говорил?

— Об античном стихосложении. Свои переводы читал и задал нам перевести или сочинить стихи на античные сюжеты.

— Ну и как, ты написал?

— Да. Вот взгляни, — Мишель протянул Святославу тетрадь, — Но не суди строго. Это всего лишь упражнения.

Тот быстро прочёл стихотворения «Цевница», «Заблуждение Купидона» и сказал:

— По–моему, хорошо для начала. Все размеры соблюдены, рифмы богатые и, что мне больше всего нравится, чувствуется твоё оригинальное видение темы, несмотря на заимствования из Батюшкова.

— Вчера я эти стихи Дмитрию Никитичу Дубенскому показал после лекции по риторике, он тоже одобрил. Я теперь его новую книгу «О народном русском стихосложении» читаю. Много полезного в ней нахожу.

Тем временем Екимке надоело слушать умные разговоры старших. Сначала он с восхищением рассматривал акварель кузена в новой, недавно начатой им тетради: там был изображён горец на коне, тянущий арканом русского пленника. Потом любопытного мальчугана заинтересовала другая тетрадь Мишеля, только что положенная на стол Святославом. Екимка открыл её и прочёл вслух, чтобы обратить на себя внимание:

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где–нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

— Еким, ты зачем без спросу тетрадь мою взял? — нарочито сердится Мишель.

— Извини, пожалуйста. Интересно очень, что ты там сочиняешь. Начало стихов про осень у тебя так живо получилось! А продолжение есть?

— Пока нет. Видишь, пустое место оставил.

— «Черкесы», — прочёл Еким заглавие на другой странице. — Переписать поэму сюда хочешь, что ль?

— Нет, я только набросал титульный лист к ней для рукописного журнала «Утренняя заря». Мы его с Колей хотим выпускать.

— А ты сочиняешь что–нибудь ещё для журнала?

— Да, но пока не закончил. Потом в первом номере и прочтёшь. Иди–ка лучше в классную комнату. Опоздаешь на

урок, так мсьё Жандро не похвалит.

— Ладно. Оревуар.

Кузен нехотя вышел. Мишель прикрыл за ним дверь и продолжил разговор со Святославом:

— Честно говоря, я написал ещё две поэмы в духе Пушкина, но по–своему, — «Корсар» и «Кавказский пленник». И даже фронтиспис к одной нарисовал.

— Недурно, очень даже недурно. Это к началу «Кавказского пленника»?

— Да. Пока не перебелил тексты, потому что уроков много задают. Перебелю и покажу тебе, а Мерзлякову не стану давать. Он говорит, что южные поэмы Пушкина якобы образцы ложной поэзии. А я считаю, что самой настоящей поэзии это образцы!

— Алексея Фёдорыча известны предпочтения. Он романтизма не любит, по нему эпическая поэзия должна быть сплошь гражданственной и героической, как у Шекспира и Шиллера. Но надо отдать ему должное, он народную поэзию хорошо чувствует и перелагает. Его подражания и переводы античных стихотворцев старомодные, но зато мастерские. Многому у Мерзлякова научиться можно.

— Согласен. Мне бабушка дала денег на книги. Они у Андрея Иваныча на хранении. Я теперь хожу по субботам к Раичу на собрания Общества молодых любителей литературы. Там мы обсуждаем книгу Вакенродера и Тика «Об искусстве и художниках». Раньше я её брал у Мещериновых, а теперь хочу купить, и кое–какие другие нужные издания приобрести или выписать. Ещё не поздно, книжные магазины открыты. Поедем с нами, может, посоветуешь мне что–нибудь. Бабушки всё равно дома нет, она зубы лечит.

— Что ж, поедем, — согласился Святослав.

После удачного вояжа по книжным магазинам и ужина Мишель внимательно перечитал романтическую новеллу Вакенродера «Видение Рафаэля» и серьёзно задумался над самым важным поворотом сюжета, когда великий художник смог создать гениальный образ Мадонны лишь после ночного видения светящегося изображения Девы Марии на стене: *«На следующее утро он проснулся как бы вновь рождённым на свет: видение навеки чётко запечатлелось в его душе, и теперь ему удавалось всегда изображать Матерь Божию такой, какою она виделась его*

внутреннему взору, и сам он с тех пор смотрел на собственные картины с благоговением».

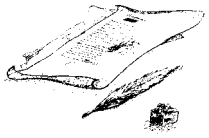
Лермонтов понимал, что это только легенда, но описанное Вакенродером вдохновенное состояние великого художника удивительно совпадало по ощущениям с пережитым самим юным сочинителем. Наверное, оно и было тем чудом, которого искала его душа с детских лет…

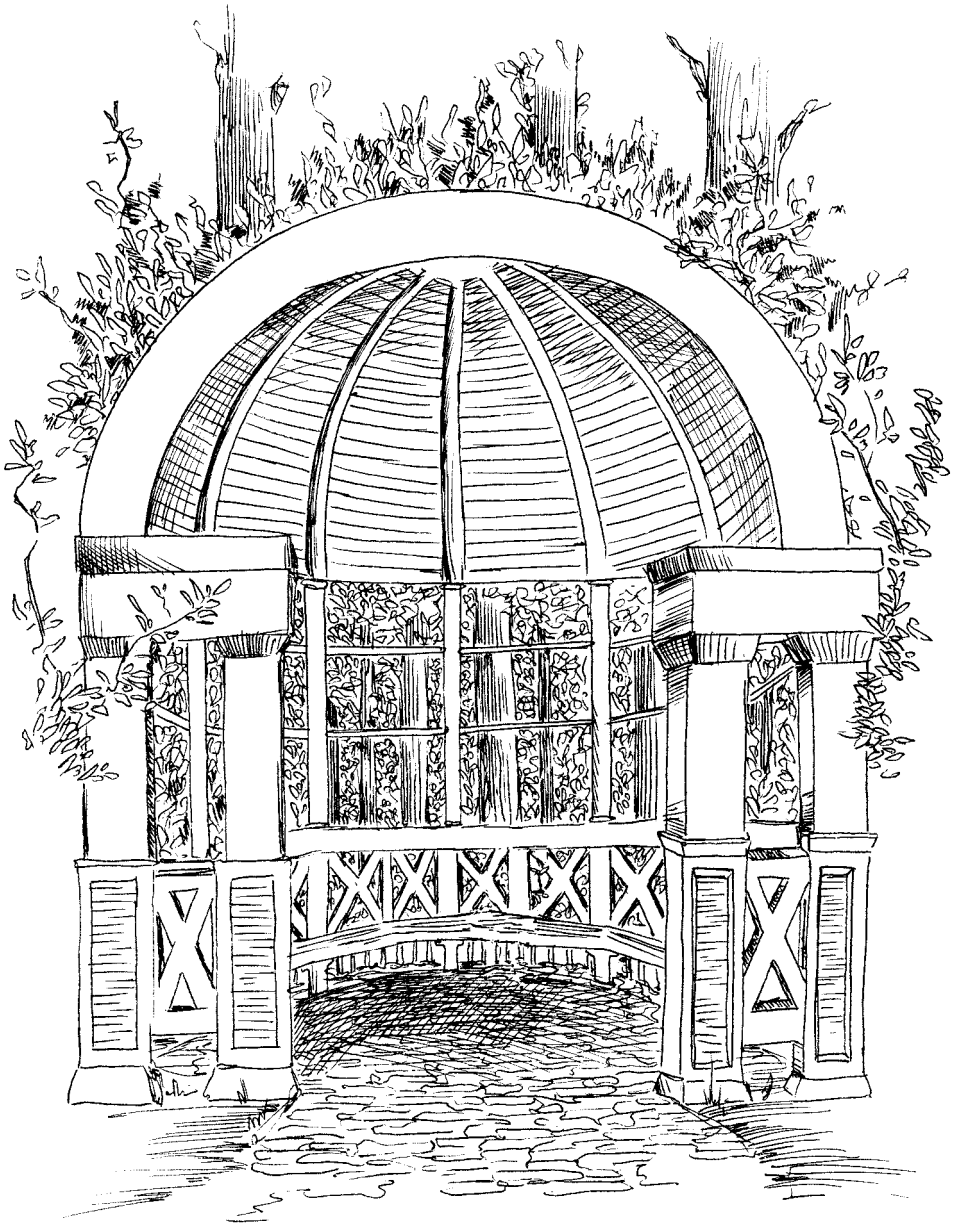
Перенося идею божественного вдохновения на поэзию, Мишель написал стихотворение «Поэт»:

Когда Рафа́эль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И, утомлённый и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

Михаил Лермонтов на пороге юности ступил на путь поэтического творчества. Набираясь опыта, совершенствуя мастерство и постепенно освобождаясь от заимствований и подражаний, он будет до конца своей так рано и трагически оборвавшейся жизни вдохновенно служить русской литературе, несмотря на превратности судьбы.





Лермонтовские святыни

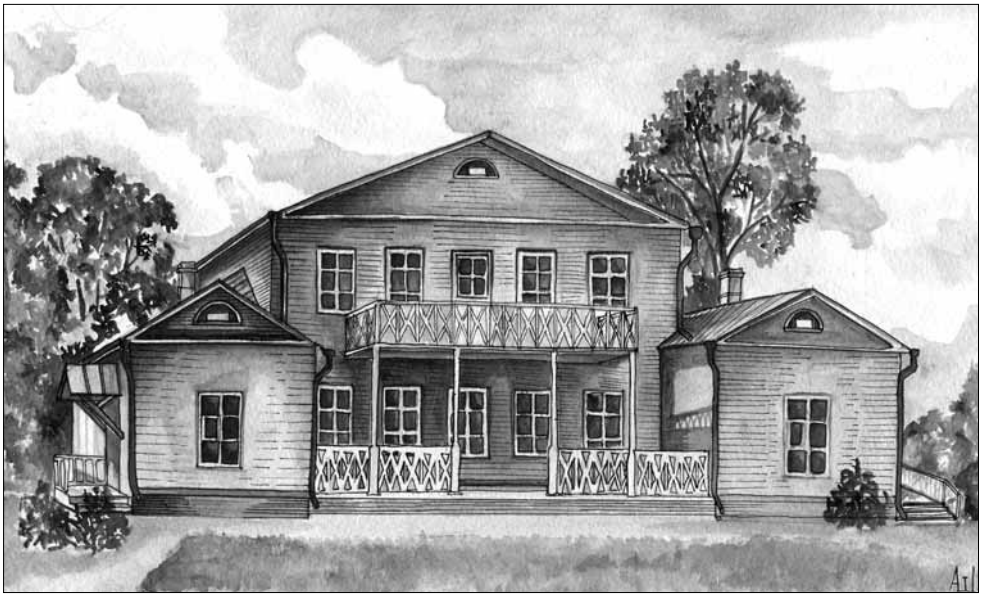
Поэтический цикл

Москва

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
М.Ю. Лермонтов

Кремль и ожерелья улиц узких
Золотил октябрьский листопад,
В свет явился грустный гений русский
В доме у московских Красных врат,
Здесь его крестили Михаилом.
Пусть он вырос в тишине Тархан,
Но Москва талант его взрастила,
Что был Богом от рожденья дан.

Он мужал, науки постигая,
Чувство Родины крепили в нём
И Молчановка, и Поварская,
И Иван Великий над Кремлём…
Лермонтов в короткой яркой жизни
Сохранял тепло родных святынь.
Здесь, в Москве, души его отчизна,
Он её любил, как нежный сын.



Тарханы

И вижу я себя ребёнком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...
М.Ю. Лермонтов

Голубые звёздочки цикорий
Рассыпает средь тарханских трав.
Ветерок гуляет на просторе,
Затихая в зелени дубрав.
Облака, как витязи из сказки,
Друг за дружкой уплывают вдаль.
Солнце согревает летней лаской
Венчики махровых ярких мальв,
Отражаясь в чистых росных каплях.
Степь яснеет в утренних лучах.
На Большом пруду проснулись цапли,
Гуси проплывают, гогоча...

Как пером начертаны гусиным
На полотнах водяных зыбей —
Лермонтовский дом и сад старинный,
Золотые маковки церквей.
Нежно утро гения взлелеяв,
Этот сад доныне тем и жив.
Близ теплицы в вековых аллеях
Чудных песен слышится мотив.
Поверяя радости–печали
Струям вод, деревьям и цветкам,
Мальчик рос, душа его крепчала,
Чтоб процвесть стихами на века.

Пятигорск

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.
М.Ю. Лермонтов

Там ладан облаков устало
Бешту над городом кадит
И с пирамиды пьедестала
Поручик Лермонтов глядит
На горы синие Кавказа,
В лазурной тающие мгле.
И сонмы дум теснятся сразу
На юном бронзовом челе.

Поэту щедро вдохновенье
Дарил серебряный Кавказ
И раннее любви волненье,
Небесный свет девичьих глаз.
От всех недугов исцеленье,
Друзей, проверенных не раз,
И о Всевышнем откровенье
Дарил серебряный Кавказ.

Там под горячими лучами
Мишель был весел и любим,
Порой бессонными ночами
Судьбы предчувствием томим.
То гор великих панорамы
С любовью кистью он писал,
То вдруг лихие эпиграммы,
В альбом изящный мадригал.

Страдали там его герои,
И «Демон» грезился вдали,
А чести жёсткие устои
В могилу раннюю свели.

Мятежный пленник светских правил
Дарил Кавказу сотни строк.
В них сердца вечный звон оставил
Поэт, художник и пророк.

Послесловие автора

Дорогие читатели, юные и взрослые! Эта книга в художественно–документальной форме познакомила вас с событиями детских и отроческих лет Михаила Лермонтова. Все 30 рассказов написаны на основе биографии великого поэта, его родных и окружающих. Не искажён ни один из фактов, подтверждённых документами, письмами, воспоминаниями современников, записями самого Лермонтова. Однако таких фактов недостаточно, чтобы с необходимой для художественных произведений полнотой описать жизнь юного гения. Поэтому в рассказах использованы гипотезы авторитетных лермонтоведов о тех или иных событиях. Одни гипотезы принимаются большинством специалистов, другие же вызывают многолетние дискуссии, а порой и взаимно исключают друг друга. В таких случаях необходимо было обоснованно выбрать наиболее вероятную версию событий. Приведу три ярких примера.

В «Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова», опубликованную в 1964 году известным учёным В.А. Мануйловым, включены три поездки великого поэта на Кавказ в детском возрасте: в 1818, 1820 и 1825 годах. Поездка 1825 года неоспоримо подтверждается списком посетителей Кавказских вод, опубликованном в августовском номере журнала «Отечественные записки», где значатся Е.А. Арсеньева, её внук, домочадцы и родственники. О поездке 1820 года свидетельствует запись в дневнике М.М. Сперанского от 7 марта 1821 года: «Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действие кавказских вод. Совершение исцеления. Чембар». В позднейших публикациях поездка 1818 года исключена из летописи по причине недоказанности документами. Однако нами она описана в рассказе «В Пензе и на Кавказе» по следующим соображениям:

- Запись М.М. Сперанского по содержанию может относиться не к одной, а к нескольким поездкам на Кавказ.
- В раннем детстве Лермонтов был слабым, болезненным ребёнком, страдал золотухой (диатезом) и английской болезнью (рахитом). Для его лечения, несомненно, Е.А. Арсеньева пользовалась консультациями и назначениями опытных врачей и всеми имеющимися в их арсенале методами, а также домашними и народными средствами, но до 1818 года почти безрезультатно. Ребёнка по–прежнему мучили *«сыпь, мокрые струпья, так что сорочка прилипала к телу, и мальчика много кормили серным цветом»*, как писал П.А. Висковатый в книге «Михаил Юрьевич Лермонтов». Миша не мог ходить самостоятельно, только активно ползал. Пошёл он в возрасте четырёх лет осенью 1818 года. Такое резкое улучшение вряд ли могло произойти без лечения новым методом, не применявшимся ранее. С учётом возможностей медицины первой трети XIX века таким методом, вероятнее всего, было лечение кавказскими водами, эффективными в случаях и рахита, и золотухи.
- В воспоминаниях А.П. Шан–Гирея написано о М.Ю. Лермонтове: *«Слыхал также, что он был с детства очень слаб здоровьем, почему бабушка возила его раза три на Кавказ к минеральным водам»*.
- Врач и историк медицины Б.А. Нахапетов в своей книге «Медицинская карта М.Ю. Лермонтова», проследив на основании дошедших до

нас сведений о болезнях в семье Лермонтовых, в том числе наследственных, писал, что поскольку оба родителя поэта умерли от туберкулёзной чахотки, то у Михаила Юрьевича в раннем детстве были связанные с этим осложнения: золотуха, рахит и, как следствие, слабый иммунитет и частые заболевания. Б.А. Нахапетов приходит к выводу: «*видимо, не менее трёх раз возила своего внука на Кавказ неугомонная Елизавета Алексеевна, накрепко поверившая в целебную силу горных источников*». Действительно, стойкий оздоровительный эффект, который наблюдался у М.Ю. Лермонтова с 11 лет, возможен, как правило, именно при прохождении трёх и более курсов лечения минеральными водами.

Вторым спорным моментом является вопрос о причинах смерти М.В. Арсеньева, дедушки М.Ю. Лермонтова, последовавшей 1 января 1810 года во время домашнего спектакля. Е.А. Арсеньева и родственники называли естественную причину смерти — удар, то есть обширный инсульт. Однако в литературе, как научной, так и популярной, широко распространена другая версия, связанная с самоубийством в форме отравления и основанная на воспоминаниях крепостных слуг. Причиной самоубийства считается увлечение М.В. Арсеньева молодой княгиней Н.В. Мансыревой, приглашённой им на праздник, но остановленной ревнивой Е.А. Арсеньевой. В пользу самоубийства говорит факт отсутствия в метрической книге тарханской церкви записи об отпевании М.В. Арсеньева. Однако он был похоронен в церковной ограде справа от алтаря церкви, что говорит в пользу другой версии.

Спор о причинах смерти деда Лермонтова до сих пор не решён и требует дополнительных научных исследований. Однако последние работы ставят под сомнение версию об отравлении: непосредственно перед злополучным событием чембарский уездный предводитель дворянства М.В. Арсеньев вёл активную общественную деятельность, готовился к перевыборам. Вряд ли он намеревался покончить жизнь самоубийством и заранее запасся сильнодействующим ядом. Ссора супругов Арсеньевых произошла, скорее всего, совсем незадолго до намеченного спектакля. Однако, на наш взгляд, положение, в которое попал М.В. Арсеньев, является слишком незначительным поводом для самоубийства взрослого мужчины, но явной причиной сильного стресса. По свидетельству тарханской крестьянки Александры Суминой, записанному П.А. Висковатым, «барин с барыней побранились. Гости в доме, а барин всё на крыльцо выбегали». Острые переживания М.В. Арсеньева могли спровоцировать удар, сопровождавшийся быстрым отёком лёгких с пеной изо рта, что очень похоже на симптомы отравления ядом. Сомнительно, чтобы крепостные крестьяне, не имевшие медицинского образования, могли сами установить правильный диагноз. Поэтому в рассказе «Рождение» была принята версия родных М.Ю. Лермонтова о естественной скоропостижной смерти его деда М.В. Арсеньева от апоплексического удара.

Также нет единодушно принимаемой специалистами гипотезы о втором отроческом увлечении М.Ю. Лермонтова в 1827 году, о котором свидетельствует несколько записей поэта:

● *«1830 (мне 15 лет). Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадёжно любимой мною, бисерный синий снурок; он и теперь у меня хранится. Кто хочет узнать имя девушки, пускай спросит у двоюродной сестры моей. — Как я был глуп!..»* («Автобиографические заметки»)

● *«Про дерево, где я сидел с А.С.»* («Автобиографические заметки», приписка к записи «Моё завещание»)

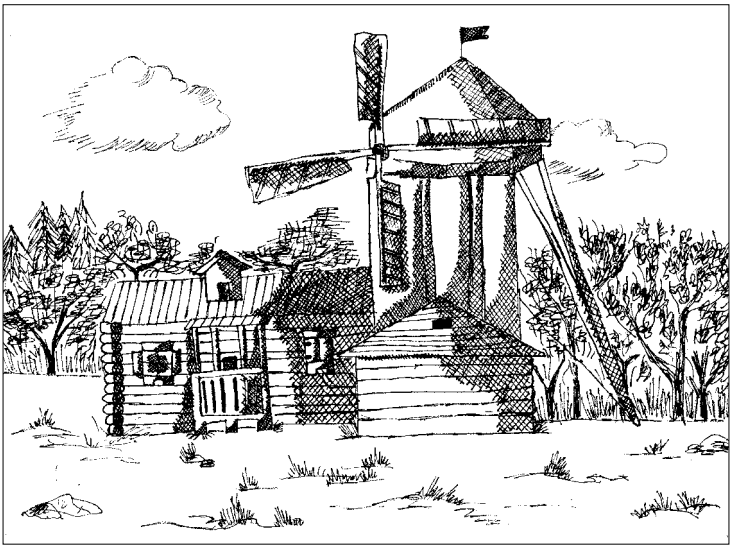
● *«Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю»* (Приписка в автографе стихотворения 1829 года «К Гению»).

● Портрет миловидной молодой девушки у сухого дерева на листе с посвящением драмы «Люди и страсти» («Menschen und Leidenschaften», 1830 год).

Существует две заслуживающие внимания версии о предмете этого увлечения Лермонтова. В.А. Мануйлов предположил, что речь везде идёт об Агафье Александровне Столыпиной, двоюродной сестре матери поэта, которая была на пять лет старше М.Ю. Лермонтова. Согласно второй, более распространённой, версии, три последние записи относятся к Анне Григорьевне Столыпиной, которая была на год моложе Лермонтова. Однако содержание стихотворения «К Гению» и посвящения драмы «Люди и страсти», на наш взгляд, вряд ли могли относиться к 11–12–летней девочке, ещё не выезжавшей в свет, хотя и имеется некоторое сходство изображения в посвящении с портретом А.Г. Столыпиной, в замужестве Философовой, во взрослом возрасте. Сомнительно также, что Лермонтов в 12 лет за короткое время мог пережить сразу два увлечения, настолько серьёзных, что в одном случае хранил три года украденный у девушки шнурок, а о другом писал спустя два года: *«...и поныне люблю»*. Поэтому в рассказах «Синий шнурок» и «Кропотовская любовь» принята гипотеза В.А. Мануйлова о том, что предметом второй отроческой любви М.Ю. Лермонтова была Агафья Александровна Столыпина, в замужестве Дохтурова, а «ефремовская деревня» — это Кропотово.

Сочиняя рассказы, я стремилась максимально достоверно описать жизнь юного М.Ю. Лермонтова, реконструируя и конкретизируя с помощью художественного вымысла недостающую информацию и детали событий с учётом гипотез и сведений об окружавших поэта людях. Однако такая художественная достоверность, не противоречащая бесспорным фактам («как могло быть»), не даёт оснований использовать рассказы в качестве источника научной информации («как действительно было») без обращения к научным публикациям, список которых приведён в настоящем издании.

Цель книги совершенно иная — дать возможность современному читателю погрузиться в реалии первой трети XIX века и получить художественно достоверное представление о детстве и отрочестве великого поэта, сопереживая ему и его близким в бедах и радостях. Достигнута ли эта цель — судить вам, дорогие читатели.



Словарь терминов, редко употребляемых и устаревших слов

Авангард — часть войск, выдвигающаяся впереди главных сил с целью охранения последних от разведки и внезапного нападения противника, а также для разведки или внезапного нападения на противника.
Античный — относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян.
Ареопаг — высший орган судебной и политической власти в древних Афинах (от греческого Areios pagos — холм Ареса), в переносном смысле — собрание авторитетных лиц для решения каких–либо вопросов.
Арктур — одна из самых ярких звёзд на небе, находится в созвездии Волопаса, имеет оранжевое свечение, особенно хорошо видна весной и летом.
Арьергард — часть войск, которая должна охранять тыл главных сил от неприятельского нападения.
Байрам — большой исламский праздник. Различают Ураза–байрам (в честь окончания поста, длившегося месяц рамадан) и Курбан–байрам — в честь окончания хаджа (паломничества), празднуемый через 70 дней после Ураза–байрама.
Благочинный — в русской православной церкви священник, являющийся помощником правящего архиерея и надзирающий за соблюдением чина богослужений, поведением духовенства и ведением церковного хозяйства в одном из районов епархии — благочинии.
Богородская трава — чабрец.
Бонна — няня, гувернантка.
Борзятник — псарь, охотник при своре борзых собак.
Брегет — карманные часы на цепочке.

Бурка — войлочный безрукавный плащ, распространённый на Кавказе. Различают два вида: бурка всадника — длинная, ворсистая, со швами, образующими широкие плечевые выступы, и бурка пешего — короткая, гладкая, лишённая швов, необходимая принадлежность кавказских пастухов.
Вакации — каникулы.
Вега — одна из самых ярких звёзд на небе, находится в созвездии Лиры, имеет бело–голубоватое свечение, особенно хорошо видна летом.
Вельможа — человек знатного рода, высокого сана при дворе правителя.
Восьмерик — восьмигранное сооружение или его часть.
Вотчина — потомственное земельное владение, имение.
Вояж — поездка, путешествие.
Выжлятник — псарь при гончих собаках.
Галантный — изысканно вежливый, учтивый.
Грассирование — слегка картавое произношение звука «р».
Губерния — высшая единица административного деления и местного устройства в России, оформившаяся в XVIII веке; губернское территориальное деление в 1924–1929 годах заменено делением на области и края, а позднее и округа.
Губернский секретарь — гражданский чин 12–го класса по Табели о рангах Российской империи.
Гувернёр — домашний учитель, воспитатель.
Гусары — лёгкая кавалерия XV–XX веков; в XVIII–XIX веках отличались характерной одеждой. Гусары носили кивер (высокая цилиндрическая шапка с козырьком и султаном), ментик (накидка с меховым воротником на одно плечо, в холодное время надевалась «в рукава»), доломан (короткая куртка), рейтузы, чикчиры (сапоги).
Двуколка — двухколёсная повозка без рессор.
Дворовый — безземельный крепостной, обслуживавший помещика и его усадьбу.
Деверь — брат мужа.
Действительный статский советник — гражданский чин 4–го класса по Табели о рангах Российской империи.
Декабристы — участники российского дворянского оппозиционного движения, члены различных тайных обществ 2–й половины 1810–х — 1–й половины 1820–х годов, организовавшие антиправительственное восстание 14 декабря 1825 года и получившие название по месяцу восстания.
Денница — утренняя заря.
Деспотичность — властолюбие, властность, порой доходящая до жестокости.
Десятина — старая русская единица земельной площади, равная 2400 квадратным саженям (или 1,0925 гектара).
Драгуны — конница, способная действовать также и в пешем строю; в прежние времена под этим же названием понималась пехота, посаженная на лошадей. В драгунских полках действовала та же система чинов,

что и в пехоте (поэтому корнет М.Ю. Лермонтов, переведённый в 1837 году из Лейб–Гусарского полка в Нижегородский драгунский «тем же чином», стал именоваться прапорщиком). Во время Отечественной войны 1812 года драгуны носили в строю высокую каску из чёрной лакированной кожи с вделанным вверху гребнем из конского хвоста, прикрывавшим шею от сабельного удара (отсюда «драгуны с конскими хвостами» в стихотворении «Бородино»).

Дрожки — лёгкая открытая четырёхколёсная рессорная повозка, как правило, на одного–двух пассажиров.

Егеря — лёгкая пехота, меткие стрелки, способные действовать в рассыпном строю («егерь» в переводе с немецкого означает «охотник, стрелок»); обычно в наступлении находились в авангарде, а при отступлении — в арьергарде.

Елей — освящённое масло.

Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа: длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

Золотуха — детское кожное заболевание вследствие нарушения обмена веществ или последствий инфекции у ребёнка (современное название — диатез).

Зять — муж дочери или сестры.

Ирга — медоносное плодовое и декоративное растение семейства розоцветных, плодоносящие сладкими тёмно–синими ягодами.

Кавалергарды — особая кавалерийская часть в русской гвардии XVIII — начала XX века; исполняли обязанности почётной стражи императора во время коронаций и других торжеств, участвовали также в военных действиях и сражениях.

Камердинер — комнатный служитель при господине.

Канон церковный — правила в области догматики, культа, организации церкви, возведённые христианской церковью в закон.

Капелла — одна из самых ярких звёзд на небе, находится в созвездии Возничего, имеет жёлтое свечение, находится ближе других самых ярких звёзд к Северному полюсу и в Северном полушарии видна круглый год.

Кирасиры (в переводе с франц. — латники) — род тяжёлой кавалерии, всадники которой были вооружены тяжёлыми палашами, их грудь и спина были защищены кирасой (нагрудной бронёй), голова — металлической каской. В кирасиры набирали лишь рослых и сильных всадников (во времена наполеоновских войн 170–180 см ростом), использовали коней тяжёлых пород весом 600–700 кг.

Клавикорды — фортепиано старинного типа четырёхугольной формы.

Ключница — женщина, ведавшая продовольственными и хозяйственными запасами дома, поместья и ключами от мест хранения.

Книксен — поклон с приседанием как знак приветствия или благодарности со стороны лиц женского пола.

Ко́злы — сиденье для кучера на передке повозки, экипажа.

Коллежский асессор — гражданский чин 8–го класса по Табели о рангах, дававший в Российской империи право на потомственное дворянство тем, кто его не имел.
Коллежский секретарь — гражданский чин 10–го класса по Табели о рангах Российской империи.
Коллежский советник — гражданский чин 6–го класса по Табели о рангах Российской империи.
Коллежский регистратор — гражданский чин 14–го (самого низкого) класса по Табели о рангах Российской империи.
Коляска — рессорный экипаж на четырёх колёсах с поднимающимся верхом.
Корсары — частные лица и члены их команд, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооружённое судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля.
Костница — хранилище, склеп для костей.
Кош–аул — аул в виде стана, лагерь горцев.
Красный товар — текстиль, ткани.
Кувыркун — деревянная кукла с грузилом в нижней части, предшественник неваляшки.
Кужель — кудель, пучок вычесанного волокна (льна, конопли или шерсти), приготовленный для прядения.
Кузен (кузина) — двоюродный брат (сестра); так могли называть и троюродных, и четвероюродных братьев и сестёр, а иногда даже двоюродных тёток и дядей, если они были близки по возрасту племянникам.
Кумыс — кисломолочный напиток из кобыльего (реже коровьего или верблюжьего) молока.
Лазаревский институт восточных языков — ранее существовавшее высшее учебное заведение в Москве, неоднократно менявшее название и статус и вошедшее в 1927 году в состав Московского института востоковедения.
Лейб–гвардия — личная охрана монарха и почётное наименование отборных воинских частей в некоторых монархических странах; в Российской империи так именовались все гвардейские части. Помимо традиционных боевых и караульных задач, лейб–гвардия исполняла церемониальную функцию, принимая участие в парадах, шествиях и торжественных выездах. В связи с этим особое внимание уделялось внешнему виду личного состава. Предпочтение отдавалось высоким, отличного сложения новобранцам. В Российской империи в Преображенский полк брали самых высоких и русоволосых рекрутов (новобранцев), в Семёновский полк принимали блондинов, в Измайловский — брюнетов. В конногвардейских полках значение придавали не только цвету волос лейб–гвардейцев, но даже масти лошадей: в Кавалергардском полку служили блондины на гнедых лошадях, в Кирасирском Его величества — рыжие на рыжих лошадях, и т. д.
Лейб–кампанский корпус — гренадерская рота лейб–гвардии Преображенского полка, с чьей помощью взошла на престол императрица Елизавета Петровна; 31 декабря 1741 года рота преобразована в

Лейб–кампанию. Личный состав, носивший название Лейб–кампанского корпуса, получил привилегии: офицеры — генеральские чины, рядовые — приравнены к поручикам армии или получили дворянство; капитаном Лейб–кампании числилась императрица, командовал капитан–поручик в чине полного генерала. Корпус нёс караульную службу при императорской особе, упразднён 21 марта 1762 года.

Лепнина — лепные украшения в архитектуре, интерьерах.

Лития — усердное моление, в древности совершаемое вне храма. В настоящее время слово «лития» употребляется в двух значениях: часть всенощного бдения в конце великой вечерни (обычно в притворе храма) и особый род моления об усопших православных христианах в храме, на кладбище или в другом месте.

Литургия — торжественное богослужение в христианстве, во время которого совершается причащение Святых Даров.

Ловчий — организатор охоты, а также с XVI века придворный чин у великих князей и царей.

Ломберный стол — обтянутый сукном четырёхугольный раскладной стол для игры в карты (от названия старинной карточной игры ломбер).

Лукавый — бес, нечистый.

Масоны (франкмасоны) — члены всемирной тайной организации, носящей религиозный и политический характер; слово «масон» в буквальном переводе означает «строитель, каменщик».

Меды — алкогольные напитки разной крепости, основным сырьём для которых является мёд; на Руси меды были слабоалкогольными.

Мезонин — полуэтаж, надстройка в один этаж над средней частью дома.

Мемуары — воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких–либо событий.

Меркантильность — корыстолюбие, чрезмерная расчётливость.

Митра — расшитый золотыми нитями головной убор, надеваемый во время богослужения представителями высшего православного духовенства и некоторыми заслуженными священниками.

Модистка — мастерица по изготовлению женской одежды: шляп, платья и белья.

Молодуха — молодая жена в течение года или нескольких первых лет после свадьбы.

Молочный брат (сестра) — сын (дочь) кормилицы одного возраста со вскармливаемым ребёнком.

Морок — иллюзия, искажение смысла или восприятия чего–либо.

Моська — мопс, маленькая комнатная собачка.

Муштра — система воинского обучения, при которой основное внимание обращается на внешний вид, строевую подготовку, многократное повторение шаблонных приёмов (в ущерб боевой подготовке), обычно предусматривает суровые дисциплинарные требования и наказания.

Надворный советник — гражданский чин 7–го класса по Табели о рангах Российской империи.

Намаз — молитва в исламе.

Нашатырь — нашатырный спирт.
Однодворец — происходивший из низшего разряда служилых людей владелец небольшого земельного участка, обычно в один двор, пользовавшийся правом владеть крепостными, но облагавшийся подушной податью наравне с крестьянами.
Оконница — оконная рама в виде металлической решётки со слюдяным или стеклянным заполнением, в древнейших постройках — в виде доски с прорезанными в ней отверстиями.
Опекунский совет — основанное в 1763 году государственное учреждение Российской империи, ведавшее, среди прочего, делами Ссудной кассы, выдававшей займы под залог недвижимости.
Опрятывать — приводить в порядок: обмыть, умыть, причесать и одеть.
Опус — сочинение.
Особоровать — осуществить соборование (елеосвящение), таинство, совершаемое над больными, заключающееся в помазании освящённым маслом (елеем), служащее духовным врачеванием от телесных недугов, а также дарующее больному оставление тех грехов, в которых он не успел раскаяться (или забыл их, но не утаил сознательно).
Папаха — мужской меховой головной убор из овчины или каракуля, распространённый в России у казаков, народов Кавказа и Средней Азии, элемент военной формы, одежды.
Партия (брачная) — лицо, рассматриваемое в качестве предполагаемого жениха или невесты.
Поветрие моровое — быстро распространяющаяся массовая болезнь со значительной смертностью.
Повитуха — опытная женщина, умеющая принимать роды.
Подать подушная — прямой личный налог, уплачиваемый с каждой души (человека) мужского пола в одинаковом размере независимо от величины дохода и имущества; взималась в России в XVIII–XIX веках.
Покладистый — уступчивый, сговорчивый.
Понёва — домотканая шерстяная юбка.
Поручик — воинский чин младшего офицерского состава (обер–офицер) в русской армии, примерно соответствующий старшему лейтенанту (иногда лейтенанту), капитан–поручик — следующий за ним чин (до 1798 года).
Предводитель дворянства — выборный представитель дворянства в губернской или уездной администрации.
Прусак — рыжий таракан.
Пятистенка — изба, разделённая внутри капитальной рубленой бревенчатой стеной.
Реликвия — бережно хранимая, почитаемая вещь, связанная с памятными событиями.
Раскольники — сторонники старообрядчества, отвергающие проведённую в 1650–1660–х годах патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем церковную реформу.

Риза — верхняя одежда, облачение священнослужителя, в другом значении — оклад иконы.
Рогожа — грубая хозяйственная ткань, которая первоначально производилась из волокон растения рогоз (отсюда и название), а позже и из лыка (мочала); из рогожи изготовлялись кули, мешки, половики, рабочая одежда.
Роялист — сторонник монархической формы государственной власти, монархист; в период Великой французской революции роялистами называли приверженцев королевской династии Бурбонов.
Сажень — русская мера длины, равная трём аршинам (около 2,1 м).
Сакля — русское название жилища кавказских горцев.
Сатрап — правитель в древней Персии, наместник провинции.
Сафьян — выделанная козловая или овечья кожа высокого качества, использовалась для верха обуви и книжных переплётов.
Свойственник — родственник через брак: тесть, тёща, свекровь, деверь, шурин, сноха и так далее.
Секунд–майор — офицерский чин, следующий за чином капитана в армии Российского государства XVIII века. По уставу 1716 года майорские чины разделялись на премьер–майоров (первый, или старший, майор) и секунд–майоров (второй, или младший, майор). Премьер–майор заведовал в полку строевой и инспекторской частями, командовал 1–м батальоном, а в отсутствие командира полка — полком. Разделение на премьер– и секунд– майоров было отменено в 1797 году.
Сенатор — член Сената, высшего органа государственной власти, обладающего законодательным правом.
Смазливый — имеющий привлекательную внешность, употребление этого слова часто имеет пренебрежительный оттенок.
Смычок *(в псовой охоте)* — две гончие собаки в ошейниках, соединённых короткой цепью друг с другом для удобства управления.
Снедь — пища, яства, еда.
Сноха — жена сына, деверя.
Стряпчий — чиновник по судебному надзору.
Сугубо помолиться — помолиться особенно усердно.
Тайный советник — гражданский чин 3–го класса по Табели о рангах Российской империи.
Тархан — мелкий торговец, скупщик, разъезжающий по деревням.
Таусенить — петь таусени (новогодние колядки).
Титулярный советник — гражданский чин 9–го класса по Табели о рангах Российской империи, давал право на личное дворянство тем, кто его не имел.
Траншея — открытая выемка в грунте трапециевидного сечения, длина которой во много раз превышает ширину. Используется главным образом для защиты личного состава от огня противника.
Турлучный — обмазанный глиной поверх переплетённого хвороста.
Уезды — административно–территориальные единицы в России XV–XX веков, части губерний, которые в 1923–1929 годах преобразованы в районы.

Уложение — свод законов, кодекс.
Ультиматум — требование, связанное с ограничением времени, данного на его исполнение, а также с угрозой серьёзных последствий в случае его неисполнения.
Фельдмаршал (генерал–фельдмаршал) — высшее воинское звание в армиях некоторых государств.
Флёр — очень тонкая прозрачная ткань, в переносном смысле — покров таинственности.
Флеши — полевые укрепления, образующие угол, обращенный вершиной к противнику.
Флигель — вспомогательная пристройка к жилому дому или отдельно стоящая второстепенная постройка в городской или сельской усадьбе.
Флирт — манера поведения, привлекающая внимание лиц противоположного пола, кокетство.
Франкмасоны — см. масоны.
Фронтиспис — рисунок, размещаемый на одном развороте с титулом на чётной полосе.
Фузилёрный полк — пехотный полк, воины (фузилёры) которого вооружены фузеями (род гладкоствольных ружей с кремнёвым замком).
Холоп — человек, находящийся в юридической зависимости от господина: раб, крепостной крестьянин, дворовый.
Хорей — двухсложный стихотворный размер с ударением на первом слоге.
Хорунжий *(от слова «хоругвь» — «знамя», буквально — знаменосец)* — младший офицерский чин в казачьих войсках Российского государства до 1917 года, соответствующий чину корнета (иногда подпоручика) в кавалерии и прапорщика в пехоте.
Цевница — свирель, символ поэтического творчества.
Червонец — золотая монета разного достоинства, при императрице Екатерине II чеканилась весом 3,47 грамма и предназначалась для торговли с иностранцами, достоинство определялось содержанием золота в монете.
Черкеска — верхняя узкая и длинная мужская одежда с газырями (цилиндрическими нашивками–пенальчиками для зарядов) на груди, затянутая в талии, у черкесов и других кавказских горцев; являлась элементом военной формы кубанских и терских казаков.
Чернотроп — время поздней осени до выпадения снега, а также осенние дороги, ещё не покрытые снегом.
Четверик — четырёхгранное сооружение или его часть.
Чубушник — садовый жасмин.
Экономка — женщина, занимающаяся ведением домашнего хозяйства у кого–либо.
Эскадрон — основное тактическое подразделение в регулярной кавалерии численностью 150–200 человек, в кавалерийском полку обычно было 4–6 эскадронов.
Эстамп — оттиск на бумаге с печатной формы.
Ямб — двухсложный стихотворный размер с ударением на втором слоге.

Упоминаемые топонимы

Аджи–аул, селение, находившееся у юго–восточного склона Бештау в 5 км от Пятигорска, впоследствии слился с аулом Ашабэ, образовав селение Малку.

Аксай, казачья станица, ныне районный центр Ростовской области, в 12 км от Ростова–на–Дону.

Александровский сад в Москве, регулярный парк, высаженный в 1820–е годы при императоре Александре I вдоль северо–западной стены Кремля.

Апалиха, небольшая деревня в Чембарском уезде Пензенской губернии, в 3 км к югу от Тархан, на берегу степной речки Марарайки, ныне в Белинском районе Пензенской области.

Арбат, старинная улица в Москве к западу от Кремля, один из символов Москвы.

Арбелы, исторический город в Малой Азии, ныне город Эрбиль, столица Иракского Курдистана.

Батарейная, небольшая гора в Кисловодске.

Безансон, город на востоке Франции, в излучине реки Ду, административный центр департамента Ду и региона Франш–Конте.

Бештау (Бешту), пятиглавая гора вулканического происхождения вблизи Пятигорска, на Северном Кавказе, высотой 1400 м.

Большой Златоустовский, переулок в Москве между улицами Мясницкой и Маросейкой, назван по располагавшемуся в нём Златоустовскому монастырю.

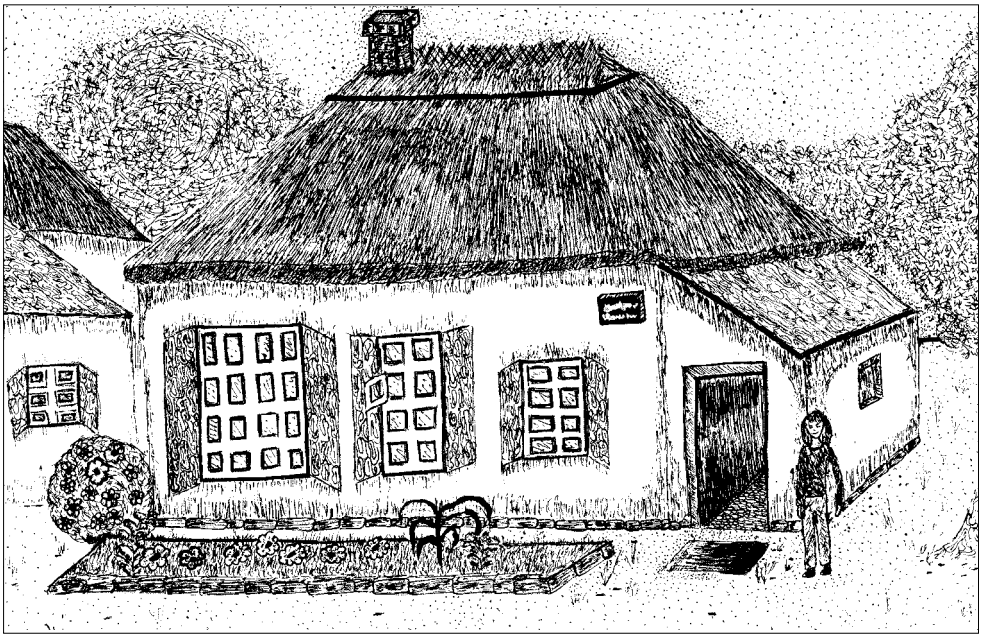
Большой Спасоглинищевский, переулок в центре Москвы в Басманном районе между улицами Маросейка и Солянка.
Бородино, подмосковное село, близ которого 26 августа (по нов. ст. 8 сентября) 1812 года произошло Бородинское сражение, ныне в Можайском районе Московской области.
Бугор, улица в Тарханах, расположенная вдоль Большого пруда на высоком берегу.
Васильевское, родовое поместье Арсеньевых в Елецком уезде Тульской губернии, ныне село в Краснинском районе Липецкой области.
Ватерлоо, населённый пункт в Бельгии, в 20 км к югу от Брюсселя, где 18 июня 1815 года произошло сражение между армией Наполеона I и англо–голландско–прусскими войсками.
Великополье, имение М.М. Сперанского в Новгородской губернии.
Верхняя Болвановка, улица в центре Москвы в районе Таганки, где в XVII веке была расположена слобода мастеров, делавших болванки для мужских головных уборов, ныне улица Верхняя Радищевская.
Витебск, губернский город в 1804–1924 годах, ныне административный центр Витебской области и Витебского района Белоруссии.
Выборгская бухта, расположена в Финском заливе Балтийского моря.
Выхино, деревня на востоке от Москвы на Рязанском шоссе, ныне на её месте район Москвы Выхино–Жулебино.
Главный Кавказский хребет, непрерывная горная цепь, простирающаяся более чем на 1100 км с северо–запада на юго–восток от Чёрного моря до Каспийского моря, делит Кавказ на Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье).
Горячие Воды, курортное поселение на Северном Кавказе у горы Машук, с 1830 года — город Пятигорск.
Граник, река в Малой Азии, впадающая в Мраморное море, современное название реки — Кокабас.
Дворянская, улица в центре Пензы, ныне улица Красная.
Дерябиха, деревня в Чембарском уезде близ Тархан, ныне в Белинском районе Пензенской области (Лермонтовское сельское поселение).
Днепр, четвёртая по длине и площади бассейна река Европы после Волги, Дуная и Урала, имеет самое длинное русло в границах Украины.
Дон, река в Европейской части России, имеющая исток на северных склонах Среднерусской возвышенности, впадает в Таганрогский залив Азовского моря.
Дрисса, уездный город Витебской губернии при впадении реки Дриссы в Западную Двину, ныне город Верхнедвинск, районный центр Витебской области.
Елизаветовка, деревня в Ефремовском уезде Тульской губернии, недалеко от деревни Кропотово.
Ефремов, уездный город Тульской губернии, ныне районный центр Тульской области.
Железная, гора на Северном Кавказе, в группе Кавказских Минеральных Вод, высота 852 м, возвышается над городом Железноводском.

Железноводск, город–курорт на Северном Кавказе, основан в 1810 году, ныне в Ставропольском крае.
Железные Воды, название города Железноводска до 1828 года.
Жулебино, деревня в Московской губернии на Рязанской дороге, ныне на её месте район Москвы Выхино–Жулебино.
Журавлёвка, деревня в Ефремовском уезде Тульской губернии, недалеко от деревни Кропотово.
Змеиная, гора на Северном Кавказе, в группе Кавказских Минеральных Вод, вблизи горы Железной, высота 977 метров.
Иван Великий — церковь–колокольня XVI века на Соборной площади Московского Кремля, возведена в 1505–1508 годах в память о Великом Князе Иване III Великом (1440–1505), после надстройки в 1600 году достигла высоты 81 м.
Измаил, исторический город–крепость на реке Дунай в 81 км от Чёрного моря, в составе Османской империи (Турции) в 1484–1809 годах, ныне город областного подчинения в Одесской области Украины.
Измайлово, имение Лермонтовых в Костромской губернии, ныне деревня в Чухломском районе Костромской области.
Кабарда, княжество на Северном Кавказе в составе Черкесии, в результате Кавказской войны вошло в состав России.
Кавказ, географический регион (горная страна) в Евразии, к югу от Восточно–Европейской равнины, на границе Европы и Азии, ограничен Чёрным морем с запада, Каспийским морем с востока.
Казань, город на берегу Волги, порт, один из крупнейших экономических, политических, научных, образовательных, культурных и спортивных центров России, в 1708–1920 годах — административный центр Казанской губернии, с 1920 года — столица Татарстана.
Казачья, небольшая гора в Кисловодске.
Калдусы, село в Чембарском уезде Пензенской губернии, в 6 верстах от Тархан, ныне в Белинском районе Пензенской области, Лермонтовском сельском поселении.
Карачарово, село на востоке от Москвы по Рязанской дороге, ныне район Москвы.
Кефалония, остров и провинция в Греции, наибольший из Ионических островов.

Киев, древний русский город, ныне столица и самый крупный исторический город Украины, на реке Днепр.
Киево–Печерская лавра, один из первых крупных русских православных монастырей, основан монахом Антонием в Киевской Руси в 1051 году при Ярославе Мудром.
Кисловодск, бальнеологический и климатический курорт на Кавказских Минеральных Водах, на юге Ставропольского края.
Кислые Воды, название города Кисловодска до 1828 года.
Ковно, название города Каунаса до 1917 года, ныне второй по величине и значению город Литвы, административный центр Каунасского района.
Козлов, уездный город Тамбовской губернии, на реке Лесной Воронеж, с 1932 года город Мичуринск.
Колочь, небольшая река у села Бородино, ныне в Можайском районе Московской области.
Кольцо, гора с выветриванием пород в форме кольца близ Кисловодска.
Константиновка, имение Г.Д. Дубенского в 19 км от Пензы, ныне село в Пензенском районе Пензенской области.
Константиногорск, крепость на Кавказе, основанная в 1780 году, близ которой вырос посёлок Горячие Воды, впоследствии Пятигорск, военное значение крепости утрачено в 1820–е годы.
Кочетовка (Архангельское), село в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии, ныне в Каменском районе Пензенской области.
Красные ворота, триумфальная арка в стиле барокко, была воздвигнута в память о победе русских войск под командованием Петра I в Полтавской битве, разрушена 3 июня 1927 года; память о ней сохранилась в названии площади Красные Ворота.
Крестовая, высокая гора в Кисловодске (около 1000 м), названа в конце XVIII века по установленному на вершине кресту.
Крещатик, центральная улица в Киеве.
Кропотово, деревня, имение Лермонтовых в Ефремовском уезде Тульской губернии, ныне в Становлянском районе Липецкой области.
Лекарская, улица в центре Пензы, ныне улица Володарского.
Лесная Неёловка, имение Столыпиных, село Саратовского уезда Саратовской губернии, ныне Базарно–Карабулакского района Саратовской области, в 95 км от Саратова.
Лидия, историческая область в юго–западной части Малой Азии, в древности могущественное царство, в настоящее время в составе провинции Анатолия в Турции.
Лиозно, поселение в Витебской губернии, ныне городской посёлок в Белоруссии, административный центр Лиозненского района Витебской области, в 40 км от Витебска.
Лукьяновка, деревня в Ефремовском уезде Тульской губернии, недалеко от деревни Кропотово.
Любашевка, река в России, протекает в Липецкой, Тульской и Орловской областях, правый приток реки Красивой Мечи.

Люберцы, село на юго–востоке от Москвы, на Рязанской дороге, с 1925 года имеет статус города, ныне административный центр Люберецкого района Московской области.
Мадрид, столица и крупнейший город Испании, а также административный центр одноимённых провинции и автономного сообщества.
Малая Азия (Анатолия, ныне Анталия), полуостров на западе Азии, срединная часть территории современной Турции.
Марарайка, речка в Пензенской области, правый приток реки Чембар.
Машук, гора в северо–восточной части города Пятигорска, высота 993,7 м.
Михайловка, деревня в 9 км от села Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии, ныне Белинского района Пензенской области.
Молчановка, имеется в виду Малая Молчановка, улица в Москве в районе Арбата, между Большой Молчановкой и Большим Ржевским переулком. В 1829–1832 годах Е.А. Арсеньева проживала с внуком в доме на Малой Молчановке (в современной нумерации № 2), где с 1979 года работает дом–музей М.Ю. Лермонтова (филиал Государственного литературного музея).
Москва, первопрестольная (до 1712 года) и современная (с 1918 года) столица России, самый крупный город Российской Федерации.
Мясницкая, улица в центре Москвы, названа по Мясницкой слободе, где располагались мясные лавки и дома мясников.
Мясницкий проезд, небольшая улица в центре Москвы между Мясницкой улицей и площадью Красные Ворота.
Неман, река в Белоруссии, Литве и Калининградской области России.
Нижнеломо́вский Казанский монастырь, мужской монастырь, основанный около 1648 года у западной окраины города Нижнего Ломова Пензенской губернии.
Нижний Ломо́в, уездный город Пензенской губернии, ныне районный центр Пензенской области, в 109 км от Пензы.
Нижний Новгород, крупный город в Поволжье, промышленный и культурный центр России, административный центр Нижегородской губернии и Нижегородской области, в 1932–1990 годах носил название Горький.
Нижняя Болвановка, улица в центре Москвы, ныне Нижняя Радищевская, расположена в Таганском районе между Верхней Радищевской улицей и Таганской площадью.
Никитские ворота, площадь в Москве на пересечении Бульварного кольца и Большой Никитской улицы, название получила от Никитских проездных ворот Белого города.
Овсянка, улица в селе Тарханы (ныне в селе Лермонтово Пензенской области).
Ольховка, река, протекающая по территории Карачаево–Черкесии и Ставропольскому краю, приток реки Берёзовки, с которой сливается в Кисловодске.
Очаков, исторический город–порт на побережье Чёрного моря рядом с устьем Днепра, укреплённая турецкая крепость в 1526–1791 годах, в 1791 году взята штурмом русской армией, с 1792 года в составе России, ныне центр Очаковского района Николаевской области Украины.

Париж, столица Франции, важнейший экономический и культурный центр страны, расположенный в северной части центральной Франции, в регионе Иль–де–Франс, на реке Сене.
Па́челма, село в Чембарском уезде Пензенской губернии, ныне районный центр Пензенской области.
Пенза, губернский город (с 1796 года) Российской империи, расположенный на Приволжской возвышенности в центре европейской части России, ныне административный, экономический и культурный центр Пензенской области.
Пикетная, небольшая гора в Кисловодске.
Поварска́я, улица в центре Москвы, названа по Поварской слободе, где жили царские повара и служители кухни.
Подкумок, река на Северном Кавказе, правый приток реки Кумы.
Подосинки, деревня под Москвой на Рязанской дороге, в настоящее время территория города Люберцы.
Подсот, деревня в Чембарском уезде Пензенской губернии, ныне в Белинском районе Пензенской области, в Лермонтовском сельском поселении.
Покровская (Коломенская) застава, в Москве на Камер–Коллежском валу, известна с 1742 года, названа по Покровскому монастырю, близ которого находилась, ныне на этом месте площадь Абельмановская застава.
Полоцк, город в Витебской области, административный центр Полоцкого района, самый древний город Белоруссии и один из древнейших городов Киевской Руси, находится в устье реки Полоты, впадающей в Западную Двину.



Поляны *(Рождественское)*, село в Чембарском уезде Пензенской губернии на реке Большой Чембарке, ныне село Нижние Поляны Белинского района Пензенской области, в составе Верхнеполянского сельсовета.
Пятигорск, второй по численности населения город в Ставропольском крае, старейший бальнеологический и грязевой курорт, промышленный, торговый, научный, культурный и туристический центр региона Кавказские Минеральные Воды, до 1830 года — Горячие Воды (Горячеводск).
Ревель, губернский город, центр Ревельской, затем Эстляндской губерний, с 1919 года — город Таллин, столица Эстонии.
Ренёвка, деревня в Ефремовском уезде Тульской губернии, недалеко от деревни Кропотово.
Санкт–Петербург, крупный город на северо–западе России, основан в 1703 году императором Петром I, с 1712 по 1918 год — столица Российской империи, назывался Петроградом (1914–1924), Ленинградом (1924–1991), ныне центр Ленинградской области, второй по населению и значению город Российской Федерации.
Саратов, губернский город на юго–востоке европейской части России, на реке Волге, ныне административный центр Саратовской области, крупный культурный, экономический и образовательный центр.
Свенцяны, уездный город Виленской губернии, ныне город Швенчёнис, районный центр Литвы, в 84 км к северо–востоку от Вильнюса.
Свищёвка (Новотроицкое), село в Чембарском уезде Пензенской губернии, ныне в Белинском районе Пензенской области, входит в состав Балкашинского сельского поселения, расположено в 25 км к юго–востоку от города Белинского вдоль левого берега реки Чембар.
Святой Елены остров, вулканического происхождения, расположен в Атлантическом океане в 2800 км к западу от побережья Африки, принадлежит Великобритании; небольшая часть острова: два дома, где жил Наполеон Бонапарт, и долина, где он был похоронен, — является территорией Франции.
Середниково, село Московского уезда Московской губернии, с 1825 года имение Д.А. и Е.А. Столыпиных, где в 1829–1832 годах проводил летние каникулы М.Ю. Лермонтов, сохранился парково–усадебный ансамбль конца XVIII — начала XIX века, в настоящее время находится в Солнечногорском районе Московской области к югу от посёлка Фирсановка.
Сибирь, территория, занимающая большую часть Северной Азии от Урала на западе до горных хребтов Тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до степей Казахстана, Монголии и Китая на юге.
Симбирск, крупный город на берегах рек Волги и Свияги, губернский центр в 1796–1928 годах, с 1924 года — Ульяновск.
Смоленск, исторический город в России, центр Смоленской губернии, ныне административный, промышленный и культурный центр Смоленской области; 17–18 августа 1812 года под стенами Смоленска произошло сражение между русской армией и армией Наполеона, в ходе ко-

торого обе стороны потеряли более 20 тысяч человек и город был захвачен неприятелем.

Солянка, улица в центре Москвы, начинается от Солянского проезда, заканчивается у площади Яузских ворот, названа по располагавшемуся на ней Соляному рыбному торговому двору.

Сретенка, улица в центре Москвы, проходит от площади Сретенские Ворота до площадей Большой и Малой Сухаревской, названа по Сретенскому монастырю.

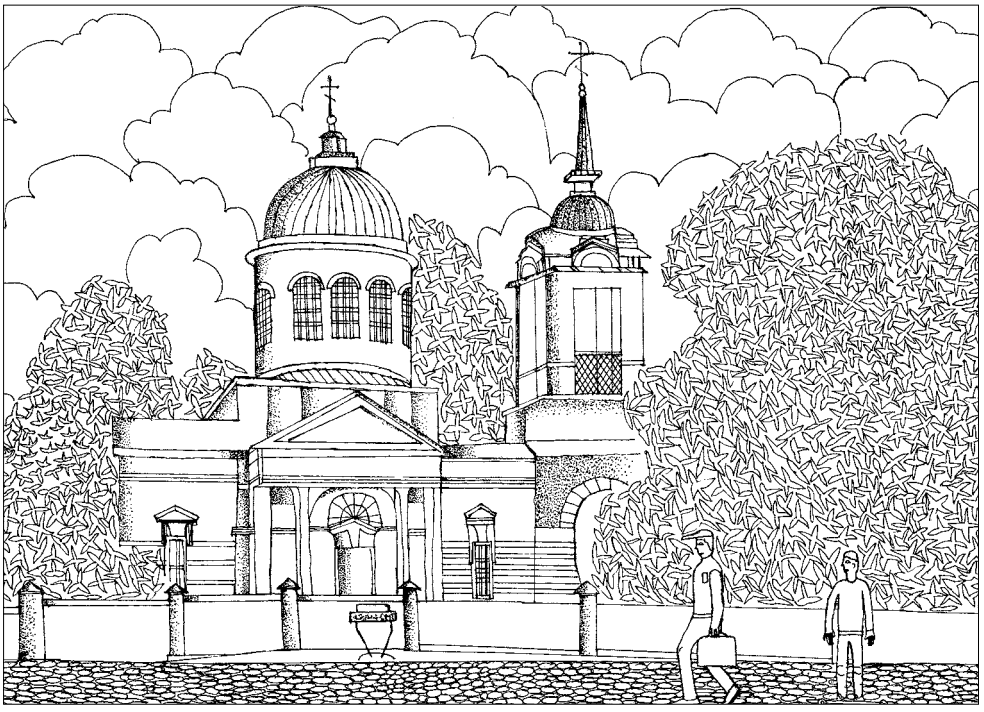
Ставрополь, краевой центр на юге России, на Северном Кавказе, возник из крепости, основанной в 1777 году.

Стамбул, крупнейший город Турции, главный торговый, промышленный и культурный центр, главный порт страны, расположен на берегах пролива Босфор (до завоевания Турцией — Константинополь, столица Византийской империи).

Стяшкино, село в Наровчатовском уезде Пензенской губернии, имение князей Максутовых, ныне в Нижнеломовском районе Пензенской области.

Сунжа, река в восточной части Северного Кавказа, правый приток Терека.

Сухаревская башня, архитектурное сооружение, располагавшееся в Москве на пересечении Садового кольца, улиц Сретенки и 1–й Мещанской в 1695–1934 годах, выдающийся памятник русской гражданской архитектуры. Была названа по имени полковника Сухарева, командира одного из стрелецких полков. В башне располагалась основанная Петром I Навигацкая школа.



Таганка, историческое название местности в Москве между реками Москвой и Яузой, в окрестностях Таганской площади. Название местности пошло от Таганной слободы, находившейся в пределах Земляного города.

Тамбов, город в России, губернский центр, расположен на реке Цне в 430 км от Москвы, ныне административный центр Тамбовской области и одноимённого района.

Тамбукан, солёное бессточное озеро в 9 км юго–восточнее Пятигорска на границе с Кабардино–Балкарией; служит источником лечебной сульфидной иловой грязи.

Тарханы *(Никольское, Яковлевское)*, село в Чембарском уезде Пензенской губернии, имение Е.А. Арсеньевой, где прошли детские и отроческие годы М.Ю. Лермонтова, ныне село Лермонтово Белинского района Пензенской области, где располагается Государственный Лермонтовский музей–заповедник «Тарханы».

Тене́дос, небольшой остров в северной части Эгейского моря, при выходе из пролива Дарданеллы; принадлежит Турции, современное название — Бозджаада.

Терек, река на Северном Кавказе, берёт начало на склоне Главного Кавказского хребта, протекает по территориям Грузии, Северной Осетии, Кабардино–Балкарии, Ставропольского края, Чечни и Дагестана.

Трёхсвятская церковь, храм XVII века в Москве у Красных ворот во имя Трёх святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) с приделами Иоанна Богослова и священномученика Харлампия. Храм разрушен в 1928 году, но его главный иконостас сохранился в церкви Иоанна Воина на Якиманке.

Тульчин, город в Подольской губернии, где в 1796–1797 годах находились на учениях войска фельдмаршала А.В. Суворова, ныне административный центр Тульчинского района Винницкой области Украины; здесь великий полководец написал свой труд «Наука побеждать».

Фригия, в древности область в северо–западной части Малой Азии.

Фридланд, город в Восточной Пруссии, близ которого 2(14) июня 1807 года произошло последнее сражение русско–прусско–французской войны 1806–1807 годов между русской и французской армиями, ныне город Правдинск Калининградской области.

Чембар, уездный город Пензенской губернии, на реке Малый Чембар, с 1928 года районный центр Пензенской области, с 1948 года город Белинский.

Чечня, населённая преимущественно чеченцами область на Северном Кавказе в долинах рек Терек и Сунжа, ныне Чеченская республика России.

Шат–гора, см. Эльбрус.

Шелкозаводское (Шелковое, Шелководск, Земной рай), поместье Хастатовых на границе с Чечнёй, на левом берегу реки Терек, ныне в посёлке Парабоч в Шелковском районе Чеченской республики, входящем в состав сельского поселения Шелкозаводское; в 2004 году в бывшем доме Хастатовых открыт литературный музей М.Ю. Лермонтова.

Шипово, село в Ефремовском уезде Тульской губернии, ныне в Становлянском районе Липецкой области, в 5 км от Кропотова.
Эгейское море, полузамкнутое море с большим количеством островов (около 2000) в восточной части бассейна Средиземного моря, между Балканским полуостровом, Малой Азией и островом Крит.
Эльбрус, высочайшая вершина Кавказа и Европы, расположена на границе Карачаево–Черкесии и Кабардино–Балкарии, двуглавая гора с седловиной на высоте 5322 м; образовавшаяся в результате извержения вулкана, западная вершина высотой 5642 м имеет кратер диаметром 500–600 м и глубиной около 200–300 м; восточная вершина высотой 5623 м имеет кратерную воронку диаметром около 200 м и глубиной до 80 м.
Яуза, малая река в Московской области и Москве, левый приток реки Москвы.

Упоминаемые исторические лица

Аарон (в миру Нарциссов Алексей Захарович, 1781–1842), архимандрит Нижнеломовского Казанского мужского монастыря в 1815–1821 годах, полиглот, хорошо знал древние языки, в 1826–1830 годах епископ Архангельский и Холмогорский, на покое подвизался в Московском Донском монастыре.

Александр I Павлович (1777–1825), российский император в 1801–1825 годах.

Александр III Великий Македонский (356–323 до н.э.), македонский царь с 336 года до нашей эры, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.

Алыбина Анастасия Дмитриевна, титулярная советница, помещица, владевшая крестьянами в Чембарском уезде и проживавшая в Чембаре на улице Садовой, приятельница Е.А. Арсеньевой.

Амвросий (в миру Орнатский Андрей Антипович, 1778–1827), историк Русской Православной Церкви, епископ Пензенский и Саратовский в 1819–1825 годах.

Анненкова Елизавета Аркадьевна, см. Верещагина Ел.А.

Антоний (Добротин, †1829), архимандрит Нижнеломовского Казанского мужского монастыря в 1822–1829 годах.

Арсеньев Александр Васильевич (1782–1840), штабс–капитан, действительный статский советник, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Арсений Прокопьевич, по преданию, основатель рода Арсеньевых и Юсуповых, сын знатного татарина Аслана Мурзы Челебея, в православии Прокопия, и его жены Марии Зотовны Житовой, предок М.Ю. Лермонтова в 16–м колене.

Арсеньев Василий Васильевич (1731–1798), капитан, прадед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Василий Григорьевич (1822 или 1823–1871), подполковник, сын Г.В. Арсеньева, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Василий Еремеевич (1669–1763), бригадир, прапрадед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Григорий Васильевич (1777–1851), подполковник, участник военных походов 1805–1810 годов, помещик, владевший селом Васильевским Елецкого уезда, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Евграф Васильевич (†1790), капитан, погиб в Выборгском сражении, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Иван Григорьевич (1822–1842), сын Г.В. Арсеньева, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Михаил Васильевич (1768–1810), поручик лейб–гвардии Преображенского полка в отставке, елецкий помещик, приобрёл и обустроил имение Тарханы Пензенской губернии совместно с Е.А. Арсеньевой, дед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньев Никита Васильевич (1775–1847), генерал–майор, участник Отечественной войны 1812 года, тайный советник, директор Военно–сиротского дома, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Арсеньева Варвара Григорьевна, дочь Г.В. Арсеньева.

Арсеньева Евфимья (Эффи) Никитична (1814–1885), дочь Н.В. Арсеньева, в замужестве Вревская, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова.
Арсеньева Евфимья Никитична (1730–?), урождённая Ивашкина, жена В.В. Арсеньева, прабабушка М.Ю. Лермонтова.
Арсеньева Елена Никитична (†1883), дочь Н.В. Арсеньева, в замужестве Шмидт, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова.
Арсеньева Елизавета Алексеевна (1773–1845), дочь А.Е. Столыпина, жена М.В. Арсеньева, владелица села Тарханы Пензенской губернии, бабушка М.Ю. Лермонтова.
Арсеньева Елизавета Григорьевна (1825–1916), младшая дочь Г.В. Арсеньева, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова, последняя владелица села Васильевского Елецкого уезда.
Арсеньева Татьяна Григорьевна, дочь Г.В. Арсеньева, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова.
Атажуков Измаил–бей (около 1750–1811 или 1812), кабардинский князь, полковник, отличился при штурме Измаила, общественный деятель кабардинцев.
Багратион Пётр Иванович (1765–1812), российский генерал от инфантерии, командующий 2–й Русской армией в начале Отечественной войны 1812 года, герой Бородинского сражения.
Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788–1824), лорд, великий английский поэт.
Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818), выдающийся российский полководец, генерал–фельдмаршал, командующий Русской армией в начале Отечественной войны 1812 года, военный министр (с 18 января 1810 года до 24 августа 1812 года), князь (с 1815 года).
Бартенева Прасковья (Полина) Арсеньевна (1811–1872), выдающаяся русская салонная певица (сопрано).
Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), выдающийся русский поэт.
Бах Иоганн–Себастьян (1685–1750), великий немецкий композитор.
Бахметевы, старинный тюрко–русский дворянский род, происходящий от Аслама (Ослама) Бахмета (в крещении Иеремии), начавшего государственную службу в Москве в 1469 году. В первой трети XIX века представителями рода в Пензе были Николай Алексеевич Бахметев (1771–1835) и его сын Алексей Николаевич (1798–1861), потомки секунд–майора Алексея Ивановича Бахметева (1729–1799), основавшего в селе Николо–Пёстровке стекольную фабрику.
Белынский Григорий Никифорович (1784–1835), штаб–лекарь, чембарский уездный лекарь (с осени 1816 года), кандидат хирургии, отец известного литературного критика В.Г. Белинского.
Беркен Арно (1749–1791), французский писатель, автор идиллий, романов и нравоучительных рассказов для детей.
Бетховен Людвиг ван (1770–1827), великий немецкий композитор.
Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833), русский писатель, мемуарист, философ–моралист, учёный, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии в России.

Борщёв Пётр Афанасьевич, полковник, сослуживец А.В. Суворова, вероятно, выпускник Сухопутного шлахетского кадетского корпуса (Борщёв Пётр, сын фурьера лейб–гвардии, значится в списке кадетов, помещённом в газете «Санкпетербургские ведомости» от 25 сентября 1767 года).

Вакенродер Вильгельм Генрих (1773–1798), немецкий писатель–романтик, автор книги «Об искусстве и художниках» в соавторстве с И.–Л. Тиком.

Васильев Сафар, армянский купец из Кизляра, построивший в первой трети XVIII века завод для переработки шёлка–сырца на границе Чечни, на левом берегу Терека, дед А.В. Хастатова.

Васильева Прасковья, дворовая Е.А. Арсеньевой, работавшая в девичьей.

Вельяминов Алексей Александрович, капитан, командир 1–й лёгкой роты гвардейской кавалерии в 1812 году, участник Бородинского сражения, в котором был ранен, друг Аф.А. Столыпина, впоследствии генерал–майор, командующий войсками на Кавказе и в Черноморье; М.Ю. Лермонтов в 1837 году служил под его началом, бывал в его доме в Ставрополе, изобразил его на рисунке «Сцены из Ставропольской жизни».

Верещагин Михаил Петрович (†1817), коллежский асессор, муж Е.А. Верещагиной.

Верещагина Александра Михайловна (1810–1873), в замужестве Хюгель, дочь Е.А. Верещагиной, близкий друг М.Ю. Лермонтова.

Верещагина Елизавета Аркадьевна (1788–1876), урождённая Анненкова, сестра Е.А. Столыпиной, мать А.М. Верещагиной, предмет неразделённой любви Аф.А. Столыпина.

Верзилина Аграфена Петровна (1822–1901), падчерица М.И. Верзилиной.

Верзилина Мария Ивановна (1798–1848), урождённая Вишневецкая, в первом браке Клингенберг, мать Э.А. Клингенберг.

Вертюков Николай Васильевич (1790–1831), дворовый М.Ю. Лермонтова.

Вертюков Пётр Николаевич, сын Н.И. Вертюкова, крестник М.Ю. Лермонтова, родился в 1821 году, умер в младенчестве.

Веселовский Иван Иванович (около 1801–?), дьячок церкви в Тарханах в 1814–1833 годах.

Веселовский Степан Иванович (1824–?), сын И.И. Веселовского, крестник М.Ю. Лермонтова, в 1833 году уехал из Тархан с родителями.

Веселовский Фёдор Иванович (1821–1824), сын И.И. Веселовского, крестник М.Ю. Лермонтова.

Воейкова Прасковья Александровна, в замужестве Игнатьева, дочь Ек.А. Столыпиной от первого брака.

Высоцкий Михаил Тимофеевич (1791–1837), гитарист–виртуоз.

Вышеславцев Козьма Алексеевич (1767–между 1828 и 1832), подпоручик, заседатель Нижнеломовского уездного суда, помещик села Поляны Чембарского уезда, знакомый Е.А. Арсеньевой.

Вышеславцева Варвара Гавриловна (✝ между 1828 и 1832), дочь П.Г. и М.Я. Давыдовых, третья жена К.А. Вышеславцева, сестра Н.Г. Давыдова.
Гааз Фёдор (Фридрих Иосиф) Петрович (1780–1853), врач, общественный деятель, исследовавший источники на Кавказских Минеральных Водах, потративший сбережения на лечение бедняков.
Гайдн Йозеф (1732–1809), выдающийся австрийский композитор.
Гейне Иоганн Генрих (1797–1856), великий немецкий поэт, публицист и критик.
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), великий немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.
Гоголь Александр Григорьевич, капитан, выпускник Пажеского корпуса 1805 года, в 1812–1813 годах — командир 2–й лёгкой роты гвардейской артиллерии, контужен в Бородинском сражении.
Гораций Квинт Флакк (65 до н.э.–8 до н.э.), великий римский поэт.
Давыдов Гаврила Петрович (✝1831), стряпчий Чембарского уездного суда, титулярный советник, муж М.Я. Давыдовой.
Давыдов Денис Васильевич (1784–1839), российский военный деятель, герой Отечественной войны 1812 года, один из инициаторов и зачинателей партизанского движения, создатель и командир одного из первых армейских партизанских отрядов, впоследствии генерал–лейтенант, поэт, писатель.
Давыдов Николай Гаврилович (1813–?), сын Г.П. и М.Я. Давыдовых, соученик и друг М.Ю. Лермонтова в 1820–1829 годах, впоследствии выпускник Казанского университета, в 1836 году — старший учитель гимназии в Саратове.
Давыдов Павел Гаврилович (✝1835), сын Г.П. и М.Я. Давыдовой, штабс–капитан, заседатель Чембарского уездного суда.
Давыдова Мария Яковлевна (✝ после 1837), помещица села Пачелма Чембарского уезда, жена Г.П. Давыдова.
Давыдова Пелагея Гавриловна (1797–?), дочь Г.П. и М.Я. Давыдовых, в 1820–1824 годах жила в доме Е.А. Арсеньевой в Тарханах, в 1826 году вышла замуж за И.О. Жизневского.
Дарий III Кодоман, последний царь в Древней Персии, правил в 336–330 до н. э., до вступления на престол был сатрапом Армении.
Державин Гавриил Романович (1743–1816), выдающийся русский поэт, государственный деятель.
Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), сенатор, министр юстиции в 1810–1814 годах, поэт, баснописец.
Долгорукая (Долгорукова) Наталья Борисовна (1714–1771), урождённая Шереметева, жена И.А. Долгорукова с 1730 года, последовавшая за ним в ссылку, мемуаристка, одна из первых русских писательниц, в иночестве Нектария.
Долгорукий (Долгоруков) Иван Александрович (1708–1739), гоф–юнкер и доверенное лицо Петра II, с 1730 года в ссылке в Берёзове, казнён в 1739 году.
Дохтуров Дмитрий Петрович (1838–1905), русский военачальник, генерал от кавалерии, участник Кавказской и Русско–турецкой

(1877–1878) войн, член Военного Совета, сын П.Д. Дохтурова, внук героя Бородинского сражения Д.С. Дохтурова.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759–1816), русский военачальник, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года (сменил на поле боя раненого П.И. Багратиона) и заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

Дохтуров Пётр Дмитриевич (1806–1843), отставной штаб–ротмистр, сын Д.С. Дохтурова, был женат на Агафье Александровне Столыпиной.

Дриев Василий (около 1766 — 1834), грек с о. Кефалония, преподавал М.Ю. Лермонтову греческий язык в середине 1820–х годов, после чего был скорняком в Тарханах.

Дубенский Григорий Львович (1757–1819), отставной прапорщик, дальний родственник Столыпиных, занимал выборные дворянские должности в Пензенском уезде, владелец в числе других с. Константиновка (в 19 верстах от Пензы) и дома в Пензе, который в 1817–1818 годах сдавал Е.А. Арсеньевой.

Дубенский Дмитрий Никитич (†1863), магистр Московского университета, преподаватель риторики, русского и латинского языков в Благородном пансионе, автор книги «Опыт о народном русском стихосложении» (1828).

Евреинов Александр Михайлович (1773–1816), действительный статский советник, пензенский вице–губернатор в 1804–1816 годах.

Евреинов Алексей Иванович (1777–между 1842 и 1847), дальний родственник Е.А. Арсеньевой, капитан армии, чембарский дворянин.

Евреинов Михаил Алексеевич (1816 или 1817–?), сын А.И. Евреинова, с 1845 года квартальный надзиратель в Москве.

Евреинов Павел Александрович (1808–1857), поручик лейб–гвардии Измайловского полка (1832), коллежский асессор (1835), сын А.М. и А.А. Евреиновых, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова.

Евреинова Александра Алексеевна (1777–1842), урождённая Столыпина, сестра Е.А. Арсеньевой, жена А.М. Евреинова.

Евреинова Александра Матвеевна, урождённая Вышеславцева, жена А.И. Евреинова.

Евреинова Клеопатра Алексеевна (1810–?), дочь А.И. и А.М. Евреиновых, впоследствии схимонахиня.

Евреинова Мария Александровна (1802–1851), в замужестве Углицкая, дочь А.М. и А.А. Евреиновых, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова.

Евреинова Мария Алексеевна (после 1817–?), младшая дочь А.И. и А.М. Евреиновых.

Евреинова Наталья Алексеевна (1815–?), дочь А.И. и А.М. Евреиновых, впоследствии схимонахиня.

Егоров Андрей (1780–после 1860), священник Никольской церкви города Чембара, духовник Е.А. Арсеньевой.

Екатерина II Великая (1729–1796), русская императрица в 1762–1796 годах.

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), русский военачальник и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837), участник многих крупных войн, которые Российская империя вела с 1790–х по 1820–е годы, герой Отечественной войны 1812 года и Кавказской войны.

Жандро Келлет Жан Пьер († 1829), гувернер М.Ю. Лермонтова с августа 1828 года, французский эмигрант.

Жизневский Игнатий Осипович, мелкий чембарский чиновник, муж П.Г. Давыдовой с 1826 года.

Жилинский Владимир Кондратьевич (1811–?), сын К.Н. Жилинского, на военной службе с 1828 года, поручик в отставке с 1832 года.

Жилинский Кондратий Никифорович (1774–1845), помещик сельца Дерябиха Чембарского уезда, отставной полковник.

Жиркевич Иван Степанович (1789–1848), в 1812 году поручик 2–й роты лёгкой гвардейской кавалерии, сослуживец Аф.А. Столыпина, впоследствии генерал–майор, участник наполеоновских войн 1807–1814 годов, писатель–мемуарист, симбирский и витебский губернатор.

Жуковский Василий Андреевич (1773–1852), выдающийся русский поэт, критик, переводчик.

Заварицкий Никифор Михайлович (1762–1823), действительный статский советник, вице–губернатор Вятской губернии, затем Финляндии, Владимирской и Саратовской губерний, владелец дома в Пензе, который сдавал Г.Д. Столыпину.

Загоскины, один из древнейших дворянских родов Пензенской губернии, к которому принадлежал известный писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852), в первой трети XIX века в Пензе проживали следующие взрослые представители рода: Алексей Николаевич (1771–до 1846), отец морского офицера, известного исследователя Аляски Лаврентия Алексеевича (1808–1890), и Николай Васильевич (1782–до 1869), троюродный брат писателя, морской офицер в отставке, депутат Пензенского дворянского собрания с 1815 по 1828 год.

Зиновьев Алексей Зиновьевич (1801–1884), профессор Московского университета, преподаватель латинского и русского языков в Благородном пансионе, после защиты магистерской диссертации «О начале, ходе и успехах критической российской истории» в 1827 году был назначен профессором российского красноречия и словесности, древних языков, наставник М.Ю. Лермонтова в 1827–1830 годах.

Иогель Пётр Андреевич (1768–1855), известный московский танцмейстер, учитель танцев в Московском университете.

Исаакий, сын священника села Богородицкого Кадомского уезда Азовской губернии Прокопия Емельянова, вместе с которым в молодом возрасте поступил в Саровскую пустынь, строитель–иеромонах Саровской пустыни в 1751–1758 годах, эконом архиерейского дома в Тамбове в 1758–1761 годах, архимандрит Нижнеломовского Казанского мужского монастыря в 1761–1774 годах, в 1774 году лишён сана и монашества за оказание царских почестей Е.Ф. Пугачёву (по приказанию самозванца), в 1775 году прощён, ему возвращено монашество (но не священст-

во), проживал в Наровчатском Троицком Сканове монастыре Пензенской епархии (по собственному выбору).
Капе Жан, гувернер М.Ю. Лермонтова, учитель французского языка, бывший капитан наполеоновской гвардии, скончался в Москве в конце 1827 — начале 1828 года.
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, историк, автор «Истории Государства Российского».
Керим–Гирей Султан, народный певец горских народов, живший в конце XVIII — первой половине XIX века в ауле у подножия Бештау.
Клингенберг Эмилия Александровна (1815–1891), дочь М.И. Верзилиной, жена А.П. Шан–Гирея (с 1851 года), наиболее вероятный предмет детского увлечения М.Ю. Лермонтова в 1825 году, предмет увлечения в 1841 году.
Козлов Иван Иванович (1779–1840), поэт, переводчик, в 1821 году ослеп в результате болезни.
Косогов (Косагов), воевода в Нижнем Ломове в 1643 году, возможно, Иван Иванович, который в 1646 году был головой стряпчих и дворян московских.
Красицкая Мария Егоровна (1777–после1857), урождённая княжна Максутова, жена И.С. Красицкого, помещица села Кочетовка Нижнеломовского уезда.
Красицкий Егор Иванович (1819–после 1857), сын Е.И. и М.Е. Красицких, крестник М.М. Сперанского, впоследствии титулярный советник.
Красицкий Иван Семёнович (1771–после 1843), коллежский советник.
Крылов Иван Андреевич (1769–1844), выдающийся русский баснописец, драматург.
Курбатов Пётр Александрович (1788, 1794 или 1795–1872), последний директор Благородного пансиона (1826–1830) в Москве.
Курило Иван Алексеевич, майор, командир 3–го батальона Тенгинского пехотного полка, расквартированного в Кисловодске, смотритель Кислых Вод, почтмейстер и председатель комиссии по устройству ванн, с 1824 года в отставке.
Куртина Дарья Григорьевна, см. Соколова Д.Г.
Кутузов (Голенищев–Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), светлейший князь Смоленский, великий российский полководец, генерал–фельдмаршал.
Лагарп Жан Франсуа (1739–1803), французский поэт, драматург, теоретик классицизма.
Ладыгин Николай Иванович (1787–1864), штабс–капитан 1–й роты лёгкой гвардейской артиллерии, участник Бородинского сражения и заграничных походов 1813–1814 годов, впоследствии генерал–майор, губернатор Воронежа в 1836–1840 годах.
Леви (Левис) Ансельм, домашний доктор Е.А. Арсеньевой, француз еврейского происхождения, специалист по детским болезням, значившийся в первом Российском медицинском списке 1809 года, в 1827 году уехал за границу.

Леви Николай Петрович (1799–?), гувернёр М.Ю. Лермонтова в 1828 году, дипломированный (1823) преподаватель немецкого языка, копиист Московской губернской межевой канцелярии (1823), коллежский регистратор (1827), еврей православного вероисповедания.

Лерма Франсиско Гомес де Сандоваль–и–Рохас (1552/1553–1625), герцог, испанский государственный деятель, всемогущий фаворит короля Филиппа III, поручившего ему ведение всех государственных дел.

Лермонт Томас (около 1220–около 1290), известный как Честный Томас или Томас–Рифмач, легендарный шотландский бард XIII века, персонаж кельтского фольклора, возможно, дальний предок М.Ю. Лермонтова.

Лермонтов Михаил Николаевич (1792–1866), русский адмирал, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, Русско–турецкой войны 1828–1829 годов, Крымской войны 1853–1856 годов.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), великий русский поэт.

Лермонтов Пётр Евтихиевич (1698–1729), капитан, правнук основателя рода Георга Лермонта (около 1596–1634), прапрапрадед М.Ю. Лермонтова

Лермонтов Пётр Юрьевич (1752–1799), дед М.Ю. Лермонтова, служил в 1–м Фузилёрном полку, поручик.

Лермонтов Юрий Петрович (1722–1778), поручик, прапрадед М.Ю. Лермонтова.

Лермонтов Юрий Петрович (1787–1831), отец М.Ю. Лермонтова, служил воспитателем в 1–м Кадетском корпусе в Санкт–Петербурге в 1805–1811 годах, капитан, участник тульского ополчения в 1813 году.

Лермонтова Александра Петровна (1783–?), сестра Ю.П. Лермонтова, тётя М.Ю. Лермонтова.

Лермонтова Анна Васильевна (1756–около 1823), урождённая Рыкачёва, бабушка М.Ю. Лермонтова.

Лермонтова Екатерина Петровна, сестра Ю.П. Лермонтова, тётя М.Ю. Лермонтова.

Лермонтова Елена Петровна (1795–?), в замужестве Виолева, сестра Ю.П. Лермонтова, тётя М.Ю. Лермонтова.

Лермонтова Марья Михайловна (1795–1817), дочь Е.А. и М.В. Арсеньевых, мать М.Ю. Лермонтова.

Лермонтова Наталья Петровна (1782–1863?), сестра Ю.П. Лермонтова, тётя М.Ю. Лермонтова.

Летаренков Андрей Иванович (1821–?), дворовый и крестник М.Ю. Лермонтова, уехал из Тархан в начале 1850–х годов.

Лозовский Лука, чембарский городничий в середине 1820–х годов.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), первый русский учёный–естествоиспытатель и энциклопедист мирового значения, в числе его многочисленных заслуг — развитие литературного русского языка, реформа стихосложения, литературные и исторические труды, исследования по физике и химии, создание технологии мозаики и многое другое.

Людовик XVI (1754–1793), король Франции из династии Бурбонов, низложен в 1792 году и казнён 16 января 1793 года.

Макарьев Фёдор (✝ около 1821), клирик церкви в селе Тарханы, в 1795–1803 годах — диакон, с 1803 года — 2–й священник, в 1821 году отрешён от должности за пьянство и неблаговидные поступки.

Макарьева Мария Фёдоровна (1809 или 1810–?), дочь священника Фёдора Макарьева, жила в доме Е.А. Арсеньевой с 1821 года и, по крайней мере, до 1824 года.

Максутов Андрей Николаевич (1812–после 1861), князь, сын Н.Е. и А.М. Максутовых, с 1828 года студент Института корпуса путей сообщения, вышел в отставку в 1841 году в чине штабс–капитана, жил с семьёй в Москве.

Максутов Николай Егорович (1779–до 1842), князь, титулярный советник, помещик села Стяшкино Наровчатовского уезда Пензенской губернии, дальний родственник Е.А. Арсеньевой.

Максутов Пётр Николаевич (1814–1856), князь, сын Н.Е. и А.М. Максутовых, с 1828 года студент Института корпуса путей сообщения, вышел в отставку в 1837 году в чине поручика, жил с семьёй в Москве.

Максутова Анна Максимовна, княгиня, урождённая Литвинова, жена Н.Е. Максутова.

Максутова Федосья Николаевна (в книге Феня), княжна, дочь Н.Е. и П.Е. Максутовых.

Мансырева Надежда Михайловна (1791–?), княгиня, урождённая Ильина, с 1808 года жена лейтенанта флота князя Н.С. Мансырева, предмет увлечения М.В. Арсеньева в 1809 году, когда она проживала в родовом имении Мансыревых в селе Онучине Чембарского уезда, в 1828 году добилась опеки над совместным с Н.С. Мансыревым имением в деревне Каменке в связи с пьянством мужа и его жестоким обращением с членами семьи.

Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987), известный литературовед, автор многочисленных трудов, посвящённых М.Ю. Лермонтову, главный редактор «Лермонтовской энциклопедии».

Мария–Антуанетта (1755–1793), королева Франции, жена Людовика XVI, казнена 16 октября 1793 года по обвинению в контрреволюционных заговорах.

Мария Карповна, жена крестьянина Ефима Абрамова, урождённая Дуракова, дворовая М.Я. Давыдовой, в результате побоев помещицы в феврале 1828 года родила мёртвую дочь и сама скончалась.
Медведев Василий Фёдорович (1795–?), крепостной крестьянин Е.А. Арсеньевой, тархан, отличался богатырским телосложением.
Медведев Степан Фёдорович (1805–?), крепостной крестьянин Е.А. Арсеньевой, тархан.
Медведев Яков Степанович (1826–?), крепостной крестьянин Е.А. Арсеньевой, сын С.Ф. и М.Е. Медведевых.
Медведева Александра Дмитриевна, крепостная крестьянка Е.А. Арсеньевой, жена В.Ф. Медведева.
Медведева Матрёна Ефимовна (1807–?), крепостная крестьянка Е.А. Арсеньевой, жена С.Ф. Медведева.
Медведева Наталья Ивановна (1767–после 1827), крепостная крестьянка Е.А. Арсеньевой, мать С.Ф. и В.Ф. Медведевых.
Меликов Моисей Егорович (1818–после 1896), художник–график и живописец, приятель М.Ю. Лермонтова во время учёбы в Москве в 1827–1832 годах.
Меликов Павел Моисеевич (Меликянц Погос Мовсесович, 1771–1848), генерал–майор, участник Отечественной войны 1812 года, участник Бородинской битвы, представитель карабахского армянского княжеского рода.
Мерзляков Алексей Фёдорович (1778–1830), поэт, литературный критик, переводчик, профессор красноречия и поэзии Московского университета, читал теорию красноречия (словесность) в Благородном пансионе.
Мещеринов Афанасий Петрович, старший сын П.А. и Е.П. Мещериновых, товарищ М.Ю. Лермонтова в годы его учёбы в Москве, увлекался музыкой.
Мещеринов Владимир Петрович (1813–1868), средний сын П.А. и Е.П. Мещериновых, товарищ М.Ю. Лермонтова в годы его учёбы в Москве, в 1836 году титулярный советник, служил при военном генерал–губернаторе Москвы.
Мещеринов Пётр Афанасьевич, дядя Е.А. Арсеньевой (брат её матери Марии Афанасьевны Столыпиной, урождённой Мещериновой), подполковник Кирасирского полка в отставке, в его московском доме на Сретенке бывал М.Ю. Лермонтов.
Мещеринов Пётр Петрович, младший сын П.А. и Е.П. Мещериновых, товарищ М.Ю. Лермонтова в годы его учёбы в Москве.
Мещеринова Елизавета Петровна, урождённая Соковнина или Собакина, жена П.А. Мещеринова.
Михаил Павлович Романов (1798–1849), великий князь, четвёртый (самый младший) сын Павла I.
Михаил Фёдорович Романов (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых, потомок Рюриковичей по женской линии, правил с 1613 года.
Монахтин Фёдор Фёдорович (1775–1812), полковник, герой Отечественной войны 1812 года, начальник штаба 6–го пехотного корпуса,

Вернисаж проекта «Наш юный Лермонтов»

Глухова Юлия. 15 лет
Возвращение Юрия Петровича

Такунова Мария. 15 лет
Миша с дядькой Андреем в Тарханах

Кузнецова Мария. 10 лет
Тюльпаны для любимых

Панов Кирилл. 7 лет
Зима в Тарханах

Барышникова Виктория. 7 лет. Кони на Кавказе

Нагыев Александр. 10 лет
Миша Лермонтов

Ворчук Олег. 7 лет
Мишины капризы

Панов Кирилл. 7 лет. Тарханская кошка Мурка

Щепина Вера. 7 лет. Барский дом в Тарханах

Сахаров Сергей. 5 лет. Дом на Молчановке в Москве

Черепанов Никита. 7 лет. Прогулка с новорождённым

Арапова Екатерина. 10 лет. Гадание на венках в Семик

Самонина Мария. 10 лет. Праздник в Тарханах

Долматов Денис. 10 лет. Хоровод на Троицу

Москалёв Александр. 7 лет. Зимние игры в Тарханах

Ахметшина Алиса. 8 лет. Бал в Москве

Шинкоренко Надежда. 7 лет. Бал в Тарханах

Борисов Дмитрий. 7 лет. У пруда в Тарханах

Сокольских Ольга. 9 лет. Баловень Мишенька

Орлова Анастасия. 10 лет. Миша рисует

Ляшенко Егор. 11 лет. Военные рассказы

Пантелеева Татьяна. 13 лет. Первая любовь

Колесникова Елизавета. 11 лет. Прогулка в Середникове

скончался от ранения в живот, полученного в Бородинском сражении; указ от 6 октября 1812 года о производстве в чин генерал–майора, вероятно, не застал его в живых.

Мордвинов Николай Семёнович (1754–1845), российский государственный деятель, адмирал, экономист, председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

Москвин Яков Иванович (1797–около 1860), отставной штабс–капитан, исправник чембарского суда в 1818–1832 годах.

Москвина Татьяна Софроновна (1773–1834), урождённая Биглова, помещица села Подсот Чембарского уезда, мать Я.И. Москвина.

Мосо́лов Михаил Иванович (1745–около 1827), надворный советник, предводитель Чембарской уездной опеки в 1793 году.

Мосо́лов Пётр Александрович (1781–1831), поручик в отставке, участник заграничных походов 1813–1814 годов в составе Пензенского ополчения, чембарский уездный судья в 1828–1831 годах, жестокий крепостник.

Мосо́лов Сергей Михайлович (1784–после 1838), капитан в отставке, чембарский уездный предводитель дворянства в середине 1820–х — 1833 году, помещик с. Свищёвка Чембарского уезда.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791), великий австрийский композитор.

Мухин Ефрем Осипович (1766–1850), русский врач–хирург, анатом, физиолог, гигиенист и судебный медик, профессор (1813–1835) и декан (1816–1817 и 1821–1826) медицинского факультета Московского университета.

Набоков Андрей Михайлович, казак, который в 1643 году обрёл икону Казанской Пресвятой Богородицы в 2–х верстах от Нижнего Ломова.

Найдёнов Фёдор Алексеевич (1796–?), крепостной Е.А. Арсеньевой, участник 1–го Пензенского ополчения в 1812–1814 годах в конном казачьем полку.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский государственный деятель, полководец, император Франции в 1804–1814 годах и в марте–июне 1815 года.

Наумова Софья Кондратьевна, дворянская девица, у которой Е.А. Арсеньева занимала деньги в 1817 году.

Никитина Варвара, дворовая Е.А. Арсеньевой, работавшая в девичьей в 1820–е годы.

Николай I Павлович Романов (1796–1855), российский император в 1825–1855 годах.

Норов Абрам Сергеевич (1795–1869), в чине прапорщика участник Бородинского сражения, в котором лишился правой ноги, полковник артиллерии, в отставке с 1823 года, впоследствии российский государственный деятель, учёный, путешественник и писатель.

Озеров Владислав Александрович (1769–1816), русский драматург.

Павел I Петрович Романов (1754–1801), российский император в 1796–1801 годах.

Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840), российский философ, физик, агробиолог, профессор Московского университета.
Петров Аркадий Павлович (1825–1895), сын П.И. и А.А. Петровых, впоследствии участник Крымской войны и крестьянской реформы 1861 года, поэт–любитель, троюродный брат М.Ю. Лермонтова, адресат стихотворения «К Петрову» (1837).
Петров Николай, протоиерей Трёхсвятской церкви в Москве у Красных ворот, крестивший М.Ю. Лермонтова.
Петров Павел Иванович (1792–1871), российский военный деятель, участник наполеоновских войн и Кавказской войны, в 1818–1826 годах командир Моздокского казачьего полка Терского войска, в 1826–1834 годах — атаман Астраханского казачьего войска, генерал–майор (1834), в 1834–1837 годах — начальник штаба войск Кавказской линии и в Черноморье, в 1839–1840 годах — подольский гражданский губернатор, с 1840 года в отставке, жил в Костроме, зять Е.А. Хастатовой. Лермонтов бывал в его доме в Ставрополе в 1837 году, изобразил его на рисунке «Сцены из Ставропольской жизни», подарил ему автограф стихотворения «Смерть поэта».
Петров Стефан, протоиерей, настоятель Никольского храма в Чембаре в 1810–е — 1830–е годы, благочинный.
Петрова Анна Акимовна (1802–1836), урождённая Хастатова, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова, жена П.И. Петрова.
Петрова Екатерина Павловна (1820–?), в замужестве Жигимонд, дочь П.И. и А.А. Петровых, троюродная сестра М.Ю. Лермонтова, сочинила романсы на его стихи «Казачья колыбельная песня» и «Молитва».
Петрова Мария Павловна (1822–?), дочь П.И. и А.А. Петровых, троюродная сестра М.Ю. Лермонтова.
Платов Матвей Иванович (1751–1818), атаман Всевеликого войска Донского (1801–1818), генерал от кавалерии (1809), принимавший участие во всех войнах Российской империи конца XVIII — начала XIX века, основатель города Новочеркасска.
Подладчиков Василий Яковлевич (1810–после 1878), сын А.В. и Я.А. Подладчиковых, воспитанник Московского благородного пансиона, офицер Оренбургского уланского полка, вышел в отставку в 1839 году в чине поручика.
Подладчиков Николай Яковлевич (1817–до 1886), сын А.В. и Я.А. Подладчиковых, впоследствии выпускник Института корпуса путей сообщения, в 1839 году вышел в отставку в чине подпоручика.
Подладчиков Яков Александрович (1784–около 1845), помещик села Свищёвка в Чембарском уезде, владелец дома в Чембаре.
Подладчикова Александра Васильевна († после 1846), урождённая Загоскина, жена Я.А. Подладчикова.
Подладчикова Варвара Яковлевна (1812–до 1858), дочь А.В. и Я.А. Подладчиковых, в замужестве Чихачёва, адресат экспромта М.Ю. Лермонтова «Три грации».
Пожогина–Отрашкевич Авдотья Петровна (1779–?), урождённая Лермонтова, старшая сестра Ю.П. Лермонтова, тётя М.Ю. Лермонтова, с которой он встречался в Тарханах, Кропотове и Москве.

Пожогин–Отрашкевич Михаил Антонович (около 1814–после 1851), двоюродный брат М.Ю. Лермонтова, сын А.П. Пожогиной–Отрашкевич, учился с М.Ю. Лермонтовым в Тарханах в 1820–1824 годах, затем обучался в 1–м Московском кадетском корпусе, впоследствии губернский секретарь в Москве, в 1851 году был смотрителем за магазинами типографии Московского университета.

Пошехонов Яков Васильевич (1794–?), крепостной Е.А. Арсеньевой, участник 1–го Пензенского ополчения в 1812–1814 годах, урядник конного казачьего полка.

Принц Пётр Александрович (1794–1873), участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, с 1819 года майор, воевал на Кавказе в Тенгинском пехотном полку до 1834 года, затем командир Кавказского линейного 3–го батальона, впоследствии генерал–майор.

Пугачёв Емельян Иванович (1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 годов.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Раевский Афанасий Гаврилович, дворянин Саратовской губернии, выпускник Московского университета, с 1806 года старший преподаватель гимназии в Пензе, переводчик с немецкого языка математической географии Вальха (1813), составитель географического, статистического и топографического описания Пензенской губернии (1818), в 1834–1846 годах член Саратовского депутатского собрания, в 1836 году смотритель уездного училища в Саратове, отец С.А. Раевского.

Раевский Николай Николаевич (1771–1829), герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии, член Госсовета.

Раевский Святослав Афанасьевич (1808–1876), сын А.Г. Раевского, крестник Е.А. Арсеньевой, выпускник Московского университета, впоследствии чиновник различных учреждений и ведомств (вышел в отставку в 1840 году в чине коллежского секретаря), литератор, этнограф, близкий друг М.Ю. Лермонтова, знавший его с детства и сыгравший значительную роль в его жизни.

Раич Семён Егорович (1792–1855), поэт, издатель, магистр словесных наук Московского университета, преподаватель словесности в Благородном пансионе, где активизировал деятельность Общества молодых любителей литературы, членом которого был М.Ю. Лермонтов.

Ралль Александр Фёдорович († 1812), капитан гвардейской артиллерии, умер от ран, полученных в Бородинском сражении.

Рафаэль Санти (1483–1520), великий итальянский художник.

Ремер Христина Осиповна († около 1828), бонна и гувернантка М.Ю. Лермонтова, преподавала немецкий язык.

Рыбаков Валериан Степанович (1827–?), дворовый Е.А. Арсеньевой, сын С.И. Рыбакова, крестник М.Ю. Лермонтова, в последний раз упоминается в церковной ведомости в 1852 году.

Рыбаков Пётр Степанович (1821–?), сын С.И. Рыбакова, крестник М.Ю. Лермонтова, сдан в рекруты в 1848 году.

Рыбаков Степан Иванович (1793–1848), дворовый Е.А. Арсеньевой, писарь, управляющий имением Тарханы с 1833 по 1848 год, участник Пензенского ополчения в 1812–1814 годах в чине вахмистра.
Рыбаков Фёдор 1–й Степанович (1823–1824), дворовый Е.А. Арсеньевой, сын С.И. Рыбакова, крестник М.Ю. Лермонтова.
Рыбаков Фёдор 2–й Степанович (1825–?), дворовый Е.А. Арсеньевой, сын С.И. Рыбакова, крестник М.Ю. Лермонтова, сдан в рекруты в 1848 году.
Рыкачёв Василий Иванович (1709–между 1770 и 1776), капитан в отставке, коллежский советник, прадед М.Ю. Лермонтова
Рыкачёв Марк Иванович (1716–1814), генерал–поручик, тайный советник, брат В.И. Рыкачёва.
Рыкачёва Авдотья Васильевна (1723–1799 или 1800), урождённая княжна Макулова, прабабушка М.Ю. Лермонтова.
Рылеев Кондратий Фёдорович (1795–1826), поэт–декабрист, издатель, член Северного Общества, один из наиболее активных участников восстания 14 декабря 1825 года, казнён в 1826 году в Петропавловской крепости в Санкт–Петербурге.
Сент–Анж, см. Фарио Анж–Франсуа.
Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831), русский флотоводец, адмирал.
Соколов Абрам Филиппович (1771-1833), дворовый Е.А. Арсеньевой, её доверенное лицо с 1795 года и управляющий имением Тарханы до 1833 года.
Соколов Андрей Иванович (1795–1775), дворовый М.Ю. Лермонтова, его дядька в детстве и камердинер впоследствии.
Соколов Иван Абрамович (1814–?), дворовый Е.А. Арсеньевой, товарищ детских игр М.Ю. Лермонтова, в 1836–1841 годах его камердинер, в 1842 году привёз его тело в Тарханы из Пятигорска.
Соколов Иван Емельянович (1765–после 1834), отец А.И. Соколова, дворовый М.Ю. Лермонтова.
Соколова Дарья Григорьевна (1796–?), урождённая Куртина, дворовая Е.А. Арсеньевой, ключница в Тарханах, жена А.И. Соколова.
Соколова Евлампия Абрамовна, см. Шушерова Е.А.
Соколова Екатерина Абрамовна, см. Шерабаева Е.А.
Соколова Любовь Андреевна (1820–1821), дворовая Е.А. Арсеньевой, дочь А.И. и Д.Г. Соколовых.
Соколова Матрёна Андреевна (1822–до весны 1823), дворовая Е.А. Арсеньевой, дочь А.И. и Д.Г. Соколовых.
Соколова Серафима Абрамовна (1808–?), дворовая Е.А. Арсеньева, дочь А.Ф. Соколова.
Соколова Улита Фёдоровна (1764–после 1834), мать А.И. Соколова, дворовая М.Ю. Лермонтова.
Солоницкий Александр Степанович († после 1843), художник, учитель рисования, готовивший М.Ю. Лермонтова к поступлению в Благородный пансион.
Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), российский государственный деятель, граф (1839), с 1808 года ближайший советник импера-

тора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810), в 1812–1816 годах в результате интриг его противников находился в ссылке по обвинению в государственной измене, в 1816–1819 годах пензенский губернатор, в 1819–1821 годах генерал–губернатор Сибири, составил план административной реформы Сибири, с 1826 годы фактически глава 2–го отделения, руководил кодификацией Основных государственных законов Российской империи (1832).

Столыпин Александр Алексеевич (1774–1846), адъютант А.В. Суворова в 1795–1797 годах, секунд–майор, коллежский асессор, почётный попечитель гимназии в Симбирске, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Столыпин Алексей Аркадьевич (1816–1858), по прозвищу Мунго (Монго), сын Арк.А. и В.Н. Столыпиных, двоюродный дядя, сослуживец (капитан Нижегородского драгунского полка) и близкий друг М.Ю. Лермонтова, его секундант на дуэли в 1840 году и на роковой дуэли 15 июля 1841 года.

Столыпин Алексей Емельянович (1744–1817), прадед М.Ю. Лермонтова, отец Е.А. Арсеньевой, пензенский помещик и губернский предводитель дворянства в 1787–1790 годах, нажил большое состояние на винных откупах, владелец одного из лучших крепостных театров России, актёры которого были проданы в казну и играли в императорских театрах Москвы и Петербурга.

Столыпин Аркадий Алексеевич (1778–1825), тайный советник, обер–прокурор Сената, затем сенатор, сын А.Е. Столыпина, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова, друг и сподвижник М.М. Сперанского.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821–1899), сын Д.А. и Е.А. Столыпиных, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова, впоследствии генерал–лейтенант, тайный советник, обер–камергер, писатель и публицист, отец премьер–министра и реформатора П.А. Столыпина (1862–1911).

Столыпин Афанасий Алексеевич (1788–1866), штабс–капитан, артиллерист, отличился в сражениях при Фридланде и Бородине, в отставке с 1817 года, саратовский помещик, занимал выборные дворянские должности в 1832–1843 годах, сын А.Е. Столыпина, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова, который его очень любил и называл дядюшкой.

Столыпин Григорий Данилович (1773–1829), кригс–шталмейстер, пензенский губернский предводитель дворянства в 1816–1821 годах, троюродный дядя Е.А. Арсеньевой, муж её сестры Н.А. Столыпиной, в их доме в Пензе бывал М.Ю. Лермонтов в детстве.

Столыпин Дмитрий Алексеевич (1785–1826), генерал–майор, военный теоретик, участник Аустерлицкого сражения (1807), Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, сын А.Е. Столыпина, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Столыпин Михаил Григорьевич (1814–1834), сын Г.Д. и Н.А. Столыпиных, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова, воспитанник Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, куда поступил вместе с М.Ю. Лермонтовым.

Столыпина Агафья Александровна (1809–1874), дочь Ал.А. и Ек.А. Столыпиных, в замужестве Дохтурова, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова, по гипотезе В.А. Мануйлова — предмет второй любви М.Ю. Лермонтова в 1827–1829 годах.

Столыпина Анна Григорьевна (1815–1892), в замужестве Философова, дочь Г.Д. и Н.А. Столыпиных, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова, по версии некоторых исследователей, в 1827 году предмет второй любви М.Ю. Лермонтова (в книге эта версия не принята).

Столыпина Варвара Александровна (1816–1870), дочь Ал.А. Столыпина, в замужестве Коханова.

Столыпина Вера Николаевна (1790–1834), дочь Н.С. Мордвинова, жена Арк.А. Столыпина.

Столыпина Екатерина Александровна (1787–1867), урождённая Потулова, супруга Ал.А. Столыпина.

Столыпина Екатерина Аркадьевна (1791–1853), урождённая Анненкова, в первом браке Воейкова, жена Д.А. Столыпина с 1816 года, в её имении Середниково М.Ю. Лермонтов проводил летние месяцы в 1829–1832 годах.

Столыпина Елизавета Дмитриевна (1823–1895), дочь Д.А. и Ек.Ар. Столыпиных, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова.

Столыпина Мария Александровна (1805–1879), дочь Ал.А. и Ек.Ал. Столыпиных.

Столыпина Мария Дмитриевна (1818–?), в замужестве Паскевич, дочь Д.А. и Ек.Ар. Столыпиных.

Столыпина Наталья Алексеевна (1786–1851), дочь А.Е. Столыпина, двоюродная бабушка М.Ю. Лермонтова, жена Г.Д. Столыпина, в их домах в Пензе в детстве бывал М.Ю. Лермонтов.

Столыпина Феоктиста Григорьевна, дочь Г.Д. и Н.А. Столыпиных, родилась в 1817 году, умерла в младенчестве.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), великий русский полководец, генералиссимус.

Тархов Иван Афанасьевич, надворный советник, чембарский уездный предводитель дворянства в 1810–1815 годах, помещик села Калдусы в Чембарском уезде.

Тархова Надежда Степановна, жена И.А. Тархова.

Тик Иоганн Людвиг (1773–1853), немецкий писатель–романтик, автор книги «Об искусстве и художниках» в соавторстве в В. Г. Вакенродером.

Тищенко Пётр Герасимович (1768–?), подполковник, в 1795–1797 годах генерал–адъютант А.В. Суворова.

Толузаков Алексей Афанасьевич (1784–?), священник церквей села Тарханы в 1817–1841 годах, выпускник Пензенской духовной семинарии, рукоположён в 1808 году, вероятно, давал М.Ю. Лермонтову уроки Закона Божьего и русского языка.

Толузаков Иван Алексеевич (1814–?), младший сын А.А. Толузакова.

Толузаков Павел Алексеевич (1812–?), старший сын А.А. Толузакова.

Толь Фёдор Николаевич, генерал–майор, в чьём доме у Красных ворот в Москве родился М.Ю. Лермонтов.

Трифонов Василий, священник Никольской церкви в Чембаре.
Усков Алексей Прокофьевич (1824–1831), сын П.Ф. Ускова, крестник М.Ю. Лермонтова.
Усков Прокофий Федотович, дворовый Е.А. Арсеньевой, писарь 1–го эскадрона конного полка Пензенского ополчения в 1813–1814 годах, служил в Тарханах писарем около 30 лет.
Фарио Анж–Франсуа (псевдоним Сент–Анж, 1747–1810), французский поэт, переводчик римских классиков, профессор Сорбонны и член Французской академии.
Федосья Прокофьевна, дворовая М.Я. Давыдовой.
Филипп III Испанский (1598–1621), король Испании в 1598–1621 годах.
Фонвизин Михаил Александрович (1787–1854), генерал–майор, герой Отечественной войны 1812 года, декабрист, философ, в 1826–1853 годах — на каторге и поселении в Сибири, затем жил под надзором полиции и умер в имении Марьино, ныне в черте г. Бронницы Московской области.
Фролов Фёдор Ефимович (1812–после 1862), крепостной Е.А. Арсеньевой, живший в Тарханах на улице Овсянке рядом с Шубениными.
Хастатов Аким Акимович (1807–около 1883), сын А.В. и Е.А. Хастатовых, в 1828–1832 и 1835–1837 годах служил в лейб–гвардии Семёновском полку, участник Кавказской войны, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова, с которым встречался на Кавказе, в Тарханах, Апалихе и Царском Селе.
Хастатов Аким Васильевич (1756–1809), генерал–майор, участник русско–турецкой войны 1787–1792 годов, генерал–адъютант А.В. Суворова, муж Е.А. Хастатовой, зять Е.А. Арсеньевой.
Хастатова Анна Акимовна, см. Петрова А.А.
Хастатова Екатерина Алексеевна (1775–1830), урождённая Столыпина, жена А.В. Хастатова, двоюродная бабушка М.Ю. Лермонтова, в домах которой на Северном Кавказе он жил в детстве во время лечения водами.
Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835), граф, поэт–графоман, чиновник, был женат на племяннице А.В. Суворова и состоял при нём в 1795–1797 годах в Тульчине в чине полковника, в 1797–1803 годах обер–прокурор Священного Синода.
Хотяинцев Фёдор Васильевич, коллежский асессор, друг М.В. Арсеньева, крёстный отец М.Ю. Лермонтова.
Чичагов Павел Васильевич (1767–1849), русский адмирал, морской министр Российской империи в 1802–1809 годах (официально до 1811 года), после переправы Наполеона через Березину обвинён (не вполне справедливо) в неспособности преградить неприятелю путь к отступлению, с 1813 года жил в эмиграции во Франции и Испании.
Шан–Гирей Аким (Еким) Павлович (1818–1883), троюродный брат и близкий друг М.Ю. Лермонтова с детства, учился с ним в Тарханах с 1825 года, в Москве с 1828 года и в Петербурге с 1834 года, живя у Е.А. Арсеньевой, выпускник артиллерийского училища, в 1842 году адъютант на-

чальника конной артиллерии И.А. Арнольди, в 1859–1860 годах жил в Апалихе, где написал воспоминания о М.Ю. Лермонтове, с 1865 года общественный деятель в Закавказье, муж Э.А. Клингенберг с 1851 года.

Шан–Гирей Алексей Павлович (1821-1871), троюродный брат М.Ю. Лермонтова, сын П.П. и М.А. Шан-Гиреев, учился в артиллерийском училище, затем служил в Нижегородском драгунском полку, в отставку вышел в чине полковника; у него хранилась Маскарадная книга, куда М.Ю. Лермонтов записал новогодние мадригалы на 1831 год.

Шан–Гирей Екатерина Павловна (1823–?), в замужестве Веселовская, дочь П.П. и М.А. Шан–Гиреев, троюродная сестра М.Ю. Лермонтова, фрейлина, у неё хранилась рукопись его повести «Вадим».

Шан-Гирей Николай Павлович (1828-?), сын П.П. и М.А. Шан-Гиреев, образование получил в частном учебном заведении, затем в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, служил в Нижегородском драгунском полку, вышел в отставку в 1859 году в чине штабс-капитана и проживал в имении своей жены в Макарьевском уезде Нижегородской губернии.

Шан–Гирей Мария Акимовна (1795–1845), урождённая Хастатова, дочь Е.А. Хастатовой, племянница Е.А. Арсеньевой, жена П.П. Шан–Гирея, подруга М.М. Лермонтовой, двоюродная тётя М.Ю. Лермонтова, сыгравшая большую роль в его воспитании и духовном развитии.

Шан–Гирей Михаил Павлович, сын П.П. и М.А. Шан–Гиреев, родился около 1825 года, умер в младенчестве.

Шан–Гирей Павел Петрович (1795–1864), штабс–капитан в отставке, участник Кавказской войны под началом А.П. Ермолова, муж М.А. Шан–Гирей, М.Ю. Лермонтов знал и любил его с детства.

Шан–Гирей Пётр Павлович, сын П.П. и М.А. Шан–Гирей, родился в 1818 году, умер в младенчестве не ранее июня 1819 года.

Шекспир Уильям (1564–1616), великий английский драматург и поэт.

Шерабаев Андрей Ефимович (1821–до 1822), дворовый Е.А. Арсеньевой, сын Е.Я. Шерабаева, крестник М.Ю. Лермонтова.

Шерабаев Денис Ефимович (1826–?), дворовый Е.А. Арсеньевой, сын Е.Я. Шерабаева, крестник М.Ю. Лермонтова, сдан в рекруты в 1848 году.

Шерабаев Ефим Яковлевич (1790–после 1850), дворовый Е.А. Арсеньевой, кучер.

Шерабаева Екатерина Абрамовна (около 1802–после 1850), дворовая Е.А. Арсеньевой, дочь А.Ф. Соколова, с 1818 года — жена Е.Я. Шерабаева.

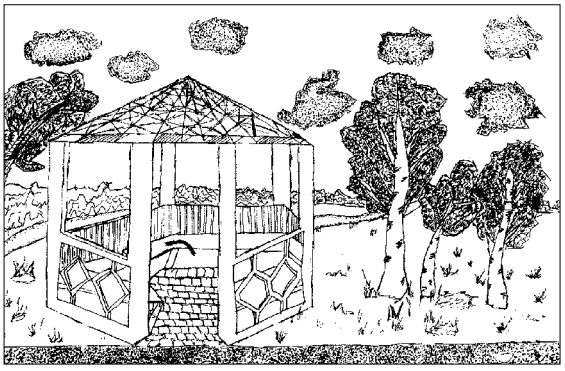
Шубенин (Кормилицын) Василий Иванович (1818–1905), младший сын Л.А. Шубениной, друг детства М.Ю. Лермонтова.

Шубенин (Кормилицын) Степан Иванович (1807–после 1883), крепостной Е.А. Арсеньевой, старший сын Л.А. и И.В. Шубениных.

Шубенин Ефим Васильевич (✝ до 1817), крепостной Е.А. Арсеньевой, старший брат И.В. Шубенина, имевший с ним общее хозяйство.

Шубенин Иван Васильевич (1786–1828), крепостной Е.А. Арсеньевой, муж Л.А. Шубениной.

Шубенин Иван Фёдорович (1782–?), крепостной Е.А. Арсеньевой, участник 1–го Пензенского ополчения в 1812–1814 годах, воин 1–го пехотного казачьего полка.
Шубенина Анна Ивановна (1812–?), крепостная Е.А. Арсеньевой, дочь Л.А. и И.В. Шубениных.
Шубенина Анна Никитична (1772–?), крепостная Е.А. Арсеньевой, вдова Е.В. Шубенина.
Шубенина Лукерья Алексеевна (1786–1851), крепостная Е.А. Арсеньевой, кормилица М.Ю. Лермонтова.
Шубенина Марфа Петровна (1812–?), крепостная Е.А. Арсеньевой, жена С.И. Шубенина.
Шубенина Прасковья Ивановна (1810–?), крепостная Е.А. Арсеньевой, дочь Л.А. и И.В. Шубениных.
Шубенина Татьяна Ивановна (1814–1816), крепостная Е.А. Арсеньевой, дочь Л.А. и И.В. Шубениных, молочная сестра М.Ю. Лермонтова.
Шушеров Василий Фролович (1803–после 1850), дворовый Е.А. Арсеньевой, садовник.
Шушерова Дарья Фроловна, дворовая Е.А. Арсеньевой, сестра В.Ф. Шушерова.
Шушерова Евлампия Абрамовна (1805–после 1850), дворовая Е.А. Арсеньевой, дочь А.Ф. Соколова, с 1826 года жена В.Ф. Шушерова.
Юлия Ивановна, родственница Е.А. Столыпиной, проживавшая в её доме в 1816 году.
Юрьевы, братья, родственники и сверстники М.Ю. Лермонтова, учившиеся вместе с ним в Тарханах в 1820–1827 годах, возможно, один из них — Юрьев Николай Дмитриевич (1814–?), друг поэта, соученик по Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге в 1832–1834 годах, в 1834–1838 годах — офицер лейб–гвардии Драгунского полка, стоявшего под Новгородом.



Основная библиография

1. *Висковатый П.А.* Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Под. ред. Сосниной Е.Л. — М.: Гелиос АРВ, 2004.

2. *Воронцов И.В.* Поколенная роспись рода Лермонтовых. — М.: Типография «Новости», 2004.

3. *Вырыпаев П.А.* Лермонтов. Новые материалы к биографии. — Саратов: Приволжское книжное издательство, 1976.

4. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. — М.: Русская панорама, 2003.

5. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Захаров, 2005.

6. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений: в 10 томах. — М.: Воскресение, 2001.

7. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. Мануйлов В.А. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.

8. *Мануйлов В.А.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. — М.–Л.: Наука, 1964.

9. *Мельникова Т.М.* «И дышит непонятная святая прелесть в них…» / Рассказы о реликвиях Лермонтовского музея–заповедника «Тарханы». — Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1994.

10. *Нахапетов Б.А.* Ещё одно прикосновение к Лермонтову. — М.: Спутник, 2012.

11. *Нахапетов Б.А.* Медицинская карта М.Ю. Лермонтова. — М.: Гелиос АРВ, 2008.

12. *Селегей П.Е.* Заповедный Лермонтовский край. Путеводитель по Государственному музею–заповеднику М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1980.

13. *Фролов П.А.* Лермонтовские Тарханы. — Старый Оскол: Тонкие наукоёмкие технологии, 2005.

14. *Фролов П.А.* Создание и крушение семьи Лермонтовых. — Пенза, 2008.

Сериальные научные издания

15. Тарханский вестник. Выпуски 1–26. — Лермонтово Пензенской области: Государственный Лермонтовский музей–заповедник «Тарханы», 1991 …2013.

16. Московский Лермонтовский сборник. Выпуски 1–2. — М.: Известия, 2008, 2010.

Всероссийский конкурс юных художников
«Наш юный Лермонтов»

Конкурс проведён литературным объединением «Угреша» имени Я.В. Смелякова Московской областной организации Союза писателей России, благотворительным фондом «Наш город» (г. Дзержинский Московской области), Межрегиональным общественным объединением «Лермонтовское общество» и Государственным Лермонтовским музеем–заповедником «Тарханы» в апреле–ноябре 2013 года.

Конкурс продолжил традиции многолетнего благотворительного проекта «Наш любимый Пушкин», в ходе которого проведено три Всероссийских конкурса юных художников, семь выставок и изданы четыре художественно–документальные книги члена Союза писателей России ***Елены Николаевны Егоровой***: «Детство Александра Пушкина» (2011), «Волшебные места, где я живу душой» (2012), «Сказки няни Пушкина» (2012), «Наш влюблённый Пушкин» (2013). Проект стал победителем конкурса губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Организация досуга молодёжи».

Во Всероссийском конкурсе «Наш юный Лермонтов» участвовало 123 юных художника из Москвы, Московской области, Нижнего Новгорода, Елабуги, Чебоксар, Оренбурга, Липецка, с. Лермонтово Пензенской области и других населённых пунктов России. Ребята представили на конкурс 294 рисунка, 234 из которых включено в настоящее издание. Опубликовано также 11 работ двух внеконкурсных участников.

Выставка «Наш юный Лермонтов» в Библиотеке-читальне имени И.С. Тургенева. Автор книги Е.Н. Егорова с участниками проекта Алёной Четыриной, Полиной Мартыновой и Павлом Королёвым. Москва, 5 февраля 2014 г.

Самой активной школой стала ДХШ № 2 г. Елабуги (Татарстан). Специального приза самому активному педагогу удостоена преподаватель этой школы ***Васильева Наталия Васильевна***. Самыми успешными педагогами, воспитавшими по два победителя, стали ***Нургалиев Рафик Шагитович*** (директор ДХШ № 2 г. Елабуги), и ***Рогожин Михаил Александрович*** (АНО «Школа изобразительных искусств им. В.А. Огольцова», г. Дзержинский Московской обл.)

Главного приза конкурса была удостоена ***Анастасия Шухова***, которая является также победительницей всех конкурсов проекта «Наш любимый Пушкин» и самым юным кавалером памятной медали «Александр Пушкин». Двенадцать произведений Анастасии украсили переплёт, фронтиспис, страницы текста и цветные вклейки настоящего издания.

Вне конкурса в оформлении книги приняли участие 18–летняя ***Мария Царёва*** (г. Нижний Новгород), победительница двух конкурсов проекта «Наш любимый Пушкин», и 17–летний ***Павел Королёв*** (г. Раменское Московской области). Они удостоены благодарственных писем и специальных ценных призов.

Дипломы победителей и призёров получили 12 юных художников, дипломы лауреатов — 57, из них 14 участников удостоены специальных призов и 23 — поощрительных призов. Похвальными грамотами награждены 28 участников.

Анастасия Шухова
16 лет г. Москва

Победители и призёры конкурса

В номинации **«Графическая книжная иллюстрация»:**
1–е место — ***Антонова Анна, Бусыгина Галина, Глухова Диана***
2–е место — ***Архипова Алёна, Мережникова Анна***
3–е место — ***Юмагулова Ангелина***

В номинации **«Цветная книжная иллюстрация»**:
1–е место — ***Ирхина Влада, Сиделёва Валерия, Четырина Алёна***
2–е место — ***Пигаева Варвара***
3–е место — ***Муратова Эльвина, Халиуллина Алина.***

Специальных призов организаторов конкурса удостоены: *Белкин Никита, Белова Анастасия, Благодатский Илья, Голубикина Людмила, Данилова Софья, Дубровская Елизавета, Евдокимова Алёна, Карпова Анастасия, Козлова Алёна, Кондрашова Анастасия, Мартынова Полина, Орлов Алексей, Ткачёва Анастасия, Юмшанова Анна.*

Специальный ценный приз за оригинальные цветные иллюстрации присуждён также *Антоновой Анне*, победительнице конкурса в номинации «Графическая книжная иллюстрация».

Поощрительный приз самому юному участнику получил пятилетний *Сергей Сахаров* (пос. Белоозёрский Московской области).

Четырина Алёна
Дзержинский
Московской обл.
14 лет

Бусыгина Галина
Елабуга
15 лет

Ирхина Влада
Нижний Новгород
15 лет

Сиделёва Валерия
Дзержинский
Московской обл.
14 лет

Антонова Анна
Чебоксары
15 лет

Глухова Диана
Елабуга
15 лет

Архипова Алёна
Оренбург
15 лет

Мережникова Анна
Оренбург, 15 лет

Пигаева Варвара
Нижний Новгород
10 лет

Муратова Эльвина
Елабуга, 13 лет

Халиуллина Алина
Елабуга, 14 лет

Юмагулова Ангелина
Оренбург, 15 лет

Юные авторы иллюстраций

На переплёте: *Шухова Анастасия,* 16 лет

На страницах текста:
Азямова Александра, 15 лет — 79, 123
Антонова Анна, 15 лет — 67, 69, 88, 137, 149, 154, 185
Архипова Алёна, 15 лет — 6, 93, 168, 174, 189, 229
Белкин Никита, 15 лет — 35, 36, 219
Бусыгина Галина, 15 лет — 9, 22, 132, 178, 193; виньетки: 24, 81, 98, 165, 196, 219, 235
Глухова Диана, 15 лет — 18, 33, 45, 135, 160; виньетки: 11,18, 47, 64, 142, 150, 159, 172, 282
Дубровская Елизавета, 14 лет — 146, 195, 241
Карпова Анастасия, 10 лет — 27 верх., 82, 105
Козлова Алёна, 11 лет — 34, 59, 83, 255
Кондрашова Анастасия, 14 лет — 41, 206, 270
Королёв Павел, 17 лет — 1, 81, 107, 109, 139, 141, 236
Мережникова Анна, 15 лет — 53, 182, 212, 215
Орлов Алексей, 13 лет — 43, 77
Шичинов Дмитрий, 10 лет — 61, 111
Шухова Анастасия, 16 лет — 2, 3, 25, 202, 222, 238, 239
Юмагулова Ангелина, 13 лет — 26, 30, 169

Аненко Марина, 15 лет — 54
Ахмедова Валерия, 9 лет — 63
Базаров Рамиз, 10 лет — 80
Благодатский Илья, 9 лет — 103
Блохин Тимур, 13 лет — 253
Бондарь Егор, 11 лет — 50
Васильева Эвелина, 11 лет — 71
Волженкина Вера, 11 лет — 5
Габтунурова Гузель, 14 лет — 65
Галошева Анна, 15 лет — 204
Голубикина Людмила, 14 лет — 120
Данилова Софья, 13 лет — 27 ниж.
Ерыгина Ирина, 13 лет — 258
Захарова Ксения, 13 лет — 16
Капралова Елизавета, 15 лет — 32
Катькина Любовь, 14 лет — 94
Макеева Марина, 12 лет — 86
Мартынова Мария, 12 лет — 156
Мартынова Полина, 12 лет — 245
Мотова Кристина, 14 лет — 100
Мусина Камилла, 9 лет — 11
Овечкина Анастасия, 11 лет — 129
Ролдугин Платон, 13 лет — 260
Сахарова Александра, 14 лет — 237
Сахарова Елена, 11 лет — 262
Тихомиров Илья, 13 лет — 281
Ткачёва Анастасия, 13 лет — 31
Царёва Мария, 18 лет — 234
Шаймухаметова Аделя, 14 лет — 70
Шишкова Дарья, 9 лет — 113
Якимова Екатерина, 12 лет — 97

Педагоги: Антонова Н.В., Арустамова Н.С., Васильева Н.В., Клюшина Н.В., Королёва О.П., Кострова Л.А., Лазарева А.С., Мурадова Л.Н., Нургалиев Р.Ш., Осминин М.А., Рогожин М.А., Синелёва Д.Д., Скурятина О.Н., Сулимова С.В., Тараканова К.В., Чиликина Е.М., Чуркина Е.В.

На страницах 138 и 233 воспроизведены автографы М.Ю. Лермонтова.

Содержание

На пути в Москву 5
Рождение 12
Раннее детство в Тарханах 19
Песня матери. 25
Печальные письма Сперанского 36
Тревожная весна 1817 года 48
В Пензе и на Кавказе 56
Первые шаги 65
Тарханские праздники 69
Отцовская жертва 75
Мишины шалости 82
Снова на Кавказе 89
Первые уроки. 99
Впечатления лета 1821 года 109
В Нижнеломовском монастыре. 114
Военные рассказы и игры 122
Царские торжества в Чембаре. 130
Дорожные рассказы о Суворове 139
Лето на Кавказских Водах 143
Первая любовь 151
Осенне–зимние забавы в Тарханах 158
В гостях у кормилицы 166
Синий шнурок. 173
В Васильевском и Кропотове. 180
Кропотовская любовь 190
Московские занятия 197
Зима в Первопрестольной 207
Каникулы в Тарханах 213
Поэма «Черкесы» 220
Поступление в Благородный пансион 227

Лермонтовские святыни. *Поэтический цикл*. 236

Послесловие автора 242

Словарь терминов, устаревших и редких слов 245
Упоминаемые топонимы 253
Упоминаемые исторические лица 263
Основная библиография 282
Всероссийский конкурс юных художников «Наш юный Лермонтов» 283
Юные авторы иллюстраций 286

Елена Николаевна Егорова

Детство и отрочество Михаила Лермонтова

Ответственный редактор: *А.А. Сахаров*
Научные консультанты: *С.А. Бойко, Т.Н. Кольян, А.А. Сахаров*
Технические редакторы: *В.Н. Киселёва, Е.Н. Егорова*
Корректор: *О.С. Бахтиярова*
Оформление переплёта: *А.В. Шухова*
Дизайн издания: *Е.Н. Егорова*

Дизайн виньетки–разделителя «Три пёрышка» выполнен Е.Н. Егоровой на основе рисунка А.В. Шуховой. Виньетка на с. 226 выполнена Р.Ш. Нургалиевым

Благотворительный фонд содействия социальной помощи и защиты нуждающихся жителей города Дзержинский «Наш город»
140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Лесная, 18.
Тел./факс 550–63–40

Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова Московской областной организации Союза писателей России
121069, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр. 1.
http://www.lito–ugresha.narod.ru; lito_ugresha@mail.ru

Межрегиональное общественное объединение «Лермонтовское общество»
440026, г. Пенза, ул. Белинского, 10. Московский филиал:
lermont_moscow@mail.ru

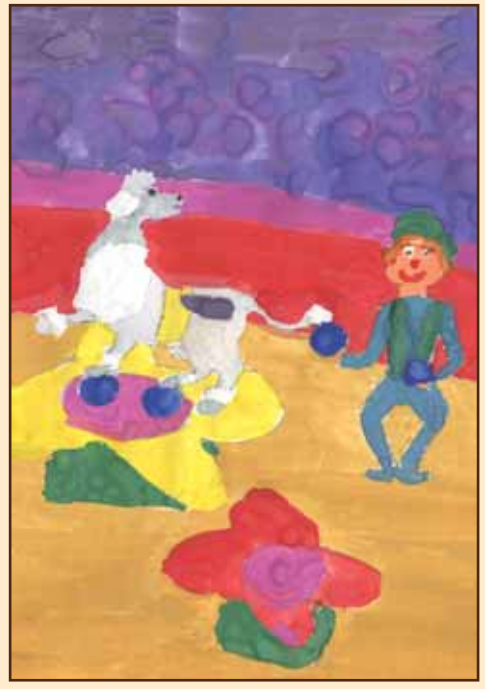
Сдано в набор 1.12.2013. Подписано в печать 25.02.2014
Формат 70x100/16. Гарнитура Bookman. Печ. л. 18. Тираж 2500 экз.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (49638) 2–10–23, (495)745–84–28.
http://www.oaompk.ru, oaompk@oaompk.ru.
Заказ №

ISBN 978-5-9903866-6-2

Антонова Мария. 8 лет
Девочка на шаре

Бондарь Денис. 7 лет
Цирковой петух



Самарина Софья. 8 лет
Клоун с пуделем в балагане

Ворчук Олег. 7 лет
Акробаты в Нижнем Ломове

Михайлова Ольга. 7 лет
Тигрик и Трезорка на мосту в Середникове

Самарина Софья. 8 лет
Кони у Антонова озера